АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ

1985

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

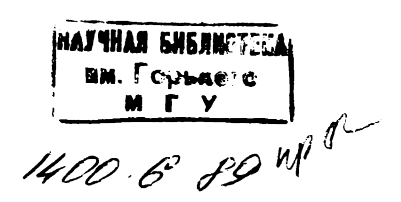
Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
О. Н. ТРУБАЧЕВ

МОСКВА
«НАУКА»
1988

ББК 81
Э90

Рецензенты:
кандидаты филологических наук
Л. В. Вялкина, *Л. С. Левитская*

Редакционная коллегия:
Ж. Ж. Варбот (ответственный секретарь), *Л. А. Гиндин*, *Г. А. Климов*, *В. А. Меркулова*, *В. Н. Топоров*, *О. Н. Трубачев*



Э90 **Этимология.** 1985: Сб. статей/Ин-т рус. яз. АН СССР; Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1988.—200 с.
ISBN 5—02—010884—7

Очередной том ежегодника содержит работы советских и зарубежных исследователей по этимологии русской, славянской, индоевропейской, картвельской, угро-финской лексики. К ним примыкают исследования по истории слов. Значительное место принадлежит статьям, посвященным ономастике. В критико-библиографический отдел тома входят рецензии на публикации 1982—1984 гг. в области этимологии и ономастики.

Для языковедов широкого профиля, историков, этнографов.

Э $\frac{4602000000—400}{042(02)—88}$ 318—88—III **ББК 81**

ISBN 5—02—010884—7

© **Издательство «Наука», 1988**

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

ПРАСЛАВЯНСКАЯ ОНОМАСТИКА В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ, ВЫПУСКИ 1—13

Настоящие заметки посвящены краткому обзору сделанного в области ономастики в праславянском словарном составе в рамках готовой части ЭССЯ — от А до К (выпуски 1—13), т. е. неполностью. Эта неоконченность словаря накладывает, безусловно, ограничения на возможную общую картину. Однако уже сейчас возможны не только отдельные конкретные, но и некоторые общие наблюдения. Примером одного из последних может послужить решение вопроса об антитезе и м я н а р и ц а т е л ь н о е — и м я с о б с т в е н н о е: «. . . для праславянской лексикографии, в частности для нашего ЭССЯ, она [антитеза. — *О. Т.*] во многом снимается. Речь идет об эпохе или эпохах, когда исконнославянская ономастика (топонимия, особенно — антропонимия) еще не образует четкой антитезы, оппозиции, противостояния в отношении к апеллятивному лексикону (сейчас это остаточно сохраняется только в микротопонимии), и это типологически очень интересно. Ведь известно, скольких терзаний стоит упомянутая антитеза лексикографии собственно русского языка. Сказанное делает понятной практику нашего ЭССЯ — давать имя собственное (личное, местное, водное, племенное) с малой, строчной буквы: **bělъgordъ*, **čamyslъ*, **dorgobǫdjь*. Это отвечает их формальной постановке в ряд с апеллятивами, из которых они образованы»[1].

Для нашего ЭССЯ характерно довольно широкое включение ономастики в качестве заглавных слов словарных статей; в словарях Миклошича и Бернекера это встречается крайне редко или полностью отсутствует. Довольно непоследователен здесь и новый «Słownik prasłowiański» (Краков). В русском этимологическом словаре Фасмера в особые словарные статьи выделены ономы, обладающие этимологическими сюжетами (по мнению автора) и литературой. В качестве свободной аналогии укажу на то, что латинские этимологические словари Вальде—Хофмана и Эрну—Мейе трактуют лишь единичные собственные имена [2].

Сейчас, оглядываясь на свою работу над ЭССЯ в области ономастики, можно сказать, что она могла бы быть еще полнее и последовательнее в духе заявленных нами выше принципов,

и ономастических словарных статей у нас могло бы быть больше, хотя в целом, кажется, что их довольно много, сравнивая с нашими предшественниками. Дело в том, что наше сознание чисто апеллативного происхождения ряда гидронимов и топонимов в славянских языках приводило к их подчиненной трактовке внутри словарной статьи как ономастического употребления апеллативных слов, хотя это ономастическое употребление может быть тоже древним. Вот почему мы несколько увереннее давали в виде отдельных словарных статей иноязычные включения или более своеобразные славянские гидронимы и топонимы: **bara* (ср. иллир. *Metu-baris*, междуречье Савы и Дравы, *Колу-бара*, приток Савы), **bobrava*, **dunajь*/**dunavъ*, **dъněprъ*, **dъněstrъ*, **jьbrъ*, **berzьno*, **bělověža*, **bělъ gordъ*, **bělьsko*/**bělьskъ*, **bobrujьskъ*, **čьrtoryjь*, **kan'evъ* (с его балканскославянско-украинской изоглоссой), **koporyje* (русск. *Копорье*), **kyjevъ*/**kyjevo*. Словообразовательное своеобразие этих отапеллативных случаев позволило увидеть в них еще праславянские ономы. Особняком стоит случай **kuna* II со значениями 'столб; колода; оковы' и т. п., апеллатив, собственно, субстантивация старого, несохранившегося причастия страдательного прошедшего **kunъ* < и.-е. **kou̯no-* 'вбитый, забитый (sc. lic. кол)' от **kovati*, — апеллатив, который позволяет понять индоевропейские топонимы, названия городов как 'огороженных частоколом' — лит. *Kaũnas*, а также Καῦνος в Карии и на Крите, для которых в этих языках (во всяком случае — в литовском) не сохранилось *-n*-овых причастий.

Как отмечалось, особенно зыбкой представляется граница между апеллативом и микротопонимом, ср. **dorъ*, **garь*, **glinišče*, **jьzrojь*, **jьzvorъ*, **kališče*, что выразилось в латентной трактовке последних как оном внутри словарных статей. Ср. также отношение имен собственных (в том числе — личных) и апеллативов в случаях **dorgomilъ*, **gorazdъ*, **jьzborъ*, **koldorǫbъ*, **konotopъ*.

Далее, из ономастического содержания ЭССЯ следует назвать словарные статьи, посвященные ономам, которые занимают в праславянской ономастике как бы промежуточное положение и тяготеют прежде всего к антропонимам — либо по своему типу, либо по происхождению. Их немного; это теоним **dadjьbogъ*/**dabogъ*. Следующий затем разряд — этнонимы — в своей сущности являются антропонимами — именами и прозвищами людей — как исконнославянского образования (**drъgъvitji* 'жители болот'), так и иноязычного происхождения (**dudlěbi*, **xъrvati*, включая экзотический этноним **jьspolinъ*). Продуктом древнего славянско-неславянского языкового контактирования может считаться этноним **čexъ*, **česi*, если он калькирует семантику кельтского племенного имени *Boii* — 'бойцы, рубаки' (во всех таких случаях, называемых нами здесь со всей краткостью, мы отсылаем интересующихся более полной информацией к статьям нашего ЭССЯ). Примыкают, с одной стороны — к этнонимам, а с другой —

к антропонимам, групповые прозвища людей, специально выделенные у нас в словарные статьи: *kozojědъ, *kozolupъ, сохранившиеся в местных названиях, и *xlěbojědъ, любопытное как культурно маркированное прозвище. Особых комментариев не требуют прозвища животных, в общем редкие в нашем материале, но зато представленные очевидно еще праславянской моделью на -ul'a (*květul'a, *krasul'a и — за рамками готовой части ЭССЯ — *pisul'a), клички коров по масти.

Мы подходим к той части потенциально праславянской ономастики, которая в ходе работы оказалась основной, будучи представлена наибольшим количеством специальных статей ЭССЯ. Это антропонимы, личные имена собственные. Не хочу утверждать, что ЭССЯ дает здесь исчерпывающий материал, поскольку некоторые новые публикации, как например по хорватским антропонимам IX—XI вв., уже показывают возможность включения в праславянский антропономастикон имен *bol'eněgъ или *bol'eněga, также других с компонентом něg-, с компонентом *čьrn- [3]. Конечно, в этих древних дипломатических документах отражено, по-видимому, также немалое количество узко локальных антропонимов, так сказать, ἅπαξ εἰρημένα.

Антропонимия оказывается основным разделом ономастики, а также важнейшим материалом при исследовании вопроса о лингвистическом отражении истории культуры, что может пояснить нашу мысль о совмещении наблюдений над праславянской ономастикой с заметками о языковом отражении культурной истории. Если мне зададут вопрос о том, какие своеобразные отражения нашла история культуры в праславянской лексике и семантике, в языке, я теперь подумаю в первую очередь не о следах доземледельческих значений (следы доземледельческого термина для семени) и реликтах экономики собирательства (этимологическая связь *grab(r)ъ и *grabiti), не о смене индоевропейского названия бороны новым, славянским, не о понятиях, связанных с общинным выпасом скота и не о традиционных единицах счета, запечатленных в языке; даже не о том, наконец, важном обстоятельстве, что отраженный в языке «деревянный» характер древней народной культуры славян (присущий им, как и другим древним жителям умеренной зоны Европы) самобытно сочетался у них с умением закалять металл, производить сталь науклаживанием полос металла и знакомством с металлургической домной, с широко распространенным обычаем жить в землянках, но иметь наряду с ними и отличные функционально, а также, по-видимому, идеологически маркированные — «высокие дома», храмы, хотя, разумеется, для полного и пространного ответа на вышеупомянутый вопрос мне пришлось бы вспомнить и привести все это и многое другое. В частности (выходя за рамки проэтимологизированного словарного состава от А до К), можно вспомнить, например, то, что наш язык и его культурная терминология, как бы далеко они ни ушли в своем развитии, никогда ничем не смогут заменить таких слов, созданных еще языком и культурой пра-

славян, как _наука_, _завод_, _станок_, _самолет_ (причем в принципе не так уж важно, что _*nauka_ первоначально значило, скорее, 'обучение', _*zavodъ_ — 'занятие', 'разведение', _*stanъkъ_ обозначал преимущественно ткацкий стан, а _*samoletъ_ принадлежал к понятиям мифологии).

Но ни древний обряд остриженuя волос у подростков, отпечатавшийся в словах _*xolpъ_, _*xolstъ_, _*xolkъ_, _*xoliti_, ни зафиксированные славянской лексикой разные виды клятв (_*klętva_, _*prisęga_, _*rota_, соответственно — 'коленопреклонение', 'касание рукой', 'изречение, формула'), ни древнее отсутствие своего особого термина (а, значит, и института?) юридического свидетеля и ни многое другое в таком роде приходят в голову в первую очередь, в качестве наиболее яркого проявления языка в его роли отражателя древних культурных стадий. Ответ на вопрос о таком искомом отражателе наиболее, быть может, органических связей языка и культуры способно дать, по-видимому, в первую очередь углубленное изучение эволюции позиции имени собственного в языке и культуре. Именно так — в языке и культуре неразделъно одном от другого, потому что в проблеме имени собственного делается зыбкой или вовсе утрачивается грань, отделяющая и противопоставляющая язык и культуру, что дает нам право в проблеме имени собственного, проблеме лингвистической, ономастической, искать и видеть, быть может, наиболее эффективный способ ответа на вопрос об отражении истории культуры в языке. Человеку, в конечном счете, интересен больше всего сам человек, что объясняет особое положение антропонимии как квинтэссенции имени собственного, а в нашем случае позволяет из всей совокупности ономастики выделить личные имена собственные людей. Но сначала сам материал ЭССЯ от А до К. Там содержится — главным образом в виде заглавных форм — 115—116 личных имен собственных, предположительно относимых к праславянскому периоду, хотя и распространенных довольно неравномерно по славянскому ареалу (особенно много в старочешском и в сербохорватском): _*bezbirъ_, _*bezdarъ_, _*bezdědъ_, _*bezdrъvъ_, _*bezmirъ_, _*bezobpašь_, _*bezrędъ_, _*bezstryjь_, _*bezstudъ_, _*bezujь_, _*bělovoldъ_, _*bivojь_, _*bobrъkъ_, _*bogodanъ/*bogъdanъ_, _*bogomilъ/*bogumilъ_, _*boguxvalъ_, _*boguslavъ/*bogoslavъ_, _*bojeslavъ_, _*bojьmirъ_, _*bolgǫtъ_, _*bol'eborъ_, _*bol'ečajь_, _*bol'ečьstь_, _*bol'egostъ_, _*bol'emilъ_, _*bol'emьstь_, _*bol'eslavъ_, _*bol'esǫdъ_, _*boręta/*borętъ_, _*borigněvъ_, _*borislavъ_, _*borivojь_, _*bornimirъ_, _*bornislavъ_, _*bornisǫdъ_, _*božetěxъ_, _*bożęta_, _*brętjislavъ_, _*budimirъ_, _*budislavъ_, _*budivojь_, _*bъdigostь_, _*cětol'ubъ_, _*cětoradъ_, _*cětogněvъ_, _*cětomyslъ_, _*čagostь_, _*čamyslъ_, _*časlavъ_, _*čelomyjь_, _*čęstovojь_, _*čьstibogъ_, _*čьstiborъ_, _*čьstimirъ_, _*čьstiradъ_, _*dal'evojь_, _*daliborъ_, _*dalimilъ_, _*daniborъ_, _*dobrogostь_, _*dobromilъ_, _*dobromirъ_, _*dobromyslъ_, _*dobroslavъ_, _*dobrovitъ_, _*dobrovojь_, _*dobrožirъ_, _*dobrožiznъ_, _*domagojь_, _*domagostь_, _*domasědъ_, _*domažirъ_, _*dorgobǫdъ_, _*dorgomirъ_, _*dorgoslavъ_, _*gordislavъ_, _*gor'eslavъ/*gorislavъ_, _*gostęta_, _*gostislavъ_, _*gostomyslъ_, _*gъrdęta_, _*xodislavъ_, _*xodivojь_, _*xodota_, _*xornimirъ_,

**xornislavъ*, **xotęta*, **xotiborъ*, **xotibǫdъ*, **xotimirъ*, **xotimyslъ*, **xotislavъ*, **xotivojь*, **xvalęta*, **xvalibogъ*, **xvalibudъ*, **xvalimirъ*, **xvalislavъ*, **jarobojь*, **jarobudъ-/bǫdъ*, **jarogněvъ*, **jaroměrъ*, **jaropъlkъ*, **jaroslavъ*, **jьzborъ*, **jьzbygněvъ*, **jьzęslavъ*, **kazimirъ*, **kojęta*, **krěsimirъ*, **krěsislavъ*, **krěsomyslъ*, **kroměžirъ*, **kupislavъ*.

Очевидно, что в славянском продолжает (продолжала) функционировать двуосновная словообразовательная антропонимическая модель развитого индоевропейского со всеми главными ее отличиями — перестановка компонентов (**dorgobǫdъ* — **bǫdodorgъ*, ср. Ἀρχίππος — Ἱππάρχος), обратная контракция двуосновных в одноосновные: **gostęta* — **gostislavъ*) и др. Однако при этом удивительно практически полное отсутствие славянско-индоевропейских соответствий двуосновных антропонимов, что, видимо, привело выдающегося исследователя индоевропейской антропонимии Милевского к заключению: «. . . system słowiański jest najmniej zmechanizowany, najmłodszy»[4]. Однако было бы справедливо взглянуть на материал с другой стороны и увидеть в факте относительно свежего формирования славянской антропонимии проявление славянской языковой и культурной архаики, как и в том, что, по Милевскому, славянская антропонимия небогата, насчитывает около 220 лексических основ, как и балтийская (в сравнении с 1000 лексических основ греческой антропонимии, 900 — древнеиндийской, около 500 — германской, около 340 — кельтской [5]; равным образом бедность индоевропейской антропонимии латинского следует отнести к архаичности латинского языка и культуры).

Между славянской и индоевропейской двуосновной антропонимией можно лишь констатировать единичные полные совпадения на уровне семем, ср. **daliborъ/*dal'eborъ* и греч. Τηλέ-μαχος, собственно 'бьющийся издалека'. Вообще лексико-семантические реконструкции типа 'бьющийся издалека' или 'тот, чьи кони белые' весьма популярны в исследованиях по индоевропейским личным именам собственным такой структуры, что позволяет нам теперь обратиться к отношению а н т р о п о н и м — а п е л л а т и в. В праславянской антропонимии ЭССЯ от А до К представлено примерно 74 лексических основы (корня), в том числе: *bez-*, *běl-*, *bi-*, *bir-*, *bobr-*, *bog-*, *boj-*, *bol'e-*, *bolg-*, *bor-*, *bori-*, *borni-*, *bože-*, *bǫd-*, *brętji-*, *budi-/bud-*, *bъdi-*, *by-*, *čěto-*, *ča-/čaj-*, *čelo-*, *čęsto-*, *čьst-/čьsti-*, *dal'e-/dali-*, *dani-/dan-*, *dar-*, *děd-*, *dobro-*, *doma-*, *dorgo-*, *drъv-*, *ę-* (*jьzę-*), *gněv-*, *goj-*, *gordi-*, *gor'e-/gori-*, *gost-*, *gъrd-*, *xodi-/xod-*, *xorni-*, *xoti-*, *xval-/xvali-*, *jaro-*, *jьz-*, *kazi-*, *koj-*, *krěsi-/krěso-*, *kroměˇ-*, *kupi-*, *l'ub-*, *měr-*, *mil-*, *mir-*, *mysl-*, *my(ti)-*, *mьst-*, *obpaš-*, *pъlk-*, *rad-*, *ręd-*, *sěd-*, *slav-*, *sǫd-*, *stryj-*, *stud-*, *těx-*, *uj-*, *vit-*, *voj-*, *vold-*, *žir-*, *žizn-*. Все перечисленные выше корни и основы, действительно, принадлежат к славянской апеллативной лексике, что как будто подтверждает известный тезис о в т о р и ч н о с т и имен собственных. На XV Международном ономастическом конгрессе, центральной темой которого было «Собственное имя в языке

и обществе», был прочитан специальный доклад «Der Eigenname als sekundäre Benennung»[6]. Однако внимательное исследование обнаруживает более сложную картину отношений, ср. уже такой многозначительный сигнал, как то, что именные основы *čěto-* и *měr-* (выше) фактически не имеют дономастической, апеллативной стадии употребления. Можно, конечно, предположить, как это часто и делается, что эта обязательная апеллативная стадия была утрачена, сохранившись лишь в ономастике, не без оснований рассматриваемой как резерв этимологии и лексической реконструкции. Но тут приходит на помощь большинство остальных известных нам достаточно старых славянских антропонимов, которые составлены из достоверно апеллативных лексических основ и вместе с тем несут новое качество, поскольку являются тем, что можно назвать onomata tantum: сложения **čьstibogъ*, **čьstiborъ*, **čьstimirъ*, **čьstiradъ*, **dal'evojь*, **dal'eborъ*, **dalimilъ*, **daniborъ*, **gor'eslavъ*, **gostislavъ*, **xodislavъ*, **xornimirъ*, **xotimyslъ*, **xvalibogъ*, **jarobojь*, **jarogněvъ*, **jaroslavъ*, **jьzbygněvъ*, **jьzęslavъ*, **kazimirъ*, **krěsimirъ* и некоторые другие лишь формально допускают развертывание фраз типа 'тот, кто борется за честь', 'кто рад чести', 'кто воюет издалека', 'кто мил вдали', 'кто славен гостями', 'кто охраняет мир', resp. 'кто губит мир' (**kazimirъ*), ономастическим свертыванием которых эти имена якобы являются. На самом деле у этих антропонимов история другая, что доказывается практическим отсутствием у двуосновных имен, выделяемых нами в группу onomata tantum, идентичного исходного апеллативного сложения. Это означает, что перед нами чистые изначальные nomina propria, созданные в результате моментального однократного акта номинации (Namenprägung, name-coinage), для которого не потребовались предварительные акты апеллативного словосложения и синтаксического фразообразования. Это главное лингвистическое наблюдение данной работы направлено против излишне прямолинейных традиционных индоевропейских лексико-семантических реконструкций, например гомеровское ἐγχεσίμωρος, которое Шантрен, вслед за другими, читает как 'illustre grâce à sa lance', но характеризует вместе с тем как «inexplicable à l'intérieur du grec» (Chantraine 1—2, 311) — характеристика, которая дает повод увидеть здесь устойчивый эпитет на грани с nomen proprium и тоже — скорее акт word-coinage, чем свертывание пресловутого описательного оборота. Кроме того, всячески подчеркнуть и выделить явление Wortprägung, word-coinage при номинации кажется актуальным именно сейчас, когда популярная генеративистика, кажется, сильно преувеличивает феномен свертывания синтаксической фразы как основу всех слов и их значений.

Остается специально выделить культурную важность созревания в языке класса ономов и как их центра — антропонимов, необходимость правильного культурноисторического и лингвотипологического осмысления этого феномена.

Самый последний по времени очерк принципов одной из индоевропейских антропонимий, насколько я знаю, принадлежит Абаеву [7] — на материале осетинской антропонимии. Представляют интерес сформулированные там общие закономерности формирования любой антропонимии: вначале — на материале апеллятивной лексики своего языка, например, скифо-сарматская антропонимия; затем может наступить отрыв антропонимии от собственной апеллятивной лексики и заполнение ее иноязычными элементами, ср. позднейшие — русскую антропонимию с ее культурными заимствованиями — в основном греческими христианскими именами — и осетинскую антропонимию, насыщенную заимствованными тюркскими элементами.

Однако мы теперь знаем также о вероятности вхождения в скифо-сарматскую антропонимию, помимо исконно иранского апеллятивного состава, также ряда иноязычных индоарийских включений (о чем я писал в других работах). Древняя славянская антропонимия, помимо своей исконной апеллятивной базы (см. выше), уже обнаруживает иноязычные элементы — герм. *pъlk-*, *měr-* и следы иранских влияний (сложения с *bog-*, с компаративом *bol'e-*, употребленным в духе иранских аналогий). Уже высказывались соображения о формировании основного корпуса праславянской антропонимии в скифское время, чем объясняется ее чуткость именно к скифским влияниям (около середины I тыс. до н. э.). Между скифо-сарматской и праславянской антропонимиями остаются серьезные различия, взять хотя бы культурно-тематический набор апеллативных основ в каждой из них: в скифо-сарматских личных именах нашла отражение важность коневодства, ср. семь антропонимов от иран. *aspa-* 'конь, лошадь' [8]; в славянских антропонимах мы пока не нашли образований с коневодческой семантикой.

Но самое главное, что, пожалуй, объединяет праславянскую антропонимию лингвотипологически и культурноисторически с другими индоевропейскими антропонимиями, в частности — со скифо-сарматской, — это то, что развитые двуосновные антропонимы формировались, по-видимому, сразу как генуинные onomata tantum — из апеллативного лексического материала, но без предшествующей стадии двуосновных апеллативных сложений. Язык маркировал своим особым способом это важное культурно-историческое событие.

Примечания

1 *Трубачев О. Н.* Праславянская лексикография. — В кн.: Этимология. 1983. М., 1985, 17.

2 *Forssman B.* Etymologische Nachschlagewerke zum antiken Latein: Stand und Aufgaben. — In: Das Etymologische Wörterbuch. Frage der Konzeption und Gestaltung/Hrsg. von A. Bammesberger (= Eichstätter Beiträge, Bd. 8. Abteilung Sprache und Literatur). Regensburg, 1983, 62.

3 *Šimundić M.* Nepoznata i manje poznata hrvatska osobna imena IX., X. i XI. stoljeća. — Filologija, kn. 11. Zagreb, 1982—1983, 159 и сл.

[4] *Milewski T.* Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław etc., 1969, 216.
[5] Там же 11—13.
[6] *Fleischer W.* Der Eigenname als sekundäre Benennung. — XV. Internationaler Kongreß für Namenforschung. Karl-Marx-Universität, Leipzig, 13—17. Aug. 1984. Resümees der Vorträge und Mitteilungen, 5.
[7] *Абаев В. И.* Тюркские элементы в осетинской антропонимии. — В кн.: Теория и практика этимологических исследований. М., 1985, 23 и сл.
[8] *Milewski.* Op. cit., 161.

Л. В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ
(**-smegnǫti/-smęgnǫti, *marati, *o(ь)poka*)

**-smegnǫti/*-smęgnǫti*

В части славянских диалектов засвидетельствованы образования с корневой морфемой *smęg-*: др.-рус. *смаглыи* 'смуглый, темный, черный', *осмаӈѹти* 'почернеть', *прѣсмаӈгнути* 'высохнуть, запечься' (Срезневский III, 452; II, 730, 1693), рус. диал. *смяглый* 'смуглый', *пересмягнуть* 'о губах; обветреть, разболеться от воздуха, дорогой в поле, на охоте и покрыться смагою, гноеватой слизью', *осмягнуть* 'поблекнуть, завянуть, обветреть' (Даль[3] II, 1814; III, 207), блр. *засмягнуть* 'завянуть, высохнуть', чеш. *osmahlý* 'загорелый', словац. *zasmáhly* то же (Фасмер III, 695). Этот ряд соответствий дополняет словен. диал. *prismegniti* 'высохнуть (о растениях)' [1] с не совсем ясным корневым вокализмом: для *e* в корне одинаково возможно развитие из *ę* и *e*. Северно-славянские образования с назальным элементом в корне, с одной стороны, соотносятся со слав. **smaga* (ср. др.-рус. *смага* 'огонь, пламя; сухость, жар', словен. *smága* 'смуглая кожа', с.-хорв. *smag* 'слабость, головокружение от голода', чеш. *smaha*, *smáha* 'жар, зной, ожог' и т. д. — Фасмер II, 682; Skok III, 290) [2], а с другой стороны, для них допускается возможность чередования со *смуглый*. В ряду предполагаемых отношений **smęg-* : **smuga* : **smaga* наибольшие трудности вызывает корневой вокализм, не сводимый к какому-то одному типу чередований. И это обстоятельство побуждает усомниться в правильности традиционного сопоставления. При сближении слав. *smaga* с продолжениями основы **smuga* < и.-е. **smoug-* (ср. рус. *смуглый*, англос. *smocian*, *sméocan* 'дымиться', англ. *smoke* 'дымить', нов.-в.-нем. *schmauchen* 'дымить, курить' — Фасмер III, 683) корневое *a* объясняется влиянием семантически близкого глагола **pražiti* 'сушить, поджаривать', **pragnǫti* 'изнывать, жаждать', но такому объяснению, как отмечает Фасмер, мешает форма со ступенью чередования *o* -**smogorъ* с суф. *-orъ* [3]: ср. словен. *smogór*, *smogur* 'сучок, нарост на ветке; смоляной наплыв на ели; сыпь на лице' (Pleteršnik II, 520), с.-хорв. *smogor* 'лучина (сосновая или еловая)' (RJA XV, 755; Лика), хорв.-кайк. *smògur* 'сосна, рождественская елка'=*smogȍr*

'ель' (Skok III, 293), н.-луж. *smogoŕ* 'торф', польск. диал. *smogorz* то же (Варшавский словарь VI, 242), рус. диал. *смогарье* 'лучина; сосновые корни, с которыми ночью лучат рыбу', с другим суффиксом — *смоголь* 'смола' [4] и т. д. Родство слов *смага* и *смуглый* пытаются обосновать ссылками на отношение рус. *хмура* и *хмара* (Преображенский II, 340). Но в случае рус. *хмура* и *хмара* не может быть речи об особом чередовании нерегулярного типа, поскольку форма слав. **xmara* обязана контаминации **xmura* и **mara* (ЭССЯ 8, 42—43). Все эти обстоятельства создают непреодолимые препятствия на пути сближения слав. **smaga* и **smuga*. Не меньше затруднений связано с отождествлением **smuga* и **smęg-*; слав. **smuga* и соответствующие балтийские и германские образования не дают основания для реконструкции исходного назального элемента в корне [5]. Чтобы обосновать родство слав. **smaga* и **smęg-*, предполагают для **smęg-* развитие экспрессивной палатализации или контаминацию **smaga* и **mękъkъ*. Махек [6], следуя принципу семантического тождества, сопоставляет слав. **smaga* с нем. *schmachten* 'изнемогать от жары, жажды' (<и.-е. **smōg-* + *t*) и таким образом исключает родственные отношения между интересующими нас словами. Все эти сложные и малоправдоподобные объяснения снимаются, если предположить, что носовой гласный обязан своим происхождением вторичной назализации. Славянские языки знают немало примеров с развитием вторичного назального элемента в корне: ср. **snub-* : **snǫb-*, **struka* : **strǫkъ*, **strupъ* : *strǫpъ* и т. п.[7] С допущением вторичной назализации названные славянские слова получают закономерное объяснение как члены апофонического ряда *e* : *o* : *a*. Глаголу с исконным корневым *e* **-smegnǫti* соответствует имя с регулярным для этого типа образований вокализмом *-o* -**smogorъ*, на базе последнего складывается основа с долгим гласным — **smaga*. В словаре Махека (Machek² 559) для слав. *smaga* приводятся точные балтийские соответствия: лит. *smógos* 'сухость во рту, жажда', *smogóti* 'покрываться струпьями от жары, зноя', 'высушивать', mano lūpos nusmogojusios 'губы потрескались' (см. еще Fraenkel 848).

В свете всего сказанного можно с достаточной определенностью предполагать для праславянского языка этимологическое гнездо с чередующимися основами **smeg-* : **smog-* : **smaga*. Балтийские языки сохраняют лишь отдельные звенья этого ряда, а именно продолжения основы **smaga*.

**marati, *mariti*

Ареал слав. **marati* и **mariti*, функционирующих в основном с отрицанием *ne*, ограничен в основном южнославянскими языками: болг. (Геров) *мáрѭ, -иш, не марѭ* 'пренебрегать, нерадеть' с производным от него прилаг. *немарливый* 'нерадивый, неосторожный, небрежный, неосмотрительный' (Геров 3, 51, 262), макед. *немарен* 'невнимательный' (Конески I, 488), с.-хорв. сев.-зап. *marati*

(с XVII в., RJA VI, 469: Белостенец, Стулли с пометой «у кайкав. автора»), máriti, mârîm 'curare, заботиться, хлопотать' (с XV в., RJA VI, 477), чакав. *mõrĩt*, *mõrin* то же (Hraste—Šimunović 563), *mâriti se* то же[8], прилаг. *мàрљив* 'заботливый, diligens' (Вук), словен. *mârati* 'заботиться, наблюдать' (ср. *ne mara zanj*, *nič ne mara za kaj*), прилаг. *máren* 'пекущийся о своей чести; точный, внимательный, усердный', *nemáren* 'невнимательный, небрежный, неопрятный, гадкий, мерзкий' (Pleteršnik I, 551, 690). Ближайшее окружение образуют отглагольное имя **marъ* (с.-хорв. *mar* 'забота', словен. *mâr* то же), наречие со значением 'лучше, охотнее, предпочтительнее', представляемое словен. *mâr*, *mâri*, с.-хорв. *mar* (ср. Ca ću na slami ležat? Sad *mar* da sidim — RJA VI, 466—467), хорв. *mãr* bi spâ (Skok II, 375). Корневая морфема *mar-* участвует в образовании местоимений *màrsikaj* 'коечто, многое, разное', *màrsikdaj* 'иногда, часто' и т. д. Архаичное редуплицированное образование *мрӓморити* со значением 'заботиться' отмечено Вуком в песне: *Мрамори* ми претила ђогина / И даjи му бjелице шенице.

Всеми единодушно отвергается старое, принадлежащее Миклошичу объяснение ю.-слав. *mar-* из др.-в.-нем. *mâri*, *umâri*, др.-в.-нем. *moere*, *ummaere* 'нелюбимый, бесценный, безразличный' (Miklosich 183). Можно считать общепринятым истолкование южнославянских образований в рамках этимологического гнезда с и.-е. **(s)mer-* 'заботиться', т. е. в одном ряду с др.-инд. *smarati* 'помнить, думать', авест. *mara'ti*, *hišmara'ti* 'заметить, приметить', лат. *memor*, *memoria* 'память', др.-лит. *merëti* 'печалиться, грустить' (ср. Pokorny I, 969; Berneker II, 22; Skok II, 37; Bezlaj II, 166—167). Южнославянские глаголы рассматриваются исключительно в индоевропейском окружении без учета некоторых типов словообразовательно-морфонологических отношений, существенных для этимологизации глаголов этого типа. В славянских языках для ряда глаголов прослеживается параллелизм двух основ на *-iti* с корневым *o* и *ō*: ср. **toriti* — **tariti*, **zoriti* — *zariti* и т. д.[9] Есть все основания думать, что параллелизм того же типа объединяет слав. **mariti* и **moriti*. Параллельные основы с корневым *o* и *ō* являются хронологически различными образованиями: на базе исходной основы *moriti* с апофоническим *o* складывается новая основа с вторичным удлинением корневого гласного *mariti*. Для итератива на *-ati* не исключается производность от основы на *-iti* с огласовкой *o* (ср. **tariti* и производное от него польск. *tarzać*, *tarać*). Заметим, что генетическое единство с.-хорв. *marati* и *moriti* предполагается в Загребском словаре (RJA VI, 467; s. v. *mâr*), а др.-лит. *merëti*, традиционно рассматриваемое в ряду продолжений и.-е. **(s)mer-*, в словаре Френкеля определяется как родственное глаголу *mir̃ti* 'умирать' (Fraenkel 457).

Что касается семантической стороны, то разрыв между значениями 'умирать' и 'заботиться, хлопотать' вполне преодолим, если принять во внимание диал. словенские конструкции типа

mreti za čim, mreti po kom (*čim*) со значением 'сильно желать, тосковать, томиться' (Pleteršnik 1, 610). Значение 'заботиться, хлопотать' предстает как результат семантического перехода 'умирать' > 'сильно желать' > 'заботиться, хлопотать'. Сходным образом происходит становление значения др.-лит. *merëti* 'печалиться'. В этом же семантическом ряду получает объяснение польск. *marzyć* 'мечтать' < 'хлопотать'.

Слав. **marati/mariti* можно считать морфологической и семантической инновацией славянских языков.

**o(b)poka*

Обращаясь к рассмотрению слав. *o(b)poka*, мы хотим привлечь внимание к тем аспектам семантики, которые не были учтены при этимологизации этого слова. В недавних опытах этимологического изучения слав. **o(b)poka* (имеются в виду прежде всего этимологии А. Е. Супруна, Ж. Ж. Варбот, В. Борыся [10]) пересматривается и признается семантически необоснованной старая этимология Миклошича, согласно которой славянское слово с восстанавливаемым для него первоначальным значением 'каменный очаг' считается производным от глагола **ob-pekti* (Miklosich 235; ср. также Преображенский 653; Фасмер III, 145; Brückner 380; Skok II, 628). В новой версии упор делается на устойчивое употребление славянского слова в качестве обозначения известняка. Таким образом, в качестве основного, этимологически значимого принимается значение 'известняк', и из этого значения выводится, с одной стороны, значение 'меловая скала, камень', а с другой, 'материал для литейной формы' > 'литейная форма как рама'. Для более отдаленного, периферийного рус. *опока* 'иней' в работе А. Е. Супруна предполагается исходное значение 'мягкая, светлая (белая) горная порода'. При обосновании нового этимологического решения обращается внимание на параллелизм форм с корневым *o* и *u*: с одной стороны, ц.-слав. *опока* 'скала, камень', словен. *opoka* 'вид известняка', а с другой, с.-хорв. *opuka* 'черепица, кирпич', чеш. *opuka* 'известняк, камень, который легко крошится и основным элементом которого является глина, мергель', ст.-чеш. 'скала, утес', словац. *opuka* 'скала, состоящая из глины и известняка; известняк, смешанный с глиной и песком', укр. *опука* 'скала, камень, особенно из известняка'. Махек, исходя из данных чешского и словацкого языков, признавал древнейшей форму с корневым *u*- — *opuka* и связывал эту форму с глаголом *opukati*, предполагая развитие *o* в *opoka* по ассимиляции гласных (Machek[2] 416). Принимая это объяснение, А. Е. Супрун обращает внимание на глагол **pokati* (ср. блр. *покацца* 'трескаться, раскалываться') и его вариант с корневым *puk*- (ЭСБМ 1, 128—129), а В. Борысь, развивая эту идею, полагает, что семантика и структура славянских слов не мешает тому, чтобы произвести их от глаголов с корневыми *o*, *u*, *ǫ*, связанных между собой отношением вариантности, т. е. **pokati* : *pǫkati* : *pukati*. Слав.

o(b)roka этимологически толкуется как обозначение камня непрочного, легко разрушающегося. Совершенно новое осмысление морфологической структуры слав. **oroka* предложила Ж. Ж. Варбот: в составе этого имени вычленяется корневая морфема *or-* < и.-е. *ăp-* 'вода' (слав. **arьno/varьno*) и суф. *-oka*. Предполагается, что значение 'известняк' этимологически выражено как *'(находящийся) у воды', *'связанный с водой'. Такое понимание этимологического значения *oroka*, как считает Ж. Ж. Варбот, имеет не только естественно-научное обоснование (известняк является одной из горных осадочных пород, образование которых связано с разрушительным действием воды), но и мифологическое: скифское имя богини земли *Api* (ср. скиф. *āp-* 'вода') считается близкой аналогией этимологическому значению слав. *oroka* [11]. В одной из недавних работ В. В. Мартынова несколько иначе осмысляется отношение слав. *oroka* и иран. **apaka* (**ăp-* 'вода'): слав. *oroka* рассматривается как иранский ингредиент в праславянском [12].

Как видим, в новых этимологических решениях отталкиваются от обозначения горной породы, от свойств горной породы, именуемой словом **o(b)roka*. В поисках внутренней формы ориентиром служат, во-первых, физические свойства известняка (способность легко разрушаться), а во-вторых, условия образования этой горной породы (связь с водой).

Продолжения слав. **o(b)roka* семантически однородны. И хотя «горное» значение доминирует в славянских языках, все же оно не покрывает всей семантики этого слова: остаются еще некоторые специфические значения, слабо выраженные, сохранившиеся лишь в отдельных диалектах. Как правило, они не привлекают к себе должного внимания при этимологизации слав. **o(b)roka*. Подразумевается, что все то, что остается за вычетом «горного» значения, является поздней семантической инновацией отдельных славянских диалектов. А между тем именно эти «негорные» значения требуют к себе особого внимания, потому что в них заложены признаки, которые, как нам представляется, и мотивируют становление «горного» значения, ставшего основным для слав. **o(b)roka*. В наиболее полном виде семантику слав. **o(b)roka* представляют русские диалекты. В словаре В. И. Даля находим следующее описание этого слова: *опóка* — 'меловой известняк; известковый суглинок; белая сыроватая глина для обмазки щелей в избе; особ. мергель, глина для отливки чугуна, меди', арх. — мез. 'алебастр', 'мягкое и рыхлое вещество вообще, пушина', 'иней на деревьях, косматая изморозь', твер. 'ивень', ср. густая *опока* (на деревьях) к урожаю овса; *опоковая* калыпь, *опоковый* 'льяк, форма для отливки'. Для понимания внутренней формы этого слова особенно важно следующее описание: «*Опока* садится на деревья, когда отпустит, после сильных морозов: сырость воздуха мерзнет на промерзлом дереве, накипает, *опекает* его; вязкая глина, опока, пристает к сошнику и заступу, липнет или *опекает*. *Опочник* — *опóковый*, *опóчный* камень, мергель, торф» (Даль[2]

II, 681). Следовательно, *опока* — это не только камень, известняк, но и вязкая глина, иней, мягкое, рыхлое вещество — все то, что оседает, образует покрытие, внешний слой, отложение. При определенных атмосферных условиях, особенно при резком перепаде температуры, вода, содержащаяся в разных веществах, а также в воздухе, застывает, и в результате образуются наросты на поверхности, затвердевшее покрытие. В некоторых диалектах слово **o(b)poka* имеет еще одно значение — 'торф, торфяное болото': ср. рус. диал. *опочник*, кашуб.-словин. *opoka* 'болото, торфяник, преимущественно у моря' (Sychta III, 326). Значение 'торф' не противоречит общей исходной семантике слав. *o(b)poka* 'осадок, отложение, покрытие', напротив, оно согласуется с этой семантикой и определяется ею: по своей природе торф — это пласты плотно слежавшихся, сплетенных болотных растений, корней, моха (ср. рус. диал. название торфа — *коренник*, Даль[2] II, 163), это то, что затягивает, покрывает топкое, вязкое болото. Хотя вода и участвует в процессах, которые приводят к появлению разного рода отложений, все же, как нам представляется, не связь с водой определяет и мотивирует обозначение результатов атмосферных процессов. Анализ «негорных» значений слав. *o(b)poka* подтверждает правильность старой этимологии, принадлежащей Миклошичу: слав. *o(b)poka* мотивируется глаголом **pekti* в сочетании с приставкой *ob-* в значении 'вокруг, со всех сторон'. В известном смысле семантической параллелью к отношению слав. *o(b)poka* < *o(b)pek-* может служить рус. *накипать*, *накипеть* 'образоваться, скопляться от кипения; скопиться, осесть (от кипения)' и *накипь* 'что накипело, образовалось, отделилось от кипения; пена и клочья, все, что всплывает или слегка осаждается в жидкости; твердый песчаный осадок, кора, нарост; каменистые наросты в пещерах, от просачивающейся жидкости, сталактит. . .; железная гарь, шлак, окалина, которая скипается комьями в горну; снег, пристающий в сырую погоду комьями к полозьям; наледь, наслуд около ключа, родника', сиб. *накипень* 'лед бугром на роднике, наслуд, наслуз, намерзлые кочки, бугры' (Даль[2] II, 423).

Нельзя не отметить частичное совпадение семантики слав. **o(b)poka* и другого отглагольного имени с вокализмом *e* — **pektь*. Одно из значений имени **pektь* 'скала, камень' (ср. словен. *pȇč*) обычно связывают с тем, что первоначально печь имела форму очага, сложенного из камней. И такое объяснение вполне вероятно и допустимо. Но существует еще целый ряд значений, который, как и в случае с *o(b)poka*, вполне определенно мотивируется семантикой глагола **pekti*. Исходную семантическую базу образуют значения 'нечто запекшееся' > 'вздутие', 'покрытие', 'отложение в виде песка или камней'. Результатом такой семантической эволюции можно считать рус. диал. *опéчь* 'песчаная отмель в реке' (Элиасов 266), урал. *опéчек* 'грудка песка, камней, намытая рекой' (Сл. Сред. Урала II, 60) и 'возвышение дна до уровня воды в реке, подводный холм' (Иркутский словарь II, 90), *печина*

сланцевое жесткое дно в реке, где и якорь не забирает; уступ, припечек на дне реки, вдоль берега' (Даль[2] III, 109). Обращает на себя внимание тот факт, что среди топонимов и гидронимов сосуществуют однотипно построенные названия с корневыми *е* и *о*; ср. словен. гидр. *Opečnik*, с.-хорв. топ. *Opeka* при чеш. *Opočen*, словен. *Opoka*, *Vopoka*[13]. В какой-то степени показательно кашуб.-словин. прилаг. *zapėkovãni* 'о тусклом, туманном ореоле вокруг луны', ср. ʒis ksąžёc *zapėkovâni* (Sychta VII, 368).

Славянский материал дает основание предполагать, что наряду с основным обозначением известняка словом **o(b)poka*, являющимся праславянским новообразованием, существовало другое параллельное название *opuka/opǫka*, произведенное от глагола *pǫkati/pukati*. Это новое название, сложившееся не без влияния слав. **o(b)poka*, передает одну из наиболее заметных особенностей известняка — способность легко разрушаться.

Примечания

[1] Slovarski doneski iz brežiškega okraja. Nabral na Sromljah D. A. — Časopis za zgodovino in narodopisje, XI. Maribor, 1914, 164.

[2] Полное описание семантики *смага* в восточнославянских языках дано в книге Ф. П. Филина: *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972, 600—602. Слово *смага* связывается преимущественно с юго-западными диалектами русского языка.

[3] *Bajec A.* Besedotvorje slovenskega jezika. Ljubljana, 1950, 24.

[4] Картотека Псковского областного словаря. (Межкафедральный словарный кабинет филол. ф-та ЛГУ).

[5] Ср. *Sławski F.* Oboczność *ǫ: u* w językach słowiańskich. — SOc 18, 1947, 246—290.

[6] *Machek V.* Slavisch-germanische Wortpaare. — ZfslPh XXII, 1954, 119.

[7] *Brückner A.* *N*- und *U*-Doubletten im Slavischen. — KZ XLII, 1909, 364.

[8] *Koschat H.* Die čakavische Mundart von Baumgarten im Burgenland. Wien, 1978, 225.

[9] *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 36—37.

[10] *Супрун А. Е. Апока.* — Веснік БДУ 2 1970, 83—84; *Варбот Ж. Ж.* Указ. соч., 164—167; *Boryś W.* Prilozi sprskohrvatskoj etimologiji. — В кн.: Зборник за филологиjу и лингвистику. XXV/2. Нови сад, 1982, 12.

[11] Об этом же см. еще: *Варбот Ж. Ж.* Славянские этимологии. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, 28—30.

[12] *Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983, 55.

[13] *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena. II. Ljubljana, 1961, 61.

И. П. Петлева

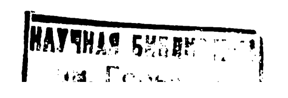
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XV

(блр. диал. *пугi*, укр. диал. *опугатъся*; блр. диал. *посиртухи;* рус. диал. *охрёмка*)

Блр. диал. *пугi*, укр. диал. *опугатъся*

Обращает на себя внимание белорусская диалектная лексема *пугi*, мн. ч., приводимая со значением 'расширение вен' [1]. Однако, исходя из иллюстративного примера (*Пугi* баляць, паглядзi на нагi), это значение следует уточнить, определив его как 'расширенные вены' или, скорее, 'утолщенные, вздувшиеся места на венах'. Белорусское слово еще не нашло отражения в этимологической литературе, а, между тем, оно, несомненно, представляет интерес как надежная параллель к рус. диал. *пу́га* 'гузка яйца, тупик, пятка' (южн.), 'кутуз, подушка, на которой плетут кружева' (сиб.) (Даль³ III, 1404), ибо, совпадая формально, они близки и в семантическом отношении, обозначая собственно 'утолщение, выпуклость' — ср. далее лтш. *pàuga* 'подушка, мягкая подкладка хомута', *paũgas* 'хомут', *paũgurs* 'холм, кряж', *pugulis* 'вздувшееся возвышение', др.-инд. *pūgas* 'куча, множество, толпа', *puñjas* 'куча, ком', греч. πῡγή 'зад' (Фасмер III, 399, с литературой). Сюда же, видимо, нужно присоединять и украинский диалектный глагол *опу́гатъся* 'одеться тепло, напялить на себя много' (Гринченко III, 61), т. е. 'так закутаться, что превратиться в шар, ком', который, очевидно, является отыменным, производным от *пуга*. Из славянских соответствий к *пуга* отмечают (см. Фасмер III, 400—401 с подробным этимологическим обзором) рус. *пуговица*, *пуговка*, стар. *пугвица*, др.-рус. *пугъвь*, *пугы*, род. п. *-ъве*, укр. *пуговиця*, с.-хорв.-ц.-слав. пѫгы, -ъве ροῖχος, словен. *pǫ̑gl̂ica* 'булавка, заколка', польск. диал. *pągwica* 'пуговица' и 'утолщение на шее у козы, зоб' (последнее значение, как видим, особенно близко приведенному выше белорусскому — 'утолщения на венах'), ср. еще рус. *пу́говина* 'горбок, холмик, возвышение вроде пуговицы' (Даль³ III, 1404). Что же касается мнения, высказанного в свое время Преображенским относительно этимологического тождества русского *пуга* 'тупой конец яйца', 'подушечка для вязания кружев' и рус. диал. *пуга* 'кнут' (южн., зап.), укр. и блр. пуга, др.-рус. *пуга* 'палка' (?), польск. *pęga* 'бич, кнут', то из-за значительных семантических расхождений сравниваемых слов, оно едва ли может быть поддержано.

Итак, выявление белорусского и украинского примеров позволяет расширить наши представления об ареале исследуемой лексемы, определив его как рус. диал. — блр. диал. (— укр. диал.).



Блр. диал. *посиртухи*

В словаре Н. Г. Владимирской «Полесская терминология ткачества» зафиксировано любопытное слово [*посиртухи*] *посыртухи* (мн. ч.), значение которого определено с помощью синонима *качёлка* — 'часть ткацкого станка — **вращающиеся** колесики, прикрепленные к верхней перекладине станка и регулирующие положение нитов', см. еще пример: *Качо́лки* на киjку́, а по *качо́лках* би́гаjуц' воло́чки, шнурки́[2]. Как видим, речь идет о **подвижной, вращающейся** детали, синонимичное название которой (*качелка*) также отражает идею движения (ср. *качать*; *катать*, *катить*). Видимо, именно этот признак как наиболее существенный мог лечь в основу и данного белорусского наименования *посиртухи* 'вращающиеся колесики'. В таком случае это слово, реконструируемое как **po-sьrt-uxa*, очевидно, должно рассматриваться в составе славянских лексем с корнем **sьrt-*, обозначающим движение и являющимся производным от индоевропейского корня **ser-* 'течь, двигаться' (Pokorny I, 909—910 без славянских соответствий на **sьrt-*). Ж. Варбот установила связь слав. **sьrt-* с и.-е. **ser-*, выявила целый ряд соответствующих примеров в сербохорватском (*s̏rtati* 'нестись, стремиться', 'нападать', 'бродить' и др.), болгарском диал. (*присрътам* 'медленно и тщательно делать что-либо' и др.), македонском диал. (*сртам* 'вглядываться, ожидать'), польском диал. (*siertać się* 'метаться, кидаться)', кашубском (*sřrnǫc* 'убежать') и русском диал. (*се́ртать* 'переступать с ноги на ногу...' и др.)[3]. Интересно отметить, что в русском в говорах Архангельской области выявлено сущ. *сертуха́* 'мелкий моросящий дождь', также возводимое к **sьrt-*[4] (ср. с.-хорв. *posŕnuti* 'потечь, устремиться') — **sьrt-uxa*, за исключением префикса, совпадающее по форме с белорусским словом (см. выше). Существенно, что в белорусском обнаружен и глагол с корнем **sьrt-* *сярто́ліцца* 'выполнять долгую и тяжелую работу' (диал.)[5], который был образован, видимо, следующим образом: **sьrtati* (?) → **sьrt-ol'a* → **sьrt-ol-iti* (*sę*). Следовательно, в конечном счете, исходным, как для существительного *(*po*)-*sьrt-uxa*, так и для глагола **sьrt-ol-iti* мог быть один и тот же глагол — **sьrtati* (?). Показательно, что болгарские примеры в семантическом отношении чрезвычайно близки белорусскому *сяртоліцца*: см. диал. *сртúм* 'тяжело, трудно работать', а также *сртéш*, *сртн'á* 'напряжение при работе, которая требует небольшую силу, но много времени и внимания', *сръ̀тн'аф* 'кропотливый', *сръ̀ткаф* 'медленный, кропотливый'[6].

Итак, белорусская диалектная лексема, реконструируемая как *(*po*)-*sьrt-uxa*, вместе с глаголом *сяртоліцца* (**sьrtoliti sę*) уточняют географию славянского **sьrt-*, демонстрируя его рефлексы на территории, где ранее они не отмечались.

Рус. диал. *охрёмка*

В Словаре русских говоров Новосибирской области приведено словосочетание *угол в охрёмку*, где встречается редкое сущ. *охрёмка* (Новосиб. словарь 551). Здесь же дается и значение этого сочетания — 'соединение углов, когда одно бревно кладется концом в выемку, вырубленную на другом бревне'. Слово *охрёмка*, в других словарях нам не встречавшееся, не получило этимологического объяснения. Однако исходя из самой реалии (речь идет о бревнах с вырубленными в них выемками, пазами), можно предполагать, что исследуемое слово должно иметь связь с каким-то глагольным корнем в значении 'рубить (колоть, резать и т. п.)'. На эту мысль наталкивает и встречающееся в Словаре Даля сущ. *охря́пка*, имеющее аналогичное значение: *рубка избы охряпкой* — 'скорый, но дурной способ: концы бревен стесываются с обеих сторон, затем каждое верхнее бревно врубается до головины в исподнее' (Даль[2] II, 774), ср. еще *охря́пка* : *в охря́пку* 'соединение бревен при постройке дома с помощью прямого паза в одном из бревен и выступа в другом' (Новосиб. словарь 368). *Охряпка* родственно глаголу с корнем *хряп-*, означающим разрушительное действие — 'ломать, рубить, портить (с определенным звуком — хрустом, треском)': *хря́пать* 'ломать, коверкать' (псков.), то же, что *хрустать* — 'с лёгким треском раздроблять что-л. зубами, хрупать' (тульск.) (Опыт 251), *хря́пнуть* 'переломиться с треском' (нижегор.) (Там же), *хря́пать* 'портить, разрывать что-либо' (Новосиб. словарь 573), *хряпа́ть* 'ломать бить', 'хрупать' (Иркут. словарь III, 110), *хря́пнуться* 'упасть, сильно ударившись' (Там же), *перехря́пать* 'переломать, размельчить' (псков., твер.), (Дополнение к Опыту 180). См. также *хряп* м. р. 'корм для свиней, приготовленный из мелко нарубленной травы' (Новосиб. словарь 573), *хря́па* 'верхние изрубленные капустные листы' (новгор., псков.) и др. (Опыт 251), *перехря́пки* м. мн. 'полубелая рубленая капуста', 'щепки, охропки' (псков., твер.) (Дополнение к Опыту 180) и др. Для семантического сопоставления с *охрёмка* интересно привлечь также рус. диал. *чёреп* 'треугольный паз в бревне или балке'. *Череп* выбираешь, чтоб потолок держали' (Новосиб. словарь 583), *чёреп* 'паз в бревне венца, куда входят торцы половиц или досок потолочного перекрытия' (Иркут. словарь III, 119), *череповой ряд* (*череповые бревна*) 'ряд брёвен верхнего венца в срубе, в которых выбираются пазы' (Приамурск. словарь 323).

Учитывая все вышесказанное, можно с осторожностью предположить, что, если *охрёмка* является авторитетной исконной формой, а не результатом субституции, то она сопоставима со словами, восходящими к корню **skrem-* (//**skrom-* и др.), индоевропейскому *(*s*)*ker-* 'резать', расширенному формантом *-m-* (Pokorny I, 938—945). Обычно отмечают такие континуанты ступени *(*s*)*krem-*, как в.-луж. *krjemić* 'дробить, крошить', словен. *kremsača* 'плохой топор', интенсивные глаголы на *-s-ati*, (**kremsati*): укр. *кремсати*

'обрубывать, обтёсывать', блр. *крэмсаць* 'ломать, рубить, высекать', словен. *krȩ̑msati*, слав. **kremy*, *-ene*, а также рус. диал. *кремь* 'часть засеки, где растет лучший строевой лес', *кремлевый* 'крепкий прочный', др.-рус. и рус. *кремль* и некоторые другие, о которых подробнее см. в нашей статье [7]. В ней же трактуются как связанные с *(*s*)*krem-* и такие, семантически достаточно близкие к *о-хрёмка* слова, как рус. новгор. *оскремёток* 'щепка', *оскремётки* 'куски льдин', псков. твер. *шкремётка* 'черепок', укр. диал. *шкремітки* 'мелкие обрезки и обломки меди, остающиеся при выделке различных медных вещей', а также чеш. диал. *křamáky* 'старые зубы' (ср. *křamák* 'кремешок'), *křamnút* 'куснуть', *křámat* 'грызть, кусать что-либо твердое (орех, яблоко)' [8]. С перечисленными чешскими примерами, возможно, следует соотносить и русский диалектный глагол *охремя́чить* 'съесть с жадностью, без остатка' (Сл. Сред. Урала III, 100), хотя для него нельзя исключить и звукоподражательное происхождение. В данном случае существенно, что лексемы *охрёмка* и *охремячить* имеют общую часть (*о-*)*хрем-* с *х* (а не с *к*, *ск* или *шк*), ср. и другие примеры с начальным *х*, включаемые в славянское гнездо, входящее в состав индоевропейского *(*s*)*ker-m-*: слав. **xromъ*, с.-хорв. диал. *х̏ромица* и нек. др.

Примечания

1 *Аляксейчык Г. М.* Да слоўніка Навагрудчыны. — В кн.: Жывое слова. Мінск, 1978, 15.
2 *Владимирская Н. Г.* Полесская терминология ткачества. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 252.
3 *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. V. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, 32—34.
4 *Горячева Т. В.* Этимологические заметки. — В кн.: Этимология 1981. М., 1983, 74.
5 Там же; см. еще: *Свяжынскі І. М.* Лексічныя рэгіяналізмы гаворкі вёскі Турасполле Ушацкага раёна. — В кн.: Народная лексіка. Мінск, 1977, 10.
6 *Варбот.* Указ. соч.
7 *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. IV. — В кн.: Этимология 1974. М., 1976, 16—31.
8 Там же.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. XIII *

(*bariti sę* и **baruxati, *barušiti; *kyrkati; *str(')apa* и **str'apiti, *str'apati)

**bariti sę* и **baruxati, *barušiti*

Кашуб.-словин. *bařëc sq, bař*i 'взъерошиваться; пыжиться; зазнаваться' (Sychta I, 21) и польск. кочев. *bařić śa* 'взъерошиваться', *nabařić śa* 'взъерошиться, ощетиниться' (Sychta. Słown; kociewskie I, 18) как будто не имеют точных соответствий в лексике других славянских языков. Однако семантическое и формальное сходство позволяют сопоставить этот глагол с с.-хорв. *razbarůsiti, razbarůšiti* 'растрепать, разлохматить волосы', *r. se* 'растрепаться, разлохматиться' (RJA XIII, 449, Iveković—Broz II, 319) и чеш. диал. *barouchat* 'мять, комкать' (Bartoš 12—13), (*roz*)-*barůchat* 'разрушить, привести в беспорядок' (Machek² 47). Последний из этих глаголов — чешский — получил в этимологической литературе два различных толкования. В. Махек считал его производным от итератива (ср. словац. *bárat'* 'разрушать, ломать'), восходящего к гнезду **borti* (словац. *borit'*); *-úchat* при этом истолковано как суффикс интенсивного характера (там же). О. Н. Трубачев предположил в чешском глаголе сложение приставки *ba-* и основы глагола **rušiti* (ЭССЯ 1, 160). Оба исследователя рассматривали данный глагол как исключительно чешское образование, так что реконструкцию праслав. **baruxati* на базе чешского материала О. Н. Трубачев сопроводил знаком вопроса (там же).

При обособленном анализе чешский глагол, действительно, допускает различные этимологические толкования, и древность его проблематична. Несомненно, однако, этимологическое тождество чеш. *barouchat*, (*roz*)*barůchat* с с.-хорв. *razbarůšiti* (*se*): в структурном плане они представляют собою однокоренные глагольные основы на *-a-* и *-i-*, а значение сербохорватской лексемы — 'растрепать, разлохматить волосы' — может быть понято как конкретизация, частный случай чешской семантики 'разрушить; привести в беспорядок'. В таком случае значительно возрастает вероятие праславянской древности основы **baruxati*, давшей чеш. *barouchat*, (*roz*)*barůchat*, и появляются основания для реконструкции соотносительной основы на *-i-* — праслав. **barušiti*, как источника с.-хорв. *razbarušiti*.

Возвратимся теперь к кашуб.-словин. *bařëc sq* 'взъерошиваться; пыжиться; зазнаваться' и польск. диал. *bařić śa* 'взъерошиваться'.

Представляется, что их значение 'взъерошиваться' очень близко к 'растрепать, разлохматить волосы' (с.-хорв. *razbarúšiti*) и вместе с ним — к 'разрушить; привести в беспорядок' (чеш. (*roz*)*barúchat*). Есть между этими глаголами и формальное сходство — общность комплекса *-bar-*. Следовательно, возможно предположение о родстве всех трех лексем. Но введение в эту группу кашубско-словинского глагола *bařëc są* и польск. *bařić śa* обнаруживает суффиксальную природу комплексов *-ux-* и *-uš-* [1] в чешской и сербохорватской формах и приводит к выделению в качестве корневой морфемы *bar-*. Тем самым получает подтверждение этимологическое решение В. Махека, отнесшего чеш. *barouchat* к гнезду праслав. **borti*.

Непосредственной производящей основой для чеш. *barouchat* Махек считал итеративную *-a-*основу — словац. *bárat'*, поскольку она характеризуется удлинением корневого гласного. Но кашуб.-словин. *bařëc są*, польск. *bařić śa*, являясь *-i-*основами (наст. вр. *baři*), также содержат корневое *a* < *ō*.

Среди славянских глаголов гнезда праслав. **borti* есть *-i-*основа с корневым *o* — это с.-хорв. *bòriti se*, словен. *boríti se*, словац. *borit' sa*, ст.-польск. *borzyć* (Варшавский словарь I, 193), блр. *бóрицъ* (Носович 31). Эту *-i-* основу обычно считают не регулярным итеративом, а следствием преобразования корневого инфинитива, восходящего к **borti*, под влиянием основы настоящего времени, во избежание омонимии с продолжениями праслав. **bьrati* (Skok I, 189) [2]. Однако это толкование вероятно лишь для ю.-слав. *boriti se*, которое обычно и рассматривается в изоляции, но ср. приведенные выше формы западно- и восточнославянских языков. Они свидетельствуют о правомерности реконструкции праславянского итератива **boriti* (*sę*). Как соотносятся с этим итеративом формы кашуб.-словин. *bařëc są*, польск. *bařić śa*? Представляется, что эта вторая *-i-* основа может быть и преобразованием первой, с вторичным удлинением корневого гласного (**ō* > *a*), и самостоятельным образованием от **borti*, также с корневым удлинением. Отношения **borti* — **bariti* подобны паре **pluti* — **plaviti*, хотя точных аналогий для **borti* — **bariti* со структурой корня [согласный + *o* + *r*] все-таки нет. Праславянский язык имел лишь один глагол, структурно тождественный **borti*, **bor'ǫ*, — **porti*, **por'ǫ*, в соответствии с которым есть *-i-*основа с.-хорв. *pòriti*, однако основа на *-i-* с корневым **ō* > *a* в этом гнезде пока не отмечена. Но параллелизм однокоренных *-i-* основ с кратким и долгим вокализмом, аналогичный случаю **boriti* — **bariti*, хорошо известен в славянских языках: ср. **gojiti* — **gajiti*, **moriti* — **mariti* и под.

**kyrkati*

В русских говорах различных групп зафиксирован с разными префиксами, но близкими значениями глагол *-кыркать*: ср. волог. *выскыркать* 'выскоблить; скобля, сделать чистым и гладким' (Вологод. словарь А—Г, 99), новосиб. *проскыркать* экспр. 'на-

сквозь проскрести что-либо' (Новосиб. словарь 445), урал. *поскыркать* 'покопать, порыть, поскрести', *поскыркаться* 'побраниться, поссориться' (Сл. Сред. Урала IV, 104). Из других славянских языков этот глагол имеется, кажется, лишь в польском — это диал. *kyrkać* 'рвать или дергать за волосы, взлохмачивать' (Варшавский словарь III, 669). Семантика глагола позволяет признать в качестве родственного имени рус. диал. волог. *выскирь, выскырь* 'вывороченное с корнем дерево' (Вологод. словарь А—Г, 99), которое, в свою очередь, явно связано с арханг. *ускирёк* 'осколок, черепок'. Сопоставление глагола с этими именами свидетельствует о корне *kyr-*. Семантика соответствующих лексем допускает возведение этого корня как к этимологическому гнезду и.-е. *(*s*)*ker-* (> слав. *(*š*)*čer-*/*(*s*)*kor-*), так и к и.-е. *(*s*)*kēur-*, которые объединяются значениями 'резать, драть'. В структурном плане более экономно отнесение рассматриваемой группы лексем с корнем *kyr-* к гнезду и.-е. *(*s*)*kēur-*, поскольку признание первичности корня и.-е. *(*s*)*ker-* ведет к необходимости предположения о действии вторичного аблаута, что в данном случае маловероятно[3]. К гнезду и.-е. *(*s*)*kēur-*, помимо рус. диал. *ускирёк* и вышеупомянутого *выскирь*, относятся рус. *чу́рка, чурба́к, чурба́н* (Фасмер IV, 387), в литовском языке — лит. *kiũrti* 'становиться дырявым', *kiáuras*, лтш. *caũrs* 'дырявый', лит. *skiaurė̃* 'продырявленный челн, служащий рыбным садком'; сюда же входят греч. σκῦρος 'осколки камня, щебень', гот. *skaurō* 'лопата' (Pokorny I, 954). Значения анализируемого *-kyrkati* 'скрести, скоблить; драть, дергать' хорошо согласуются с семантикой перечисленных лексем.

Элемент *-k-*, следующий за корнем в глаголе *-kyrkati*, является весьма распространенным в славянском глагольном словообразовании экспрессивным суффиксом[4]. Фиксация глагола в русских и польских говорах позволяет предполагать праславянскую древность основы. Правда, структура *kyrk-* для праславянского фонетически не регулярна. Нередко подобные структуры в отдельных славянских языках являются рефлексами праслав. **CR̥C-* (где *C* — согласный, *R* — сонант), ср. рус. диал. вят. *кырхать* 'говорить шепотом' (Даль[2] II, 230), однако в этих случаях параллельно с корневым *-yr-* отмечаются обычно формы с регулярными рефлексами *r̥*, ср., например, рус. *кырхать* псков., смол. 'кашлять', псков. 'быть нездоровым' (Филин 16, 204) — олон., яросл. *корхота́ть* 'кашлять' (Филин 15, 28) — *ка́рхать* псков., твер., смол. 'харкать', твер. 'жить, страдая болезнью' (Филин 13, 108). При глаголе *-kyrkati* таких параллелей нет. Учитывая экспрессивность глагола, можно, кажется, признать возможной фонетическую аномалию, то есть сохранение корневого *-yr-* при присоединении суфф. *-k-*. Менее удачной представляется реконструкция суффикса с начальным вокалическим элементом ъ — **kyrъkati*, по типу, например, **běžьkati*, от **běžati* (SP 1, 49 и 247). Подобный вокалический элемент мог развиваться как средство сохранения формы глагольного корня, но имел бесспорно чисто фонетическое значение.

*str'apa и *str'apiti, *str'apati

В этимологическом словаре Ф. Миклошича реконструируется праславянский корень **stremp-*, производными от которого автор считал польск. *strzępek* 'лоскуток, обрывок', *wystrzępić* 'распустить, раздергать (ткань), обтрепать' и чеш. *střapec* 'бахрома', *střapiti* 'взъерошивать', *třepiti* 'растрепывать' (Miklosich 325). А. Брюкнер, признавая назальность исходного корня, связывал польские лексемы со ст.-чеш. *střepěti* 'заботиться' и рус. *стряпать* (Brückner 522—523). Реконструкцию назального корня для группы чеш. *střapiti* 'щетиниться, сердиться' и др. и польск. *strzępić* 'растрепывать', н.-луж. *tšepliś* 'растрепать, раздергать, разодрать в клочки' сохранил. В. Махек: он предполагал **strępiti* < **s-remp-* (с *s-mobile* и вставным *t*), которое дало также праслав. **ręsa* (Machek[2] 585). А ст.-чеш. *střepěti* рассматривается при этом как родственное с лит. *stropà* 'прилежание, усердие' и отражающее экспрессивное смягчение *r* (там же, 586). С другой стороны, была сделана попытка генетического объединения чешско-польской группы лексем, приведенной Миклошичем, с рус. *тряпка*, в котором видят производное гнезда **trepati* с экспрессивной назализацией (Фасмер III, 112—113). В. И. Абаев считает возможным присоединить сюда и рус. *стряпать*, др.-рус. *стряпати* 'медлить, работать' [5].

Группа ст.-чеш. *střepěti* — рус. *стряпать* (см. выше сопоставления Брюкнера), к которой следует присоединить укр. *стряпати* 'медлить', явно семантически обособлена от прочих упомянутых выше образований, выражающих значения 'растрепывать, взъерошивать; обтрепанный; обрывок'. Поэтому, рассматривая этимологию последних, следует вначале оставить эти глаголы в стороне.

Что касается приведенных этимологических толкований группы лексем чеш. *střapiti* (*se*) 'щетиниться', *střapec* 'бахрома', *třepiti* 'растрепывать', польск. *strzępić* 'растрепывать', *wystrzępić* 'распустить, раздергать (ткань), обтрепать', *strzęp* 'лоскут, обрывок', то при различиях в реконструкции исходного этимологического гнезда и в определении дальнейшего родства их всех объединяет принятие для этих лексем назализованной формы корня. Действительно ли обязательна эта форма для всех лексем и к какому гнезду они восходят?

Прежде всего нужно обратить внимание на чеш. диал. *střap* 'лоскут'. Махек охарактеризовал его как продолжение праслав. **strapъ* с экспрессивным смягчением *r*, но внутриславянских связей слова не указал, признав родство лишь с греч. ῥῶπος (Machek[2] 585). Однако совершенно очевидны не только структурное тождество корня, но и семантическая близость *střap* к *střapiti se* 'щетиниться', *střapec* 'кисть'. Последние же толкуются Махеком как продолжения **stremp-* (см. выше). Этимологически отождествляя все эти чешские лексемы с корнем *střap-*, для чего есть все основания, следует выбрать для них одно общее толкова-

ние. Выбор определяется привлечением дополнительного материала. В статью о чеш. *střapiti* Махек включил словац. *strapec*, *strapatý* (см. выше), но их форма не предполагает ни экспрессивного смягчения *r*, ни назализации корневого гласного. Со словацкими лексемами структурно тождественны по корню (а прилагательное — и по суффиксу) укр. диал. *стрáп'я*, *стрáпки* 'отрепье, рубище' (Гринченко IV, 213), *страпáтий* 'растрепанный, обтрепанный' (там же). Поскольку нет оснований считать словацко-украинскую форму корня с твердым *r* вторичной по отношению к чешской форме с **r'*, то можно предположить, что вторичной является именно форма со смягчением *r*, то есть распространить гипотезу об экспрессивном смягчении, предложенную Махеком для *střap*, и на другие чешские лексемы с таким корнем: *střapiti*, *střapec*.

Генетическое определение рассмотренных лексем, содержащих корень **strap-/*str'ap-*, при учете их семантики 'взъерошивать; растрепывать; лоскут; отрепье; кисть', в сущности, почти однозначно: они должны принадлежать к гнезду праслав. **trep-*. В семантическом плане это достаточно очевидно, а в структурном подтверждается наличием в гнезде **trep-* образований с корневым **ō > a* и возможностью смягчения в них корневого *r*, ср. блр. *трап* 'дорога, тропа' (Яшкін, 190, Miklosich 361), кашуб.-словин. *třap* 'грязь на дороге; мокрый снег с дождем; жидкий суп' (Sychta V, 396); ср. также с.-хорв. *сỳтрапа* 'неуклюжая, неловкая женщина; неповоротливая челядь' (Skok III, 491), однако в южнославянских языках корневое *-ра-* двусмысленно.

Приведенное выше кашуб.-словин. *třap* 'грязь на дороге...' интересно еще в двух отношениях. Во-первых, оно показывает, что образования гнезда **trep-* с корневым вокализмом **ō > a* и в лехитской группе славянских языков могли пережить экспрессивное смягчение *r > r'*. Следовательно, возможно, что польские лексемы группы *strzępić*, *strzępek* отражают двойное преобразование того же **strap-*, что и чешские формы, а именно — сначала экспрессивную палатализацию, а затем характерную для лехитских языков назализацию. Хотя, разумеется, нельзя совершенно исключить для них и однократное преобразование — назализацию исходного **strep-*. Что касается рус. *тряпка*, то здесь равно возможны и назализация **trep-*, и палатализация **trap-*, но последнее, при учете укр. *стрáп'я*, *стрáпки*, *страпáтий*, представляется более вероятным.

Второй аспект, примечательный в кашуб.-словин. *třap*, это его значения: 'грязь на дороге; мокрый снег на дороге; жидкий суп.' Название супа здесь не удивительно, особенно если учитывать значения глагола **trepati* типа чеш. *třepati* 'трясти; взбалтывать' (вероятно, именно таково и было первичное значение этого глагола). Но интересно, что обозначения различных блюд, производные от **trepati*, довольно часты, например, в чешском языке: ср. юж.-чеш. *třepáč* 'вид печенья', *třepák* 'картофельная лепешка', *třpalky* 'картофельные галушки' (Machek[2] 657). В связи с этим

представляется существенным тот факт, что в рус. *стряпать* и его производных весьма ярко выступает семантика приготовления пищи.

Обращаясь к этимологии группы рус. *стряпать*, др.-рус. *стряпати* 'медлить; работать; улаживать дело', укр. *стряпати* 'медлить', ст.-чеш. *střepěti* 'заботиться' и чеш. диал. *třápati* 'прятать, сберегать' (последнее имеет в словаре В. Махека самостоятельное толкование — фонетически маловероятное сравнение с лит. *taupýti* 'сберегать', но одновременно включено в качестве родственного в статью о ст.-чеш. *střepěti*, см. Machek[2] 586), следует отметить отсутствие сколько-нибудь надежных сопоставлений (ср. Фасмер III, 785—786). Даже наиболее привлекательное из них — сравнение с лит. *stropà* 'прилежание, усердие' (принятое, например, Махеком — см. Machek[2] 586) — вызывает сомнения вследствие несколько иного, нежели в славянских языках, семантического наполнения этого гнезда (ср. лит. *strópti* 'поразить; застать врасплох', вост.-лит. *stràpât* 'спешить' — др.-рус. укр. *стряпати* 'медлить'), которое оправдывает отождествление прежде всего с рус. *торопить* (Fraenkel 925). Выше уже упоминалось о том, что группа рус. *стряпать* и др. сопоставлялась с отдельными образованиями из рассматриваемой здесь группы с корнем **(s)trap-* > **(s)tr'ap-*: с польск. *strzępić* (Брюкнер), с тем же *strzępić* и с *тряпка*, *трепать* (Абаев). Но эти сопоставления не были подкреплены семантическим анализом. Поэтому и представляется существенным отмеченное перекрещивание семантики *стряпать* и **(s)trap-* в обозначениях приготовления еды и различных блюд (см. выше). В семантике группы *стряпать*, помимо сферы приготовления пищи, отчетливо выделяется еще сфера работы — заботы. В связи с этим вызывает особый интерес гипотеза Ф. Копечного: рус. *стряння*, ст.-чеш. *střiepně* предлагается связать с лат. *strepitus* 'звук; шум, гам', причем специально отмечается регулярность связи значений 'толкать; стучать' и 'заботиться', что аргументировано парами рус. *хлопать* дверью — *хлопотать*, чеш. *troska* 'обломок' — польск. *troska* 'забота', болг. *треня* 'убивать' — *треня се* 'выбиваться из сил, стараться'[6]. Собственно, родство рус. *стряння*, чеш. *střiepně* и лат. *strepitus* представляется если и возможным, то не обязательным и очень далеким. Но важны свидетельства семантических связей и их фиксация в гнезде **trepati*. Они свидетельствуют о том, что возможна принадлежность группы рус. *стряпать*, укр. *стряпати*, ст.-чеш. *střepěti* со всей ее двойственной семантикой к гнезду праслав. **trepati*. Правда, при учете именно этой двойственности, непосредственная связь значения 'работать, заботиться' с 'дергать, трепать' является не единственным вероятным объяснением появления в гнезде **trepati* значения 'работать, заботиться'. Равным образом возможно и развитие этого последнего на базе значения 'готовить еду'.

Если группа глаголов рус. *стряпать* и др. входит в гнездо **trepati*, то для нее, как и для группы чеш. *střapiti se* 'щетиниться', *třepiti* 'растрепывать', *střap* 'лоскут', словац. *strapec*

'кисть', укр. *стра́н'я, стра́нки* 'отрепье' и др., наиболее вероятной представляется исходная структура корня **strap-* с последующим экспрессивным смягчением.

Включение группы чеш. *střapiti se*, *třepiti*, *střap*, польск. *strzępić* и др. и группы рус. *стряпать* в праславянское этимологическое гнездо с корнем **trep-*, естественно, ведет к постановке вопроса о природе начального *s* во всех лексемах этих двух групп: восходит ли это *s* к древнему *s*-mobile или является рефлексом префикса **sъ-*? Категорическое однозначное решение здесь вряд ли возможно. Интересно, что образования с начальным *s* в гнезде **trep-* за пределами рассматриваемых здесь лексических групп вообще отсутствуют. Следовательно, префикс **sъ-* маловероятен. Среди индоевропейских соответствий начальное **s* представлено, кажется, в алб. *shtip*, *shtyp* 'растаптывать, раздалбливать' (Pokorny I, 1094). Поэтому наиболее вероятным представляется сохранение в структуре слав. **str'apa*, **str'apiti* и **str'apati* рефлекса и.-е. *s-mobile*.

Примечания

* Предшествующие статьи этой серии см.: Этимология. 1971 (М., 1973) — Этимология. 1978 (М., 1980); Этимология. 1980 (М., 1982) — Этимология. 1983 (М., 1985).

1 О суф. *-ux-* в глаголах см.: Słownik prasłowiański I, 51.

2 См. также: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. P., 1966, t. III, 298.

3 См. об этом подробнее в связи с рус. арханг. *ускирёк*: *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 125—126.

4 См.: *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. — In: Słownik prasłowiański I, 49—50.

5 *Абаев В. И.* Несколько замечаний к славянским этимологиям. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, 12—13.

6 *Kopečný F.* Slavistický příspěvek k problemu t. zv. elementární příbuznosti. — В кн.: Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. С. 1957, 379.

В. Э. Орел

О НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАЗВАНИЯХ ДЕРЕВЬЕВ

В настоящей работе наше внимание будет сосредоточено на основных путях мотивации и формирования ряда славянских и индоевропейских названий и в ы (Salix) и связанных с ними наименований некоторых других деревьев. Едва ли требует специальных комментариев то, сколь видное место занимает ива в духовной культуре многих индоевропейских народов, в том числе и славян; однако тесные рамки статьи не позволяют нам предпринять сколько-нибудь обширные экскурсы в эту область [1]. Необходимо

подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: роль ивы в духовной культуре как дерева, наделенного определенными магическими или ритуальными свойствами, в целом находится в соответствии с тем значением, которое имеет род Salix для традиционной материальной культуры поныне и которого он никогда не утрачивал на пути создания некоторых видов ремесел, в той или иной мере сохраняющих следы связи с плетением. Хотя эти следы «наиболее ярко и полно реконструируются для лексики гончарства, менее четко — для плотничества и минимально — для терминологии ткацкого производства» [2], именно в этой последней области мы сталкиваемся с переносом названия ивы, ивового прута на названия мотовила, ср. слав. **vidlo*, **vitьlъ*, **vitьlo* (предполагающие более раннее **vitlo*) при греч. ἰτέα 'ива' (< и.-е. **u̯īteu̯ā*) [3] и герм. **wīþiaz* то же (др.-исл. *vīðir*) или **wīþiō* то же (др.-в.-нем. *wīda*, нем. *Weide*); такие же отношения предполагаются, например, и для рус. диал. *воробы* 'мотовило' и слав. **vьrba* 'вид ивы' [4]. Такого же рода случаи можно обнаружить и в терминологии гончарства, и тем более в терминологии собственно плетения, где роль ивы как материала очевидна, ср. хотя бы др.-англ. *welig̑* 'ива' — *wilige* 'плетеная (из ивы) корзина' [5].

Указанные выше примеры одновременно служат иллюстрацией того, что названия ивы (как и ветки, прута вообще) достаточно часто образуются от глаголов со значениями типа 'вить; гнуть; вертеть'. Хорошо известны и многие другие подобные случаи, однако ими общая картина далеко не исчерпывается; мотивация названий ивы может быть основана на смысловых связях совершенно иного плана. В этой связи особого внимания заслуживают некоторые восточнославянские диалектные факты, уже довольно давно вызвавшие интерес у этимологов. На основании рус. диал. *брёд* 'лоза', *бред̣* 'ива', *бредина* 'ива, верба, ветла', укр. *бредина* 'Salix caprea' восстанавливается праславянский диалектизм **bredъ* 'ива' (ЭССЯ 3, 11—13). Альтернативная реконструкция **brědъ*, также предлагавшаяся (явно или имплицитно) некоторыми исследователями, привела, в конечном счете, к малоперспективным или откровенно тупиковым решениям, породив сопоставления с **briti* [6] или с **brědъ*/**abrědъ*/**obrědъ* 'фрукты' [7]. Не слишком удачным кажется и предположение о связи с прилагательным **bronъ*, исходящее из реконструкции названия ивы с исходным кратким монофтонгом [8]. Наконец, от этого названия следует решительно отделить укр. *бредулець* 'Ledum palustre L.', связь которого с **bredъ* неоднократно рассматривалась в этимологической литературе (Фасмер I, 210; ЭССЯ 3, 12): *бредулець*, по-видимому, является восточнороманским заимствованием и отражает рум. *brăduleţ* 'елочка', молд. *брэдулец* то же, образованное от рум. *brad* 'ель', молд. *брад* то же (ЕСУМ I, 250), ср. также ниже.

Перечисленным выше толкованиям противостоит давно уже предложенная и весьма правдоподобная этимология, связывающая слав. **bredъ* 'ива' с глаголом **bredǫ*, **bresti* и, следовательно, объединяющая это название ивы со слав. **bredъ* как обозначением

болезненного поведения человека (Berneker I, 83; Trautmann, 36; Фасмер I, 210; ЭССЯ 3, 12). Любопытно, что эта этимология, сохраняя в общем свои очертания, подверглась некоторым существенным модификациям в самой существенной своей части — семантической мотивировке. Если, например, М. Фасмер еще аргументирует связь **bredъ* и **bredǫ* тем, что «ива растет на сырых местах» (там же), то есть исходит примерно из тех же соображений, которые приводят к сближению слав. **bredǫ*, **bresti* с тох. В *preściye* 'тина, грязь' [9], то в более поздних работах семантическая база данной этимологии существенно расширяется: «реальное основание для этого объяснения видят в том, что ива растет на сырых местах, стоит в воде, якобы „бредет", „бродит" » (ЭССЯ 3, 12). Действительно, именно вторая часть этого толкования, как кажется, и могла стать истинной основой для развития значения 'ива'.

Изложенная выше этимология слав. **bredъ* (во всех значениях последнего) позволяет достаточно определенно судить о том, как это слово соотносится в плане относительной хронологии со сходным образованием с огласовкой *-*o*- — слав. **brodъ* (ЭССЯ 3, 36—37) [10]. Наличие соотносительного с **brodъ* глагола на *-*iti* с тем же вокализмом при огласовке *-*e*- в корневом инфинитиве позволяет отнести пару **bredъ* — **brodъ* к тем многочисленным случаям, когда имя с огласовкой *-*o*- является несомненно более древним, чем имя с огласовкой *-*e*-, объясняемое обычно вторичными преобразованиями под влиянием корневого инфинитива [11]. В нашем случае на поздний характер формы **bredъ* как будто указывает и наличие у **brodъ* точных индоевропейских соответствий, прежде всего, лит. *brãdas* 'брод' [12]. Столь очевидных параллелей у **bredъ* нет. Не удивительно поэтому, что О. Н. Трубачев негативно оценивает сопоставление слав. **bredъ* 'ива' с алб. *bredh* 'ель' (ЭССЯ 3, 12) [13]. Имеются, однако, и некоторые соображения, которые мы изложим ниже, в пользу того, чтобы сохранить это сопоставление, хотя и в несколько модифицированном виде.

Албанисты неоднократно обращались к истолкованию алб. *bredh*, однако далеко не все предлагавшиеся этимологии можно признать удовлетворительными. Верное решение относительно *bredh* может быть получено только в том случае, если оно будет опираться на корректную праалбанскую реконструкцию, которая в данном случае невозможна без учета того факта, что из праалбанского название ели было заимствовано в восточнороманский, ср. рум. *brad*, молд. *брад* то же [14]. Эти восточнороманские формы в соединении с некоторыми сведениями об албанской морфонологии и фонологии (широкое распространение в албанском сингуляризованных форм множественного числа с умлаутом *$a > e$ [15], переход интервокального праалб. *-*d*- в -*dh*- [16]) приводят к однозначной реконструкции праалбанского названия ели как **brada* [17]. Такая реконструкция, в свою очередь, исключает всякую возможность связать *bredh* с индоевропейским названием березы (Meyer, 45) [18] или уж тем более принять сопоставление алб. *bredh*

с др.-исл. *barr* 'Tannennadel' (?), выводя *bredh* из **bres-d(h)-* или **bros-d(h)-* [19]. Невозможно согласиться и с мнением, согласно которому в составе *bredh* следует выделять суф.- *dh-* [20], так как при этом опираются на гапакс *bre* (Meyer, 45), за которым на самом деле скрывается гег. *bren(ë)* 'прут' — слово, формально и семантически близкое слав. **brěd-*/**bręd-* 'побег, растение' и фонетически тождественное лит. *brandà* 'зрелость, спелость' (ЭССЯ 1, 49).

Реконструированная выше праалбанская форма **brada* в фонетическом отношении является полным и единственно допустимым соответствием слав. **brodъ* и лит. *brãdas*, восходя вместе с ними к и.-е. **bhrod(h)os*. Это тождество отнюдь не ограничивается только фонетическим аспектом, охватывая также словообразовательные отношения, поскольку в албанском (подобно славянскому и балтийскому) сохранился мотивирующий глагол *bredh* 'брести; прыгать', продолжающий праалб. **breda* из и.-е. **bhred(h)ō* (Pokorny I, 164). Заслуживает особого внимания тот факт, что, образуя албано-балто-славянские изоглоссы как в глаголе, так и в отглагольном имени (в связи с последним упомянем еще дак. **brad* [21]), эти формы явно противостоят отглагольным образованиям с нулевой огласовкой в других индоевропейских языках, вроде греч. πορθμός 'перевоз'. Наконец, говоря о морфонологическом аспекте нашего сопоставления, нельзя не отметить, что алб. *bredh*, мн. ч. *bredha* восходит к праалб. **bráda*, **bradá*, то есть к подвижному акцентному типу B, который регулярно соответствует индоевропейским баритонированным именам [22]; между тем, слав. **brodъ* и лит. *brãdas* указывают именно на баритонезу исходного и.-е. **bhród(h)os* [23].

Дело, однако, не исчерпывается глубоким фонетическим, морфонологическим, словообразовательным сходством, подкрепляемым и ареальными характеристиками лексемы. Принимаемая нами этимология алб. *bredh* позволяет предположить, что на албанской почве действовала примерно та же своеобразная модель мотивации, что и в случае со слав. **bredъ*, и одновременно уточнить некоторые частности, связанные с этой моделью. Для ели — в отличие от ивы — любовь к сырым низинам совершенно нехарактерна, однако и для ели, и для ивы в равной мере типично произрастать («брести») вдоль речных берегов, с тем единственным отличием, что ели свойственно избирать высокий берег (в случае горных рек и потоков крутые берега разумеются сами собой). Эти особенности ели и позволяют видеть в ее албанском названии производное от глагола со значением 'брести'. В этой связи заслуживает внимания еще одно обстоятельство: отождествление слав. **bredǫ*, **bresti* 'брести, переходить вброд' и лит. *brendù*, *brìsti* 'идти вброд' с алб. *bredh* 'брести; идти вброд; прыгать' проливает определенный свет на первоначальную семантику этого глагола. Как идти вброд, так и прыгать, в сущности, значит особым образом д в и г а т ь с я, в ы с о к о п о д н и м а я н о г и. Этот смысловой элемент, как нам кажется, также связан с возможностью обозначения таких деревьев, как ива (способная расти непосредственно из воды) и ель

(с ее неглубоко залегающей, часто выходящей наружу корневой системой), и нам придется вернуться к этой проблеме ниже. Пока же целесообразно рассмотреть вопрос о том, существуют ли еще другие названия ивы, образованные исходя из того же принципа.

Основным славянским названием ивы является, как известно, **jьva*. Этимологическое истолкование этого слова вызывает определенные затруднения. Обычно слав. **jьva* рассматривается как производное от прилагательного со значением 'красноватый, пестрый', реконструируемого как и.-е. **ei-* (Фасмер II, 113; Pokorny I, 297), поскольку древесина ивы имеет красноватый оттенок. Эта этимология, однако, вызывает определенные возражения как общего характера (ива — в самую последнюю очередь строительный материал, а для пород деревьев, не поставляющих строительной древесины, цвет ее является малосущественным признаком), так и более конкретные, связанные с тем, что в словообразовательном плане прилагательные со значением 'красноватый, пестрый', производные от **ei-*, весьма далеки от прототипа, предполагаемого для слав. **jьva*, ср. др.-инд. *éta-* 'пестрый' и под. (по-видимому, в этом направлении указывают и критические замечания Фриска: Frisk II, 14, 343).

Основа другого объяснения была заложена В. Махеком, который сопоставил слав. **jьva* с греч. ἰτέα, тем самым предположив связь славянского слова с и.-е. **u̯ī-* : **u̯ei-* 'вить'; при этом отражение старого начального **u̯* Махек видел в польск. диал. *wiwa* 'ива' (Machek² 230). Этимология Махека была несколько модифицирована О. Н. Трубачевым, полагающим, что слав. **jьva* через промежуточную стадию **eiu̯ā* восходит к и.-е **u̯eiu̯ā*, утратившему начальное **u̯* вследствие ранней диссимиляции (ЭССЯ 8, 249). Это толкование распространяется О. Н. Трубачевым и на все родственные формы других индоевропейских языков (см. ниже). Изложенная этимология несомненно имеет свои сильные стороны (в частности, она позволяет объединить славянское название ивы с греческим и германским) и представляется весьма убедительной в семантическом отношении, поскольку «для ивы прежде всего характерна гибкость ветвей» (Там же). Однако принятие этого толкования потребовало бы, как кажется, слишком значительных жертв в том, что касается фонетической строгости, не говоря уже о словообразовательном аспекте проблемы, поскольку желательно было бы иметь примеры и.-е. **u̯ei-* с суффиксальным **-u̯-* в других, более близких к исходному значениях.

Сказанное, как нам представляется, позволяет снова поставить вопрос об этимологии слав. **jьva*. При этом представляется целесообразным, оставив на время вопрос о внешних связях славянского слова, обратиться пока к поискам решения исключительно на славянском материале и в духе тех моделей мотивации этого названия, которые мы рассматривали выше. Такой подход позволяет нам прежде всего поставить вопрос о возможности генетических связей **jьva* со слав. **jьdǫ*, **jьti*. Соотносительность

**jьva* и **jьti* уже не может показаться удивительной на фоне сказанного выше по поводу слав. **bredъ* и алб. *bredh*. Это предположение получит доказательную силу, если мы обратимся к этимологии омонимичного слав. **jьva*, отраженного в болг. *и́ва*, *ива́* 'край ткани по длине', *ивица* 'длинная, узкая полоска, лента; шерстяной узкий пояс', с.-хорв. *iva* 'край, кайма ткани', *ìvica* то же (ЭССЯ 8, 249—250) [24].

При том, что авторы некоторых славянских этимологических словарей вообще воздерживались от всякого объяснения слав. **jьva* 'полоска, кайма' (Berneker I, 439; Skok I, 739), это слово получило целый ряд различных толкований. Некоторые из них вряд ли заслуживают разбора [25]; с другой стороны, обращает на себя внимание объяснение южнославянских слов как заимствований из тур. *yiv* 'желоб; нарезка; шов' (БЕР II, 3) [26]. Тем не менее, эта этимология, по-видимому, должна быть отклонена, поскольку она, по справедливому замечанию О. Н. Трубачева, «не объясняет всех значений и прежде всего — значение 'длина, длинный'» (ЭССЯ 8, 250). На этом основании О. Н. Трубачев, опираясь на сближение К. Буги с лит. диал. *ievà* 'гуж' [27], предлагает рассматривать слав. ***jьva* 'полоска, кайма' как продолжение особого производного **ei̯ā* от **ei-* 'идти', то есть объясняет **jьva* 'полоска, кайма' так же, как мы выше пытались объяснить **jьva* 'ива'. Принимая этимологию О. Н. Трубачева, мы должны теперь совершить последний шаг — рассматривать лексемы **jьva* I и **jьva* II как квазиомонимичные, то есть генетически тождественные. Сходное решение было implicite избрано Френкелем, собравшим этимологическую информацию относительно лит. *(j)ievà* под одним заглавным словом *(j)ievà* 'Traubenkirsche, Faulbaum, Kummetriemen' (Fraenkel I, 183).

Таким образом, как славянский, так и балтийский материал приводит нас к реконструкции и.-е. **ei̯ā* [28], производного от **ei-* 'идти', в значении 'дерево (ива, черемуха); длинная полоса'. Отметим, кстати, что помимо предполагаемого нами основного направления в развитии значения, приведшего, в конечном счете, к названию дерева, вполне вероятно и действие в данном случае иных, второстепенных семантических факторов: это вытекает, в частности, из производственной значимости д л и н н ы х (а потому удобных для плетения) ветвей ивы.

Некоторые дополнительные подтверждения нашей этимологии мы получим, обратившись к неславянскому материалу. Наиболее существенным представляется в этой связи то, что предложенная выше формальная и семантическая реконструкция открывает, при наличии общего стержневого значения, возможности для всякого рода вторичных ассоциаций и мотивировок, что мы в некоторых случаях надеемся показать особо.

Ближайшие к славянским формы, обнаруживающие, однако, значение 'черемуха', находим в балтийском, где представлены лит. *ievà*, *jievà* [29] и лтш. *iẽva* (о семантике литовского слова, в том числе, о значении 'гуж' см. выше) [30]. Изменение значения следует,

вероятно, объяснять как балтийскую инновацию, в основе которой — определенное сходство черемухи с ивой в том, что касается потребности во влаге и типичных мест произрастания [31]. К основе ***i̯u̯o-* восходит, по-видимому, кельтское название тиса, вечнозеленого хвойного дерева *Taxus* [32], ср. др.-ирл. *éo*, валл. *ywen*, брет. *ivin*.

Сюда же обычно причисляют германские названия тиса: др.-исл. *ýr*. др.-в.-нем. *īwa*, *īha*, *īgo*, др.-англ. *īw*, *ēow*, *ēoh*, др.-сакс. *īh* (Pokorny 1, 297) [33]. Общее сходство этих названий с перечисленными выше формами индоевропейских языков побуждало исследователей постулировать здесь (в обход историко-фонетической реальности) вариативность велярного и лабиального расширителей [34]. Однако эта точка зрения никак не может быть поддержана, поскольку внутригерманская реконструкция может указывать только на лабиовелярный в инлауте, который однозначно определяется из сопоставления др.-исл. *ýr* — др.-англ. *ēoh* — др.-сакс. *īh* и из др.-в.-нем. *īha* [35]. Таким образом, для германского следует реконструировать **īxwaz*, **īxwō/*īgwaz*, **igwō*, что, на наш взгляд, исключает сопоставление с продолжениями **ei̯u̯ā*, **ei̯u̯o-*.

Другие индоевропейские лексемы, традиционно соотносимые со славянскими, балтийскими и кельтскими фактами (Pokorny I, 297), обнаруживают огласовку **-o-*. Их генетические связи вызывают значительные сомнения. Без особой уверенности рассматривается как родственное греческое название рябины ὄα, ὄη, οἴη, которое может продолжать **oi̯u̯ā* (Frisk II, 14, 343: не исключает возможности древнего заимствования; Chantraine III, 770—771). Допустимо рассматривать в качестве точной параллели греч- ὄα < **oi̯u̯ā* лат. *ūva* 'гроздь, виноградная кисть' (Walde—Hofmann II, 849), что, конечно, во всех отношениях правдоподобнее, чем выведение *ūva* из **ūgʷ-*, якобы находящегося в апофоническом чередовании с **ō(u)gʷ-*, откуда лит. *úoga* 'ягода' и под.[36] Наконец, как производное от той же основы **oi̯u̯ii̯ā* может трактоваться арм. *aigi* 'виноградник' [37]. Названные формы не только отстоят от продолжений **ei̯u̯ā* в отношении фонетических и морфологических черт, но и обладают весьма своеобразной семантикой, с очевидностью относящей континуанты **oi̯u̯ā* к сфере средиземноморского виноградарства. Эти соображения не позволяют с уверенностью связывать **ei̯u̯ā* и **oi̯u̯ā*, что дополнительно подчеркивается их лингвогеографическими характеристиками [38].

В этимологической литературе высказывалось предположение о связи с **ei̯u̯ā* хеттского названия вечнозеленого дерева *ei̯a-* [39]. В любом случае, общим у **ei̯u̯ā* и *ei̯a-* может быть только элемент *ei-*, так как непосредственное развитие **ei̯u̯ā* > хетт. *ei̯a-* фонетически недопустимо. В связи с этим от указанного сравнения лучше воздержаться.

Таким образом, несомненное генетическое тождество охватывает только славянские и балтийские континуанты и.-е. **ei̯u̯ā*, **ei̯u̯o-*. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что эти формы не стоят среди вероятных производных и.-е. **ei-* 'идти'

изолированно: им соответствуют образования от *ei- с суффиксальным *-u̯-, сохраняющие значения, более близкие к первоначальной глагольной семантике *ei-. В этой связи следует прежде всего назвать литовские сложения со вторым компонентом -*eiva*, ср. *péreiva* 'проходимец', *atéiva* 'пришелец' (также *ateĩvis*), *karéiva* 'вояка' (также *kareĩvis* 'солдат'), *vertéiva* 'делец, деляга', *stipréiva* 'силач', *mandréiva* 'франт', *greitéiva* 'быстрый человек' и под.[40] Эти сложения вполне прозрачны, и некоторые из них соотносятся с соответствующими префиксальными глаголами, ср. *péreiti* 'перейти, пройти', *ateĩti* 'прийти' и под. Отражение того же индоевропейского прототипа можно видеть и в др.-инд. *éva*- 'спешащий, быстрый; бег, ход, путь; способ', *dur-éva*- 'злостный, плохой; злодей'. Формально и семантически дальше отстоит германское обозначение закона **aiwiz* (др. англ. *ǣw*, *ǣ*) и другие возможные соответствия (Pokorny I, 296).

Обратив внимание на живую, не утраченную языковым сознанием связь между литовскими *composita* на -*eiva* и префиксальными глаголами на -*eiti*, невозможно не коснуться одного вопроса сравнительной грамматики, рассмотрение которого может привести нас к обнаружению славянского аналога лит. -*eiva*. Анализируя некоторые латинско-славянские лексические изоглоссы, О. Н. Трубачев обратил внимание на полное тождество лат. *vēnum īre*, *vēnīre* и слав. **věniti*[41]. Это послужило основой для нового объяснения славянского глагольного форманта *-iti*, который в некоторых каузативах и глаголах сходной семантики (но не в итеративах, где он идентичен лит. -*yti*) рассматривается как отражение *-ei-, возводимого, в свою очередь, к и.-е. *ei- 'идти'; иными словами, в этих случаях *-iti рассматривается как генетический эквивалент **jьti*. Помимо **věniti* в этой связи можно назвать еще **ženiti* и некоторые другие глаголы того же типа[42]. С другой стороны, уже давно была отмечена связь между инфинитивами на *-iti и прилагательными на *-ivъ[43], причем последние в осторожной форме сопоставлялись с литовскими прилагательными на -*yvas* (ср. *dalýti* 'делить' — *dalývas* 'частичный') и латинскими образованиями на -*īvus* (ср. *nocīvus* 'вредный' — **nocīre*)[44]. Ввиду сказанного выше, можно предположить, что в тех случаях, когда речь идет не об итеративах, а о глаголах со старой каузативной семантикой, соответствующие прилагательные на *-ivъ допустимо рассматривать как содержащие некогда полнозначный элемент **eiu̯os*, сходный с разобранным выше лит. -*eiva*. В этом смысле показательны, например, отношения слав. **xodivъ* — **xoditi*, если в последнем корректно реконструировать грамматическое значение каузативности—транзитивности (ЭССЯ 8, 49); аналогичным образом и **gněvivъ* — **gněviti* (ЭССЯ 6, 169) и под.

Сделав этот небольшой экскурс, мы возвращаемся к исследованию индоевропейских названий ивы. Рассматриваемый нами круг лексем не позволяет пройти мимо еще одного наименования ивы, в ареальном плане ограниченного узким кругом западных индоевропейских языков. Мы имеем в виду лат. *salix*, ср.-ирл. *sail*

(дат. п. *sailig*, род. п. *sailech*), предполагающие и.-е. **salik-* (Pokorny I, 879)[45], и герм. **salxō* (др.-в.-нем. *salaha*, др.-англ. *sealh*), **salxjōn* (др.-исл. *selja*), отражающие **sal(i)k-* [46]. В большинстве своем, этимологии этого интересного слова по той или иной причине малоудовлетворительны [47]; это относится и к общепринятому объяснению (Pokorny I, 879) [48], которое, как замечает Шпехт, обусловлено тем, что «иву как правило называют по ее цвету и блеску» [49] — это не мешает в данном случае сравнивать-и.-е. **salik-* с прилагательными, обозначающими грязно-серый цвет, как раньше не мешало сравнивать синонимичное и.-е. **ei̯u̯ā* с прилагательными, обозначающими оттенки красного! Чтобы довершить разбор этой этимологии, заметим, что сама реконструкция цветового прилагательного, по сути дела, фиктивна и опирается на несуществующий или неверно воспринятый языковой материал, в частности, древнеиндийский (ср. Mayrhofer 460—461).

Между тем, рассмотренные нами выше модели образования названий ивы позволяют достаточно определенно связать и.-е. **salik-* с некоторыми глагольными основами, объединяемыми обычно под реконструкцией **sel-* 'прыгать' (Pokorny I, 899) [50]. Сюда безусловно относятся лат. *saliō* то же и греч. ἅλλομαι то же (Walde—Hofmann II, 468; Chantraine I, 63). Что значение 'прыгать' является здесь вторичным и появилось благодаря семантическому развитию, сходному с эволюцией алб. *bredh* 'брести; прыгать', доказывается кельтскими параллелями вроде ирл. *saltraim* 'топтать', откуда следует первоначальность значения типа 'двигаться, высоко поднимая ноги; брести'.

И, наконец, последнее замечание. Пристального внимания, как нам представляется, заслуживает тот факт, что все выделенные нами названия ивы, образованные по модели 'определенным образом двигаться' > '«бредущее» дерево' > 'ива', относятся к сравнительно ограниченному ареалу, примерно совпадающему с понятием «древнеевропейского» [51], куда должны быть включены как славянский, так и албанский. Есть основания полагать, что рассмотренная лексика сформировалась именно в «древнеевропейском» ареале и была необходима носителям индоевропейских диалектов, продвинувшихся на север и северо-запад, вглубь Европы.

Примечания

[1] Заметим, что некоторые сюжетные мотивы, связанные с ивой, обнаруживают исключительную стойкость и сохраняются (или возрождаются) также и в близкие к нам по времени эпохи; ср. возникающую в шекспировском «Гамлете» (IV, 7) тему взаимосвязи ивы и смерти, разработанную потом в поэзии — Рембо (*Les saules frissonnants pleurent sur son épaule* [sc. d'Ophélie], *Sur son grand front rêveur s'inclinent les roseaux*), в живописи — Милле.

[2] *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, 19.

[3] Наличие дигаммы в анлауте подтверждается глоссой γιτέα· ἰτέα (Hes.). Реконструкция интервокального **-u̯-* иногда подвергается сомнению ввиду распространенности суффиксального -έα в названиях деревьев (Chantraine I, 473), ср., однако, исключительно близкие формы вроде др.-прус.

witwan 'ива' (*Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler: Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch. Göttingen, 1910, 464).

[4] *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 109—112, с некоторыми отличиями в реконструкциях и предположением о семантической эволюции от значения 'ива' к значению 'мотовило' через промежуточную стадию 'ветка, развилка'.

[5] С вторичными изменениями в вокализме (см.: *Onions* 1007).

[6] *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, 117—118; *Корнев А. И.* К этимологии слова *бред.* — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. VII. М., 1972, 104—112 (оба автора смешивают рассматриваемое выше слово с рус. диал. *бред* 'нижняя часть снопа' и другими формами со сходным значением).

[7] *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907, 64; *Sadnik L.*, *Aitzetmüller R.* Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. 3. Wiesbaden, 1967, 158—159; *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967, 149.

[8] *Moszyński* K. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957, 240. Автор исходит из предположения, что ива получила свое название по красноватому цвету своей древесины: заметим, что эта точка зрения легла в основу истолкования и некоторых других названий ивы (ср. далее).

[9] *Георгиев В. И.* Балто-славянский и тохарский языки. — ВЯ 6, 1958, 18.

[10] При том, что среди рефлексов слав. **bredъ* мы находим и рус. диал. *бред* 'брод в озере', заслуживает внимания то обстоятельство, что некоторые продолжения слав. **brodъ* имеют значения, характерные в основном для **bredъ*, ср. блр. диал. *брод* 'агония' (*Седакова О. А.* Полесское *брод* 'агония' и связанные с ним обрядовые представления. — В кн.: Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983, 78—81).

[11] *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфология, словообразование и этимология. М., 1984, 95—96. Специально о **brodъ* см.: *Она же.* Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969, 21 и 184 сл.

[12] *Буга К.* Славяно-балтийские этимологии. — РФВ LXVII, 1912, 232. Об огласовке **-o-* в слав. **brodъ* см. также: *Meillet A.* Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. P., 1905, II, 216.

[13] В подавляющем большинстве известных нам работ, в том числе, в работах албанистов (см., например: *Jokl N.* Beiträge zur albanesischen Grammatik. — IF XXX, 1912, 208) и во всех без исключения славянских этимологических словарях источником этого сопоставления считается Meyer, 45. Необходимо подчеркнуть, что в словаре Г. Мейера об этом не говорится ни слова. К сожалению, нам так и не удалось установить, кому принадлежит эта этимология и где она впервые была опубликована.

[14] *Rosetti A.* Istoria limbii române. I. De la origini pînă în secolul al XVII-lea. Buc., 1978, 273; *Brâncus Gr.* Vocabularul autohton al limbii române. Buc., 1983, 43—44 (с литературой вопроса).

[15] См. в этой связи фундаментальное исследование Э. Чабея: *Çabej E.* Alb. *vise* 'Orte, Plätze' und die singularisierten Plurale im Albanischen. — LP VII, 1958, 145—200; VIII, 1960, 71—132.

[16] *Орел В. Э.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики албанского языка. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, 22 сл.

[17] В принципе так уже *Çabej E.* Op. cit., 87—88. Совершенно неприемлема разрабатываемая преимущественно румынскими учеными концепция, согласно которой рум. *brad* якобы представляет собой вторичное преобразование формы **braz*, — это не более чем «подгонка» румынского соответствия под определенную этимологию алб. *bredh* (к индоевропейскому названию березы).

[18] См. также: *Pisani V.* Saggi di linguistica storica. Torino, 1959, 126. Фонетические и морфонологические трудности, возникающие при рассмотрении этой этимологии, были вполне ясны уже Г. Мейеру.

19 *Jokl N.* Op. cit., 209
20 *Camaj M.* Albanische Wortbildung. Die Bildunsweise der älteren Nomina. Wiesbaden, 1966, 121, 123.
21 *Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. I. Die thrakischen- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969, 93—94. Наличие дакийской параллели особенно любопытно ввиду известных предположений относительно специфических албано-восточнобалканских связей, ср.: *Орел В. Э.* К гипотезе о фракийских реликтах в болгарской апеллативной лексике. — В кн.: Этимология 1980. М., 1982, 63.
22 *Орел В. Э.* К реконструкции древнеалбанских акцентных отношений (в сопоставлении со славянскими и другими индоевропейскими языками). — Сов. славяноведение 5, 1982, 83—90; *Idem.* Albanian nominal inflexion: Problems of origin. — Zeitschrift für Balkanologie XIX, 2, 1983, 121—130.
23 *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963, 140.
24 Существенные соображения о роли анализа омонимических пар в славянской этимологии развиты на обширном материале в работе: *Аникин А. Е.* Опыт анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1984.
25 См.: *Keber J.* Sh. *ivica* 'rob na platnu, suknu ipd.' — Jezik in slovstvo XVIII, 7—8, 1972—1973, 283—284 (к **i̯eu-* 'связывать'). Й. Кебер ссылается также на оставшуюся для нас недоступной работу Лукича, объясняющего *ivica* из **ob-viš-ica*.
26 См. также *Mažuranić Vl.* Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik. Zagreb, 1975, 440.
27 *Буга К.* Славяно-балтийские этимологии. — РФВ LXX, 1913, 253.
28 Или, ориентируясь на морфологические гипотезы А. Мейе относительно некоторых названий деревьев, **eiu̯o-* первоначально женского рода, ср. относительно названия березы: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, 277.
29 Лит. *jievà* — вариант, отражающий устаревшую орфографическую норму. С лит. диал. *ìeva* в акцентологическом отношении согласуется слав. **jьva* 'ива' (*Иллич-Свитыч В. М.* Указ. соч., 149—150). Такой ясности относительно **jьva* II, к сожалению нет; заслуживает внимания тот факт, что в болгарских говорах рефлексы **jьva* I и **jьva* II всегда противопоставлены по месту ударения (*и́ва — ива́* или наоборот), что может указывать на позднее введение акцентологической оппозиции для разграничения квазиомонимов.
30 Сюда не относятся, вопреки иногда высказывающемуся мнению (Pokorny I, 297; Топоров. Прус. яз. III, 101), др.-прус. *iuwis* 'тис' и, тем более, лтш. *ĩve* то же (оба слова заимствованы из ср.-н.-нем. *ìwe* то же), см. *Trautmann R.* Op. cit., 349; *Brückner* 194 и многие другие.
31 Заметим, что в большинстве своем балтийские соответствия слав. **čermъxa*, **čermuxa* обозначают рябину (ЭССЯ 4, 67—68).
32 В том, что касается значения, ср. отношения в паре слав. **bredъ* 'ива' — алб. *bredh* 'ель', ср. также ниже.
33 См. также: Сравнительная грамматика германских языков. I. Германские языки и вопросы индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1962, 57.
34 *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, 63, 205.
35 *Sievers E.* Altenglische Grammatik. Neubearb. von K. Brunner. Halle (Saale). 1951, 209, 222—223; см. также: *Зализняк А. А.* Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. II. — В кн.: Этимология 1964. М., 1965, 182.
36 *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896; ср.: Ernout—Meillet³ II, 1340.
37 Лишь недоразумением можно объяснить высказанное недавно предположение о заимствовании арм. *aigi* из сев.-кавк. *ˀĕtkΛ 'сад; виноград', см.: *Николаев С. Л.* Северокавказские заимствования в армянском. — В кн.: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. I. М., 1984, 70.

[38] Из условной реконструкции *oiu̯ā 'виноградная кисть, лоза' вытекает, по-видимому, необходимость предполагать для греческого вторичное семантическое развитие, достаточно естественно объяснимое в плане реалий. Если все же не полностью отказываться от сопоставления *oiu̯ā с *eiu̯ā, известный интерес могут представить названия виноградной лозы, более или менее определенно образованные от глаголов движения, ср. хотя бы слав. *loza при *lězti или алб. ardhi при аор. ardhi 'приходить, подниматься' (*Orel V. E.* Albanica parerga (Balkan etymologies 44—59). — Zeitschrift für Balkanologie XXII, 1986.

[39] *Иванов В. В.* Разыскания в области анатолийского языкознания 1а—2. — В кн.: Этимология 1971. М., 1973, 298—302. Это толкование, однако, несомненно более удачно, чем сопоставление *ei̯a-* с индоевропейским названием вечности (с еще большими фонетическими трудностями), см.: *Он же.* Хеттский язык. М., 1963, 28; *Он же.* Разыскания в области анатолийского языкознания 1. Возможное отражение индоевропейского названия «вечности» в хеттском языке. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964, 40—44; см. также *Friedrich P.* Proto-Indo-European Trees. Chicago, 1970, 125. Критические замечания В. Пизани (*Pisani V.* Relitti «indomediterranei» e rapporti greco-anatolici. — Annali dell'Instituto orientale di Napoli. Sezione linguistica VII, 1966, 47) в полной мере могут быть отнесены к его собственному объяснению хетт. *ei̯a-* из **eli̯a-*, отождествляемого со славянским названием ели **edlь* (!).

[40] *Būga K.* Rinktiniai raštai. I. Vilnius, 1958, 260.

[41] *Трубачев О. Н.* Несколько древних латинско-славянских параллелей. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 11—12. Сходным образом рассматривается этот вопрос в работе: *Топоров В. Н.* О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, 133—139.

[42] *Топоров В. Н.* Указ. соч., 137.

[43] *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. II. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, 223.

[44] Это сопоставление см.: *Brugmann.* Grundriss[1] II, 1, 128—129, а также *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках, 123, 362 сл.

[45] Возможны и некоторые вариации в реконструкции вокализма первого слога, ср. **s°lik-* (*Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. I—II. P., 1902—1905, 204), **s$_e$lik-* Walde—Hofmann II, 469).

[46] *Meillet A.* Op. cit., 204. Об ареальной характеристике и.-е. **salik-* см.: *Porzig W.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954, 101.

[47] *Sommer F. S.* Griechische Lautstudien. Strassburg, 1905, 112.

[48] См. еще *Schulze W.* Kleine Schriften. Göttingen, 1933, 118.

[49] *Specht F.* Op. cit., 58.

[50] Весьма сомнительна принадлежность к этому корню лит. *sálti* 'таять'.

[51] Примерную схему древнеевропейской общности см.: *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, 260—261 (карты 1—4).

Автор признателен А. А. Пичхадзе за ценные рекомендации, сделанные при обсуждении данной статьи.

И. Янышкова *

НАЗВАНИЯ БЕРЕСКЛЕТА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Растение бересклет (Euonymus L.) встречается в Европе чаще всего в двух видах: бересклет европейский (Euonymus europaea L.) и бородавчатый (Euonymus verrucos Scop.). Это кустарники или небольшие деревца, которые издали бросаются в глаза своими розово-красными плодами и четырех-пятигранными коробочками.

Мотивация названий бересклета в разных славянских языках разная.

1. Название растения звучало в ст.-чеш. *brsniel* (Gebauer I, 107), продолжающем существовать в редко употребляющемся *brsníl* (Kott I, 102), ср. литературное чеш. *brslen* (Kott II, s. v. *popový* : *Brzlen*, где *z* вместо ожидаемого *s* можно предположительно считать опечаткой), диал. чеш. (морав.) *bršlen* (Kott I, 102), народные *břslen* [1], *brsnil*, *bršleň* [2]. Родственные слова имеются и в других славянских языках: ср. словац. *bršlen* (SSJ I, 135), ст.-польск. *trzmiel*, *przmiel*, *przmielina*, польск. *trzmielina*, диал. *trzmil* (Варшавский словарь VII, 151), *trzmielnica* [3], туров. *trzemielina* (Pracki W. PF VI, 268), болг. *бряслика*, *бряс* (Анненков, 141—142), с.-хорв. *bršljenka* (RJA I, 683), рус. *бересклет* и другие, ср. ниже. С первого взгляда эти слова связаны между собой, но их толкование разнообразно; чаще всего эти слова считаются темными, неясными.

Часто предполагалась генетическая связь с плющом (Hedera), ср. Miklosich, s. v.; Berneker и др.; в ЭССЯ (3, 5—9) в реконструируемую форму **brъščьľanъ/brъščьlenъ* включаются названия бересклета (Euonymus), плюща (Hedera), барвинка (Vinca) и некоторых других растений в противоположность Л. Садник и Р. Айтцетмюллеру (Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 150). Родственными считают слова *brslen* и *břečťan* Голуб и Копечный. Связывается рассматриваемый термин с названием плюща и в издании Słownik prasłowiański (I, 409), но выдвигаемая в нем аргументация для доказательства сходства обоих растений неубедительна: бересклет не вьющееся растение (в отличие от плюща); плоды бересклета, с одной стороны, и плюща, с другой, отличаются друг от друга, здесь можно найти лишь одну общую черту — наличие ядовитых веществ в обоих растениях. П. Скок сближает с.-хорв. *bršljenka* 'бересклет европейский' (RJA I, 683) с *bȑšljan* 'Hedera helix', которое С. Младенов связывает со словом *бръст*. Скок допускает возможность иллирийского реликта (Skok I, 218).

В. Махек и Ф. Безлай связывают чеш. *brslen* с праслав. **pręslenъ* на основании сходства плода бересклета и прясла [4]. Махек исходит из того положения, что коробочка со стеблем напоминает веретено с пряслом [5]. Значит, плод бересклета назывался *přeslen*, затем

* © I. Janyšková, 1988 г.

название было перенесено на все растение. Махек показал также родство славянского термина с нем. *Spindelbaum* (> словен. *spingel*, *spincl* 'Euonymus latifolius Mill.' [6]), англ. *spindle-tree*, франц. *fusain*, лат. *fusanus*; сюда относятся также с.-хорв. *vretenika* и *vretenikovo drvo* [7]. Махек оспаривает мнение, что из древесины бересклета некогда изготовлялись веретена. Но мы нашли в литературе указание на то, что веретена, действительно, изготовляли из древесины бересклета: «Dřevo má tuhé, tvrdé, žluté, jako pušpan, k mnohým potřebám užitečné: ženy dávají sobě z něho vřetena na saustruh dělati» [8]. На влияние слова *přeslen* на формирование названия бересклета обращают также внимание Й. Голуб и Ф. Копечный (Holub—Kopečný, 77).

Существует огромное количество вариантов названия бересклета, прежде всего в восточнославянских языках. Эти варианты возникли, вероятно, в результате народной этимологии, вследствие контаминации этимологически разных слов, например: **berstъ*, **berza*, **brusnica*, **dernь*, **klenъ* (Фасмер I, 156; Słownik prasłowiański I, 409 [9]); ср. рус. *бересклет*, *бересклед*, *вересклед*, *вересклеп*, *березбрек*, *бересдрень*, *берездрень* (Филин 2, 251), *бурусклен* (Даль³ I, 353), *брусклен*, *брускленина*, *брусклет*, *брюзлен* (Анненков, 141—142), *брузлень*, *бруслён* (Филин 3, 206), *мересклет*, *мересклетина* (Даль³ II, 832), *брухмель* [10], *брухмеля* (Даль ³ I, 323), *бружмель* (Анненков, 141—142), *бружжинь*, *бружавель* (Филин 3, 200) [11], *бружель*, *бружемельник*, *бружмен*, *брюхмели*, *бруслина*, *брусника*, *брузлена* (Анненков, 141—142), *брусынина* (Даль³ I, 323), *брусылина* (Филин 3, 210), *брусничник*, *брусилина*, *бруслинина*, *брускленина*, *брислевина*, *бруслевина*, *брусленина* (Анненков, 141—142); укр. *бересклет*, *бересклен*, *бересклеп*, *вересклед*, *вереслень*, *вересклеп*, *версклед*, *мересклетина*, *бруслина*, *бруселина*, *брусленина*, *бруслевина*, *брузлевина*, *бружлевина*, *брусилина*, *брусинина*, *брузлелина*, *бруслилина*, *бруснина*, *брустина*, *брустинина*, *бружмель* [12], *бризлелина* (Гринченко I, 98); блр. *брызгліна* (БРС 133), диал. *бразгуліна*, *брызгеліна*, *брызгуліна*, *бруслён*, *брузлявіна*, *бружнеўнік*, *бружмель*, *бружмен*, *бружэль*, *бружамель* [13], полесск. *брузлевина*, *бризгелина* (Анненков, 141—142); сюда относятся также польск. *bryzgulina*, *bryździelina* [14], *bryździery*, *brzezdzielina*, *brzeździelina* (Варшавский словарь I, 219); возможно, эти польские слова заимствованы из белорусского (см. Słownik prasłowiański I, 409).

Маловероятно предположение о принадлежности польск. *trzmielina*, *trzmiel*, *przmiel*, *przmielina* к *czmiel*, *przmiel* 'шмель'. При этом исходят из контрастной двухцветности шмеля, которая могла становиться причиной переноса названия на растение. (Brückner, 581; Słownik prasłowiański II, 311). Праславянский словарь (Słownik prasłowiański) не исключает также возможности сближения с *čьmelь* на основе народной этимологии, ср. кашуб. *čmël* 'Euonymus europaea' (Lorentz Pomor. I, 116), ст.-польск. *czmielina* [15], польск. редк. *ćmielina* (Варшавский словарь I, 416). Неясно, относится ли сюда также укр. *чемелина* [16], ср. укр. *черемил* [17], блр.

стрэмяліна, *трамяліна*, *тржэмяліна*, *трэмяніна*[18], (с)*тржемелина*, *тромелина*, *тременина* (Анненков, 141—142).

2. Общей чертой некоторых западно- и южнославянских языков являются названия бересклета по форме плодов. Плоды бересклета — это коробочки, чаще всего четырёхгранные, похожие на обрядный берет священников, по-чешски *kněžský kvadrátek*, и поэтому народ называет плоды *kvadrátky*[19], *kněžské čepičky* и т. п. Постепенно название плодов перешло на все растение, ср. чеш. диал. *kněžské čepičky* (Kott I, 710), *kňazové čepičky*, *kňazské čepičky*, *čapečky kňažske*, *čepičky pánovy*, *paterkovy čepičky*[20], *panáčkovy čepičky* (Bartoš, 173), *farářskové čepičky*, *jesuitské čepičky*, *kanovnické čepičky*, *kanovnické kloboučky*, *kňazový širáček*, *kvadrátka*, *kněžské kvadrátky*, *panáčkovy kvadrátky*, *hastrmaní čepičky*, *zelina kňazská*[21], *kvadrátky* (Kott I, 851), *panáčkova koruna*[22], сюда также *kněhna*?[23]; словац. диал. *kňazoví širáček*[24], *kňazské čepičky* (Kálal, 246), *kňazově čapičky* (Ripka, 64); в.-луж. *čerwjene kłobučki*, *popiki*[25], *popjenik* (Jakubaš, 245); болг. *попска коронка*, *попска шапка*[26]; с.-хорв. *biškupska kapa*, *popova kapa*, *popove kapice*[27], *бискупска капа*, *попова капица*[28], словен. *kapce*, *kapčevje*, *kapičevje*, *kapičevina*, *farske kape*, *farške kapce*, *farovške kapce*[29], *kapčev les*, *kapecov les*, *farške kape*, *farška kapica*, *farovska kapica*[30], *farjevec*, *farjovina*, *fárovina*, *fárškovina*, *farčovna*, *biskupska kapa*, *papeževe kape*, *škofove kapice*, *škofje kapce*[31], ср. также нем. диал. *Pfaffenhütlein*, *Pfaffenkäpchen* и др.[32]

3. Следующую группу образуют народные названия бересклета, которые возникли, вероятно, путем сравнения плода бересклета — коробочки, где спрятаны овальные семена, и мошонки, где скрыты семенники[33] (по-чешски *moudí*). Сравнения такого типа не являются ни в коем случае исключением в растительном мире, ср. ст.-чеш. *koččie múdcě* 'какое-то растение' (Gebauer II, 415), словац. диал. *kočičy mud* 'котовник (Nepeta)' и 'душевик (Calamintha)'[34]. Бересклет называется в словац. диал. также *múď* (SSJ II, 196), в укр. *мудь*, *муді*, *мудина*, *нуда*[35]. Не совсем ясно, относится ли сюда также польск. диал. *montwa* 'бересклет' (Варшавский словарь II, 1039[36]). В. Махек сближает польск. диал. *montwa* и семантически тождественные ему морав. *mutka* (Bartoš, 210), чеш. диал. *můťka*[37], словац. диал. *múť* (Kálal, 246) с чеш. *moutvice* 'мутовка', так как плод бересклета со стеблем напоминает мутовку[38].

В результате объединения мотивации 2 и 3 возникли ст.-чеш. *popové múdie*, *múdy popové* (Gebauer II, 415), чеш. диал. *kněží múď*[39], *kněží múd*, *popové moudí* (Kott I, 709; II, 757), *knězovo moudí*, *kňažomúd*, *popovo moudí*[40], словац. диал. *kňazov múď*, *kňažomúd*, *kňazove múdy* (Kálal, 246 и 346), *kňazóv mut* (Ripka, 55), *kněží múď*, *kněžomúd* (Kott I, 709, 710), *kněžové múdy* (Jungmann II, 405), польск. диал. *popiw mud*, *popowe nudy*[41], с.-хорв. диал. *попова муда* (Караџић 1935, 560), словен. диал. *popova moda*[42], укр. *попова мудь* (*мудя*, *нуда*), *попове мyде* (*мýда*)[43], *попови муди*, *муда* (Анненков, 399), ср. нем. диал. *Pfaffenhoden* 'бересклет'[44]. Ослабленной, более приличной формой вышеприведенных вульгарных

выражений являются, во-первых, сочетания типа с.-хорв. *popove gaćice*, *popove gaće* (RJA X, 810: s. v. *popove gaćice* 'бересклет европейский'[45]), словац. диал. *popova gača*[46]; во-вторых, то явление, что сравнение переходит с человека на животное, ср. укр. *собача нуда*, *котячи яйця*, *котові яйця*[47], польск. *kocie jajka* (Варшавский словарь II, 125), ср. также нем. диал. *Hanhödel*[48] и польск. диал. *kurze pizdy* (Варшавский словарь VII, 151).

4. Рус. диал. названия бересклета *глазун*, *коровий глаз*, *божьи глазки* (Анненков, 141—142) мотивированы, вероятно, тем, что семена плодов бересклета напоминают глаз, точнее зрачок глаза (коробочка, созрев, лопается, и черные семена висят некоторое время на волокнах).

5. Известно русское диалектное обозначение бересклета *волчьи серги* (Анненков, 141—142); укр. *воўчі серги*[49] обозначает только плоды бересклета, которые напоминают серьги, ср. подобную мотивацию нем. диал. *Betsch* 'бересклет'[50].

6. Некоторые названия бересклета в верхнелужицком возникли путем сравнения красного цвета плодов и красного петуха, ср. *kaponki*[51], *kaponjace drjewo* (Pfuhl, 212), *čeŕwjene kaponki*, *kaponjacy keŕk*, *kap!anki*?, редк. ед. ч. *honačik*[52], *honački* (Pfuhl, 212), ср., далее, в.-луж. *kapralc*[53], *kapranc*, *kaprasa*, *kaporac*, *kaprasowe drjewo*, *kapranowy*, *kaprasowy keŕk*[54]. Бывает очень часто, что части растения, даже все растение, названы по красному петуху, по красному цвету петушиного гребня[55].

7. С.-хорв. *kurika*, диал. *kurikovina*, *kurkovina*, *kukurikovina*[56] причисляются П. Скоком к ономатопоэтическим словам, которые подражают голосу петуха, а именно к выражению *kukurijèkū*, *kukurîkū* (Skok II, 228). Звукоподражательного происхождения также н.-луж. диал. *kokodak*, *kokodac* (Muka I, 651), *kokodaš*[57], которые отражают кудахтанье курицы, снесшей яйцо. Ср. также польск. *kurzy gdak* 'бересклет' (Варшавский словарь II, 647).

8. Следующую группу образуют народные названия бересклета, которые возникли путем сравнения плодов бересклета с определенным сортом выпекаемых изделий, чаще всего с облаткой православных, ср. укр. *проскорина*, *проскурина*, *прискорина*, *просвир*[58]. Украинского происхождения польск. *proskurzyna* 'бересклет[59]'.

Все это дериваты слова *proskura*, что означает у православных белый хлеб, испеченный из пшеничной муки и предназначенный для богослужения.

Подобным образом мотивированы также словен. *kozji preshec*[60], *kozji prosmic*[61]; словен. *presnec* 'ein ungesäuertes Brot' (Pleteršnik II, 274); с.-хорв. *пасја погача*, *веверичја погача*, *козја погачица*[62]; с.-хорв. *pogača* 'плоский хлеб из некислого теста', который напоминает плоды бересклета; чеш. диал. *koláčky* 'бересклет'[63]: плоды бересклета похожи по форме на пирожки (по-чешски *koláčky*).

Подобная мотивировка также у рус. диал. *кокурки* 'бересклет бородавчатый' (Анненков, 141—142), ср. диал. *кокурка* 'лепешка (обычно сдобная); ватрушка, круглый, обычно сдобный хлебец' (Филин 14, 105).

9. Словен. *števnica* 'бересклет европейский' [64] мотивировано, вероятно, тем, что плоды бересклета служили играющим детям считалкой [65].

10. Мотивация с.-хорв. *zelenika* 'бересклет' [66] прозрачна. С.-хорв. *zelenik* обозначает декоративный вечнозеленый кустарник бересклет японский (Euonymus japonica). Подобным образом обозначались также другие растения, напр., Buxus, Hedera, Vinca и др. [67].

11. В чешских говорах бересклет называется также *kapucínské semínko*, *seménko* (Kott I, 670). Из семян плодов бересклета выжимали масло, которое употреблялось от чесотки и для истребления вшей [68]. Подобная мотивация имеется также в болгарских народных названиях бересклета *въшкино биле*, *въшковиче* [69]. С.-хорв. *mašljika*, *maslikovina* [70], *машљиковина* [71] 'бересклет' являются дериватами существительного *mäslo* (Skok II, 382): из семян плодов бересклета добывали масло, употребляемое, напр., в производстве мыла [72].

12. Болг. название *червеножлътка* [73] мотивировано, вероятно, использованием коробочек и семян бересклета на производство желтой краски. О наличии желтой краски в семенах бересклета писал уже Матиоли: «Když se ty jahody s lauhem vaří, k mytí hlavy (tedy vlasy na žluto barví) vši a hnidy moří» [74]. Ср. нем. диал. *Gelbôm* 'бересклет' [75]. Более того, древесина бересклета лимонно-желтого цвета [76].

13. В.-луж. *kokorc* [77], *kokorac* (Pfuhl, 265), *kokorač*, *kokorači keřk*, *kokordackowe dřewo* [78], н.-луж. *kokorac* (Muka I, 651), *kokornac*, *kokordac* [79], *kokordack* [80] относятся скорее всего к прилагательному **kokoravъ* 'кудрявый, курчавый' (cricpus)' (Berneker, 540 [81]). Со словом **kokoravъ* (от основы *kokor* (ср. Schuster-Šewc 8, 588) связаны многочисленные названия различных растений, «именуя их так, люди видели нечто мохнатое, колючее, взъерошенное» [82]; ср., например, чеш. *kokořík* 'Polygonatum' [83].

14. Словен. *čepelnik*, *čeplenik*, *čepnik* [84] 'бересклет' являются производными существительного *čep* 'затычка'. Качество древесины бересклета, прежде всего его прочность, твердость и одновременно пригодность для обработки, дает возможность изготовлять, кроме прочего, также затычки.

15. В словенских выражениях *kozlíka*, *kozlîčevje* (Pleteršnik I, 451), как и в вышеприведенных *kozji presnec*, *kozji prosmic*, видна связь с названием козы.

Все растение ядовито (прежде всего, кора ветвей, плоды и корни), оно содержит глюкозид эвонимим: «Listí a ovoce jeho (bresklenta) jest škodlivým pokrmem kozám» [85].

16. С.-хорв. *crna smrdljika* [86] 'бересклет европейский' содержит корень **smьrd-* 'вонять' (Skok III, 295): зеленые части бересклета отвратительно воняют, ср. также укр. *смердюха* [87].

17. С.-хорв. *крковина* 'бересклет европейский' [88] связано со словом *kȑkala* (Skok II, 203) 'помет'; существует также восточносла-

вянское диалектное (полесск.) *дрислявина* 'бересклет бородавчатый' (Анненков, 142), которое, по-видимому, связано с глаголом *дриста́ти* 'страдать поносом'. Предлагаемое объяснение: вышеприведенные с.-хорв. и полесск. названия связаны с тем, что животные, съевшие плоды или кору бересклета, заболевали поносом или коликами.

18. Рус. диал. *жигалок* [89], *колючий кустарник* [90] и укр. *жигалок* [91] 'бересклет' связаны на первый взгляд с представлением чего-то острого, колючего. Мотивация этих наименований с первого взгляда неясна, так как у бересклета нет ни колючек, ни шипов. Но ср., что пишет в связи с бересклетом Марцелл: «Zur Zeit Christi hatte dieser Strauch [бересклет] auch Dornen. Die Juden flochten aus diesem Holz die Dornenkrone und setzten sie Jesus aufs Haupt. Da verfluchte Maria diesen Strauch, daβ er alle Dornen verlor. . .» [92].

19. Перенесение названий с разных растений:

В с.-хорв. называют бересклет также *šupkulja*, потому что он похож на шиповник (Rosa canina) [93]; ср. также с.-хорв. *мека шиба, шибовина* 'бересклет' [94]. Причина смешивания названия бересклета и шиповника является не очень убедительной. Впрочем, плоды бересклета издали напоминают плоды шиповника. Ср. нем. диал. *Walt Kakanatschker* 'бересклет', *Kakanatschker* 'плоды шиповника' [95].

Чеш. диал. *krušina, skrušinka* (Bartoš 167, 381), *krušinka* [96] и рус. *крушина* (Анненков, 141) обозначают бересклет, несмотря на то, что с первого взгляда нет никакого внешнего сходства между бересклетом и крушиной (Frangula alnus Mill.). Древесина крушины (как и бересклета) используется на сапожные гвозди, в токарном и столярном деле. Оба растения содержат ядовитые вещества, которые имеют сильное слабительное свойство, они вызывают колики и расстройство желудка [97].

Болг. *мекиш* обозначает вид клена (Acer tataricum), но, кроме того, также 'бересклет европейский' [98]. Причина переноса этого названия на бересклет не совсем ясна. Слово *мекиш* вызывает представление о чем-то мягком (болг. *мек* 'мягкий'), но древесина бересклета, как и клена, твердая. Младенов допускает возможность сближения с тур. *mekik*, значение которого, наряду с другими, также 'ткацкий челнок (который обычно изготовлялся из твердой древесины)' (Младенов, 293). Возможно, что перенесение с клена на бересклет было вызвано тем, что древесина обоих деревьев обладает такими же свойствами и использовалась на изготовление веретен [99].

Болгарские названия бересклета *чашкодре́н* (БТР, 941), *чашкодря́н* [100], *чешкодрѐн* [101] связаны, очевидно, с болг. *дрян* 'Cornus'. Причина смешения названий — одинаковое свойство древесины (твердость) и сходство плодов бересклета и свидины (красный цвет плодов). Ср., далее, укр. *свиди́на* [102], с.-хорв. *пасjи дрен* и *свибовина четверосрха* [103] 'бересклет'.

Польск. *wilcze łyko* [104], рус. *волчье лыко* (Анненков, 142), укр. *воўче лико* [105], блр. *воўча лыка* [106] 'бересклет' обозначали первона-

чально кустарник Daphne mezereum L., плоды которого очень ядовиты, так что мотивация перенесения названия с Daphne mezereum на Euonymus ясна.

В некоторых народных названиях бересклета выражена связь с животными; ср. вышеприведенные сочетания со словом *волк*, далее рус. *медвежник* и *волчьи ягоды* (Анненков, 142).

По мнению В. Махека [107], так называются разные, для человека бесполезные, чаще всего невкусные, вредные или ядовитые растения, которые человек «предоставляет» животным.

В украинском и русском перенесено название, обозначавшее первоначально бирючину (Ligustrum vulgare), на бересклет: рус. диал. *бирючина* (Анненков, 142), укр. диал. *биручина* [108] 'бересклет'. Бирючина и бересклет привлекают птиц, которые поедают их плоды.

Рус. диал. *кислянка* (Анненков, 142), укр. *кисьлянка* [109] 'бересклет' — это первоначально народные названия красной смородины (Филин 13, 236); название было перенесено на бересклет, вероятно, ввиду красного цвета плодов. Ср. также рус. диал. *костяника* 'бересклет' (Анненков, 142), которое было перенесено с названия кустарника Rubus saxatilis.

20. Многие названия разных растений были перенесены на бересклет, очевидно, без какой-либо мотивации: чеш. диал. *kaliňí* [110], н.-луж. диал. *kalinky* [111] и болг. *калинка* 'бересклет [112]' являются производными от существительного *kalina* (Viburnum); польск. *babi ząb* 'E. verrucosus' [113] — название растения зубянки (Dentaria); с.-хорв. *rakita* обозначает кроме ивы (Salix) также бересклет [114], ср. нем. диал. *Stubenwied* 'бересклет японский' [115]; мотивировка с.-хорв. *marijini postolčići* 'E. verrucosus' [116] неясна, так как ни плоды, ни цветы бересклета не напоминают по форме тапочки (в отличие от некоторых других растений, ср., например, чеш. диал. *pantoflíčky* 'львиный зев; сокирки' и др.; рус. *боярышник* 'бересклет' (Анненков, 142) — это первоначально название растения Crataegus; укр. диал. *розмарин дикиї* 'Euonymus nana', *саклак* 'бересклет' [117] < польск. *sakłak* (Phamnus); укр. диал. *черемшина* [118] было перенесено на бересклет с древесной породы Prunus padus; польск. *kuroślepina* [119], рус. *слепокурник*, *курослеп*, *курослепник* (Анненков, 142), укр. *сьліпокурник* [120] 'бересклет' обозначают также разные растения, например, Ranunculus и др.

21. Отметим заимствованные названия бересклета.

Польск. диал. *ćwikulec*, *ćwiekulec* [121] и словен. *cvekul*, *cvi* [122] 'бересклет' восходят к нем. *Zwickholz*, *Zweckholz*, *Zweckenholz* 'бересклет'. Древесина бересклета, как уже отмечалось, годится для изготовления сапожных гвоздей [123]. Из турецкого заимствованы *гарапча-айва* 'E. europaea' и *тахлан* 'E. japonica' [124].

22. Мотивировка следующих названий бересклета остается пока без объяснения: чеш. *hrebovnica* [125], болг. *божика* [126], макед. *комарка* [127], с.-хорв. *skrozlipina* [128], словен. *bezikovec*, *trdoleska*, *travleska* [129], рус. диал. *клещевник* (Анненков, 142), *клещущина*

(Филин 13, 294), укр. диал. *клещина* [130], рус. *цветовник, цветочник*, укр. *троцак* (Анненков, 142), *футарайки, неревина, клещевина* [131], блр. *сухалеснік, гіржамяліна* [132].

Примечания

1 *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Pr., 1954, 141.
2 *Jirásek V., Zadina R., Blažek Z.* Naše jedovaté rostliny. Pr., 1957, 168—169.
3 *Majewski E.* Słownik nazwisk zoologicznych, botanicznych polskich. II. W-wa, 1894, 324.
4 *Machek V.* Op. cit., 141; *Machek*², 96; *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967, 135.
5 *Machek V.* Drobné výklady o jménech rostlin. — Naše řeč XXXIV. Pr., 1950, 89—92.
6 *Симоновић Д.* Ботанички речник. Београд, 1959, 194—195.
7 *Šulek B.* Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879, 447.
8 *Mathioli P. O.* Herbář aneb Bylinář... Petra Ondřeje Mathiola... z německého pak jazyku v český přeložený od Adama Hubera z Rysnbachu D. — Danyele Adama z Veleslavína. Pr., 1596, глава LXX. Ср. *Marzell H.* Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen II. Leipzig, 1953, 347; Kluge—Mitzka, 727; БСЭ, 2-е изд., т. 5, 11.
9 См. также: *Rudnyćkyj J. B.* An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. I. Winnipeg, 1963, 111.
10 Здесь предполагают влияние слова *хмель*; см. *Горяев Н. В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, 29.
11 См. также: Словарь смоленских говоров I. Смоленск, 1974, 256.
12 *Makowiecki S.* Słownik botaniczny łacińsko-małoruski. Kraków, 1936, 147—149.
13 *Киселевский А. И.* Латинско-русско-белорусский ботанический словарь. Минск, 1967, 51. Блр. *бружмель* значит кроме 'жимолость (Lonicera)' также 'бересклет'. ЭСБМ I, 382, предполагает перенесение названия с бересклета на жимолость. В русском языке произошло наоборот, ср. *глухая жимолость, черная жимолость* 'бересклет' (*Анненков*, 141—142).
14 *Majewski E.* Op. cit., 325.
15 *Rostafiński J.* Słownik polskich imion rodzajów oraz wyższych skupień roślin. Kraków, 1900, 273.
16 Маковецкий (*Makowiecki S.* Op. cit., 148) отсылает к данным Желеховского (*Желеховский Е.* и *Недільский С.* Малоруско-нїмецкий словар II. Львів, 1886, 1063), у которого s. v. *чемелина* только 'Baumart'.
17 *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
18 *Киселевский А. И.* Указ. соч.
19 Марцелл (*Marzell H.* Op. cit., 346) связывает чеш. *kvadrátky* с формой ветвей бересклета, ср. нем. диал. *Kantholz, Vieregholz*, у Феофраста τετραγωνία 'бересклет'. Марцелл прав, что ветви бересклета четырехгранные, но только у вида E. europaea, ср. *Polívka F.* Názorná květena zemí koruny české II. Olomouc, 1900, 322.
20 *Jirásek V., Zadina R., Blažek Z.* Op. cit., 168—169.
21 Ibid.
22 *Machek V.* Česka a slovenská jména..., 142.
23 *Jindřich J.* Chodsko. Pr., 1956, 271.
24 *Bernolák A.* Slowár slovenskí česko-latinsko-německo-uherskí. I. Budín, 1825, 146.
25 *Radyserb-Wjela J.* Serbske rostlinske mjena. Budyšin, 1908, 71.
26 Материали за български ботаниченъ речникъ, събрани отъ Б. Давидовъ и А. Явашевъ, подредени отъ М. Шосевъ и П. Балабанова, доп. и ред. отъ Б. Ахтаровъ. С., 1939, 164.
27 *Šulek B.* Op. cit., 139.
28 *Симоновић Д.* Указ. соч.
29 *Barlè J.* Prinosi slovenskim nazivima bilja. — In: Zbornik za narodni život i običaje južnich Slavena XXXI, 173.

[30] *Симоновић Д.* Указ. соч.
[31] *Barlè J.* Op. cit., 173.
[32] *Marzell H.* Op. cit., 339.
[33] *Marzell H.* Op. cit., 342.
[34] *Gregor F.* K dejinám slovníkového spracovania slovenských ľudových názvov rostlín. — Jazykovedný časopis XVII. Bratislava, 1966, 68.
[35] *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
[36] См. также: *Majewski E.* Op. cit., 324—325; *Rostafiński J.* Op. cit., 273.
[37] *Jirásek V., Zadina R., Blažek Z.* Op. cit.
[38] *Machek V.* Česká a slovenská jména. . ., 142.
[39] *Kosík V.* Slovník lidových názvů rostlin. Pr., 1941, 48.
[40] *Jirásek V., Zadina R., Blažek Z.* Op. cit.
[41] *Majewski E.* Op. cit., 325.
[42] *Barlè J.* Op. cit., 173.
[43] *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
[44] *Marzell H.* Op. cit., 342.
[45] См. также: *Šulek B.* Op. cit., 304 и 84; на с. 488 в этом труде отмечается, что венгерские хорваты так называют растение Primula veris.
[46] Картотека диалектного отделения Ин-та языкознания им. Л. Штура Словацкой Академии наук.
[47] *Makowiecki S.* Op. cit., 149.
[48] Нем. диал. *Hanhödel* 'семенник петуха'→'бересклет', ср.: *Machek V.* Drobné výklady. . . 89.
[49] *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
[50] *Marzell H.* Op. cit., 345.
[51] *Lajnert J.* Rostlinske mjena. B., 1954, 70.
[52] *Radyserb-Wjela J.* Op. cit., 71.
[53] Картотека Немецко-верхнелужицкого словаря. Budyšin.
[54] *Radyserb-Wjela J.* Op. cit., 48, 71.
[55] Ср.: *Marzell H.* Die Tiere in deutschen Pflanzennamen. Heidelberg, 1913, 70 и сл.
[56] *Šulek B.* Op. cit., 186, 187 и 183.
[57] *Krausch H.-D., Michalk S.* Wörterbuch der niedersorbischen Pflanzennamen. Рукопись.
[58] *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
[59] *Rostafiński J.* Op. cit., 273. Ср. польск. *proskura* 'хлеб из пшеничной муки, которым пользовались во время богослужений', с примечанием: «От русинов» — *Rostafiński J.* Symbola ad historiam naturalem medii aevi. I. Cracoviae, 1900, 497.
[60] *Barlè J.* Op. cit., 173. — Bezlaj F. (*Bezlaj.* Eseji, 135) соотносит, однако, словен. *presnec* 'E. europaea' с чеш. *brslen*, рус. *брусклен* и т. д., выводя все их из праслав. **pręslenъ*, ср. выше.
[61] *Šulek B.* Op. cit., 167.
[62] *Симоновић Д.* Указ. соч.
[63] *Jirásek V., Zadina R., Blažek Z.* Op. cit. Ср. также чеш. диал. *koláčky* 'плоды просвирняка (Malva)' (*Kott* I, 720).
[64] *Barlè J.* Op. cit. XXXI, 173.
[65] Подобную мотивацию можно найти также в немецких диалектных названиях бересклета, ср. *Marzell H.* Op. cit., 352.
[66] *Šulek B.* Op. cit., 456.
[67] *Machek V.* Česka a slovenská jména. . . 183.
[68] *Polívka F.* Op. cit., 323.
[69] Материали за български ботаниченъ речникъ. . ., 164.
[70] *Šulek B.* Op. cit., 225.
[71] *Симоновић Д.* Указ. соч., 194.
[72] *Jirásek V., Zadina R., Blažek Z.* Op. cit.
[73] Материали за български ботаниченъ речникъ. . ., с. 164.
[74] *Mathioli P. O.* Op. cit., гл. LXX.
[75] *Marzell H.* Op. cit., 346.

76 БСЭ, 2-е изд., т. 5, 11.
77 *Budziszewska W.* Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław etc., 1965, 289. Указание на источник, однако, отсутствует. Там же приводится словен. *kokorek*, *kokorik* 'бересклет', но тоже без указания источника.
78 *Radyserb-Wjela J.* Op. cit., 71.
79 *Móń M.* Dolnoserbske rostlinske měna. — Časopis Maćicy serbskeje LX. Budyšin, 1907, 127. Н.-луж. *kokordac* > восточносредненемецкое *Kokerdatz* 'Pfaffenhütchen', ср.: *Eichler E.* Etymologisches Wörterbuch der slawischen Elemente im Ostmitteldeutschen. Bautzen, 1965, 64.
80 *Krausch H.-D., Michalk S.* Op. cit.
81 См. также: *Eichler E.* Op. cit., 145.
82 *Šmilauer V.* Výklady slov. — Naše řeč. XXIV. Pr., 1940, 55.
83 *Machek V.* Op. cit., 270.
84 *Šulek B.* Op. cit., 51.
85 *Mathioli P. O.* Op. cit., гл. LXX. Ср. также словен. *mrtva trta* 'бересклет'. — *Šulek B.* Op. cit., 251.
86 *Šulek B.* Op. cit., 367.
87 *Makowiecki S.* Op. cit., 149.
88 *Симоновић Д.* Указ. соч.
89 *Никольский А., Врангель В., Нольде Е., Клепке А.* Лесной словарь. СПб., 1843, 70.
90 Словарь русских донских говоров. 1. Ростов н/Д., 1975, 26.
91 *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
92 *Marzell H.* Op. cit., 352.
93 *Šulek B.* Op. cit., 392.
94 *Симоновић Д.* Указ. соч.
95 *Marzell H.* Op. cit., 351.
96 *Bartoš F.* Dialektologie moravská, II. Brno, 1895, 503.
97 *Jirásek V., Zadina R., Blažek Z.* Op. cit.
98 Материали за български ботаниченъ речникъ. . ., 164.
99 Ср. нем. диал. *Spindelholz* 'Acer pseudoplatanus'. — *Marzell H.* Op. cit. I, 76.
100 *Hora K.* Bulharsko-český slovník. Pr., 1959, 1020.
101 Материали за български ботаниченъ речникъ. . ., 164; на с. 143 ср. также болг. *чешкодрън* 'Cornus sanguinea L'.
102 *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
103 *Симоновић Д.* Указ. соч.
104 *Majewski E.* Op. cit., 325.
105 *Makowiecki S.* Op. cit., 149.
106 *Киселевский А. И.* Указ. соч., 51.
107 *Machek V.* Op. cit., 11.
108 *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
109 Ibid.
110 *Klusák K.* K lidovým názvům rostlin ve velickém nářečí. — Naše řeč. XLIII, Pr., 1960, 97.
111 *Dučman H.* Zběrka rostlinskich mjenow. — Časopis Maćicy serbskeje XXV. Budyšin, 1872, 90; *Krausch H.-D., Michalk S.* Op. cit. Сюда же в.-луж. *ralinki?*, ср. *Lajnert.* Op. cit., 70.
112 Материали за български ботаниченъ речникъ. . ., 164.
113 *Majewski E.* Op. cit., 325.
114 *Lambl.* Nástin flory dalmatinské a seznam rostlin podle jmén prostonárodních, která lid slovanský po břehách Adriatického moře užívá. — Časopis Českého musea XXVI. Pr., 1852, t. 2, 59.
115 *Marzell H.* Op. cit., 354.
116 *Šulek B.* Op. cit., 223.
117 *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
118 Ibid.
119 *Majewski E.* Op. cit., 325.

120 *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
121 *Majewski E.* Op. cit., 325, 858.
122 *Šulek B.* Op. cit., 46.
123 *Marzell H.* Op. cit., 348.
124 Материали за български ботаниченъ речникъ. . ., 164.
125 *Jirásek V.*, *Zadina R.*, *Blažek Z.* Op. cit.
126 Только в кн.: Материали за български ботаниченъ речникъ. . ., 164.
127 *Симоновић Д.* Указ. соч., 195. Может быть, это слово связано с макед. *комар, комарец* 'комар'. Мухи и другие насекомые любят облизывать сок цветов бересклета.
128 *Šulek B.* Op. cit., 356.
129 *Barlè J.* Op. cit. XXX, 198; XXXI, 173.
130 *Горницкий К. С.* Список русских и немногих инородческих названий растений. Дополнение к «Ботаническому словарю» Н. Анненкова. Харьков, 1886, 10.
131 *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
132 *Киселевский А. И.* Указ. соч.

Э. Хэмп *

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

**e*

Эта частица, представленная у южных и восточных славян (ЭССЯ, 6, 7) в значении 'ну, вот, вон, там' или как междометие, выражающее подзывание, удивление, вопрос, сожаление или недовольство, с моей точки зрения, не может, видимо, иметь местоименного происхождения. В своем мнении я основываюсь на двух формальных соображениях. Во-первых, я склонен думать, что дейктический элемент в такой функции подзывания должен был бы появиться в старой локативной конструкции [1]; синтаксически неоправданно для языка индоевропейского типа правильное употребление местоимения в неизменяемой форме. Во-вторых, я не думаю, что существовало индоевропейское местоимение **e* (дейктическое или какое другое); я полагаю, что такой элемент, фигурирующий в справочниках, основывается на ошибочном анализе, я заявляю, что **e* — это просто косвенная основа анафорического **ei* и поэтому, следовательно, она выступала только с определенными падежными формами [2] точно так же, как *k^we-* было основой косвенного падежа вопросительного местоимения.

Мне представляется, что **e* было, собственно, эмоционально-восклицательной и усилительной (или препозитивно поставленной) неизменяемой частицей. Этот морфологический и немаркированный статус, естественно, не исключает прагматического употребления в речи в функции pro forma.

В таком случае, видимо, позволительно утверждать, что такая аффективная частица, собственно, не принадлежит языковой системе (и, следовательно, она не относится к сравнительно-истори-

* © Eric P. Hamp, 1988 г.

ческому словарю, но является просто интрузивным элементом аффективного звукообразования, отличным от чихания тем, что он более сфокусирован на акте своего образования. То, что это не так, доказывается подлинно лингвистическим синтаксическим поведением *e, как показывают сочетания (ЭССЯ 6, 8—9) *e *sь* и т. п., *e *vo* и т. п., *e *tъ* и т. п.; мы можем также указать на южнославянское *e *no*. Эти сочетания являются ценным подтверждением славянской конструкции *e + дейктический элемент (в форме CV либо в номинативе, либо с V невысокого подъема). Речения *e *da* и *e *lě/li* нуждаются в большем изучении, прежде чем они могут быть включены в общую картину.

Одной конструкции *e + дейктический элемент достаточно, чтобы показать невероятность утверждения, будто бы *e* само по себе имело дейктическое значение. Похоже, что *e служило средством привлечения внимания к тому, что следовало за ним и указанием на что служил дейктический элемент, т. е. к тому, что несет дейксис.

Одно *e, кажется, служило для того, чтобы привлечь внимание, а также для того, чтобы выразить аффект, обычное отсутствие йотации остается необъясненным, что создает трудности для теории, настаивающей на том, что этот элемент является составной частью языка.

*edlь

Для праславянского нет необходимости в отдельной позиции **edla* (ЭССЯ, 6, 14). Если оставить в стороне производные на *-ka*, то в плане географии рефлексы **edlь* и **edla* находятся точно в отношении дополнительного распределения. Производящей формой является, естественно, **edla*; рецессивная форма **edlь*, кроме того, затруднена фонетической нереальностью формы *(j)el*.

Представлены две большие области распространения расширенной формы на *-a*: почти вся южнославянская территория, начиная с востока, и северная половина западнославянского. Консервативными ареалами являются восточнославянские языки, южная часть западнославянского и словенский язык.

Таким образом, мы восстанавливаем **edlь* < **edhlī-*. Поскольку балтийский показывает **edlē*, мы должны возвести это к **ēdhliā* тематизации женского рода первоначального **edhli-*. Балто-славянская *i*-основа — ожидаемый рефлекс основы на согласный, следовательно, мы можем реконструировать **edhl-* (ж. р.) с точным соответствием лат. *ebulus*.

Об этом и других названиях деревьев см. мою рецензию на работу П. Фридриха — American Anthropologist 75, 1973, 1093—1096.

*elbeda, *elbędь

Эти две формы, как кажется, образуют в праславянском отношения чередования с **olboda* и **olbǫdь*. Однако если последняя форма родственна лат. *albus* 'белый' < **albh-*, то это отношение

изначально невозможно, поскольку мы должны исходить из *$H a^e bh$-. Следовательно, мы должны предполагать для северославянских языков новый аблаут, развившийся после слияния *о и *а, как я уже писал об этом в журналах Slavistična revija 28, 1980, 98 и Folia Linguistica Historica 3, 1982, 127. То же самое в отношении *elьха и производного от него *elьša и т. п.

*elenь

Я занимался (совсем недавно) валлийским *elein* в Studia celtica (8/9, 1973/4, 268).

*emela и т. п.

Интересна диалектология этой лексемы. Восточнославянские языки (рус. *омела*) мало что нам сообщают. Форма на *е интенсивно распространена в западнославянских языках, если не принимать во внимание случайный болгарский пример. Нулевая ступень в форме *i/jь- устойчиво представлена в южнославянских языках и чешском и соотносится с суф. *-je*. Начальное *о- сходным образом наличествует в южнославянском и словацком. По этой причине древние формы должны быть на *о- и *i/jь-, см. мои дополнительные замечания в кн.: Зборник за филологиjу и лингвистику 14, 1971, 253—255.

Похоже, что *ęti + -el- (агентив?) представляет собой позднюю народную этимологию.

*esetrъ, *esera

Если мы не прибегаем к слабой гипотезе о предполагаемой ассимиляции гласных последующему слогу (т. е. *osetrъ, *osera), то должны рассматривать их как дальнейшие примеры нового аблаута (как и в случаях с *elbeda, *elbędь и *elьxa), если мы признаем родство *esetrъ и *esera с *ostrъ и родственными ему словами от и.-е. *ak̂-. Ввиду алб. *athël(ë)* я реконструирую *ak̂ = $H_a ek̂$ со вторым ларингалом.

*ęčьmenьnъjь

Эта форма рассматривается (ЭССЯ, 6, 62) как регулярное производное на *-ьnъ* от *ęčьmen-. Вполне возможно, что это так. Но принимая во внимание лексическое окружение праславянского, следует отдать предпочтение более экономному, более специальному решению.

Эта форма могла быть просто контаминацией двух прежде существовавших прилагательных *ęčьmenъ и *ęсьnъ. Хотя первая форма является производным старого вида от *ęčьmy (*enkimon-), т. е. *ęčь-men-ъ, последняя отражает более архаичное отношение *ęčьnъ < *enk-ino- или *ink-ino.

*ękati/*ęcati

Представленный в них славянский корень *(е)nk- (ЭССЯ 6, 69) не может сравниваться с зап.-герм. *janken* и алб. *ankój*. Первое сравнение противоречит закону Гримма. Албанская форма соответствует тоск. *rëkoj*, что служит указанием на староалбанскую основу в форме *VnVk-. Я предполагал производность[3] последней от *enīk^{w}ā 'лицо, честь'.

*ętra

ЭССЯ 6, 72 реконструирует в форме *ętro 'внутренности, печень'. Едва ли можно сомневаться в том, что эта форма ср. р. ед. ч. существовала. Но важно отметить распространенные соответствия: с.-хорв. *jȅtra* (с обновленным ударением и краткостью), словен. *jétra*, чеш. *jatra*, в.-луж. *jatra*, н.-луж. *jětša*, полаб. *jǫtră*, рус. *ятра* — все формы множественного числа.

Ясно, таким образом, что славянский язык обладал плюральной лексемой *ętra* со специфической семантикой, соответствующей греч. ἔντερα и арм. *ənderk'*.

Ср. относительно особенностей мои реконструкции в кн.: Zeitschrift bür Balkanologie 19, 1983, 14—15 и Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists. Bologna, 1975, II, 1047—1055.

Примечания

[1] См.: Baltistica 19, 1983, 176 и след.
[2] AJP 103, 1982, 98—99, с дальнейшей литературой.
[3] Papers from the 20th Regional Meeting. Chicago Linguistic Society, 1984, 149—152.

Д. Брозович *

ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЕРБОХОРВАТСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *maća* 'ПЯТНО'

В кн. Этимология. 1981 (М., 1983) В. А. Меркулова опубликовала в составе большой статьи под названием «Русские этимологии VI» небольшую заметку с подзаголовком «матинки» (с. 64—65). Основные положения этой заметки следующие.

В русских донских говорах отмечено слово *матúнки* 'веснушки', другим диалектам неизвестное. Автор связывает его с с.-хорв. 'пятно', для которого предполагает праславянский источник *matja. С известной долей осторожности эти две лексемы сопоставляются с рус. *мáтежи* 'пятна на лице беременной женщины', хотя для последнего не исключается деэтимологизация

* © Dalibor Brozović, 1988 г.

праславянской формы *madežь. Я не хочу углубляться в этимологическую проблематику приведенных здесь русских слов, но с.-хорв. *maća* совершенно определенно не происходит от предполагаемой праславянской формы **matja*. Если бы такая форма и существовала, что абсолютно невероятно, с.-хорв. *maća* не имела бы с ней ничего общего.

В Словаре Скока находим *mặća*[1] (< *maćeha*), *mặća*[2] (напечатано *mȁća* — это, как видно по тексту и по месту данного слова в отношении алфавитного порядка, типографская опечатка; именно данная лексема нас интересует) и *máća*[3] (< *mȁti*). *Mặća*[2] толкуется с помощью слов *mȑlja*, *ljȁga*, *mana*, *madež*, *pl̥ka*, *pjȅga* (= '(грязное) пятно', 'пятно, поношение, позор', 'недостаток, порок', 'родимое пятно', 'веснушка'). Из-за неудачного построения Словаря Скока всё необходимо искать сначала в индексе, а потом — под некоторыми из этих слов, прежде всего под *mȁkulica*, так как слóва *maća* ни в одной из трех его просодическо-семантическо-этимологических форм нет на алфавитном месте.

Все соответствующие сведения о лексеме *maća* '(грязное) пятно', 'позорное пятно, позор', 'родимое пятно' мы находим в статье о слове *mȁkulica*. Тут даны диалектные формы *maća*, *mâća*, производные — *mȁčka* (с кайкавским *č*) и *mȁćica* и т. д., указание на диалектное (территориальное) распространение. Скок объясняет и этимологию: лат. *macŭla*, итал. *màcola* (parola dotta) и *macchia*. Отсюда и европеизм *makulàtūra* (современное стандартное ударение *makulatúra*). Объяснения Скока можно дополнить итальянским интернационализмом *L'Immacolata* 'непорочная дева', т. е. 'Богородица', который хорошо демонстрирует семантику.

С.-хорв. лексема *mȁća*, несомненно, происходит от итал. *macchia*, точнее — от венецианской фонетической формы. Просодические различия, отмечающиеся в сербохорватских диалектах, вероятно, отражают, хотя бы частично, диалектные различия между самими венецианскими диалектами. Итальянское происхождение устанавливается совершенно уверенно, вследствие концентрации свидетельств в западной половине хорватской языковой области, особенно в Адриатической зоне (данные см. у Скока, а также в RJA), вследствие характера древнейших письменных свидетельств (RJA), из-за соответствия семантических вариантов итальянскому источнику, вследствие регулярности соотношения: венецианский рефлекс итальянского *kj* — с.-хорв. *ć*, и, наконец, вследствие того, что *mȁća* и теперь в разговорном языке Адриатической зоны — один из самых обычных варваризмов, входящий в состав сотен других хорватских варваризмов итальянского происхождения той диалектной зоны.

Итак, несомненно, что сербохорватскую лексему *mȁća* не следовало упоминать в связи с русскими словами *матйнки* и *мáтежи*.

Перевела с сербохорватского И. П. Петлева

М. Ф. Мурьянов

НОВОЕ О СТ.-СЛАВ. ТРИЗНА

Заметное на общем фоне лексики праславянского язычества слово *тризна* не раз обращало на себя внимание палеославистов и может считаться семантически разработанным, насколько это позволила скудость наших знаний о праславянском язычестве. «Начинать приходится, несомненно, с тех примеров, где это слово выступает переводом греческих лексем. Только здесь значения бесспорны» [1]. А поскольку мы сегодня далеки от исчерпания всей совокупности документированных греческо-славянских соответствий и даже не имеем славяно-греческого словаря к средневековым переводным текстам, то именно в этом направлении, через увеличение количества выявляемых и анализируемых примеров перевода, можно ожидать приращения знаний о семантике славянского слова *тризна*. Сообщаем один такой пример.

В апрельской служебной Минее XI/XII в. (Москва, ЦГАДА, фонд 381, № 110) на 26-й день находится служба священномученику Василию епископу Амасийскому (л. 93—95 об). Канон службы содержит следующее:

Акы жрътва бес порока
и чьсть за нъ принесе сѧ
г(оспод)оу плодъ приношение || быс(ть)
акы агнѧ на трызнѣ възлеже
пр(е)ч(и)стыѧ слоужьбы достои<н>обл(а)жене

(песнь 4, тропарь 3, л. 94—94 об.).

Греческое соответствие опубликовано по двум спискам, причем менее древним, чем древнерусский текст перевода — по ватиканской рукописи Reg. gr. 32, XII в., и по рукописи патмосского монастыря св. Иоанна Patm. gr. 901, XIV в.:

Ὡς ἱερεῖον ἄμωμον
ἱερὰ προσηνέχθης θυσία
καὶ γέγονας ὁλοκάρπωμα τῷ κυρίῳ
καὶ ὡς ἀμνὸς τῷ βωμῷ ἐξετέθης
τῆς ἀμώμου λατρείας,
ἀξιομακάριστε [2].

Итак, трызна здесь мыслилась древним переводчиком как эквивалент для βωμός. Это — совершенно новое для нас значение славянского слова [3]. А что известно о значении βωμός?

Это слово встречается в Новом завете единственный раз — в речи апостола Павла перед язычниками в афинском Ареопаге. Она начинается так: «Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник (βωμὸν), на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деяния 17, 22—23).

Сакральный центр христианского храма, алтарь, у византийцев чаще всего назывался τράπεζα. Реже употреблялось слово θυσιαστήριον (унаследованное от религии Ветхого завета), более всего Иоанном Златоустом и Григорием Назианзином, подчеркивавшими его антонимичность по отношению к βωμός — название алтаря языческого[4]. Наш переводчик был достаточно сведущ, чтобы эту антонимичность ощущать. Встретив греческое нехристианское слово, он постарался передать его нецерковную сущность славянским языческим *трызна*, видимо, не зная, что воцерковление βωμός уже состоялось, это слово применено к христианскому алтарю Синесием Киренским (начало V в.) и в папирусе V или VI в.[5] Отметим, что автор канона, в котором находится наш тропарь — константинопольский патриарх Герман (715—730), считавшийся современниками стилистом самого высокого класса. Он своенравно соединил два несовместимых образа: ὁλοκάρπωμα, ветхозаветная жертва всесожжения, для которой нормой было бы словосочетание с θυσιαστήριον, сочеталась с его антонимом.

Что же касается семантической адекватности перевода, то она, разумеется, никогда не может быть всесторонне полной. Переводчик собственно «Деяний», чей труд засвидетельствован сейчас списком середины XII в. — Христинопольским Апостолом, пошел по другому пути, придерживаясь той смысловой грани слова βωμός, которая позволила ему рельефно показать низменную материальность, неодухотворенность языческого жертвенника, он для него не более чем предмет: Мимохоѧ бо и съзираѩ тѣлеса б(ог)ъ вашихъ, обрѣтохъ и тѣло, на нѥмьже бѣ напсано . . .[6]

Апостол Павел уподобил полную опасностей жизнь своих современников-христиан бегу на стадионе (I Кор 9, 24), это сравнение — единственная в своем роде дань уважения жизнерадостному античному спорту со стороны рождавшейся аскетической религии, которая вскоре сузила семантику атлетической лексики (ἆθλος и производные) до понятия мученичества за веру, самопожертвования. По этой логике получается, что тризна, жертвенник, алтарь — это стадион в сокращении. Ту же мысль можно выразить иначе: стадион — это жертвенник очень больших размеров, тризнище. Так думалось анонимному гимнографу, написавшему канон мученику Маманту Кесарийскому, представленный сегодня греческими списками не старше XIII в. и древнерусской рукописью XIV в. — Минеей № 705 (1) Ярославского областного архива, где на л. 11 об. читаем:

В гору б(ож)ию
с(ь)рд(ь)ца твоего пр(е)м(у)дре ѡчи взведъ
в тризьнищи держимъ
ѡт(ъ) вышнѧго прис(но)памѧтне
руки помощь приѩтъ
бл(а)годарно вопиѩ ему.
Служение собе
принесъ словесное творцю твоему

всь сжегъ сѧ Мамонте славне
ꙗко во ѡгни страданием си
тѣмъ бл(а)годарнымъ с(ь)рд(ь)ц(ь)мъ
вспѣваꙗ взываше.

В оригинале:

Εἰς ὄρῃ θεοῦ
τῆς καρδίας σου, σοφέ, ὄμμα διάρας,
ἐν τῷ σταδίῳ συνεχόμενος
ἐκ τοῦ ὑψίστου, ἀοίδιμε,
χεῖρας βοηθείας ἐδέξω
εὐχαρίστως βοῶν αὐτῷ.

Λατρείαν σαυτὸν
προσενέγκας λογικὴν τῷ ποιητῇ σου,
ὡλοκαυτώθης, Μάμα ἔνδοξε,
ὡς ἐν πυρὶ τῇ ἀθλήσει σου·
ὅθεν εὐχαρίστῳ καρδίᾳ
ἀνυμνῶν ἀνεκραύγαζες [7].

Эта образность как нельзя лучше подходила к мученику Маманту: в византийской столице его имя было присвоено ристалищу для конных состязаний — ипподрому. Культ Маманта [8] находился в специфической связи с Киевской Русью, ведь путь из варяг в греки вел на подворье константинопольского монастыря св. Маманта, где имели обыкновение останавливаться русские гости [9]. Это создавало дополнительные возможности для проникновения на Русь подлежащих переводу текстов церковной службы св. Маманту (она есть уже в новгородской Минее конца XI в.[10]), минуя болгарское посредство, считающееся со времен И. В. Ягича обычным, чуть ли не обязательным.

Примечания

[1] *Топоров В. Н.* К семантике троичности (слав. **trizna* и др.). — В кн.: Этимология 1977. М., 1979, 4.

[2] Analecta hymnica Graeca, VIII. Canones aprilis. C. Nikas collegit et instruxit. Roma, 1970, 323.

[3] О феномене сакрального самопожертвования в различных эпохах и культурах см.: *Barnes T. D.* Constantin's Prohibition of Pagan Sacrifice. — American Journal of Philology, vol. 105. Baltimore, 1984, 69—72; *Davies N.* Opfertod und Menschenopfer. Glaube, Liebe und Verzweiflung in der Geschichte der Menschheit. Düsseldorf, 1981.

[4] *Wessel K.* Altar. — In: Reallexikon zur byzantinischen Kunst. 1. Bd. Stuttgart, 1966, 111.

[5] *Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford; Hong Kong, 1982, 306.

[6] Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saec. XII scripti ed. Aem. Kałużniacki. Wien, 1896, 41.

[7] Analecta hymnica Graeca, I. Canones septembris. A. Debiasi Gonzato collegit et instruxit. Roma, 1966, 58—59.

[8] *Cignitti B.* Mama di Cesarea. — In: Bibliotheca Sanctorum, t. VIII. Roma, 1967, 591—612.

[9] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, 90.

[10] *Ягич И. В.* Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 г. СПб., 1886, 015—022.

О. Б. Страхова

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КОНЦА XVII в.

Церковнославянский язык 2-ой половины XVII в. характеризуется существенным расширением лексического фонда. Большая часть церковнославянских новообразований, вышедших из-под пера московских книжников того времени, не получила широкого распространения, оставшись в стенах их переводческих «лабораторий», неся на себе печать их творческих индивидуальностей и корпоративной ориентации. Введение в церковнославянские тексты лексических инноваций было плодом интенсивной сознательной филологической работы, нередко выражающейся в специальных этимологических изысканиях, целью которых, как правило, было повышение смыслового статуса предлагаемой лексической замены. Яркие примеры такого рода штудий можно найти в «...правилах на ѾмѢны речéнiи стаго сѵмвола» Епифания Славинецкого, в трактате Евфимия Чудовского «Ѿ исправлéнiи в' прежде печáтанныхъ книгахъ минéахъ...». Многие из предлагаемых новообразований представляли собой кальки греческих эквивалентов. Ср., например, *взѧтiе* 'Вознесение' (хрононим) ('Ἀνάληψη[ις]); *в'пр͠толѧти* 'возводить на трон, престол' (ἐνθρονιάζειν); *демоноговѣинство* 'суеверие' (δεισιδαιμονία); *лани́тство* 'пощечина' (ῥάπισμα); *чюждострáдати* 'удивляться' (ξενοπαθεῖν); *оу҆кр͠твовати* (*сѧ*) 'распять(ся)' (σταυροῦν)[1]. Окказиональный характер этой лексики и относительно позднее время ее появления, по-видимому, стали причиной ее слабой представленности в соответствующих лексикографических трудах. Между тем, подобное словоупотребление, на наш взгляд, отражает определенные процессы, происходящие в церковнославянском языке позднего периода, что делает необходимым внимательное изучение этого лексического пласта.

В рукописях, хранящихся в Синодальном собрании ГИМа (далее Синод.) и атрибутированных А. Горским и К. Невоструевым иноку Московского Чудовского монастыря Евфимию (? — 1705)[2], обнаруживаются любопытные хрононимы, входящие в узкую семантическую группу названий дней недели, — *г͠дница* (*господница*), *г͠дскiй днь* (*господский день*) 'воскресенье' (Синод. 571, л. 58; Синод. 596, л. 41 об; Синод. 433, л. 51 об; Синод. 715 л. 17); *сáввата*, *саввáть* 'суббота' (Синод. 433, лл. 26, 41 об, 42, 56, 104 об, 105; Синод. 124, л. 43; Синод. 391, л. 19; Синод. 596, л. 40 об; Синод. 473, лл. 24 об, 25, 26); *параскевй* 'пятница' (Синод. 124, л. 139; Синод. 433, л. 25 об.; Синод. 473, л. 26); *тетрáдй* 'среда' (Синод. 124, л. 139). Анализу этих лексем и посвящена настоящая заметка.

В литературе, изучающей славянскую систему счета дней, неоднократно обсуждался вопрос о соотношении так называемых

«славянской» и «церковной» недель [3]. Представление о славянской неделе, отличной от церковной, основывается, прежде всего, на анализе внутренней формы славянских названий дней недели. Так, наличие слов *вторник*, *четверг*, *пятница* позволяет предполагать, что исчисление дней недели у славян начиналось с понедельника. В этом контексте *среда* (т. е. «срединный» → 4-ый день) воспринималась как след заимствованной, «церковной» недели. Б. А. Успенский прямо указывает на контаминацию автохтонного и заимствованного счета времени у славян, на существование «народной» и «церковной» недель (1-ая начинается с понедельника, 2-ая — с воскресенья), причем церковная литургическая неделя соответствует греческому, латинскому и еврейскому счету времени [4].

С. М. Толстая в статье «К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели» указывает на наличие в самой церковной литургической практике двойной системы счета дней: проспективной и ретроспективной. Проспективная система ориентирована на следующее за неделей воскресенье и, таким образом, начинает неделю с понедельника (подобный счет характерен для недель троицкого и великопостного циклов; ср. Вербная неделя → Вербное воскресенье). Ретроспективный счет дней начинает неделю с воскресенья и называет или нумерует ее по этому предшествующему воскресенью (что характерно для недель пасхального круга; ср. Светлое воскресенье → Светлая неделя). Таким образом, указывает С. М. Толстая, «наличие двух параллельных способов счета дней недели характерно уже для самого церковного календаря и потому не может служить основанием для противопоставления церковной и народной недели (по крайней мере для православной традиции)» [5].

Можно полагать, что причину, побудившую Евфимия предложить ряд лексических инноваций, следует искать не в стремлении ликвидировать противопоставленность «автохтонной народной» и «заимствованной церковной» систем названий (и счета) дней недели, которой, как мы видим, в православной традиции не было, а в специфике его языковых установок. Языковые взгляды Евфимия Чудовского, известного справщика конца XVII в., определяет его ярко выраженная восточная (грекофильская) культурная ориентация. Будучи грекофилом, он по своим взглядам был близок таким церковнославянским писателям и религиозным деятелям, как Епифаний Славинецкий, Софроний и Иоанникий Лихуды, Афанасий Холмогорский, Иов Новгородский, иеродиакон Дамаскин, Ф. П. Поликарпов и др.

Для языка грекофилов (или «еллино-славянского стиля» в терминологии В. В. Виноградова) был характерен и имел основное организующее значение прием морфологического, синтаксического, семантического и фразеологического отражения греческого языка. Данный прием обычно называется принципом пословного перевода. Этому принципу вполне соответствует приведенные выше *г҃дница*,

г҃дскій днь 'воскресенье', которые представляют собой кальку греческого хрононима Κυριακή (ἡμέρα). Причем любопытно, что и в том и в другом случае морфологическая оформленность церковнославянской инновации отражает попытку более полной передачи грамматических характеристик греческого эквивалента (в первом случае — *господница* — сохраняется родовая принадлежность слова, во втором — *господский день* — фразеологическая оформленность)[6].

Обратимся теперь к другим хрононимам, предложенным Евфимием: *сáввата*, *саввáтъ*, *параскевѝ*, *тетрáдй*, которые, безусловно, следует оценивать как прямую транслитерацию греч. Σάββατο[ν] 'суббота', Παρασκευή 'пятница', Τετράδη 'среда'.

Относительно произведенной Евфимием замены ц.-слав. *сꙋббѡ́та* на *сáввата*, *саввáтъ* мы можем заметить следующее. В рукописи ГИМа (Синод. 473) «Правослáвное ѝсповѣ́даніе вѣ́ры» (1695 г.) на л. 24 об. предисловия рукой Евфимия сделана такая запись: «Сáввата ꙋ҆́бѡ (а̀ не сꙋббѡ́та) толкꙋетсѧ воспокоеніе ѝлѝ престатіе ѿ дѣла. . . Сꙋббѡ́та же. . . пи́шемо ѝлѝ читáемо нѐ тóкмо нѐ прáвѡ, нò ѝ велмѝ грꙋ́бѡ ѝ варварскѡ ё҆сть, ѝ ни еди́но толковáніе има҃т». Очевидно, что в данном случае автор прямо возводит предлагаемые им лексемы к др.-евр. *šabbāt* при др.-евр. глаголе *šbt*, непосредственно означающем 'покоиться, останавливаться' (ср. «воспокоеніе ѝлѝ престатіе ѿ дѣла» у Евфимия). Апелляция к древнееврейскому языку отчасти поддержана контекстуальным распределением вариантов *сáввата—саввáтъ*. Последний обычно выступает в характерном ветхозаветном контексте — при изложении 10 заповедей Божиих (ср.: ц.-слав.: «Пóмни дéнь сꙋббѡ́тный. . .» (Исх. 20:8); в переводе Евфимия: «Пóмни днь саввáтъ. . .» (Синод. 596, л. 40 об., Синод. 433, л. 26 об.). Примечательно, что лексические варианты *сáввата—саввáтъ* как бы соответствуют двум разным языковым моделям — древнегреческой и древнееврейской (в последнем случае в греческой огласовке). Приведенный пример свидетельствует о некотором знакомстве инока Евфимия с древнееврейским языком, что не отмечалось исследователями.

Таким образом, создание нового слова у церковнославянского писателя продиктовано стремлением наиболее полно отразить с е м а н т и к у переводимого слова и, насколько это возможно, сохранить его морфологические характеристики. Принцип пословного перевода, о котором мы говорили выше, (особенно в системе языковой практики русских книжников конца XVII в.) должен быть понят значительно шире. Для пословного перевода помимо полноты лексической передачи источника и особенного внимания к словоупотреблению оригинала, была характерна лексико-синтаксическая и семантическая с и н о н и м и я т е к с т о в[7]. Именно последнему требованию отвечает появление слов *тетрáдй* 'среда' и *параскевѝ* 'пятница' в языке Евфимия Чудовского. В уже упоминавшейся рукописи «Правослáвное ѝсповѣ́даніе вѣ́ры» на л. 26 имеется следующий текст: «Ѡ҆ днéхъ седми́ци. Числи҃тсѧ днéй седми́ца си́це. Пéрвый

дн҃ь кѵ́ріакѝ, сирѣчь г҃дскій, илѝ г҃дница, рекше н҃лѧ. Вторый дн҃ь понⷣ҇лникъ. Третій дн҃ь вто́рник зовемый. Четвертый средà, зà ёже среди седми́ци в'чиненъ. Пѧтый дн҃ь четверто́къ зовемый. Шестый дн҃ь параскевѝ иже наро́днѡ (ѿ неискꙋства) зоветсѧ пѧто́къ: нò нè ёсть пѧто́къ, нè бо́ пѧтый дн҃ь седмици, нò шестый». Примечательно, что в приведенном тексте Евфимий дважды употребил причастие *зовемый* применительно к словам *вторник* и *четверг* (*четверто́къ*) (*зовемый* в ц.-слав. 'так называемый'), передавая тем самым чужую речь и чуждую ему точку зрения. Ср. в этом же тексте развернутую ссылку на «народную» речь (. . .иже наро́днѡ (ѿ неискꙋства) зоветсѧ пѧто́къ)[8]; таким образом, текст внутренне глубоко полемичен. Автор обращает внимание читателей на отсутствие параллелизма между значением слова и местом этого слова в иерархии названий дней недели, т. е. апеллирует к внутренней форме самой лексемы. Очевидно, что приведенные выше рассуждения подчинены своей особой, внутренней логике, понять которую, на наш взгляд, можно только в фокусе сопоставления церковнославянских и греческих названий дней недели.

На основании анализа семантики греческих названий дней недели, можно полагать, что греческий счет дней начинался с воскресенья и заканчивался, соответственно, субботой. Ср.: Δευτέρα 'понедельник' (δεύτερος 'второй, следующий'), Τρίτη 'вторник' (τρίτος 'третий'), Τετράδη (=Τετάρτη) 'среда' (эп. τέτρατος (τετάρτος) 'четвертый'), Πέμπτη 'четверг' (πέμπτος 'пятый'). Таким образом, из семи дней греческой недели внутренняя форма четырех дней отражает определенное порядковое числительное, а три — Κυριακή, Παρασκευή, Σάββατον — не отвечают этой семантико-словообразовательной модели.

Вернемся к исследуемому нами пассажу инока Евфимия. Будучи ориентированным на греческие семантико-словообразовательные модели, Евфимий обратил внимание на тот факт, что ц.-слав. *пѧ́тница* (*пѧто́къ*) вступает в противоречие с внутренней формой греч. Παρασκευή 'пятница' букв.: 'приготовление, подготовка', в то время как ц.-слав. *вторникъ*, *четвергъ* (*четвертокъ*), *понедѣльникъ* отражают греческий номинационный принцип (в ц.-слав. *понедѣльникъ* безусловно присутствует идея последовательности, счета, т. е. 'следующий за неделей, второй по отношению к неделе' (неделя зд. 'воскресенье'), что позволяет Евфимию соотнести его с греч. Δευτέρα при δεύτερος 'второй, следующий'. Замена ц.-слав. *срѣда* на *тетра́ди*, отмеченное в языке Евфимия один раз (Синод. 124, л. 139), имеет аналогичный характер. Семантика церковнославянского слова 'срединный, центральный день недели' вступила в некоторое противоречие со значением греческого эквивалента — 'четвертый', что и вызвало необходимость замены.

Таким образом, создавая новые хрононимы, Евфимий Чудовский ориентируется непосредственно на греческую систему счета дней. Изменениям подвергаются только те слова,

семантика которых так или иначе расходится с семантикой греческих эквивалентов. Прием создания хрононимов-окказионализмов носит неоднородный характер. В одном случае происходит простой перевод греческого слова на ц.-слав. (*г҇дскій днь*, *г҇дница* ← Κυριακή (ἡμέρα), в другом — транслитерация греческих названий (*параскеві* ← Παρασκευή, *тетра́ди* ← Τετράδη), в третьем — транслитерация греческого слова сопровождается апелляцией к семантике лексического первоисточника (*са́ввата*, *савва́тъ* ← Σάββατον — *šabbāt*).

Приведенный материал может, на наш взгляд, служить еще одним свидетельством того, что пополнение фонда церковнославянской лексики в языковой практике московских книжников в последней четверти XVII в., группирующихся вокруг Епифания Славинецкого и братьев Лихудов, происходит под прямым влиянием греческого языка. Подобное влияние затрагивало не только лексический, но и другие уровни книжного языка, формировало языковые концепции книжников-грекофилов.

Примечания

[1] О слове *оукр҇твова́ти* и его дериватах, впервые введенных в ц.-слав. Епифанием Славинецким, а впоследствии активно используемых Евфимием Чудовским, см.: *Страхова О. Б.* К вопросу о греческой филологической традиции в восточно-славянской книжной среде (Страничка из истории церковнославянского языка конца XVII—начала XVIII в.) — Советское славяноведение, 1986, N 4, 66—75.

[2] Подробнее о нем см.: *Брайловский С.* Отношение Чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву (Страничка из истории просвещения в XVII ст.). — РФВ, 22, IV, 1889, 263—290; *Он же.* Очерки из истории просвещения в Московской Руси в XVII веке. — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1890, № 3, отд. I, 425—450; № 9, отд. I, 361—405; *Флоровский А.* Чудовской инок Евфимий. Один из последних поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII в. — Slavia, ročn. 19, 1949, seš. 1—2, 100—152.

[3] См.: *Matuszewski I.* Słowiański tydzień. Geneza, struktura i nomenklatura. Łódź, 1978; *Успенский Б. А.* К символике времени у славян: «чистые» и «нечистые» дни недели. — В кн.: Finitis duodecim lustris. Сборник статей к 60-летию Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982.

[4] *Успенский Б. А.* Указ. соч. 70—75.

[5] *Толстая С. М.* К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели. — В кн.: Языки культуры и проблемы их переводимости. М., 1987, 154—168.

[6] Следует указать на факт возможной преемственности принципов переводческой деятельности Евфимия по отношению к практике ранних славянских переводов. Речь идет не столько о стремлении передать структуру греческого текста (что вытекает из особых представлений о языке, общих для всех средневековых книжников: языковая структура воспринималась как отображение действительности), сколько о сохранении некоторых переводческих приемов, в частности, приема «двойного перевода», по которому одно и то же слово переводилось подряд дважды, причем первое слово перевода должно было точно передать структуру слова, а второе — его смысл. Так, например, в «Житии Иоанна Златоуста» Георгия Александрийского встречаются следующие переводы греческих слов: φύσις 'природа' — «родъ і естьство», δύναμις зд. 'значение, смысл' — «сила і розоумъ». Эти и другие подобные примеры см.: *Hansack E.* Die Vita des Iohannes Chrysosto-

mos des Georgios von Alexandrien in Kirchenslavischer Übersetzung. Freiburg, 1980.

[7] Подробнее об этом см.: *Тарковский Р. Б.* О системе пословного перевода в России XVII в. — В кн.: Труды отдела древнерусской литературы. XXIX. Вопросы истории русской средневековой литературы. Памяти В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1974, 243—256.

[8] Любопытно, что ц.-слав. названия дней недели (сѫббѡта, пѧтокъ) Евфимий квалифицирует как «варварские», «народные», т. е. церковнославянизмы, проникшие в разговорную речь, теряют в глазах Евфимия статус книжности. Указанием на этот факт Евфимий желает еще больше подчеркнуть невозможность употребления этих слов и повысить престижность и литературность предлагаемой им лексической замены.

Т. В. Горячева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ушинка

Это слово встречается только в былине о Потыке, записанной Н. Ончуковым на Печоре в следующем контексте:

Ухватил Потык прут
менной
И стал стегать им змею лютую.
Менной прут Потык весь
повыломал,
Ушинки за кожу змеи повысовал [1].

Значение слова *уши́нка* дается Ончуковым как 'заноза' [2]. Слово это как будто никем не этимологизировалось. Начнем со значения его — 'заноза'; первоначально это — 'осколок, щепка', т. е. 'что-то острое, колющее'. Ср. рус. диал. *защеп* 'заноза', *защепить* 'занозить' (Мордов. словарь, Д—И, 103); печор., псков. *заско́лина* 'заноза' (Филин 11, 35), блр. диал. *шпы́чка* 'заноза' [3], *шпа́га* 'то же' [4]. В этом случае в качестве сравнения, или родственного образования, могущего пролить свет на этимологию слова *ушинка*, можно привести псков., твер. *па́шибок* 'осколок, отломок' (Даль[3] III, 63), а также болг. диал. *шибни́цъ* (фолькл.) 'прут для битья': *Шибні́ци* ли, прѣчку / ши̏бъй, нъши̏бъй съ / зѣрът мо̀йту ли̏би, /зѣрът мо̀йту, тво̀й му / [5]. Т. е. здесь можно предположить, что *ушинка* 'заноза' является именным образованием от незасвидетельствованного глагола **ушинуть* (**ušibnǫti*) в значении *'ударить, уколоть'. Упрощение группы согласных *-bn-* > *-n-* в продолжениях праслав. глагола **šibnǫti* хорошо известно другим славянским языкам: ср., например, словен. *šiniti* 'сгибаться, делать быстрое движение; бить по губам или по уху кого-либо' (Pleteršnik II, 628), с.-хорв. *ошинути* 'хлестнуть, стегнуть, ударить' (Толстой[3], 363), *у̏шинути* 'вывихнуть' (Там же, 642), болг. диал. *ши́нкам* 'искать, шарить, рыться' [6]. Об этом явлении (упрощении *-bn-* > *-n-* в *šibnǫti*) подробно писала Ж. Ж. Варбот [7]. Ср. также рус. диал. (псков., твер. осташ.) *прихрану́ть* 'при-

дремнуть, прихрапнуть' (Доп. к Опыту, 216), где наблюдается аналогичное упрощение *-рп-* > *-п-*.

Интересное сравнение со словом *ушинка* 'заноза' представляет собой блр. диал. (гродн.) *пóшань* то же «В'ал'йки *пóшан'* загнаў у нагў, йак йаго вы́драў, то кроў цуркóм ц'акла» (Сцяшковіч. Слоўн. 369). Возможно, это образование от **пошануть*, которое в свою очередь образовано от *-шануть*. Ср. рус. *шанýть* 'сильно толкнуть, бросить' (вят., перм., тобол.), которое трактуется Фасмером как *шатнýть* от *шатáть* (Фасмер IV, 405). Вероятно, однако, что это слово может восходить и к **пошинýть* (*пóшинь* > *пóшань*?) 'толкнуть, ударить'.

Словен. *šinje* 'родимые пятна' (Pleteršnik II, 628), возможно, также к праслав. **šibnǫti*, т. е. пятна, похожие на пятна от удара?

В амурских говорах русского языка записано слово *шинá* (с пометой устар.) 'стебли и листья огородных растений': А всё мы *шиной* называли: и у картошки, и у огурцов, и у помидор (Приамур. словарь 333), а также *ишúна* 'стебли и листья огородных растений', 'сухая ботва картофеля' (Там же, 109). Если слово *и(шина)* не заимствование, что вполне вероятно, то оно также может быть связано с *ушинка*, **-шинуть*, праслав. **šibnǫti*, т. е. то, что отделяется, отбрасывается, при использовании какого-либо овоща, в данном случае картофеля, помидор, огурцов. Интересно, что при этимологизации блр. диал. *скáбка*, *скáпка* 'заноза' составители Словаря северо-западной Белоруссии и ее пограничья сравнили его с лит. *skãbas* 'стебель без листьев' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 4, 433).

закопýрдиться

В красноярских говорах записан глагол *закопýрдиться* в значении 'умереть', в контексте: Брось здесь, так *закопурдится* за ночь (Филин 10, 151). В белорусских (гродненских говорах) встречаем также *скапýрыцца* 'умереть' и *скапы́рдзіцца* то же (Сцяшковіч, Слоўн. 434). Ясно, что эти глаголы имеют экспрессивный характер, какой имеет также вставное *-д-* в *закопурдиться* и *скапы́рдзіцца*.

В олонецких говорах записан глагол *копурять* 'копать' (Филин 14, 299); в донских говорах глагол *покопырять*, имеющий варианты *покопорять*, *пакапурять*, значит 'поковырять'. В этих случаях мы, вероятно, имеем дело с глаголом *коп(ы / у / о)рять*, восходящим к основе, являющейся «*r*-расширением **kopor-* / **kopr-* / **kopyr-* от слав. *kop-*, например: с.-хорв. *kopòrati*, *kopìrati* 'двигаться, шевелиться, копошиться', *kopàrati* 'ковыряться, рыться, скрести, царапать', . . .рус. диал. *копы́рсать* 'возиться, рыться' и т. д.»[8] Блр. диал. *скапýрыцца* 'умереть' и *скапырдзіцца* могли иметь первоначальное значение *'сковырнуться', которое перешло затем в значение 'умереть'. Ср. также рус. диал. *вскопырять* 'спотыкаться' (Мордов. словарь А—Г, 89). Рус. диал. *закопýрдиться* имел, видимо, несколько иную первоначальную семантику

и развитие значений было более сложным. Укр. диал. *капiрiти*, значащее 'претерпевать невзгоды, холод, пережидая что-либо, или ожидая что-либо'[9], если оно из **kopyrě(i)ti*, свидетельствует о том, что у слав. *kopu(o/y)riti sę* могло быть значение 'ждать (мешкая?), терпеть холод', которое могло также перейти в значение 'замерзать' и затем, в значение 'умереть'. Это подтверждают блр. диал. глаголы *скапарэць* 'замерзнуть' (Сцяшковiч. Слоўн., 433), *скапэра́тисе* 'умереть' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусi 4, 438), а также прилаг. *скапарэлы* 'замерзший' (Там же). Ср. с семантической точки зрения блр. диал. *адзя́бнуть* 'умереть'. Iна пыбалела дый *адзябла*[10], а также *спрышчыты* 'отморозить', *спры́шчытыс'* 'умереть, скапуститься, окоченеть': Заболiло сэрцэ, да і за тры мын'утыны *спры́шчывс'*[11]. Ср. также смолен. *освежи́ться* 'лишиться последнего дыхания, умереть' (Добровольский 535). В таком случае у блр. диал. *скапу́рыцца*, *скапы́рдзiцца* 'умереть' также могло быть первоначальным значение 'замерзнуть' [< 'замешкаться', 'стать неподвижным'? Ср. *ко́па* 'медлительный, нерасторопный человек' (Филин 14, 280)], которое перешло в значение 'умереть'. Ср. лат. *frīgeo*, *frixi*, *-ēre* 'быть охлажденным, холодным, зябнуть', (*corpus frigentis* 'труп') 'застаиваться, приостанавливаться, быть вялым', *frīgus* 'холод; холод смерти, смерть; бездеятельность, вялость'. Ср. также нем. *sterben* 'умирать', первоначальное значение которого было 'становиться неподвижным' (Kluge-Götze, 762).

почевщина

В Вышневолоцком районе Калининской области (дер. Сельцы) в 1966 г. составителями Словаря Калининской области записано слово *почёвщина* в значении 'помощь' (Калининск. словарь, 205). Это единственная фиксация слова в диалектах русского языка; оно еще не этимологизировалось.

Представляется возможным выделить в этом слове суф. *-щина* (*почев-щина*), ср. *пай-щина*, *скуп-щина*, *бар-щина*. Возможно, оно образовано было с этим суффиксом от прилагательного **почев-ный* (*-ский*?), восходящего к существительному **почев(а)* в значении 'помощь'. Это предполагаемое слово **почев(а)* мы считаем однокоренным с проэтимологизированными В. А. Меркуловой лексемами (сохранившимися в говорах Псковской, Смоленской и Калужской областей): *внецёвелье*, *внецёвельи* нареч. 'в беспамятстве', *внечи́велях* то же, *нечи́вель*, *нецывель* 'беспамятство', которые она связывает с блр. *чо́вiць* 'бдеть'[12], восходящим к *čevěti*/**čeviti* и, далее, к и.-е. **keu̯-ei̯* (или **keu̯-ē-*), ср. производные от апофонического варианта (**kou̯-*: греч. κο(F)έω 'замечать, слушать, внимать', лат. *cavēō*, *cavēre* 'остерегаться, оберегаться' (ЭССЯ 4, 99—100). Ср. также праслав. **čujǫ*, **čuti*, продолжающее и.-е. **kēu̯-i̯-* (Там же, 135). Такое продолжение праслав. **čuti*, как, например, болг. *чуя́*, *чу́вам* кроме значения 'слышать', 'слушать' имеет значение 'ходить, ухаживать за кем-либо' (Там же, 134), которое могло перейти легко в значение 'оказывать помощь'.

В Словаре архангельского наречия Подвысоцкий приводит выражение *звать на ховрун*, снабженное пометой «см. помочь» (Подвысоцкий, 55). *По́мочь* же толкуется как 'помощь; работа сообща на поле с угощением' (Подвысоцкий, 131), т. е. *звать на ховрун* значит 'звать на помощь'; приглашать к работе сообща'. Слово *ховрун* можно, вероятно, связать с глаголом **xovati*. Рус. диал. (псков., калуж.) *хова́ть что* значит 'прятать, хранить'; *-кого*, 'погребать, хоронить покойника' (Даль^2 IV, 555). Возможно, что значение 'погребать, хоронить покойника (сообща?)' могло как-то перейти в значение 'помогать на работе в поле, работать сообща'? Интересна также семантика некоторых продолжений праслав. **xovati*: укр. *хова́ти* значит 'прятать', 'беречь, хранить', а также 'выкармливать, воспитывать' (> *'помогать'?) (Гринченко IV, 406); чеш. диал. *chovat* значит не только 'хоронить (покойника)', но и 'ходить (за кем-либо), ухаживать' (Bartoš, 120).

В русских говорах у **xovati* также могло быть значение *'ухаживать (за кем-либо)', перешедшее в значение *'помогать'.

Праслав. **xovati* считается восходящим к **skovati* 'смотреть со вниманием' и родственным др.-инд. (вед.) *kaví* 'надзиратель, пастырь', греч. κοέω 'замечать', лат. *cavēre* 'блюсти, соблюдать, остерегаться', слав. **čuti* (ЭССЯ 8, 86—87). С точки зрения словообразования, слово *ховрун* можно сравнить с *чупрун* 'кисть на знамени', которое восходит, по Фасмеру, к **čubъ*, **čupъ* (Фасмер IV, 384).

речики

Слово *речи́ки* в значении 'мелкие части разбитой вещи, черепки' приводится в Опыте областного великорусского словаря с пометой перм. черд. «Чашка разбилась в *речики*» (Опыт, 191). *Речеги* в значении 'обломки, осколки' записано было также и на Среднем Урале: «Зеркало все на мелки *рещеги* изломало» (Сл. Сред. Урала V, 76). В Словаре вологодских говоров мы встречаем слово *ри́чки* в контексте, приведенном s. v. *втепо́р*: «А мы каки́ё *ри́чки* продрали втепо́р» (Вологод. словарь 1, 88). Здесь ясно, что речь идет о чем-то прорванном, продранном, хотя трудно сказать, о чем именно. Слово *ре́чиг(к)и* еще никем не этимологизировалось, и мы могли бы предположить, что это заимствование, если бы не свидетельство белорусских говоров. Так, блр. диал. *рэ́чыкі* мн. значит 'картофельный суп'[13], т. е. суп из накрошенного, резаного картофеля.

В северодвинских говорах мы встречаем относящийся сюда, как нам кажется, глагол *наре́чкать* 'нашлепать' (1928 г., Филин 20, 125), к которому можно присоединить как родственный и находящийся в апофонических отношениях с *наре́чкать* (судя по вологодской форме *ри́чки* в слове можно предполагать вокализм *ē*) также северодвинский (время фиксации — тот же 1928 г.) глагол *заро́кнуть* 'забросить посредством удара палкой' (Филин, 10, 388). Семантическая близость глаголов очевидна. Далее, существует в оренбургских говорах глагол *ра́чкнуть* в значении

'толкнуть, ткнуть, пырнуть' (Опыт, 190), в иркутских говорах тот же глагол записан в значении 'сильно ударить кого-либо' (Иркут. словарь II, 222), в новосибирских говорах *рачну́ть* значит 'ужалить (о змее)' (Новосиб. словарь, 465); сюда же, очевидно, можно отнести чеш. диал. *proráčit* 'проломить' [14], а также *rač* 'пропасть' [15], которое В. Махек считает этимологически неясным словом (Махек² 504). Эти глаголы, находящиеся, возможно, в апофонических отношениях, или же разнящиеся друг от друга в силу экспрессивных преобразований, можно было бы сопоставить с лит. *ràkti* 'колоть острым предметом, прокалывать, выклевывать, вырывать', восходящим к и.-е. **er(e)k-*, **rek-*, **rok-* 'разрывать, колоть, сдирать шкуру с. . .' (Pokorny I, 335, Fraenkel 694). Ср. также лит. *rakštìs* 'шип, заноза, осколок' (Pokorny I, 335).

Итак, в слове *речик(г)и* мы должны предположить долгое *ē* в корне, т. е. ступень удлинения: и.-е. **rēk-/*rek-/*rōk-/*rok-*. В древнерусском языке зафиксировано слово *рѣчьно* 'покрывало': *Рѣчьна* моꙗ [(ὀθόνια; в др. сп. *ричьнаꙗ*, *рѣчная*; в нов. *плащаницы*). Ос. II, 5. Библ. 1499 (Мат. Бусл. 50). Срезневский III, 226]. Нельзя ли это слово отнести также к перечисленным славянским лексемам, восходящим к и.-е. **er(e)k-*, **rek-*, **rok-* 'разрывать, колоть. . .', как родственное, если исходить из того, что семантической аналогией для названия покрывала, плащаницы (тканой!) могло бы служить слово *ткань*, восходящее к *ткать* (**tъkati*, **tykati*)?

твить

В картотеке Печорского словаря зафиксирован интересный глагол *твить* в значении 'портить' [16]. Значение дано составителями с вопросом. Блр. диал. *расцвіць* значит 'разбередить': Рану *расцвіў* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 4, 257).

Итак, мы имеем две записи глагола *твить*: в печорских говорах русского языка и в говорах (северо-западных) белорусского языка, в префиксальной форме. Это слово еще не рассматривалось в этимологической литературе. Оно может, судя по географии, представлять собой заимствование из литовского языка или же быть родственным лит. *tvóti* 'бить, ударять, колотить, падать, бросать, метать' (Fraenkel 1155), восходящим к и.-е. **tu̯ēi-* 'сечь острым, бить', к которому отнесены Покорным англо-сакс. *đwītan* 'резать, обрезать', *geđwit* 'щепка', др.-исл. *þveitr* 'разрез, зарубка', *þveita* 'рубить, толкать', лит. *tvýskinu-*, *-inti* 'сильно стучать'. Правда, Покорный считает, что ввиду звукоподражательного характера литовское сравнение спорно. (Pokorny I, 1099).

В семантическом отношении с *твить* ср. *портить*, восходящее к *пороть* (Фасмер III, 335).

шорега

Слово *шорега* в значении 'стук, шум, буря' записано Куликовским в олонецких говорах на Айнозере (Куликовский, 139). В других диалектных словарях русского языка не встречается. М. Фасмер, рассматривая этимологию слова *шорега*, пишет: «Едва ли от *шбркать*. Возможно, иноязычное» (Фасмер IV, 467). Действительно, это слово, встречающееся только в олонецких говорах, скорее всего представляет собой заимствование. В белорусских говорах на северо-западной территории записан глагол *расшбрыць* в значении 'разрушить', снабженное в словаре этимологической ремаркой: лит. *šorà* 'шум, волнение, беготня', *šorúoti* 'бегать, быстро что-нибудь делать, спешить, торопиться' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 4, 289—290). Видимо, в белорусские говоры был заимствован лит. глагол *šorúoti*, а в олонецкие говоры заимствовано слово *šorà* 'шум, волнение, беготня', возможно, при финно-угорском посредничестве. Что же касается суф. *-ега*, то его мы встречаем во многих заимствованиях в говорах русского Севера, ср. хотя бы рус. *кярега* / *тярега*, сопоставляемое М. Э. Рут с вепс. *käŕe*, *käre*, *käŕe* 'завертка косы'. Конечное *-ега*, по ее мнению, могло возникнуть как на вепсской, так и на руссской почве, ср. *румега* 'отходы при провеивании зерна', *кичега* 'мокрый снег', *нярега* 'трава мокрица', *нилега* 'ил, жидкая грязь' (СТЭ) [17].

сярбятня́

В заонежских говорах русского Севера записано слово *сярбятня́* в значении 'дождь' [18]. Слово еще не этимологизировалось. Не исключая возможности заимствования, мы попытаемся установить его происхождение на исконной славянской почве. С точки зрения словообразования *сярбятня́* как будто бы встает в один ряд с такими лексемами, как *беготня*, *дрызготня*, *дерготня*, *стрекотня*, *толкотня*, *руготня*, *визготня*, образованными от глаголов *бегать*, *дрызгать*, *дергать* и т. д. В таком случае это могло бы быть образованием от глагола *сербать*, которое Даль дает с пометой запд. и значением 'хлебать вслух, звучно' (Даль [2] IV, 174). Этот глагол, так же, как и кашуб.-словин. *sàrbac* 'моросить, сыпать (о дожде)' (Sychta V, 17), восходит к праслав. **sьrbati*, образованному от и.-е. **srebh-*, **sr̥bh-* и **serbh-*, 'хлебать'; ср. алб. *gjerp*(**serbhō*) 'я хлебаю', *gjerbë* 'капли', лат. *sorbeō*, *-ēre* 'хлебать', лит. *srebiù*, *srė̃bti* то же и т. д. (Pokorny I, 1001).

Смущает, однако, вокализм слова. Здесь могло быть, во-первых экспрессивное преобразование первоначальной формы **серботня*, а также, видимо, влияние образований (вследствие утраты этимологических связей) от более понятного, например, олон. *сябра́*, *ся́бра* 'община, артель, общее дело' (Куликовский 117), ср. псков. *высября́ться* 'непрошенно присоединяться к чужому делу, разговору' (Псков. словарь 6, 77).

задонéть

В болгарских (родопских) говорах мы встречаем глагол *задд̀нило са йе* 'затянулось облаками': Стра̀шно са йе *задд̀нило*, ше лети [19]. Ясно, что он образован от болг. *дон* 'дно', т. е. 'закрыло дном' → 'покрыло облаками'. Ср. также, словен. *zadoníti* 'задушить, подавить' (Pleteršnik II, 825); болг. врачанск. *задъ̀нвам*, *задъ̀н'ам*, *зъ̀дана* — 'поставить дно, преграду, затыкать, душить': Нѐшто го потпрѐ и *задъ̀ни* в градѝте, та штѐше да у̀мре [20]. Филиация значений здесь очевидна: 'закрывать дном' → 'душить, давить'.

В кругу продолжений и.-е. **dheu-b-*, **dheu-p-* 'глубокий', ср. близкое семантически и родственное др.-исл. *dūfa* 'прижимать', ср.-н.-нем. *bedūven* 'быть покрытым' (Pokorny I, 268). В этой связи интересно рус. диал. (орл.) *задонéть* 'одичать, зарасти (о дороге)', (ульян.) 'перестать быть бодрым, жизнерадостным, стать вялым': Ты что, парень *задонел*? Или у тебя случилось недоброе? (Филин, 10, 62).

Значение 'одичать, зарасти (о дороге)' может восходить к значению быть 'задушенной, заглушенной (травой, сорняками?)'. Ср. семантику нем. *ersticken*, которое значит 'душить; подавлять, заглушать (о сорняках)'. Значение же, относящееся к психофизическому состоянию человека — 'перестать быть бодрым, жизнерадостным, стать вялым', объяснимо из значения 'быть подавленным (задушенным?)'. В этой связи интересно (возможно, инновация) рус. диал. *дóнька* 'дом для престарелых' (Мордов. словарь Д—И, 30). Возможно, это название связано с глаголом **-донеть*, т. е. дом для людей, переставших быть бодрыми, жизнерадостными?

нахортыши

Костр. *нахортыши* представлено в Словаре русских народных говоров в значении 'лягушечья икра': Весной лягушки *нахортыши* вырыгивают. . . как дрожжи с глазками; из них уполовники (головастики) выходят (1914—1916 г., Филин 20, 271).

В тех же костромских говорах записан глагол *хóркать* в значении 'метать икру (о лягушке)' [21], *нахáркивать* то же (Филин 20, 256). К глаголу **нахóркать* и восходит непосредственно слово *нахортыши* (с меной *к/т*, не единичной в русских говорах).

Интересно, что и другие названия лягушечьей икры также образованы от глаголов звукоподражательного происхождения: яросл. *борботá* (Ярослав. словарь 2, 14), новгор. *оквóктыши* [22]; псков. *нáкватка*: С э̂тай *наквáтки* лягу̂хи и выхóдя (s. v. *выходить*, Псков. словарь 6, 94), арханг. *вáкотье* (Филин 4, 19) при *вáкать* 'кричать по-перепелиному, по-лягушачьи' (Филин 4, 18). Правда, Даль помещает *вáкотье* в гнездо арханг. *вáка*, *вáкость* 'уродливость, уродство, безобразие' (Даль [2] I, 161).

В архангельских говорах записан глагол *паргáть* 'сильно, далеко бросать что-нибудь'; *паргонýть*, сов. к *паргáть* «Станем *паргать*, который дале черепок *паргоне(т)*» (Доп. к Опыту, 173). С префиксом *за-* тот же глагол представлен в тех же архангельских говорах (северодвинских и шенкурских) — *запарганýть* 'забросить' и *запаргáть* 'забрызгать': Все-то мне платьице грязью *запаргало* (Филин 10, 302).

Глагол *паргáть* не был еще рассмотрен в этимологической литературе. Его, вероятно, можно реконструировать как **pъrgati* (независимо от того, какой вокализм предударного слога: *-а-* или *-о-*; ср. *кáрзати* < **kъrzati* [23]) и считать родственным с.-хорв. *pȑgav* 'шустрый, гневливый, склонный к гневу, нетерпеливый', которое связывается Скоком со ст.-слав. *isprъgnǫti* 'выпрыгнуть'; сюда же он относит болг. *prăgav* 'подвижный, быстрый' (Skok, III, 38—39).

Значения 'сильно, далеко бросать; брызгать' русского глагола можно так же трактовать как 'делать быстрые, энергичные движения'. Поэтому сюда же можно отнести и иркут. *поржúть* 'заставлять двигаться кого-либо в разных направлениях, сильно гонять' (Иркут. словарь II, 169).

В говорах белорусского языка есть глагол *адпіргнуць* 'оттолкнуть', который в Этимологическом словаре белорусского языка объясняется так: «Вероятно, контаминация *перці* (см.) и *піхаць* (см.)» (ЭСБМ 1, 89). Это объяснение кажется мало убедительным, вряд ли здесь имела место контаминация; скорее, этот глагол соотносится с рус. *паргáть* и может быть реконструирован как **otъ-pьrgnǫti* (в нем *-i-* на месте *е* < *ь*?). В белорусских же говорах (села Новоселки Мядзельского района) записан глагол *піргáць* в беспрефиксальном виде и значении 'толкать': *Ні піргайця*, дзеці малого [24]. Здесь также налицо значение, связанное с быстрым движением. Сюда же, как нам кажется, может быть отнесено и укр. (лемков.) название летучей мыши *перґáч* (Гринченко III, 108). Для летающей в сумерках летучей мыши характерны быстрые движения в разные стороны.

В кашубско-словинских говорах Сыхтой записан глагол *purgac* 'быстро ехать', *napurgac* 'сбить кого-нибудь' (Sychta IV, 224), 'торопиться, бегать' (Sychta VII, 253), *purgnǫc sa* 'удалиться, добраться докуда-либо и тут же возвратиться', с префиксами — *odpurgnǫc* 'отцепиться', 'шут. умереть', *přepurgnǫc* 'пересолить', *přëpurgnǫc* 'воспользоваться кнутом', *vëpurgnǫc są* 'упасть, свалиться', *vpurgnǫc* 'сбить кого', '(о дожде) вымочить', 'много съесть' (Sychta IV, 225).

Глагол *purgac* можно считать также продолжением праслав. **pъrgati*, этому не препятствует его семантика (быстрое движение) и форма (*ur* < *ъr*). Возвратный глагол *purgac są* в тех же кашубско-словинских говорах записан Сыхтой в значении 'скользить' (Sychta IV, 225); *purgnǫc są*, *vpurgnǫc są* значит 'втереться,

войти куда-нибудь ловко, с подходом' (Sychta VII, 254); лексема *purg'aбica* значит 'гололедица; каток' (Sychta IV, 255).

Ясно, что 'быстро двигаться' → 'скользить' вполне закономерное развитие значения. Праслав. **ръrga* 'цветочная пыльца' также связывается с **ръrgati* и сравнивается с цслав. *испрътнѫти* 'выпрыгнуть' (Фасмер III, 235); т. е. это то, что отделено, отделилось. В этой связи интересна запись, сделанная в Псковской области, в которой содержится объяснение информантом процесса отделения волокна льна от костры с помощью глагола *отпрыгнуть*: Как выляжа (лен), как валакнó *áтпрыгнить* ат кастры́, тагда явó паднимáють (Псков. словарь 6, 5, s. v. *вылежать*).

Примечания

[1] Печорские былины. Записал Н. Ончуков. Спб., 1904, 244—265.
[2] Там же, 414.
[3] *Шпакоўскі І. С.* З лексікі паўднёвай Піншчыны. — В кн.: Народная лексіка. Мінск, 1977, 118.
[4] *Міхайлоў П. А.* З лексікі роднай вёскі. — Там же, 99.
[5] *Ралев Л.* Говорът на с. Войнягово, Карловско. — В кн.: БД VIII, 1977, 183.
[6] *Стойчев Т.* Родопски речник. Второ допълнение. — В кн.: Родопски сборник. V. С., 1983, 350.
[7] *Варбот Ж. Ж.* Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ. — В кн.: Slawische Wortstudien (Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawisches Wortschatzes. Leipzig 11—13. 10. 1972). Bautzen, 1975, 151.
[8] *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен II (**slęnǫti*, **ratiti*, **rldati*, **ǫlaj*, **prilyka* и **lykadlo*, **zakъlo* и **nakъlo*, **zaǫkъ*, **zaromъ*, **děd(ъk)ъ*, **koporul'a*). — В кн.: Этимология 1972. М., 1984, с. 59.
[9] *Паламарчук Л. С.* Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки (Вчорайшенського району, Житомирської обл.). — В кн.: Лексікографічний бюлетень. Київ. 1958, вып. VI, 27.
[10] Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мінск, 1981, 11.
[11] *Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 69.
[12] *Меркулова В. А.* Русские этимологии III (*нецевенье, хорь, сколудина, хмыз, верпеть*). — В кн.: Этимология 1977, М., 1979, 82—92.
[13] *Груцо А. П.* З лексікі розных месц Беларусі. — В кн.: Народная словатворчасць. Мінск, 1979, 136.
[14] *Malina J.* Slovník nářeči místřického. Pr. 1946 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 10), 94.
[15] *Svěrák F.* Karlovické nářecí. Pr., 1957 (= Sborník vědeckých prací Vysší pedagogické školy v Brně, sv. 2), 132.
[16] *Ивашко Л. А.* Картотека Печорского словаря (в Межкафедральном словарном кабинете филол. ф-та ЛГУ). Выписки В. А. Меркуловой.
[17] *Рут М. Э.* К этимологии севернорусск. *тярега, кярега, нидега, инега, корега.* — В кн.: Этимологические исследования. Свердловск, 1981, 67.
[18] *Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья. — В кн.: Северновеликорусские говоры. Л., 1979, вып. 3, 211.
[19] *Стойчев Т.* Родопски речник. — В кн.: БД V, 1970, 171.
[20] *Хитов Х.* Речник на говора на с. Радовене, Врачанско. — В кн.: БД IX, 1979, 249.
[21] Картотека Севернорусской топонимической экспедиции (Уральский гос. ун-т).

[22] Картотека Новгородского ГПИ.
[23] А. А. Шахматов писал о вокализме *а* в рус. диал. *кáрзать* следующее: «Сочетание *ъr* > *r̥* > *ar*, где *а* — неопределенный звук. Под ударением в слоге, за которым шел слог с *а*, он реализовался в *а*» (*Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми и третье полногласие. — В кн.: Изв. ОРЯС, Спб., 1902, т. VII, кн. 2, 334).
[24] *Салавей Л. М.* З лексікі вёскі Навасёлкі Мядзельскага раёна. — В кн.: Народная словатворчасць. Мінск, 1979, 12.

А. Е. Аникин

О ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКИХ СИБИРСКИХ ГОВОРОВ

Общая картина «этимологического ландшафта» русских «старожильческих» говоров Сибири, как ее можно представить на основании существующей литературы, включает, по-видимому, два основных положения: 1) лексика, занесенная в Сибирь из русских европейских говоров (и обнаруживающая преимущественно северновеликорусские связи) развертывается в пространстве, в общем, по линии «запад» ⇒ «восток»; 2) слова, заимствованные из аборигенных языков Сибири, локализуются в зоне контактирования русских говоров и соответствующих языков (обско-угорские, эвенкийские, бурятские, тюркские и прочие заимствования). Указанные положения (и некоторые другие, более частные), при всей их правильности или даже самоочевидности, как представляется, все-таки не дают полного представления об «этимологическом ландшафте» русской сибирской лексики. Дело здесь, разумеется, прежде всего в отсутствии обобщающего этимологического труда по говорам Сибири, который учитывал бы значительное количество опубликованных в последнее время материалов по этим говорам и соответствующие этимологические исследования. Но речь идет также, помимо прочего, о недостаточном учете фактов, географическое распределение которых не соответствует (или, по крайней мере, может не соответствовать) указанным выше общим положениям. Выявление и описание всех фактов такого рода — одна из задач этимологического исследования лексики русских говоров Сибири. Основная цель настоящей заметки состоит в том, чтобы сделать шаг в этом направлении. Привлекаются, в основном, русские слова, отсутствующие в словаре М. Фасмера.

Забайкал. *аýт* 'скребок с тупыми зубцами для очистки мездры у сырых шкур' (Элиасов, 56) — колым. *áут* — камч. *áут* 'каменное или железное острие, вставленное в середину небольшой палки, для очистки мездры у сырых шкур' (Филин 1, 293). Источником русских слов являются ительм. *ашýт* 'каменный скребок' [1]

или коряк. *ав'ыт* 'кремень, кремневый скребок' [2] (**прачук.-кор.** **awt*(*a*) 'кремневый скребок для обработки шкур' [3]; **ительм.**< **коряк.**). Ввиду отсутствия аналогичного слова в чукотском языке для русских говоров вероятна схема колым. ⇐ камч. Не исключено, однако, что колым. *áут* < эвен. (Омолон) *āут* 'скребок для удаления шерсти с оленьих шкур' [4] (<коряк.), хотя возможно и обратное (коряк. > рус. > эвен.). Как бы то ни было, ясно, что в русские говоры Забайкалья рассматриваемое слово пришло с Колымы или Камчатки. Существенно, что этот путь, скорее всего, был пройден без иноязычного посредства, ср. тот факт, что соответствующее слово как будто отсутствует в эвенкийском (об эвенк. *ӯ*, а также эвен. *ө* и др. см. ниже), а в якутском представлено только в говорах на Колыме, ср. *аабыт* 'скребок для выскабливания мездры' [5] (видимо, через эвенское посредство из корякского).

Далее приводятся другие (помимо рус. *аут*) слова, этимология которых предполагает их миграцию по направлениям камч. ⇒ (колым.) ⇒ забайкал. (иркут.).

Иркут. (*а*)*áнгич* 'утка-морянка' ⇐ камч. (*а*)*áнгич* то же (Филин 1, 187, 257) < ительм. *аʔңичх̣* то же (подробнее см. в другом месте), ср. «камчадальское» *аангичь*, *аангычь*, *ааньічь* 'морянка' в записях С. П. Крашенинникова [6].

Забайкал. *отол* 'решетка у рыболовного запора' (Элиасов, 276) ⇐ камч. *аттол* (*отол*) то же < ительм. *атол* 'изгородь рыболовного запора' [7]. Из других примеров проникновения ительменской рыболовецкой терминологии в русский ср. камч. *чируч* 'сетчатый мешок для вынимания и ловли мелкой рыбы; сак' (Камчат. словарь, 188) < ительм. *ч'руч* 'морда (деталь рыболовного устройства)' [8].

Колым. *жупан* (*супан*) 'название человека измененного пола (мужчины, считающего себя женщиной, исполняющего женские работы и носящего женскую одежду)' [9] ⇐ камч. *жупаны* 'мужики, женскую должность отправляющие' [10], *жупан* 'другой, не через дымоход, выход из юрты' (Камчат. словарь, 60) < ительм. *шопаначь* 'закрышка нижнего отверстия юрты', *шолоначь* (видимо, ошибочно вместо *шопоначь*) то же [11], *shoponah* «название входной двери зимней хижины камчадалов. В этот вход мужчины не имели права входить, им пользовались только женщины и превращенные люди, а мужчины проходили через верхний вход на крыше» [12].

Иркут. *кайка* 'рыба кета' (Филин 12, 394), забайкал. *хáйка* 'обессиленная кета, идущая с нереста' (Элиасов, 436) ⇐ камч. *кайку* 'кета' (Филин, 12, 325), *хайкó* (*кайко*) 'кета' (Камчат. словарь, 180) < ительм. *кайку* то же [13].

Забайкал. *камéль*, *камлéй*, *камлéя* 'капюшон плаща' (Элиасов, 148) — камч. *камлéя* 'верхняя одежда с капюшоном' (Камчат. словарь, 71) — колым. *камлея* 'верхний балахон (обыкновенно из ровдуги)' (Богораз, 64) < чук. *кэмлилюн* 'женская камлейка, чехол на верхней одежде' [14] (< прачук.-кор. *kəmlilu).

Забайкал. *каргйн* 'хорошо откормленный бык' (Элиасов, 151) ⇐ колым. *каргйн*. 'чукотский убойный олень, вообще бык чукотской породы' (Богораз, 65) < чук.; ср. чук. *qæærgæl* 'холощеный (об оленьем быке)' [15] (прачук.-кор. *qææгgæl то же), откуда идет и якут. (северные говоры: среднеколымский и др.) *хāргын* 'олень 'чукотской породы' (> эвенк. сым. *hārgi* 'дикий олень') [16].

Забайкал. *марúк* 'рыболовный багор с 2 крюками' (Элиасов, 197) ⇐ камч. *мáрик* 'крюк на длинном шесте, которым колют и ловят рыбу' (Камчат. словарь, 80) < ительм. *марек* 'острога' [17].

Забайкал. *óпана* 'корм для собак в виде разваренной или вяленой рыбы' (Элиасов, 266) ⇐ камч. *опана* 'корм для собак из разваренной рыбы, иногда с примесью жира', *апана* 'вяленая или вареная рыба — корм для ездовых собак' (Камчат. словарь, 24, 119). Очевидно, из ительм. *опанга*, общего названия похлебок [18], ср. коряк. *ыпаңа* 'похлебка из крови, смешанной с содержимым оленьего желудка' (корневая морфема *ыпа-* < прачук.-кор. **әра* 'бульон, суп').

Забайкал. *укéнчина* 'плохая, облезлая шкура' (Элиасов, 424) ⇐ камч. *укенчина* 'плохая оленья кожа без шерсти, служащая для покрывания чего-нибудь от сырости и мокроты' (Камчат. словарь, 176) < коряк. (со вторичной суффиксацией на русской почве) *укэнчи* 'дождевик, плащ' [19] (~ чук. *уккэнчи* 'плащ... из оленьей шкуры без шерсти' [20] < прачук.-кор. **ukεnci* 'засохшая шкура, дождевик из шкур' [21]).

Забайкал. *уповáн* 'полоска материи, которой обшивают край женской одежды' (Элиасов, 427) ⇐ камч. *уповáн* 'подзор, полоса шириною в ладонь, пришиваемая к подолу кухлянки' (Камчат. словарь, 177) < коряк. *ыпваны* 'отделка подола кухлянки' [22] (~ чук. *ып-чормын* 'опушка меховой одежды, кайма' [23]).

Забайкал. *хоньбы* (множ. ч.) 'голенища из собачьей шкуры' (Элиасов, 444) — колым. *хонбы́* 'женская чукотская одежда, состоит из широких кожаных штанов, сшитых вместе с корсажем' (Богораз, 153) ⇐ камч. *хоньбы* 'женское коряцкое платье, состоящее из весьма широких штанов', *хонбй* 'детская меховая одежда в виде комбинезона' (Камчат. словарь, 183) < ительм. *хоп'рәŋ* 'комбинезон' [24].

Забайкал. *чáут* 'ременный аркан в две-три сажени длиной, на который привязывают скотину в огороде' (Элиасов, 449) — камч. *чáут* 'аркан, которым коряки ловят своих оленей' (Камчат. словарь, 185) — колым. *чáут* 'аркан' (Богораз, 155). Наиболее вероятный источник — коряк. *чав'ат* 'аркан' [25] (~ чук. *чаат* 'то же' < прачук.-кор. **сaшat* 'аркан'), ср. еще эвен. (быстринский говор) *чавът* 'аркан, лассо' (< коряк.) [26], якут. (Колыма) *чаабык*, *чаабыт* 'аркан' [27].

Весьма значительные перемещения (в южном направлении) могли осуществлять некоторые из многочисленных якутских заимствований забайкальских говоров (русские говоры Якутии ⇒ Забайкалье). Среди этих заимствований обнаруживается немало слов, имеющих соответствия в говорах Колымы и Камчатки. По-

добные соответствия, однако, в большинстве случаев объясняются иначе, чем в случаях типа *аут* (см. выше). Недостаток места вынуждает сократить число примеров до минимума.

Забайкал. *кангаласец* 'человек, привыкший к лесу и холоду' (Элиасов, 148) < якут. *хаҥалас* (название, применявшееся к определенному роду, наслегу или улусу — в центральной и северной Якутии), ср. *хаҥалас уола* 'кангаласец (уроженец кангаласского рода, наслега или улуса' [28].

Забайкал. *идыгейка* 'глуповатый, бестолковый человек, сумасшедший, кривляка' (Элиасов, 140) — колым. *игидейка*: «в Среднеколымске одного маленького сгорбленного старика... с бессмысленно устремленным вперед взором прозвали *игидейкой*, что значит сумасшедший...» [29] < якут. *Iгiдäi* (с добавлением на русской почве суф. *-к-*), «прозвище одного из близнецов-сыновей Ан-Чачык-оjӯн'а» (прозвище, по преданию, досталось мальчику от повитухи, страдавшей особой формой истерии), 'название некоторых наслегов' [30]. Русские факты как будто лучше объясняют первое из двух значений якутского слова, которое, по всей видимости, представляет собой искаженное (по мотивам табу?) якут. *iгiрiä* (*iгiрä*, *iгiрi*) 'близнецы, двойники' (< монг.[31], ср. п.-монг. *ikire* 'близнецы, двойня').

Забайкал. *ивáхи* (множ.; ед. *ивáха*) 'небольшие столбики, на которых держится сруб дома, амбара, вообще деревянной бревенчатой постройки' (Элиáсов, 139). С учетом возможной субституции *-в-* < *-л-* (ср. хотя бы рус. *Ковыма*, *ковымский* [= *Колыма*, *колымский*] в сибирских памятниках XVII-XVIII вв.[32]), данное слово представляется возможным объяснить из якут. (среднеколымский говор) *ылах* 'стояк лабаза' [33] ~ якут. *ылах* 'поперечные скрепы, вязки у саней, перекладины между копыльями, тележная ось, перекладины, скрепы, поддерживающие гроб' (? < эвенк.; ср. эвенк. *илак* 'вязка, скрепа [тальник, употребляемый для скрепления копыльев нарт]' ~ эвенк. *или-* 'драть лыко, кору' и проч.[34]).

Забайкал. *хайлáк* 'ссыльный', 'незнакомый человек' (Элиасов, 436) < якут. *хājы̄лāх* 'пленный, арестант, каторжник' (~ якут. *хāi-* 'запирать, заточать' и проч.[35]) > колым. *хайлáх* 'ссыльный поселенец' (Богораз, 150) (ср. Фасмер IV, 216: «неясно»).

Естественно предположить, что с севера или северо-востока в Забайкалье могли перемещаться не только заимствованные слова, факт перемещения которых контролируется этимологией (ср. ительм. > камч. ⇒ забайкал. и проч.), но и слова другого происхождения. Такая возможность, однако, является трудно доказуемой.

Не исключено, например, что откуда-то с севера или северо-востока в Забайкалье пришло слово *пáберэ*, *пáбера* 'собачья упряжка', 'один перегон на собаках' (Элиасов, 283), ср. колым. *побэ́рд* 'передышка собачьей езды', 'мера расстояния в 10—15 верст' (Богораз, 108—109), камч. *пабиордо* 'полудневный переезд' (Камчат. словарь, 123). Этимологически первичной, несомненно, является колымская форма, позволяющая легко объяснить рассматриваемое слово как производное от *побэрдовать* 'сделать роздых

в езде' (Богораз, 109), ср., далее, сиб. *бёрдовать* то же (Филин, 2, 246), рус. диал. *бёрдить* 'трусить', 'отказаться от выполнения слова' и проч. (Филин 2, 243) < (?) праслав. **bьrditi* (см. ЭССЯ 3, 164). Аналогичным образом, по-видимому, обстоит дело с забайкал. *прýдило* 'утолщенная часть наконечника посоха' (Элиасов, 339), ср. камч. *прудило* 'палка с острым наконечником для остановки нарты' (Даль[2] 3, 529) — колым. *прудило* то же (Богораз, 121), от глагола *прýдить* 'тормозить собачью нарту' (Богораз, 121) < **prǫditi*.

Аналогичное предположение может быть сделано относительно забайкал. *шйвер* 'мелководный каменистый участок реки с быстрым течением' (см. подробнее Элиасов, 462) и иркут. *шиверá*, *шевырá* то же (Иркут. словарь III, 134—135), ср. колым. *шиверá* (Богораз, 159), камч. *шиверá* (Камчат. словарь, 191—192), сиб. *шивера* (Даль[2], 4, 632) в том же значении[36] (< *ши-вер-*, к **vьrěti* 'кипеть' [ср. иначе Фасмер IV, 436], ср. сиб. *вы-вер* 'водоворот'[37]). Однако уверенности в этом (как и во многих других случаях) нет.

Не лишен интереса тот факт, что некоторые из приведенных выше лексических изоглосс, связывающих русские говоры чукотско-камчатского региона и Забайкалья как бы «подстраиваются» к изоглоссам, связывающим чукотско-камчатские языки, с одной стороны, и тунгусо-маньчжурские (в частности, южные—приамурско-сахалинского ареала), с другой, оказываясь поздней, вторичной филиацией этих последних изоглосс. Речь идет о многочисленных соответствиях типа чук., коряк. *ӄэтаӄэт* 'кета' (с обычной редупликацией) ~ эвенк. *кēта*, эвен. *кǣта* (рус. *кетá* < эвенк. или эвен.), ороч. *киата*, ульч. *кēта*, нан. *ӄǣта* 'дохлый (о лососевых)'[38]. Сюда относится, помимо прочего, и соответствие ительм. *ашӯт* 'каменный скребок', коряк. *ав'ыт* 'кремневый скребок' ~ эвенк., негидальск. *ӯ*, эвен. *ө* и др. 'скребок для соскабливания мездры'[39]. Представляется, что здесь же может быть приведено соответствие ительм. *аˀӈичх̣* 'утка-морянка' (*-чх̣* ительменского слова, видимо, диминутивный суффикс) ~ ороч. *ауӈа*, удэйск. *ауӈга*, орок. *авӯӈг̣а* ~ *аӯӈг̣а*, *аӥӈг̣а* то же[40], ср. еще нивх. *ауӈк* 'разновидность утки'[41] (тунгусо-маньчжурского происхождения), а также айн. *аанга* 'морянка' (в записях С. П. Крашенинникова, наряду с ительм. *ааныч*ь и др., см. выше). Особый случай представляет ительм. *марек* 'острога', которое, возможно, следует сопоставить с нивх. *марих* 'поворотный крюк для лова рыбы'[42], ср. еще айн. *маре*, *мари* 'палка с крюком для ловли рыбы'[43].

Не исключено, что высказанное соображение в некоторых случаях может способствовать конкретной этимологизации русских сибирских слов как таковых. Представленные в русском камчатском наречии выкрики-команды для управления собачьей упряжкой, по-видимому, идут из ительменского (по крайней мере, отчасти), ср. камч. *ках-ках* 'команда направо при езде на собаках' (Камчат. словарь, 74) < ительм. *ках-ках* то же[44]; камч. *хуг*, *хуга*, *хуги* 'команды налево при езде на собаках' (Камчат. словарь,

183—184) < ительм. *хуги-хуги* то же[45]. Вполне вероятно, что из ительменского происходит и такое слово, как камч. *на-на* 'команда для остановки собак' (Камчат. словарь, 107), ср. еще камч. *нэ-нэ* то же (Камчат. словарь, 113), хотя ительменский источник данных слов в литературе нам не встречался. Рассматриваемые слова представляется возможным сопоставить с негидальск. *на-на* 'стой (окрик собачьей упряжке)'[46]. Точно таким же образом можно сопоставить камч. *кей-кей* 'окрик для понукания собак' (Камчат. словарь, 76) и негидальск. *кај*, ульч. *кај-кај*, орок. *кай-кай* 'окрик собакам при перемене направления (направо)', нан. *кај* 'команда собакам при езде на нарте'[47]. Здесь же следует упомянуть и такие факты, как камч. *каюра* 'погонщик собак на севере', колым. *каюр* то же и верхоян. *каюр* 'прудило, палка с железным наконечником для торможения нарты' (Филин, 13, 155). Данные слова, несомненно, нужно отделить от ряда фонетически идентичных или близких фактов, ср. перм., урал., вят. *каюр* 'усердный, трудолюбивый человек' и др. (Филин 13, 155). Рус. *каюр* 'погонщик собак', 'прудило' (форма *каюра*, видимо, вторична)[48], следует сблизить с негидальск., ороч. *кајур* 'погонщик собак', ороч. *каури*, ульч. *ӄаӯрӣ*, нан. *ӄаорӣ* 'палка для торможения нарты' (ср. нан. *каорӣ-* 'вывернуть', 'работать шестом, рычагом, тормозить нарту остолом'[49].

Примечания

[1] Ительменское слово см.: *Володин А. П.* Ительменский язык. Л., 1976, 28, 62.
[2] *Молл Т. А.* Корякско-русский словарь. Л., 1960, 9.
[3] Здесь и далее прачукотско-корякские реконструкции приводятся по: *Муравьева И. А.* Сравнительный словарь морфем чукотского, корякского и алюторского языков (рукопись). Автор пользуется случаем выразить И. А. Муравьевой признательность за предоставленную ему возможность воспользоваться этим трудом.
[4] *Аникин А. Е.* Тунгусо-маньчжурские заимствования в русских говорах Сибири. I. — В кн.: Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. Новосибирск, 1985, 55—56.
[5] *Афанасьев П. С., Воронкин М. С., Алексеев М. Л.* Диалектологический словарь якутского языка. Якутск, 1976, 37 (далее: Диалектологический словарь. . .).
[6] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949, 330, 337, 359, 570—571, 532, 431.
[7] Сообщение Н. К. Старковой.
[8] *Володин А. П.* Указ. соч., 75. Ср. чук. *чорук* 'таскать рыбу, багрить' < прачук.-кор. **cəru* то же.
[9] *Богораз В. Г.* Чукчи. Л., II, 1939, 134.
[10] *Крашенинников С. П.* Указ. соч., 695—696.
[11] Там же, 705, 376—377.
[12] *Богораз В. Г.* Указ. соч., 134.
[13] *Крашенинников С. П.* Указ. соч., 329.
[14] *Молл Т. А., Инэнликэй П. И.* Чукотско-русский словарь. Л., 1957, 60.
[15] *Богораз В. Г.* Луоравэтланско-русский словарь. Л., 1937, 80.
[16] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., II, 1977, 317 (Далее: Сравнительный словарь. . .).
[17] Ительменское слово см.: *Старкова Н. К.* Ительмены. Материальная культура. XVIII—60-е гг. XX вв. М., 1976, 159.

[18] *Крашенинников С. П.* Указ. соч., 730.
[19] *Молл Т. А.* Указ. соч., 97.
[20] *Молл Т. А., Инэнликэй П. И.* Указ. соч., 139.
[21] Ср. еще ительм. *укэнъл* 'дождевик' (см. это слово: *Старкова Н. К.* Указ. соч., 161).
[22] *Молл Т. А.* Указ. соч., 105.
[23] *Молл Т. А., Инэнликэй П. И.* Указ. соч., 149.
[24] Сообщение А. П. Володина.
[25] *Молл Т. А.* Указ. соч., 98.
[26] Сравнительный словарь. . ., II, 375.
[27] Диалектологический словарь. . ., 294.
[28] *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Л., 1959, III, 3310—3311. См. еще: *Аникин А. Е.* Из этимологических наблюдений над тюркизмами в русских говорах Сибири. I. — Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири. Новосибирск, 1986, 30.
[29] *Пекарский Э. К.* Указ. соч., I, 903 (примечание).
[30] См. подробнее там же.
[31] *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980, 68.
[32] См.: Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. Сборник документов. Составила Орлова Н. С. М., 1951, 126 и др.
[33] Диалектологический словарь. . ., 311.
[34] Сравнительный словарь. . ., I, 305.
[35] *Пекарский Э. К.* Указ. соч., III, 3231, с указанием дальнейших связей якутского слова.
[36] Ср. еще рус. *Зашиверск* — название первого русского поселения на Индигирке (основано в 1638 или 1639 г.), ниже «роковых» порогов у Момских гор (см.: *Биркенгоф Л. А.* Потомки землепроходцев. М., 1972. Изд. 2-е, 15).
[37] Ср.: «. . .на порогах и на *выверах*. . . судовые снасти все избилися. . .» (бассейн Енисея, 1646 г.; см.: Открытия русских землепроходцев. . ., 146).
[38] О подобных соответствиях см.: *Бурыкин А. А.* Древнейшие субстратные и адстратные компоненты в лексике тунгусо-маньчжурских языков. — В кн.: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история востока. Тезисы докладов конференции, М., I, 1984, 20—22.
[39] Там же.
[40] Тунгусо-маньчжурские факты см.: Сравнительный словарь. . . I, 10.
[41] *Таксами Ч. М., Савельева В. Н.* Нивхско-русский словарь. М., 1970, 37.
[42] *Крейнович Е. А.* Нивхгу. Л., 1973, 121—122; 380, 388, 477.
[43] *Смоляк А. В.* О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза. — В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975, 70, 73—74.
[44] Старкова Н. К. Указ. соч., 157.
[45] Старкова Н. К. Указ. соч., 157. К русским фактам следует присоединить также камч. *гуча* 'влево, налево (окрик на собак в упряжке)' (Филин, 7, 250), где *-ч-* следует исправить на *-г-* (**гуга*), см.: *Аникин А. Е.* Этимология и «Словарь русских говоров Сибири» I. — В кн.: Вариантные соотношения в лексике. Новосибирск, 1986, 77.
[46] Сравнительный словарь. . ., I, 573.
[47] Сравнительный словарь. . ., I, 361. Ср. еще нивх. *q'aj-q'aj* 'вправо (окрик погонщика собак)', см.: *Крейнович Е. А.* Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели. — В кн.: Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 8, 1955, 164.
[48] Ошибочными являются формы *кагора* 'тягловое животное (собака, олень, лошадь) в санной упряжке', *кагорщик* 'погонщик' (Филин, 12, 29); следует читать *каюра*, *каюрщик*, см.: *Аникин А. Е.* Этимология и «Словарь. . .», с. 78 (см. еще: *Фасмер*, II, 155).
[49] Сравнительный словарь. . . I, 395. Ср. еще нивх. *q'auri*, *q'aur* 'тормоз', см.: *Крейнович Е. А.* Указ. соч., 163.

А. Ф. Журавлев

РУС. *ДВУЖИЛЬНЫЙ*

Не имеет смысла искать это слово в этимологических словарях: его формальное устройство (сложное прилагательное, производное от *два* и *жила* 'кровеносный сосуд; сухожилие') кажется настолько очевидным, а семантика (метафорически 'очень сильный, выносливый') — настолько легко объяснимой, что не возникает даже подозрения о том, что это слово может представлять собою какую-то этимологическую проблему.

Современное употребление слова *двужильный* обнаруживает истоки в распространенных у восточных славян старых представлениях о существовании так называемых «двужильных» людей и «двужильных» лошадей. Прозрачность строения прилагательного *двужильный* — ср. еще арханг., урал., иркут. *двоежильный*, 'крепкий, очень выносливый, двужильный', псков., смол. *двужильник* 'выносливый, сильный человек, крепыш, здоровяк', жен. *двужильница*, волог. *двоежилок* 'очень сильная (двужильная) лошадь': Дедушко-суседушко (домовой) особенно не любит лошадей двоежилков [1] (Филин 7, 287, 305) — как будто подтверждается его народными объяснениями: «Необыкновенная крепость организма и способность некоторых людей противостоять всевозможным заболеваниям иногда объясняется тем, что эти люди *двужильные*. Это такие люди, у которых кровь идет не по одной жиле, а по двум: оттого у них силы и здоровья в 2 раза больше. . .» [2]; «*Двужыльна* скотына» очень сильна и здорова; ее можно узнать по бугру на шее» (Харьковская губ., Харьковский у.) [3]; «. . .«*двужильная* лошадь» (на широкой шее впереди холки две жилы). . .» (Владимирская губ., Вязниковский у., с. Рыло) [4] и под. Ср. продолжение этой темы в современной повести: «Не видя выхода, он придумал, что он *трехжильный*, что суровая жизнь есть закалка. Одна жила, говорил он, у всех, две кой у кого, а три у тех, на кого вся надежда» (В. Крупин, Живая вода).

Однако может оказаться, что отыскивание подкожных вздутий на шее животного, якобы свидетельствующих о «дублировании» кровеносных органов у могучей твари, — не более чем попытка опредмечивания представлений, в основе которых лежат ложноэтимологические переосмысления.

В поверьях о «двужильных» лошадях и людях намного более важными являются указания на последствия, которые влечет за собою смерть таких существ: «Бывают «двужильные» люди. Живут они очень долго, а по смерти своей увлекают за собою еще двух человек из семьи» (Рязанская губ., Данковский у., с. Савинки) [5]; «Если сдохнет «двужильная лошадь». . ., то ее зарывают в подворотне; а если ее не зароют здесь, то после нее издохнет еще двенадцать лошадей» (Вязниковский у.) [6]; «Когда она из-

дохнет, то нужно вытаскивать ее не в ворота, а прямо, — куда она головой лежит. Лежит она к плетню — нужно разламывать плетень; в противном же случае в том самом дворе пропадет еще двенадцать голов скота» (Харьковский у.) [7]; «Двужильную лошадь зарывай на дворе, не то выпадет за нею еще 12 лошадей» (Даль[4], II, 699) и т. п. В Ярославской губ. закапывание в воротах околевшей «двужильной» лошади сопровождается заклятием: «тебе, лошадушка, не вставать, к себе лошадей не призывать» [8], а в Инсарском у. Пензенской губ., чтобы избежать падежа еще двенадцати лошадей, предписывается переменить место двора [9].

Восточнославянские поверья о «двужильных» лошадях и людях включаются в обширный круг представлений, связанных с понятием об измеренности и распределенности века (срока жизни), жизненной силы, половой энергии, *вóда* скота, т. е. его плодовитости и приживчивости в хозяйстве [10], удойности коров, урожайности нивы (*спорины*) и т. д. Все эти качества мыслятся отделимыми от их носителей вмешательством внешних сил: отнимание молока (=удойности) ведьмами, отнимание спорины у поля путем заломов и пережинов, «перекачивание» вóда, племени из одного хлева в другой, например, при купле-продаже скота и т. д. Точно так же возможна экспроприация жизненной силы и века, ср. выражения вроде *зажиться*, *заедать чужой век*, насмешки над дряхлыми стариками типа *с кладбища убежал седьмой год*; *на том свете с фонарями ищут*, *три пуда свеч сожгли* [11]. Особенно ярко подобные представления выражаются в поверьях о бесплодии и недолговечности близнецов, у которых жизненный потенциал и век, рассчитанные на одного, распределяются между двумя существами: «Двойники редко выживают, и явившийся раньше умирает прежде, даже в том случае, если придут в возраст» (Енисейская губ., Ачинский окр., Ужурская вол.) [12]; «Хотели ноне месоедом-то посвататься к N. N., и хорошая бы девка-то, да забоялис: ведь она, говорят, двойнишная, — и робят-то носить не будет»; «Думали по осене-то пустить в племя телушку, да и забоялис: двойнишная у нас телушка-то, не будет и телят-то носить», «К непутявому ноне мы к быку-то водили (т. е. для случки), да и осталас яловкой; бык-то видно двойнишной, ну и не путной» (Ярославская губ.) [13]. Характерно, что в западнобелорусских, западно- и южнославянских ритуалах опахивания селений при повальных болезнях, где особая роль отводится персонажам, исключенным из половой жизни (девочки, старухи), участвуют волы-близнецы, т. е. твари с усматривающейся в них изначальной ослабленностью производительной потенции.

«Двужильные» люди и животные представляют собою разновидность упырей, удлиняющих свой век за счет сокращения века других божьих созданий. Поэтому их смерть вызывает смерть других существ, своего века не изживших; ср. о последовавших друг за другом кончинах молодых людей: «. . .то хтось людѐй пойидàе, певно той стары̀й, що пѐршый умѐр. . .» (Галиция, Скольский у., юг нынешней Львовской обл.) [14]. Проницательно

замечание о «двужильных» людях в одном из цитировавшихся сочинений: «. . . они *живут двумя жизнями*. . .»[15].

Сказанное позволяет сделать предположение о том, что прилагательное *двужильный* этимологически связано не с *жила* 'кровеносный сосуд', а с глаголом *жить*, т. е. первоначальная его семантика — 'живущий двумя жизнями, за двоих, два срока'. При этом непосредственная производность его может толковаться двояко — либо через *л*-овое причастие (как *жилой*, *пожилой*) с дальнейшей осложняющей суффиксацией, либо через «промежуточный» субстантиват *жило*, *жила* *'век, срок жизни' (наряду со значениями 'житье, жизнь', 'условия существования', 'участь, доля, судьба' (!) — Филин 9, 173, 181). Как параллели к последней версии ср. образования *дву*(*х*)*жильный*, *дву*(*х*)*жир*(*н*)*ый* 'двухэтажный', *двужир*(*к*)*а* 'двухэтажный дом' в северновеликорусских говорах, ивановск. *двужи́лый*, *двужило́й* 'пригодный для проживания двух человек или двух семей' (Филин 7, 305—306; 12, 87) — от *жила*, *жило*, *жира* 'хозяйство', 'жилое место; постройка; этаж' (Филин, 9, 173, 181).

Правомочность предположения о связи прилагательного *двужильный* первоначально с кругом понятий 'жизнь', 'век' и т. п., т. е. с глаголом *жить*, подтверждается, на наш взгляд, не представленным в сделанной И. П. Петлевой подборке слов со значением 'скупой' в русском языке[16] выражением арханг. *кощей семижильный* 'скупец, скряга' (Филин 15, 159), которое воспринимается как яркая семантическая параллель к *кощей бессмертный*, несмотря на наличие наименований скупца *жила*, *и́зжиль*. Впрочем, относительно связи двух последних слов с *жила* 'сосуд, сухожилие' теперь также возникают сомнения.

Примечания

[1] См.: *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Вып. I. Пг., 1914, 264.

[2] *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1903, 14.

[3] *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования. Т. I. СПб., 1872, 50.

[4] *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии. — ЭО, 1914, № 3—4, 124.

[5] *Семенова О. П.* Смерть и душа в поверьях и в рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии. — ЖСт год 8, вып. II, 1898, 229.

[6] *Завойко Г. К.* Указ. соч.

[7] *Чубинский П. П.* Указ. соч.

[8] Архив Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград), фонд 7 (рукописные материалы Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева), оп. 1, ед. хр. 1836, л. 5.

[9] Там же, ед. хр. 23.

[10] Лексема *вод*, отмечаемая в орловских, ярославских говорах (см.: *Костоловский И. В.* Из народных суеверий, примет и обычаев Еремейцевской волости, Рыбинского уезда. — ЭО, 1901, № 3, 136; Архив ГМЭ, фонд 7, оп. 1,

ед. хр. 1092), возможно, указывает на существование еще праслав. *vodъ (< *voditi sę, *vedti sę), наряду с иными обозначениями аналогичных понятий — *plodъ, *plemę (преимущественно по отношению к скоту), *sporъ, *sporina (преимущественно по отношению к хлебному полю).

[11] *Зеленин Д. К.* Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — ЖСт год 11, вып. I, 1901, 88.

[12] *Макаренко А.* Материалы по народной медицине. Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии. — ЖСт год 7, вып. I, 1897, 98.

[13] *Костоловский И. В.* Народное поверье о бесплодии близнецов, — ЖСт год 20, вып. III—IV, 1911, 499.

[14] *Яворский Ю.* Галицко-русские поверия об опырях. — ЖСт год 7, вып. I, 1897, 108.

[15] *Попов Г.* Указ. соч.

[16] См.: *Петлева И. П.* О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972.

В. А. Меркулова

К ПРОБЛЕМЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ТЮРКИЗМА

За последние двадцать лет вышло в свет значительное число русских диалектных словарей. Они позволили ввести в научный обиход огромный новый материал, который нуждается в этимологической интерпретации. Основную массу диалектной лексики составляют исконные слова, но имеются и заимствования, которые отражают многообразные отношения с другими народами. Большой интерес представляют заимствования из европейских языков в центрах древней международной торговли, таких, как Новгород, а затем Архангельск. Любопытна история тюркизмов в русских народных говорах. В отличие от балтизмов или финно-угорских заимствований, имеющих определенный ареал распространения, тюркизмы представлены во всех говорах русского языка, но по-разному. Различно их число, источники и хронология. Несмотря на обширную литературу по этому вопросу, отсутствует обобщающая работа, в которой были бы показаны хронологические срезы, источники, пути заимствования, адаптация тюркизмов, их функционирование, пласты лексики, в которых они более всего представлены. Создается впечатление, что были периоды в истории русского языка, когда тюркизмы проникали очень активно, и периоды, когда этот процесс затихал. В настоящее время мы можем говорить о том, что постепенно уходят из языка такие старые тюркизмы, как *башмак* и *кушак*. С другой стороны, в говорах сохраняются в живом употреблении фразеологизм *бóсым волком* 'очень быстро', представленный в «Слове о полку Игореве». Это выражение является, по-видимому, полукалькой тюркского наименования серого волка (*boz böri*), тотемного животного, которому приписывались особые качества (Фасмер I, 199).

Заимствования из тюркских языков могут быть разделены на несомненные, такие, как *камыш*, *кушак*, *бунчук*, *баткак* и т. д.,

и на такие, тюркское происхождение которых является лишь гипотетическим. Выдвижение такой гипотезы требует целой системы доказательств: невозможность проведения словообразовательного анализа и этимологизации на славянской почве, фонетические особенности слова, указывающие на тюркское происхождение, география слова, его хронология, принадлежность к определенному пласту лексики. Так, например, очень велико число заимствований (не только из тюркских языков) в названиях пищи, одежды, в оценочной лексике, поскольку эти группы лексики очень подвижны, вре́менны, легко проницаемы, первые — в результате быстрой изменяемости самих реалий, вторые — в результате сильной экспрессивности и в связи с этим в потребности постоянного обновления.

Я хочу привести несколько примеров гипотетических тюркизмов, тюркское происхождение которых может быть впоследствии подтверждено или оспорено.

Слово *басарга́* не может быть расчленено на морфемы с точки зрения славянского словообразования, оно и не может быть проэтимологизировано на славянской почве. Ударное *-га́* на конце слова позволяет его предположительно отнести к тюркизмам (см. *тамга́*, *деньга́*, *сайга́* и др.) в отличие от финно-угорских заимствований, имеющих конечное *-га* безударным [1]. Кроме того, мы имеем по говорам вариантность слова *басарга́*, *басалга́*, *басайга́* с меной *р-л-й*, не характерной для русской фонетики. Слово представлено только в русском языке во владимирских, нижегородских, смоленских, пермских и уральских говорах. География слова также подтверждает возможность тюркского происхождения слова, ср. характерное для финно-угорских заимствований распространение в северно-русских говорах. По своей семантике 'непоседливый, вертлявый (о ребенке)' слово включается в обширную группу оценочных слов, содержащую значительное количество тюркизмов, слов, которые, характеризуя внешние или внутренние качества человека, образовывали прозвища, а затем и фамилии. Ср. такие тюркские по происхождению прозвища, как *Акса́к* 'хромой', *Булга́к* 'гордый, важный; вертлявый, кокетливый', *Бутурля́* 'шершавый, корявый, рябой, прыщеватый', *Куту́з* 'бешеный' и т. д. и т. д.[2]

Анализ слова *басарга́* на тюркской почве может позволить поставить вопрос о связи его с прозвищем смоленского князя *Мусорга*, от которого возникла впоследствии дворянская фамилия *Мусоргских*.

Русский диалектный материал по слову *басарга́* следующий: *басарга́* ж. 'пугливая неприрученная овца' (нижегор.), 'овца' (ср. урал.), м. и ж. 'глупый или несерьезный человек' (нижегор., свердл.), 'проворный и ловкий человек' (влад.), прозвище проворной женщины (орл.) (Филин 2, 128); *басары́га* м. и ж. 'суетливый человек' (петерб.); *басалга́* 'глупый или безнравственный человек' (перм.) (Там же); *басайга* ж. 'дурная, негодная женщина' (влад.) (Филин 2, 127); *басарга́* м. и ж. 'о подвижном, непоседливом ре-

бенке’: Ина тыкая *бъсырга*, с утра пакою ни дывала (Смоленск. словарь, 1, 130); *басаргá* м. и ж. ‘непоседливый человек (обычно о ребенке)’: Ну и *бъсарга* внучёнък у миня, просто ужъс; Чяво ты носисси как бъсарга? (Мордов. словарь, А—Г, 30); *басаргá*, *басарóжка* ‘овца’, ‘беспутный человек’ (Сл. ср. Урала I, 36).

Может быть, сюда же *басалы́га* м. и ж. ‘ветреный, легкомысленный человек; пустобрех’; *басалáй* ‘беспутный, разгульный человек или хулиган’ (арх., яросл., волог., твер., новг., псков., моск.), ‘хвастун, болтун’ (твер, яросл., арх.), ‘озорник, сорванец (о ребенке’) (перм., новг., волог., арх.); ‘дуралей’ (арх.), ‘нерасторопный человек’ (волог.), ‘дурно одетый человек’ (волог., моск.), ‘расторопный человек’ (волог., моск.), ‘щеголь, франт’ (волог.) (Филин 2, 128).

Объединение или разделение этих слов зависит от членения слова на тюркской почве. «Аффиксы *-γa-/-ge-~-ga-/-ke-~-ag-/-ek-* в большинстве тюркских языков служат средством образования от глагольных основ имен результата и орудия действия; ср., например, каракалп. *tabyl-* ‘быть найденным’ и *tabul-γa* ‘находка’ . . .» [3].

Слово *бечевá* практически не имеет этимологии, его происхождение считают неясным. Высказывалась мысль, что это заимствование из тюркских языков, но аргументы были недостаточно убедительны (см. Фасмер I, 162). Русский диалектный материал помогает реконструировать исходную семантику слова, что, безусловно, должно способствовать успеху этимологических разысканий. Современные русские диалектные материалы показывают и формальную вариантность слова: *бечевá—бичевá—бечáг—бичугá*, что служит косвенным подтверждением тюркского происхождения. Семантическое наполнение слова *бечевá* следующее: ‘берег (реки); берег (заливаемый в половодье); склон оврага (рва); сторона дороги, обочина; овраг; береговая полоса вдоль рек, озер; гряда, отмель; вереница, полоска’ и ‘веревка; канат; ремешок’.

Ср. *бечевá* ‘берег реки, занятый лугами’ // ‘склон оврага’, ‘сторона дороги’: Этой *бечевóй* дороги пойдете. . . (Вологодск. словарь 1, 31); *бечева* ‘овраг’: *Бичева* — этъ глыбокъя длиннъя ямъ, ад даждей *бичива* фсё большы и большы ставиццъ (Иванова. Подмоск., 32); *бечевá*, *бечёвка* ‘остров на реке или песчаная отмель среди реки’ (Сл. средн. Урала I, 45), *бечева* ‘каменистый берег реки’: Около Камы берег, каменистый он — вот и *бечевá*. Пониже Тюлькина там черной яр, его подмывает, рвет быстрой водой, там *бечевы* нет (Соликам. словарь 42), *бечевá*, *бичевá* и *бéчева* ‘берег реки’: ‘берег реки, занятый лугами или засеянный чем-либо’ (яросл., перм.), ‘глинистый обрывистый берег реки’ (киров.), ‘высокое место между двумя ручьями при впадении их в реку’ (волог.), в дореволюционной России — берег Клязьмы вверх от Владимира, где останавливается сплавляемый по реке для продажи лес. Таких мест на Клязьме три (влад.), ‘прибрежный хрящ, чаля (?)’ (урал.), ‘край речного берега, по которому идут бурлаки’ (вят.), ‘песчаный вал на озере’ (перм.) (Филин 2, 185).

Наибольший интерес представляют материалы смоленских говоров, которые дают варианты слова *бечáг*. *Бечáг* 'береговая полоса вдоль рек, озер; берег': У кажный речки есь *бичах*. Есь разныи *бичаги*: есь крутыи, есь атходныи; 'высокая крутая сторона оврага; вытянутая в длину возвышенность, гряда' (Смоленск. словарь 1, 170). Наряду со словом *бечаг* вариант слова *бочаг* и *бечевник* в том же значении. Очень интересен пример: Тучи ходють *бичигами* (вереницами?).

Слово *бечевá* имеется во всех трех восточнославянских языках. Укр. *бечовá*, *бичовá* 'веревка для того, чтобы запрячь пристяжных лошадей или волов', *бечiвка*, *бичiвка* 'веревка', *бечiвнúк* 'жердь у воза для припрягания третьего коня', *бичивнúк* 'береговая полоса, которою тянут невод', *бичовнúк* 'высокий берег', *бичовúй* 'пристяжной'.

Блр. *бiчóўка* 'веревка; часть цепа, которою бьют по снопам', *бiчэйка* 'тонкая веревочка'; *бичáй* 'край луга', *бiчáйка* 'узкая незасеянная полоска около полевої дороги', *бiчáўнiк*, *бiчóўнiк* 'луг вдоль реки; береговая полоса'... Интересна формальная вариантность слова *бiчовá*, *бiчугá* 'жердочка в передке воза, к которой припрягали коня' (Туровск. словарь 1, 61).

Слово отмечено в памятниках русского языка XVI в.: Подъ монастыремъ *бечева* за острогомъ отъ крутого ручья вверхъ по Окѣ рѣкѣ по коровей взвозъ (1593 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 1, 183).

При этимологизации слова исключительно важную роль должен сыграть учет вариантов слова: *бечевá*, *бичевá*, *бечáг*, *бечáй*, *бичугá*.

Общий семантический признак выделить очень трудно, но он, по-видимому, существует. В качестве гипотезы можно предложить такой путь развития: 'полоса' (→ 'полоса вдоль берега' → 'берег', 'незасеянная полоса вдоль дороги', 'край, кромка оврага' → 'склон оврага' → 'овраг'), 'полоска ремня' → 'канат, веревка'. Ср. *бичевúца* 'полоска'; Радуга быват. Возле зеленой голубая, возле голубой алая, зеленая *бичевица*, потом голубая, из шести сортов (Талицк. словарь 36).

Слова *ютúться*, *приют* и *уют* рассматриваются обычно в этимологической литературе как старые славянские и даже праславянские образования. В качестве соответствия приводится обычно лтш. *jumt* 'крыша' (Фасмер IV, 181), в «Этимологическом словаре славянских языков» слово объединяется с большой группой праславянских слов (ЭССЯ 8, 199). Но историю рассматриваемых слов можно представить и иначе. Они отмечены только в русском языке и даже не на всей его территории, по-видимому, отсутствуют в северно-русских говорах.

От старого тюркского заимствования *ватáга* образован глагол *сватáжить* 'соединить'. Вариант этого глагола *съютáжить*. Ср. *съютáжить* 'соединить, объединить кого-л. с кем-л.'...: éтъ д'éфкъ хъраша́ и жаних харóш каγ бы нам.йих *с'йутáжыт'* ил' *сватáжыт'*; И'и *с'йутáжыш* жыт' вм'ес'т'е (Деулинский словарь, 553).

Трудно предположить, что вариант *-ютаг-* (вм. *ватаг-*) возник на славянской почве.

Глагол *юти́ть*, по Далю, значит 'приючать, ухичать, дать приют, пристанище; укрывать, прятать, ютиться приючаться, искать приюта; пристраиваться, примащиваться, гнездиться': *Ютиться* под навес от дождя (Даль² IV, 670).

Глагол *ютаться* 'находиться' отмечен только один раз в словаре Мельниченко со ссылкой на работу Соколова, этот пример несомненно нуждается в проверке.

Производные от приставочных глаголов *приют* и *уют* обозначали первоначально одно и то же 'кров, пристанище' Б'ар'и́ в'ес' струп, дай мн'е то́л'къ *уи́ўт* [мать сыну] (Деулинский словарь, 580). Значение 'комфорт' появилось у слова *уют* позднее.

Можно высказать очень осторожную гипотезу, что общетюркское название дома в одном из его диалектных вариантов проникло в русский язык в значении пристанища, прибежища, укрытия [4]. Распространению диалектного слова способствовало его употребление в литературных произведениях: И прочность, и *уют*, все было в доме том (Крылов).

Слово *кали́тка* 'дверка в заборе, в воротах' в настоящее время является общерусским. Даль передает значение этого слова следующим образом: 'дверь, дверка подле ворот или в воротах, для пеших, либо в заборе, ограде'.

Помимо значения 'дверка в заборе' слово *калитка* в русских говорах обозначает еще некапитальную дверь в избе: дверь со двора в огород, заднюю дверь дома, дверь с крыльца в сени и т. д. Как входишь, первая *калитка*, а потом уж дверь в избу (яросл., костром., моск. — Филин 12, 359). В тульских говорах *калитка* — это дверца погреба. В значении 'дверь (некапитальная)' слово отмечено в московских, тверских, ярославских, костромских, новгородских, псковских и рязанских говорах.

Слово фиксируется в русском языке с XVII в., главным образом, в значении 'маленькая дверь в воротах крепости': Ворота большие объ одномъ щиту съ *калиткою* (АЮБ II, 21, 1691 г. — СлРЯ XI—XVII вв., 7, 37). В той стѣны двои ворота однѣ болшие створчатые, другие меншие с *калиткою* (Кн. пер. Новг. 40 об., 1699 г. — Картотека ДРС). Около двора городьба забором, ворота с притвором и с *колиткою*, покрыты тесомъ (Акты хозяйства Б. И. Морозова, 16).

В некоторых местностях калитка называется *прикалиток*: Борода с ворота, а ума с *прикалиток* (Даль³ III, 1086).

Калитку называют иначе *малыми воротами*, *воротцами*; так в псковских говорах, в русских говорах Карелии, в белорусском, украинском языках, в южнославянских языках. Используются для обозначения калитки и заимствования: польск. *fortka*, блр. *брамка*, укр. диал. *капурка*.

В части русских и украинских говоров *калиткой* называется навес, пристройка, небольшое деревянное строение. Это калужские, смоленские и тверские говоры русского языка и черкасские укра-

инского. Наблюдается наличие нескольких формальных вариантов слова: *калитка*, *прикалиток*, *колюток*, *калютка*, *закалйтка*, *закаю́тка*, *закаю́ток*. *Закалйтка* 'маленькая комнатушка, угол в избе': ...пънаделыли *зъкалитък*, нейди пъвярнуцца (Смоленск. словарь 4, 70); *закаю́тка*, *закаю́ток* 'закуток, небольшая боковая комната' (Смоленск. словарь 4, 71).

Вариантность слова говорит о том, что его история не является простой и прямолинейной и что при этимологизации слова нельзя исходить из литературного *калитка* без учета форм и значений диалектных слов. Исконное происхождение слова *калитка* (производность от **kolo* или **kolъ*) представляется маловероятным. Этому противоречит как время появления слова (XVII в.), его география (среднерусские и южнорусские говоры), форма (колебания *j/l*, *i/ju*), так и то, что оно вытеснило уже существовавшее древнее слово **vortьca*, обозначавшее ту же реалию. Есть все основания предположить заимствование, может быть, из тюркских языков. Процесс активной адаптации слова привел к тому, что оно приняло совершенно славянский облик.

Рассмотренные выше слова (*басарга́*, *бечева́*, *юти́ть* и *кали́тка*) различны с точки зрения их этимологической интерпретации. Первое не встречается в этимологических словарях, второе рассматривалось частью исследователей как тюркизм, но это мнение не было принято в литературе, последние два слова всегда рассматривались как исконные. Несмотря на то, что данные слова принадлежат к разным группам лексики, у них имеются и общие черты: они встречаются широко в русском языке, тяготея к южным и юго-восточным говорам, они имеют варианты, по своим фонетическим признакам делающие сомнительным славянское происхождение. Следовательно, должна быть проведена проверка на возможность заимствования. Непосредственный тюркский источник мы указать не можем, поэтому данные слова должны быть включены в разряд потенциальных тюркизмов.

Примечания

[1] *Откупщиков Ю. В.* К истокам слова. Изд. 3-е. М., 1986, 106.
[2] *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979, 43.
[3] Там же, 124.
[4] Общетюркское *öj* 'дом' в диалектном татарском представлено как *ü* (см. Севортян I, 513), общетюркское *ot* 'трава' отражено в архаическом татарском как *ut* (Севортян I, 481), ср. диал. (рязанское) *поюти́ть* 'скормить скоту'.

В. Н. Топоров

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ *САНДУЙ*

Это название, отмеченное в старых, «допетербургского» времени, документах и остающееся по сей день не объясненным, отсылает к целому ряду лингвистических проблем, связанных с тер-

риторией, на которой возник Петербург. Возникает вопрос о том, каким образом сам язык «описывает» эту территорию, т. е. какие семантические признаки он выделяет в качестве мотивировок названий тех или иных объектов — природных и культурных — на данной территории и как он кодирует эти признаки. Следовательно, в своей основе этот вопрос относится к топономастической сфере. Но последняя предопределяется не только внелингвистическими реалиями, в данном случае местными объектами, взятыми с точки зрения их признаков, признаваемых существенными, но и безусловно лингвистической сферой апеллятивной лексики, используемой в топономастике. Для разных территорий и разных языковых традиций оба эти отношения (внелингвистические реалии («денотаты»): топономастика и апеллятивная сфера: топономастическая сфера) трактуются очень по-разному, и эти специфические различия должны непременно учитываться как при топономастическом описании конкретной территории, так и при описании ономастических принципов данной языковой традиции.

В рассматриваемом здесь случае (при широком охвате — весь бассейн Невы и даже смежные с ним ареалы, у́же — территория, на которой возник Петербург и ближайшие окрестности), если говорить в о б щ е м и не придавать особого значения исключениям, наблюдается весьма высокая степень зависимости топономастического слоя от соответствующих денотатов (предопределяющих семантику этого слоя) и от соответствующих апеллятивов (влияющих на состав лексем, используемых в топонимии). Следовательно, в этом случае денотат и апеллятив довольно жестко детерминируют структуру топонима, которая чаще всего относительно легко и даже в значительной степени автоматически выводится из обусловливающих ее факторов. При взгляде на ту же ситуацию, но с несколько иной стороны можно сказать, что в топониме довольно полно и незамутненно отражаются соответствующие денотат и апеллятив, что — при другой задаче и другом подходе — позволяет в высокой мере адекватно реконструировать по топонимическим данным «физическую» характеристику этой территории и соответствующие фрагменты лексики используемого языка (или языков). Применительно к данному состоянию этой территории и бытующих на ней языков (русский, прибалтийско-финские) эта задача тривиальна и, как правило, лучше и полнее решается при непосредственном обращении к физико-географическим характеристикам или языковым данным. Однако, когда речь идет о далеком прошлом этой территории и языковой ситуации, привязанной к ней, результаты такой реконструкции могут оказаться весьма нетривиальными. Во всяком случае топонимические данные нередко фиксируют более древнюю стадию, чем современные физико-географические и языковые («апеллятивные») факты.

Указанная территория, тем не менее, в целом может быть охарактеризована как обладающая невысокой степенью топономастичности (или топономатической специфики), определяемой

величиной отклонения («оригинальности») топономастического от сферы денотатов и сферы апеллятивов [1], независимости от них (о некоторых причинах такого положения см. ниже). Такая ситуация обычно свидетельствует о сокращении сферы этимологического исследования. В самом деле, смысл названия (значение—сигнификат) оказывается ясным, поскольку он довольно прозрачно соотнесен с главной физической характеристикой денотата; форма названия в значительной степени предопределена структурой соответствующего апеллятива, принадлежащего живому языку. Этимологические загадки, связанные с топонимическими элементами, как бы сводятся к минимуму: этимологии здесь почти нечего делать или, точнее, этимологическое в таких случаях «передается» из сферы топонимического в сферу апеллятивного. Разумеется, и эта ситуация малой эффективности этимологического исследования, когда этимология большого количества топонимов прозрачна и каждый носитель языка как бы приравнивается в своих лингвистических познаниях к профессиональному этимологу, представляет собой значительный теоретический интерес с точки зрения как этимологии, так и топономастики (некий «минимальный» или стремящийся к минимуму предел «этимологического» и «топономастического»).

Но при регулярности и стандартности очень значительного количества местных названий (особенно в микротопонимии) низкий уровень «топономастичности» этого массива данных в значительной степени компенсируется включением в него также большого количества более старых чужеязычных элементов, «непонятных» носителям «регулярных» названий и наоборот, во-первых, и относительно быстрым (во всяком случае в масштабах геологического времени) изменением физических реалий, нуждающихся в назывании, во-вторых (понятно, что и то и другое нарушает однородность, стандартность) легкую — иногда даже автоматическую — сводимость или соотнесенность топонима, внеязыкового денотата и апеллятива; эти нарушения связаны с увеличением уровня языковой неясности и, следовательно, становятся наиболее подходящим материалом для этимологического исследования). Первое обстоятельство естественно связывается со сложной и многокомпонентной этнолингвистической историей всего этого ареала (его принято называть Озерным краем, объединяя под этим названием Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую области и значительную часть Карелии) [2], начинающейся, видимо, с V тысячелетия до нашей эры, когда здесь уже обнаруживаются следы неолитических насельников, и имеющей в дальнейшем дело с «саамиобразными», различными прибалтийско-финскими, русскими, германскими (немецкий, шведский), на юге края балтийскими элементами. Второе обстоятельство, связанное с быстрым (в частности, и на глазах происходящим) изменением физико-географической картины в рассматриваемом ареале, приводящим к исчезновению прежних и появлению новых объектов (рек, озер, островов, отмелей, болот, уступов, холмов

и т. п.) или к изменению топонимического класса данного объекта (озеро → река, отмель → остров и т. п.) или к количественным изменениям (один остров → несколько островов и наоборот и т. п.), т. е. к ситуации, когда разрывается «естественная» связь с физическими признаками, легшими в основу наименования, нуждается хотя бы в самом кратком разъяснении.

Дело в том, что весь Озерный район и особенно пространство между Ладожским озером и Финским заливом, по течению Невы, принадлежат к числу зон, характеризующихся исключительной динамикой изменений в геологических (соответственно и климатических) условиях; при этом не раз эти изменения носили характер катаклизмов. Не говоря о доледниковом и ледниковом периодах, оставивших свои следы в физико-географической картине этих мест, уместно ограничиться геологической историей последнего периода протяженностью приблизительно в 12 000 лет. В течение этого периода для этой зоны констатируется целый ряд существенных тектонических повышений, понижений и сдвигов пластов земной коры, образование новых крупных водных бассейнов типа морей или огромных озер (Иольдиево, Древне-Балтийское, Анцилово, Литториновое), то пресноводных, то соленых, прорывы вод то к востоку в сторону современного Ладожского озера, то к западу в сторону Балтийского моря, разрывы связей между Ладогой и Балтикой и т. п. Каждое из этих изменений оставляло свои следы в геологической структуре этой территории. Некоторые из них отчетливо видимы в современных ландшафтах этого ареала и соответствующим образом обозначаются в языке, в частности, в виде топонимов, которые тем самым становятся языковым свидетельством геологических преобразований. Однако среди всех этих изменений наиболее важным с точки зрения современного рельефа этой местности был последний прорыв вод Ладожского озера в более низко лежащий водоем к западу. В результате этого прорыва образовалась «пра-Нева», имевшая вид широкой протоки шириной от 8 до 20 км (место прорыва — Ивановские пороги, Пелла — до сих пор отмеченный участок русла Невы; сама же долина реки весьма широка — 30—50 км — и довольно глубока — 50—100 м). Это событие произошло, согласно одной точке зрения, 4000 лет тому назад, согласно другой, — 2500 лет назад [3]. И в том и в другом случае это произошло уже на глазах истории, и древнее население этих мест было непосредственным свидетелем совершившегося катаклизма. Это стало ясно с конца 70-ых годов прошлого века, когда при прокладке Ладожского канала А. А. Иностранцев обнаружил здесь следы неолитического человека (каменные топоры и молотки, домашняя утварь, человеческие черепа и т. п.), по меньшей мере современного образованию «пра-Невы». Дальнейший прогресс археологических исследований неолитических культур в этом районе и уточнение хронологии геологических процессов сделали бесспорным заключение о том, что человек появился в этих местах, несомненно, раньше, чем

возникла «пра-Нева». Тем более бесспорно, что он был свидетелем и дальнейших изменений, происходивших с «пра-Невой» и — позже — Невой и ее дельтой. Эти изменения были и очень значительны (широкий пролив, кратчайшим образом соединявший два огромных водоема, превратился в результате поднятия суши в р е к у, делающую большую петлю к югу и при общей своей малой извилистости имеющую все-таки три крутых поворота в своем течении), и очень скоротечны. Эти особенности не могли не фиксироваться в течение жизни к а ж д о г о поколения людей, а накопляющиеся впечатления не могли не сложиться в устойчивый образ всего этого места и прежде всего Невы (можно напомнить, что Нева в очертаниях близких к современным сложилась не ранее начала нашей эры, а, возможно, и позже; дельта же продолжала существенно видоизменяться в течение всего II тысячелетия нашей эры, пока в последние три века — и чем далее, тем более — антропогенные факторы не начали перекрывать результаты природных преобразований). Живучесть подобных образов и способность их к отражению весьма удаленных во времени событий не должна вызывать удивления, особенно после целой серии работ этнографов, фольклористов и историков, специально посвященных вопросу «предельной» исторической памяти в ее временнóм измерении у бесписьменных народов. Уже в силу этого можно более оптимистически подходить к сохранившимся «образам места» (imago loci), бытующим на рассматриваемой здесь территории, и связывать с их исследованием надежды на более достоверные результаты. При этом, однако, недопустимо игнорировать и более поздние (так сказать, вторичные, третичные и т. п.) импульсы, которые могут не только поддерживать идею, смысл старого образа, но и даже перекрывать старые мотивировки, беря эту задачу на себя.

В контексте вышесказанного представление о Петербурге как городе над бездной, городе-бездне [4], которому суждено быть поглощенными водами, столь блистательно и настойчиво развиваемое в эсхатологической версии «Петербургского» мифа (от Пушкина до Андрея Белого), почти несомненно имеет не только литературное, но и более раннее фольклорное происхождение. «Быть пусту месту сему» — таков постоянный мотив (и вместе с тем крик души) неприятия города, отказа от него и при Петре I и позже, насколько можно судить об отношении к Петербургу в «низовой» традиции, судя по разрозненным свидетельствам современников. Для носителей этой традиции и город не был городом (ненастоящий, поддельный, не такой), и имени у него не было, потому что чужое и чуждое имя — не то имя, в котором важен свой смысл и свой звук [5]. Топономастическая (в частности, и в ее этимологическом ракурсе) проблема в связи с городом всегда оставалась животрепещущей для его жителей, по крайней мере для тех слоев населения, которые были разведены по разным полюсам социальной структуры [6]. Тем самым и в этом случае обозначающее имя и обозначаемая им вещь (город) актуализируют свою связь в народном сознании.

Аналогичная ситуация возникает и в связи с названием Невы. Во всяком случае наблюдается известное соответствие между «молодостью» Невы, тем, что она «гидро-новация» [7], и особенностями ее восприятия в представлениях о ней и, главное, в языке. Под определенным углом зрения Нева тоже не вполне река. Во всяком случае она нередко напоминает о своем предыдущем («неречном») состоянии. Во время наводнений река начинает течь вспять [8]; ее русло исчезает, образуя огромное водное пространство, сплошь продолжающее к востоку Финский залив и восстанавливающее береговую линию Балтийского ледникового озера; бурный характер водной поверхности на этом пространстве также не речного характера: значительнейшая часть города (весь его центр, в частности) оказывается затопленной. Но и в обычное спокойное время Нева поражает некоторыми необычными для реки соотношениями. При очень малой длине она очень широка (преобладающая ширина — 400—600 м., но в максимуме еще больше — 1000—1250 м, причем эта самая широкая часть приходится на исток реки, который гораздо шире, чем устье в его преддельтовой части) и для реки очень глубока (преобладающая глубина 8—11 м, максимальная — 24 м). Для жителей невских берегов бросается в глаза необычная для рек исключительно высокая степень зарегулированности водного, термического, химического режимов, как бы сводящей на нет самостоятельность реки [9]. «Все, что происходит на Неве, есть отражение тех сложных природных процессов, которые протекают на обширных пространствах бассейна, но, прежде всего, в Ладожском озере и Финском заливе» [10]. Ключевая река бассейна оказывается не определяющей, а определяемой. Некоторые гидрографические данные (в том числе и относящиеся к прошлому) еще более способствуют сложению представления о Неве как о «парадоксальной» реке [11].

Этой парадоксальности в известной степени соответствует и ономатетическая история Невы. Не раз уже обращалось внимание, что в подробном и четком описании водного пути «из варяг в греки» в Начальной русской летописи нет упоминания реки Невы, но указывается *великое озеро Нево* (Ладожское озеро) и что *того озеро вышло въ устье моря Варяжьскаго.* Иногда в этом сообщении видят «отголосок старинных уже и для эпохи Нестора преданий». Однако можно думать в этом случае о двойственной ситуации, уточняемой в зависимости от позиции наблюдателя во временно́м ряду. С точки зрения будущего этого ареала Нева, несомненно, уже была, но она была значительно шире теперешней и более кратким образом соединяла Ладогу с Балтикой; более того, она была недостаточно отдифференцирована от Ладожского озера, особенно его восточной части. С точки зрения прошлого начало II тысячелетия нашей эры могло рассматриваться еще как последний этап существования того устья Ладожского озера в виде большого и длинного языка, которое вытянулось вплоть до Финского залива. С этой последней точки зрения становятся ясными многие факты и среди них остаток ука-

занного «языка» в виде Шлиссельбургской губы на юго-западе Ладожского озера и максимальная ширина Невы в ее истоке. Не менее важно, что и по языковым данным наблюдается недостаточная отдифференцированность названий озера и реки. Как известно, исстари оба эти объекта воспринимались как некое единство и носили о д н о имя — или от корня *Ald-* (*Aldea*, *Aldesk*, *Aldagen*, *Aldoga*), или от корня *Nev-*. Достоверные примеры раздельного называния реки и озера начинаются с XIII в., в частности, тогда, когда появляются первые примеры обозначения самой реки как *Нева* в русских документах [12]. Но и эти раздельные наименования сначала различаются лишь морфологически или словообразовательно, ср. рус. *Нева* — *Нево*, финск. *Nevajoki* — *Nevajärvi* (ср. совр. *Neva* — *Laatokka*). Едва ли имеют серьезные основания популярные в прошлом и нередко повторяющиеся и сейчас попытки увидеть в рус. *Нева* отражение — в конечном счете — и.-е **neu̯-ā* 'новая' (тем не менее, характерна описка: . . . *и вътечеть в озеро великое Н о в о.* Лавр., 3 л. — при *Нево*, *Невъ* в других списках). Финское влияние в данном случае очевидно, и речь идет, конечно, о заимствовании, в основе которого лежит апеллятив финск. *neva* 'трясина', 'топь', 'болото' [13]. Но это слово любопытно в двух отношениях. Во-первых, судя по всему, как название оно впервые могло быть применимо скорее к озеру (ср. швед. *träsk* 'озеро', но и 'болото'), чем к реке (или даже к тому низменному и, вероятно, сильно заболоченному ареалу, через который воды Ладоги прорвались на запад; заболоченные почвы с избытком влаги возникали и по обоим берегам Невы по мере того, как широкая протока сужалась до реки в ее современном виде или близком к нему). Во-вторых, это название оказалось одним из источников для шведского названия Невы *Ny*, т. е. 'Новая' (ср. ср.-н.-нем. *Ny*), как, видимо, была переосмыслена финская форма *Neva* (*joki*). Поскольку же проникновение шведов по сю сторону Балтийского моря началось достаточно рано, и уже в VII—VIII вв. н. э. они господствовали здесь и, следовательно, застали существенно более древнюю ситуацию [14], очень вероятно, что обозначение реки по принципу 'новая' было вызвано не только внешним сходством финск. *neva* с швед. *ny*, но и п а м я т ь ю о действительно недавнем (н о в о м) происхождении реки. В этом отношении явно вторичные шведские данные могли, тем не менее, актуализировать некую исходную семантическую тему, которая в первичных источниках могла оказаться вообще не выраженной на языковом уровне. Наконец, шведское название Невы особенно информативно в силу его независимости от обозначений Ладожского озера (ср. *Hvita träsket*, букв. — 'Белое озеро', шведских летописей или совр. швед. *Ladoga sjön*).

И еще одно наблюдение в связи с проблемой топонимизации рассматриваемого ареала, предполагающее учет двух аспектов этой проблемы — к о л и ч е с т в е н н ы й «захват» реально топонимизируемого материала в соотнесении с нетопонимизируемыми объектами и к а ч е с т в е н н ы й уровень, т. е. степень топо-

нимизации (см. выше), выявляющая характер зависимости топонимов от апеллятивов. Специфика этого ареала определяется резким контрастом между огромным количеством подлежащих именованию местных объектов и очень редкой заселенностью соответствующей территории (особенно в прошлом, даже относительно недавнем). Эта ситуация естественно объясняет, почему многие части этой территории оказались недоступными, фактически неизвестными или, по меньшей мере, не представляющими практического интереса для местных жителей и, следовательно, топонимически не освоенными. Понятно, что в таких условиях многое вообще не называлось (нетопонимизированные объекты) или называлось по случаю, ad hoc, для разового использования и не было рассчитано на запоминание (впрочем, не могли не забываться и некоторые более органичные и прочные названия, если только не была обеспечена надежная передача от поколения к поколению топонимического «фонда» и правил его привязки к конкретной местности). Одним словом, население этих мест не было подготовлено к достаточно полной топонимизации пространства как обитаемого, так и необитаемого, но известного ему, да, видимо, и не видело в этом необходимости. Средства для ономатетической деятельности в сравнении с огромностью (степень детализации) сферы, подлежащей именованию, оказывались слишком слабыми. Определенные ограничения на эту деятельность накладывало и редкое однообразие местности и, видимо, довольно узкий топонимический кругозор населения каждого данного места. В этих условиях вступал в силу принцип своеобразной экономии усилий, вынуждавший, во-первых, делать строгий выбор среди объектов, подлежащих именованию, и, во-вторых, придавать этому именованию, так сказать, не самостоятельное, а подсобное, сугубо практическое и вре́менное значение (при этом, естественно, не предполагалось, что эти «условные» названия, связывающие конвенцией лишь узкий круг потребителей, будут иметь хождение и вне этого круга). Именно поэтому старые документы (что более или менее естественно), и данные современных полевых исследований свидетельствуют, что многие объекты, по сути дела, не названы; что другие (и тоже многие) воспринимаются как неназванные (ср. частые названия типа *Безымянный ручей*, *Безымянное болото*, *Безымянный остров*, *Безымянная отмель* и т. п.) [15]; что третьи «названы» весьма условно — через соответствующий апеллятив, обозначающий класс данного объекта (*Речка* ← *речка*, *Болото* ← *болото*, *Мох* ← *мох*, *Остров* ← *остров* и т. п.), или через расширение апеллятива стандартным для данной ситуации определением (*Черная речка*, *Белое озеро*, *Песчаная отмель [остров]*, *Гнилой проток* и т. п.) [16]. «Объектное» однообразие ареала получает соответствие в виде очень однообразного топонимического словаря этого ареала, благодаря чему степень «угадываемости» названия данного объекта оказывается иногда очень большой — достаточно назвать апеллятив, обозначающий физическую характеристику объекта, его «топонимический» класс (речка, болото, лес, остров

и т. п.). Однообразие топонимического словаря определяет такую высокую (иногда — исключительную) степень повторяемости одних и тех же названий, что единственным способом поддержания хотя бы минимальной степени информативности, «различительности» этих названий является «парцелляция» ареала на большое количество топонимических «микроландшафтов», номенклатурно повторяющих друг друга, но внутри себя (каждого из «микроландшафтов») сводящих повторение к минимуму и обеспечивающих тем самым каждому названию его «оригинальность» и общезначимость (хотя бы только в пределах данного узкого коллектива). Отсюда — существенный практический вывод: когда исследователь, исходящий из некоего принимаемого за центр пункта изучаемой им территории и установивший в целом ее топонимический состав, начинает сталкиваться с повторяющимися названиями, сами эти повторения могут сигнализировать переход из данного «микроландшафта» в другой [17].

Все до сих пор сказанное образует тот широкий и общий контекст, в котором только и может быть понято загадочное название *Сандуй.* Оно дважды встречается в «Переписной окладной книге Вотской пятины» 1500 г., важнейшем источнике по предыстории Петербурга [18], отражающем ситуацию в конце XV в., т. е. 500 лет тому назад. Ср.: *С е л ь ц о н а у с т О х т ы н а Н е в ѣ. Сменко, да Федко Офонасовы, Ивашко да Родионко Демеховы, Федко Дмитров, сын его Ондреянко, Смен Васильев; сѣют ржи двѣнадцать коробей, а сѣна косят н а м о р е н а о с т р о в у н а С у н д у ю двѣсте копен, четыре обжи. . .,* 120; — *Да угодей у той волости, да в рѣцѣ в Невѣ тони под деревнею, под Нижним Двором тоня, берег по половинам с намѣсничи крестьяны Фомина острова, да усть Тохты тоня вопче с городчаны с Орѣховцы Тимофеевских Грузова два жеребья, а городчанам треть в той тони. Да тое ж волости пожня н а м о р ѣ, н а о с т р о в ѣ С а н д у ю, а косят ее всею волостью, а ставится на ней сто копен сѣна,* 121 [19]. Видимо, правильной нужно считать форму *Сандуй* (а не *Сундуй,* где первое *у* скорее всего результат антиципации гласной следующего слога или даже следующих двух слогов (*-ую*) или же инерции *-у* в *на острову*; во всяком случае ср.: *на острову на Сундую*, но: *на островѣ Сандую*; есть и некоторые другие аргументы в пользу формы *Сандуй,* о чем см. далее).

Сандуй, как следует из текста, был островом «на море», где сеяли рожь и заготавливали сено. Он находился в Спасском Городенском погосте, что явствует из самой «Переписной книги» и из всего контекста, в который включен Сандуй. Этот погост занимал земли к северу от правого берега Малой Невы и включал в себя Фомин остров (т. е. будущую Петербургскую сторону) и Охту; с левобережья Малой Невы начинался Ижорский погост, а побережье Финского залива к северу от устья Невы принадлежало уже Карбосельскому погосту. Эти уточнения существенны, поскольку они исключают поиски Сандуя в самом Финском заливе, т. е. в м о р е [20]. Этому в м о р е в «Переписной книге»

противопоставлено «н а море», что следует понимать не иначе как обращенность к морю, повернутость к нему своей западной частью. В этом отношении показательно, что Фомин остров и село на нем обозначаются иначе — «на Неве у моря» (117). Уже это сравнение выражений, обозначающих разную ориентацию и разное положение относительно моря, позволяет заключить, что Сандуй был западнее Фомина острова, во-первых, и был обращен своей западной стороной к морю, во-вторых. Из последнего заключения следует, что в этой части дельты Невы Сандуй был самым западным, т. е. наиболее выдвинутым в море островом. И вообще из двух контекстов, в которых появляется Сандуй, вытекает последовательность: устье Охты (*Сельцо на уст Охты на Невѣ*; *усть Тохты*) — Фомин остров — Сандуй. А эта последовательность неизбежно приводит к заключению, что Сандуй находился на пути по Неве от устья Охты, затем по Большой Невке мимо Фомина острова, остающегося слева, и до того места, где от Большой Невки отходит Малая Невка. Иначе говоря, наиболее восточным и наиболее западным одновременно из возможных местоположений Сандуя нужно считать своего рода трехчленный «архипелаг» — Каменный, Елагин, Крестовский [21] — или, точнее, некое ядро на этой территории, которое в конце XV в. представляло собой единый остров. Никакого другого «кандидата» на то, чтобы быть Сандуем, по сути дела, нет [22]. Очень показательно, что из всех островов Невской дельты указываются для конца XV в. только три острова — Васильев, Фомин и Сандуй (при том, что «Переписная книга» фиксирует самые крошечные селения и даже «мхи», если они сдавались под охоту и приносили доход) [23]. Два первых самые известные и самые крупные острова, составляющие особые части города. Очень вероятно, что и Сандуй, хотя бы по своей площади, как-то подверстывался к этим двум островам. Разумеется, в хозяйственном плане и вообще в отношении освоенности Сандуй сильно уступал им, но вместе с тем он, видимо, значительно превосходил другие острова дельты, никак не упоминаемые в источнике 1500 г.

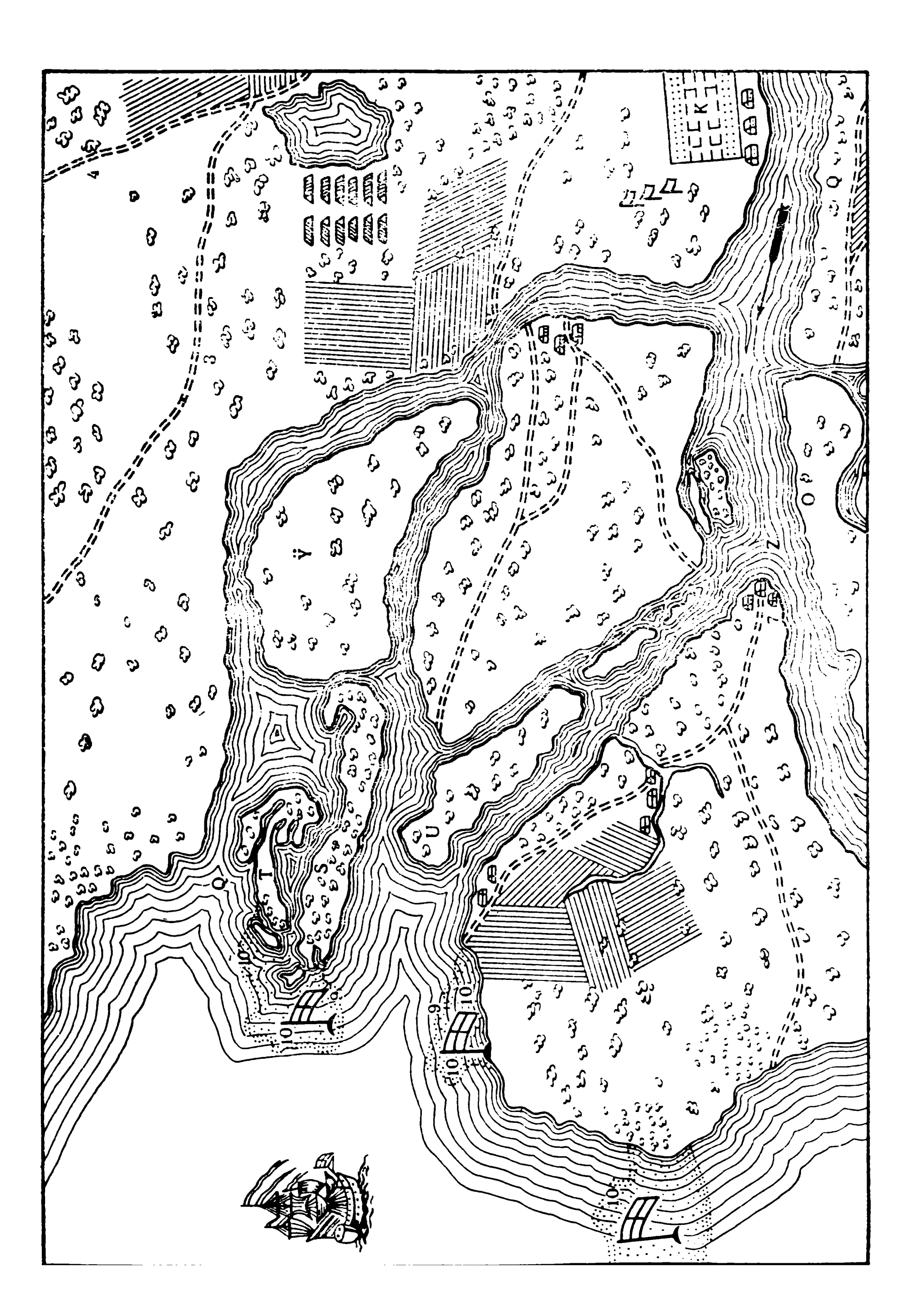
История Невской дельты, как она известна в течение трех последних столетий и как она восстанавливается для всего II тысячелетия нашей эры, существенно уточняет проблему образования островов и, в частности, тех трех островов, которые продолжают, согласно вышесказанному, Сандуй. Ведущая черта развития дельты — быстрый рост ее, связанный с продвижением все дальше и дальше в залив (к западу) и появление новых островов, увеличивающих дельту. Вследствие выноса больших масс песка реками, образующими дельту, и продвижения к западу самой дельты водная площадь Кронштадтской губы ежегодно уменьшается почти на 100 000 м², а площадь островов дельты увеличивается на 43 286 м² (за 146 лет с 1718 по 1864 г. общая площадь островов дельты возросла на 6 319 806 м²). Если допустить подобную динамику роста островов и до начала XVIII в., то окажется, что для образования всех островов дельты (38 443 036 м² в 1864 г.) тре-

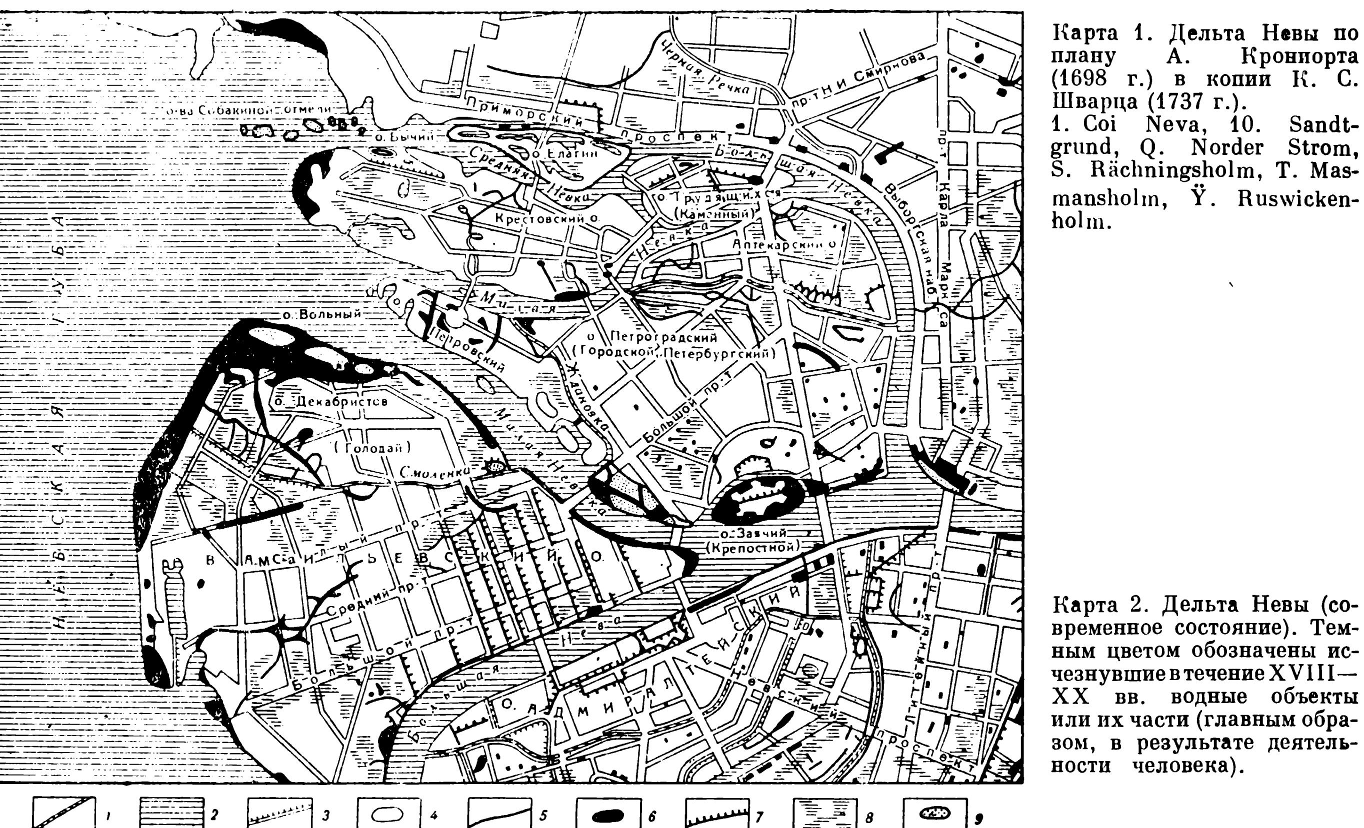
буется 888,8 г. Иначе говоря, около 1000 лет тому назад (в 970-ые гг.) островов Невской дельты вообще не существовало, а вся дельта Невы лежала на 3—3,5 м ниже теперешней [24]. Учитывая обычную последовательность процессов дельтообразования (вынос речного песка → отмели → острова → членение их массива по мере его возрастания → усложнение дельты и увеличение ее площади), следует признать очень вероятным, что к концу XV в. на месте Крестовского, Елагина и Каменного островов, которые и сейчас осознаются как некое единство (*Острова* или *Крестовские острова*), противопоставленное другим островам, был **единый остров**, существенно меньшего размера и более низкий (и сейчас эти острова принадлежат к числу наиболее низких, несмотря на постоянную подсыпку земли; тем более низкими были они раньше — *Безлюдность низких островов*), непригодный для жилья или даже для каких-либо хозяйственных построек, но используемый для сенокоса прежде всего. Возможно, в это время было уже намечено будущее тройное его деление, вызванное появлением двух «пра-протоков» — будущих Средней Невки и Крестовки; само же возникновение этого островного массива оформило сложение Малой Невки и существенное продление к западу Большой Невки. Наиболее изменяющейся и наименее освоенной была западная часть острова, все время выдвигающаяся в сторону залива за счет отложений песка (эта часть, естественно, была самой пустынной, на ней не росли деревья и кустарники, даже трава появлялась не сразу; освоение же острова человеком начиналось с его восточной части). Старые планы (вплоть до начала XX в.) фиксируют крайне «неспокойную», изорванную береговую линию западной оконечности Крестовского и Елагина островов (и прилегающей с севера «зубчатой» части материковой береговой линии; очертания же Каменного острова, защищенного с запада другими двумя островами, напротив, весьма стабильны и «гладки»), а гидрографические описания и лоции отмечают здесь, непосредственно, к западу большое количество песчаных отмелей, на глазах превращающихся в острова (ср. Острова Собакиной отмели, Бычий остров и т. п.). Исключительная вычурность структуры Елагина острова, где почти по всему периметру (исключение восточная часть острова) следуют цепью пруды («искусственные», как не вполне справедливо подчеркивается в описаниях острова), заставляет думать, что раньше этой конфигурации соответствовала особая «изорванность» береговой линии с цепью заливов и губ, часть которых позже была перекрыта и превращена в пруды.

Подтверждение сказанному можно найти на старых планах этой части дельты Невы (вообще эти планы хорошо отражают динамику преобразований в дельте). Особый (можно сказать, сенсационный) интерес в связи с предполагаемым Сандуем представляет карта, составленная в 1698 г. шведским полковником «от фортификации» Абрахамом Кронпортом и известная по копии 1737 г.[25] На этой карте очертания двух западных островов — Елагина и Крестовского — **настолько отличаются** не

только от их современного вида, но и от того, что нам известно по планам XVIII—XIX вв.[26], что создается впечатление явной ошибки или мистификации со стороны составителя карты-плана (см. карты 1 и 2). Возможно, именно поэтому позднейшие исследователи, по сути дела, игнорируют именно эту часть плана. Тем не менее, как раз она наиболее информативна и, надо думать, не уступает в точности другим его частям, не ставящимся под сомнение. Крониорт был добросовестным, точным и профессионально подготовленным (для конца XVII в.) «картографом». Местность была ему известна хорошо и особенно т. наз. «Северный фарватер», или «Старый» (*Gamla Farten till Nyen*; *Norrde-Strom*, у Шварца), поскольку именно он (а не *Nya Farten till Nyen*; *SuderStrom*, южный фарватер, шедший от Котлина) играл главную роль в связи шведов с Ниеном. Этот «Старый» фарватер шел от устья Охты по Неве, а потом по Большой Невке мимо Каменного и Елагина островов слева (справа же по суше шла дорога на Выборг, также широко использовавшаяся шведами) и далее почти вплоть до Лахты. Очертания трех рассматриваемых островов на карте Крониорта не должны вызывать сомнений и потому, что независимый и заметно отличающийся от этой карты план Петербурга, изданный И. Б. Хоманом в 1717 г. в Нюрнберге, дает в принципе ту же картину, которая, однако, несколько больше напоминает очертания Елагина и Крестовского островов в позднейшее время [27]. Наконец, все сказанное раньше об истории Невской дельты, по сути дела, приготавливает к ожиданию ситуации, подобной той, что дана у Крониорта и Хомана. Скорее приходится сомневаться в достоверности слишком «сглаженных» изображений рассматриваемых здесь островов на других ранних планах Петербурга.

По́зднее происхождение и «природная» (ландшафтная) выделенность предполагаемого Сандуя определили несколько особую позицию к нему и его продолжателям (Крестовским островам) со стороны населения окрестных мест. Оно определило для себя эти образования как о с т р о в а п о п р е и м у щ е с т в у (ср. применяемое к ним название *Острова*, тогда как «островность», например, Фомина острова /Петербургской стороны/ оказывается сильно подавленной), некое пустое, в о л ь н о е пространство (ср. ряд *Вольных островов* в Невской дельте), с которым — в отличие от подлинных Вольных островов — связывались определенные интересы, но где жить не собирались [28]. Необитаемый Сандуй мог привлечь к себе внимание или тех, кому он мешал, сужая фарватер, или тем, кто собирал здесь дары природы (заготовка сена, сбор зерновых, рыбная ловля [29]). В частности, это место интересовало, по-видимому, жителей поселения предгородского типа в устье Охты (в конце XV в. здесь насчитывалось до 50 дворов), самого большого на территории будущего Петербурга и ориентировавшегося на развитие молочного скотоводства и тогда и потом (*С кувшином охтенка спешит. . .*). Но и существенно позже, в последние три века, выделенность островов





Карта 1. Дельта Невы по плану А. Кронпорта (1698 г.) в копии К. С. Шварца (1737 г.).
1. Coi Neva, 10. Sandtgrund, Q. Norder Strom, S. Rächningsholm, T. Masmansholm, Ÿ. Ruswickenholm.

Карта 2. Дельта Невы (современное состояние). Темным цветом обозначены исчезнувшие в течение XVIII—XX вв. водные объекты или их части (главным образом, в результате деятельности человека).

сохраняется — садово-парковые комплексы с дворцами и роскошными особняками, позже — гуляния, пикники, цыгане, «Русский трактир», немецкий «Кулерберг», дачи, еще позже — яхт-клубы, стадионы, санатории, дома отдыха.

Вместе с тем есть известные основания говорить и о языковой (топонимической) выделенности этих мест. Старые названия трех этих островов довольно показательны — *Kivi-saari* (*Каменный*), *Riisti-saari* (*Крестовский*), *Mistula-saari* (*Елагин*, ранее *Мишин*). Оставляя в стороне неясное финское название Елагина острова [30], можно констатировать ориентацию на чистую знаковость в названиях этих островов, а не на физические и природные свойства. Каменный остров вовсе не из камня и Крестовский остров не имеет форму креста. Не вдаваясь в рассмотрение ряда «народных» мотивировок этих названий, приходится согласиться с тем, что они скорее всего даны по первой примете-знаку (большой камень на восточной оконечности Каменного острова [31]; большой крест, воздвигнутый на Крестовском, возможно, там, где еще в начале века была часовня). В этом отношении указанные названия заметно отличаются от наименований других островов, прежде всего соседних. Эти последние обычно своим названием отражают некоторые природные свойства, ср. *Koivu saari* 'Березовый о-в' (Фомин), *Korpi saari* 'Лесной о-в' (или, по другому объяснению, 'Еловый'), *Witsa saari* 'Таловый о-в' (или 'Прутовый', 'Кустарниковый'), *Ивовый* (Голодай) и др.; *Hirvi saari* 'Лосиный о-в', *Jänis saari* 'Заячий о-в', *Kili saari* 'Козий о-в', *Lammas saari* 'Бараний о-в', *Kissai saari* 'Кошачий о-в', *Kala saari* 'Рыбный о-в', *Бычий о-в*, *Собакины острова* и др. (*Белый*, *Грязный*, *Круглый*, *Гладкий*, *Вольный*; от имен людей; по хозяйственно-прикладным характеристикам и т. п.). При учете иерархии островных названий (отчасти она отражается и в смене названий данного острова), когда «природное» уступает «человеческому» (от имен людей), а последнее — «административно-хозяйственному» (ср. *Березовый остров* → *Фомин остров* → *Городской остров* → *Петербургская сторона* с исчезновением детерминатива «остров»), названия Каменного и Крестовского островов с их преимущественной, «чистой» знаковостью (знаковой «застолбленностью» новой территории) [32] могут рассматриваться как свидетельство п о з д н е г о освоения (и при этом очень косвенного, поверхностного) этих островов и, вероятно, позднего их происхождения.

На этом этапе уместно перейти к названию предшественника Крестовских островов, «первоострова» С а н д у я, возникшего из п е с ч а н о й отмели. В свете уже сказанного именно песок выступает как главная, а вначале и единственная, притом бросающаяся в глаза, характеристика островов, подобных Сандую. Со временем, когда такие острова покрываются растительностью и следами деятельности человека, появляются другие основания и мотивировки названия. Поверхностный взгляд уже не замечает песка, если только не на разрастающейся за его счет западной оконечности острова (кстати, наименее интересной для человека).

Тем самым непосредственность мотивировки («природа» → «имя») исчезает, и возникают условия для легкой замены исходного названия. В этом контексте очень много шансов, что семантическая мотивировка названия *Сандуй* могла быть связана с песчаной темой. Если остров уже в 70-ые годы XV в. носил это название, то, видимо, оно было дано ему раньше, еще до появления растительности — травы на заливном луге, когда кроме песка на острове (или еще песчаной отмели, периодически покрываемой водою) ничего не было (кстати, в истории освоения Невской дельты нередки случаи локального, на грани топонимического и апеллятивного, применения этого определения к отмелям и возникающим из них островкам — *песчаная*: *Песчаная /отмель/*, *песчаный*: *Песчаный /остров/*). Для тех, кто так или иначе имел дело с этим островом (точнее, знал о нем и видел его), особенно для тех, кто пользовался «Старым» фарватером (основание шведами Ландскроны в 1300 г. на месте Охты свидетельствует об актуальности этого водного пути), было в высшей степени естественно назвать его «Песчаным» [33]. Два аргумента, ранее в этой связи не использовавшихся, подкрепляют это предположение. О д и н из них связан с тем, что северо-западное побережье Аптекарского острова носит название *Песочной набережной* (к ней ведет через весь остров *Песочная улица*). Это пóзднее название (XIX в.) тем не менее связано с тем, что берег Малой Невки песчаный. Именно в этом месте Аптекарский остров Песочной набережной, составляющей западную его оконечность, обращен к Крестовскому и Каменному островам, т. е. к продолжателям старого Сандуя. Д р у г о й аргумент еще более удивителен. На копии карты Кроннорта к Крестовскому и Елагину островам с запада непосредственно примыкает некая вполне четко очерченная конфигурация, обозначенная в легенде как *S a n d t grund*, т. е. 'П е с ч а н ы й грунт' [34], и предопределяющая своей формой очертания западной оконечности обоих островов в ближайшем будущем (если же обратиться к прошлому, то таким «Sandtgrund»'ом незадолго до этого была «твердая» западная часть этих островов). Таким образом, с запада и с востока Крестовские острова соседствуют не просто с песчаными местами, но и с «песчаными» названиями [35], а «Песчаный» остров Сандуй, действительно, из песка, как, кстати, и тот длинный уступ (бывший берег Балтийского ледникового озера, отложения Литторинового моря), тянущийся вдоль Лиговки (а также далее на юго-запад и на северо-восток) и давший название этому городскому урочищу — *Пески* [36].

Как видно из предыдущего, семантика названия *Сандуй* все время была наиболее правдоподобной частью в этимологическом комплексе, связанном с этим словом, поскольку она была глубоко укоренена в некоторых свойствах денотата. Можно надеяться, что эта семантика получит подтверждение в реальных лексемах, которые легли в основу этого названия. Прежде всего напрашивается предположение о финск. *santa* 'песок' (при обычном *hiekka*, ср. *hieta*, о мелком песке), являющемся, как известно, германиз-

мом, ср. прасканд. **sanda-*: др.-исл. *sandr* 'песок', 'песчаный берег', др.-швед. *sander*, норв., швед., англ. *sand* (др.-англ. *sănd*), др.-сакс. *sand*, др. в.-нем. *sant*, нем. *Sand* и т. п.[37] Вероятно, это заимствование было совершено в древности [38], поскольку финское слово предполагает отражение *a*-основы — **sanđ-a-z*/**sanđ-a-n*, хотя в др.-исл. уже *sandr*. Впрочем, известно и противоположное мнение, допускающее позднее скандинавское заимствование (на основании распространения слова, главным образом, в Западной Финляндии) [39].

Есть две основные трудности в связи с предлагаемым здесь этимологическим объяснением *Сандуй*. Одна из них лингвогеографического характера. Действительно, финское *santa* стоит одиноко среди других прибалтийско-финских языков, во-первых, и оно у себя дома (хотя квалифицируется как общефинское слово) в западных частях Финляндии (Satakunta, Häme, Jämsä, Pohjanmaa и др.), во-вторых. Именно здесь оно наиболее часто и несколько оттесняет обычное обозначение песка *hiekka*; здесь же фиксируются и наиболее нетривиальные дериваты этой лексемы. Устранить эту трудность в настоящее время сложно, но она, возможно, приняла бы оттенок некоторой относительности при учете того, что слово отмечено все-таки не только в Западной Финляндии; что лексика восточнофинских и карельских говоров XIV в., когда (скорее всего) могло появиться *Сандуй*, практически неизвестна, и есть основания допускать в современных говорах утраты старого наследия, которые как раз и могли бы быть восстановлены по топонимическим данным; что и в существенно удаленных местах распространения карел в топонимии отмечен элемент *Sand-*, который мог быть родствен рассматриваемому (речь идет о *Сандово*, юго-западнее Весьегонска, где отмечен крупный массив карельского населения, оказавшегося здесь после Столбовского мира 1617 г.; ср. *Сандово*: финск. *santava* 'jauhoinen, murea' /напр., о картофеле/, от *santa-* 'песок' [40] (но ср. вепс. *sandal*||*ńe* 'алый'?); есть и некоторые другие подобные названия [41]); что форма *Сандуй* идеально (хотя и не единственным образом) выводилась бы из карельского (олон.) **sandu* (с характерным для олонецкого (ливвиковского) диалекта *-u* < *-a*), закономерно давшего бы рус. *Сандуй* (не исключено, что исторически носители этого диалекта могли обитать в бассейне Невы); что, наконец, финноязычное название острова могло поддерживаться шведским *sand-*, непосредственная связь с которым *Сандуй* не исключена, см. далее. Указанное выше предположение (*-u* < *-a*) уже относится к другой трудности, связанной со словообразовательными (или даже морфологическими) проблемами. Приводимое здесь гипотетическое объяснение представляет собой лишь одно из возможных решений (теоретически можно предполагать и незасвидетельствованную финскую форму **santu*/ : *santa*/, ср. передачу в заимствованных словах *-a* через *-u* : *kuolu* 'школа' и т. п. [42]); появление же *-j* (*-уй*) — более или менее обычная адаптация типа рус. диал. *елу́й*, *ёлуй* 'помост для сушки рыбы' < финск. *jolu*; *холуй* 'сор,

нанос от разлива' < финск. *kalu* и т. д.; *Вехкуй* при финск. *vehka*, ливв. *vehku* 'белокрыльник, Calla palustria', *Хобуй* при финск. *haapa*, ливв. *h°/uabu* 'осина', *Канзуй* при финск. *kansa* 'народ' и т. п. Но вопрос об *-уй* в *Сандуй*, в частности, о конкретном объяснении происхождения этого аффикса, в известной степени включается в более широкую и общую перспективу. Дело в том, что в топонимике русского Севера и, между прочим, территории, на которой возник Петербург, элемент *-уй* (и связанные с ним аффиксы) играют большую роль. Обычно в *-уй* (*-ой*, *-буй*, *-бой*, реже *-ай*, *-ей*; *-уя*, *-оя*, реже *-ая*, *-ея*) видят название небольшой речки, ручья, ложбины, заполненной водой и т. п., ср. финск., карел., вепс., эст. *oja*, ливск. *voja*, саами *vuoi*, *vuai* и др.[43] В значительном количестве случаев это, действительно, так. Но вместе с тем обращают на себя внимание две широко распространенные группы примеров — *-уй* в топонимах, не имеющих соответствующих гидронимов того же корня с элементом *-уй*, и наличие этого же аффикса *-уй* в словах, видимо, не имеющих отношения к «водной» теме, в частности, в собственных именах людей [44]. В этом смысле есть основание говорить (особенно применительно к адаптации этих названий в русскоязычной среде) о тенденции к сложению единого аффикса *-уй* (параллельно *-уя*), независимо от происхождения его в конкретных примерах, широко представленного на Севере; ср. *Пануй*, *Нявруй*, *Лындуй*, *Елгуй*, *Вешкуй*, *Сулуй*, *Сямуй*, *Ялуй*, *Лавдуй*, *Макуй*, *Пикуй*, *Вехкуй*, *Кадуй* и многие другие (примеры с исходом на *-буй*, *-вуй* здесь не перечисляются, поскольку они образуют более узкую и специфическую группу); примеров такого рода немало и в «Переписной окладной книге» 1500 г. (ср. *Селуй*, часто, *Кондуй*, *Камуй* и др. [45]); они подкрепляются обильными примерами названий на *-уя* (*Маруя*, *Кипуя*, *Тагуя* и др.) [46] и особенно производными на *-уево* (*Алуево*, *Арбуево*, *Ахкуево*; *Бубуево*; *Валгуево*, *Валуево*, *Вилилуево*, *Виллуево*, *Влагуево*; *Гавгуево*, *Гайкуево*, *Гайпуево*, *Гиликуево*; *Думуево*; *Иганпуево*; *Кавгуевское*, *Камуево*, *Каргуево*, *Кахкуево /Кохкуево/*, *Керзуево*, *Керкуево*, *Койруево*, *Куввуево*, *Кургуево*, *Куткуево*, *Кутуево*; *Ликкуево*; *Матуево*, *Мохкуево*, *Миккуево*, *Муруево*; *Пейпуево*, *Полгуево*, *Пидуево*, *Пискуево*, *Посуево*, *Пукуев ручей*, *Пуруево*; *Рагуево*, *Радуево*, *Рангуево*; *Сангуево*, *Сонгуево*; *Талвуево*, *Тимуево*; *Ялгуево*). Заслуживает внимания довольно резкое сокращение подобных названий там, где некогда они были основным типом обозначения поселений, в частности, в бассейне Невы (в узком смысле) и в окрестностях Ленинграда. Но в данном случае несравненно важнее отметить, что в конце XV в. на этой территории названия с аффиксом *-уево* (: *-уй*, *-уя*) господствовали, и, следовательно, наличие элемента *-уй* в *Сандуй*, каким бы ни было происхождение и суффиксальной и корневой [47] части этого слова, не может быть сколько-нибудь серьезным препятствием по существу для предлагаемого здесь объяснения. Что же касается корня слова, то возможности его объяснения из финноязычных источников должны учитываться и впредь.

Но к загадке названия *Сандуй* можно подойти и с другой стороны, на что уже намекалось выше. При этом отпадают многие из описанных ранее трудностей и по-новому вырисовывается значение шведского этноязыкового элемента в истории освоения именно этой части невской дельты. Хотя нет оснований сомневаться, что *Сандуй* имело соответствие в языке финского населения этих мест и даже, возможно, понималось как «финский» элемент, само это финноязычное название (как, естественно, и русское) с большим вероятием объясняется непосредственно из шведского обозначения этого «песчаного» острова. В таком случае проще всего исходить из швед. *sand-ö* 'песчаный остров' (ср. обозначение этого же места швед. *sandbank* 'песчаная отмель'), давшего название острову — **Sand-ö*, из которого легко объясняется и рус. *Сандуй* (это соображение было высказано О. Н. Трубачевым, которому автор признателен за внимание к поднятой здесь проблеме, и Т. В. Топоровой) [48]. В пользу этого предположения свидетельствуют и исторические факты. В шведское время на берегу Б. Невки (в зап. части финской дер. Ликанова /=Старая деревня/, приблизительно там, где позже возникло лесопильное производство), т. е. против западной оконечности Сандуя (точнее — сев. его части, будущего Елагина о-ва), находился дом шведского таможенного досмотрщика, около которого останавливались для освидетельствования все суда, следовавшие по «Старому» фарватеру и входившие в устье Б. Невки. Эти обстоятельства делают правдоподобным обозначение соседнего острова, ограничивающего фарватер с юга, шведским словом.

Примечания

[1] О понятии «степени топономастичности» см.: *Топоров В. Н.* Из области теоретической топономастики. — ВЯ 1962, № 6, 3—12.

[2] В качестве введения в топономастическую проблематику этой территории см.: *Попов А. И.* Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.

[3] Помимо классических исследований А. А. Иностранцева, С. А. Яковлева, М. Э. Янишевского, К. К. Маркова и др., о геологической истории места, на котором находится Ленинград, в частности, в связи с ролью в ней вод, см.: *Кузнецов С. С.* Геологическое прошлое Ленинграда и его окрестностей. Л., 1955; *Нежиховский Р. А.* Река Нева и Невская губа. Л., 1981; Ленинград: Историко-географический атлас. М., 1981, 46—59 и др. Несколько иной аспект затронут в кн.: *Пясковский Р. В.*, *Померанец К. С.* Наводнения. Л., 1982.

[4] Ср. характерные формулировки типа «Ленинград расположен на дне недавних морей» (название главы из книги С. С. Кузнецова о геологическом прошлом города) или еще более многочисленные образы (причем бытующие и в литературе научного характера) типа «город возник со дна морского, из моря» и т. п., перекликающиеся с поэтическими видениями «повторений» этого первособытия — *И всплыл Петрополь, как Тритон,* | *По пояс в воду погружен. . .*

[5] Ср. в стихотворении М. А. Дмитриева «Подводный город» (1847 г.) о навсегда затопленном водами Петербурге: *Мальчик слушал, робко глядя,* | *Страшно делалось ему:* | *«А какое ж имя, дядя,* | *Было городу тому?»* | *«Имя было? Да чужое,* | *Позабытое давно,* | *Оттого что не родное —* | *И не памятно оно».*

[6] Тема имени Петербурга и его частных именований важна не только в топонимическом плане. К сожалению, она остается практически не исследованной.

[7] «Река Нева в геологическом отношении крайне молодая река» (Очерки истории Ленинграда. Т. 1. М.; Л., 1955, 13); «Нева и ее дельта . . .сформировались сравнительно недавно. . . Таким образом, Нева — молодая река» (*Нежиховский Р. А.* Указ. соч., 25); «. . .местность, где расположен Петербург, устье или дельта красавицы Невы, тоже не слишком раннего происхождения. . . этим. . . как бы подчеркивается сравнительно новое происхождение Невы» (*Столпянский П. Н.* Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Питербурх. Пб., 1918, 10—11) и др.

[8] Некоторые исследователи говорят о «страшных геологических катастрофах, происходивших на берегах Балтийского моря в VIII—XII веках» (*Столпянский П. Н.* Указ. соч., 11) и видят их отражение в новгородских летописных сообщениях. 2-я Новгородская летопись под 1176 г. отмечает, что Волхов в это лето в течение пяти дней шел «на взвод», т. е. вспять. Скорее всего это могло быть связано с явлениями тектонического происхождения, о которых также не раз сообщается в этой же летописи (1230 г.: *тресеся земля по Велицѣ дни въ пятокъ. . .*; 1107 г.: *стресеся земля мѣсяца февраля въ 5 день* и др.). — В этом контексте любопытны описания течения Невы в «Книге Большому Чертежу». Ср.: *А из Котлина озера вытекла река Нева и пала в Ладожское озеро. . .*; *в Нево озеро от западу пала река Нева, течет из Котлина озера, пала против Орешка, протоку 40 верст* (см. Книга Большому Чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950, 153, 156). Показательно и обозначение восточной мелководной части Финского залива как *Котлино озеро*.

[9] В этом отношении Нева подобна Невскому проспекту до 12 часов, когда он «не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем» (Гоголь).

[10] См.: *Нежиховский Р. А.* Указ. соч., 7.

[11] Лишь несколько данных, относящихся к соотношению Невы и окружающих рек, составляющих ее бассейн. Площадь всего бассейна Невы — 281 000 км², а площадь собственного бассейна Невы — 5000 км² (т. е. 1/56 часть всего бассейна — 1,8 %), тогда как «неключевые» реки бассейна Невы имеют существенно большую площадь: Свирь — 84 000 км², Волхов — 80 200 км², Вуокса — 68 700 км² и т. п. Водосбор Невы составляет лишь 2 % всего водосбора бассейна. В Неву впадает только 26 притоков, тогда как в бассейне Невы насчитывается 60 000 рек; но и эти притоки или очень незначительны (обычно типа ручьев), или, в случае их относительно большой длины (ср.: Тосна — 121 км, Мга — 93 км, Охта — 90 км, притом что длина Невы — 74 км), они стали притоками Невы лишь после ее образования. И Тосна, и Мга, и Охта существовали до появления Невы; более того, Тосна и Мга задолго до этого выработали долину для будущей Невы. На долю Невы досталась лишь дальнейшая разработка русла в уже подготовленной долине. Все эти (как и многие другие) данные принадлежат к числу уникальных соотношений и свидетельствуют, по меньшей мере, как об отмеченности Невы в ее настоящем, так и о бесспорной нестандартности, более того — исключительности ее в прошлом.

[12] Ср. в Первой Новгородской летописи: . . .*и сташа в Невѣ устье Ижеры. . . идуть къ Ладозѣ* (Син. спис., 1240 г.; ср. *стоявъше въ Неве. . .* Там же, 1228) или в проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле (1269 г., ранее 1-го апреля): . . .*подтвердил. . . старый мир о пути по Неве за Котлингом от Готского берега и обратно. . . А приедет гость на Неву. . . а лоцману, нанятому на проезд вниз по Неве и обратно вверх . . .Кто приехал по Неве, тому и обратно ехать по Неве. . .* (см. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949, 58—59, 61; в соответствии с: . . .*dhen olden vredhe to dher Nu*

wart . . . unde dhe lodienman dhe gew|u|nnen is to ter Nu unde wedher up. . . So we bi dher Ny comet, dhe shal bi dher Ny weder waren.). . . Ср. дальнейшие упоминания Невы там же, 63 (1301 г.), 68, 72, 75, 80, 82, 89, 101, 103, 111. Нева упоминается и в тексте «Жития Александра Невского», составленного также в XIII в.

13 Сходную мотивировку в названии Ладоги видит и Миккола — **Alodejoki*, от *alode*, *aloe* 'низменное место', см. Фасмер II, 448.

14 Впрочем, роль шведского (и немецкого) мирного проникновения в эти районы не учитывается в достаточно полной мере и для более позднего времени. В этом отношении стоит обратить внимание на ситуацию, расцениваемую упомянутым уже проектом договорной грамоты 1269 г. (т. е. задолго до основания Ландскроны) как типовую: *А отправится немец или гот гостить в Корелу и учинится ему что, Новгороду дела до того нет* (*So welic Dhudische ofte Gote veret copfart to dhen Crelen. . .*), 59, или на культурную и хозяйственную роль Ниена (Ниеншанца) в XVII в., как она вырисовывается, например, в сочинении: *Bonsdorff C. von.* Nyen och Nyenskans. — Acta Societatis Scientiarum Fennicae 1891, t. XVIII, 349—504 (см. и рецензию — ЖМНП 1892, № 5, 172—181). Ср. также: *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. 1—2. СПб., 1909 (посмертное издание труда, первая часть которого появилась на шведском языке еще в 1836 г.); Сборник документов, касающихся Невы и Ниеншанца. Приложение к труду А. И. Гиппинга «Нева и Ниеншанц». С предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. Пг., 1916 и др. Важный шведский источник — «Большая рифмованная хроника (Stora Rimchrönica)» — опубликована в Scriptores rerum Sueccarum medii aevi (T. I. Uppsala, 1818).

15 Любопытно, что даже в современном Ленинграде не менее 10 островов именуются *Безымянными* (девять из них находятся в северной части невской дельты и лишь один в южной). См.: *Горбачевич К., Хабло Е.* Почему так названы? Л., 1975, 517. В прошлом это название охватывало и ряд других островов. Не менее интересно, что из 42 островов Невской дельты в настоящее время лишь 29 имеют названия, а в обиходе известны названия не более 10—12 островов.

16 Мена названий одного и того же местного объекта в старых и новых документах, как и данные собирательской практики, позволяют выявить схему ответов информанта на вопросы (с известным пристрастием — «а в с е-т а к и как называется. . .?») собирателя названий: никак не называется (напр., некая речка) → без имени → безымянная → *Безымянная речка* → *Черная речка* → *Чернавка* и т. п. Как можно видеть, этапы «продвижения» информанта по пути «вынужденной» топонимизации в основном воспроизводят набор типов указанных примитивных примеров топонимизации, в которых грань между именем и апеллятивом нередко почти неуловима.

17 В этом отношении особенно интересны данные, относящиеся к распределению наиболее частых названий. К их числу принадлежат топонимы с корнем *Черн-* (в собрании водных названий Ленинградской области перечислено около 180 примеров, см. *Шанько Д. Ф.* Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929, 633—635; при этом известно, что ряд старых *Черных речек* позже получил другие наименования; некоторые данные могут быть извлечены из старых документов, ср.: *Tzornoi Rutzei Öde*, *Thorna|ia| Öde*, *Sarnay* eller *Mustilla* / карел., финск. *musta* 'черный'/, *Sornay* eller *Rodinofzina* и др., см.: Jordeböcker öfver Ingermanland. T. 1. СПб., 1862, отд. 1, 95, 112, 124, 137; отд. 2, 211. Несколько речек с подобным названием отмечено в истории Петербурга и его непосредственно к нему прилегающих окрестностей. Помимо ныне существующих под своими названиями *Черной речки* (п. п. Б. Невки, в Новой Деревне), *Черной речки* или *Черной* (л. п. Охты, ниже Жерновки), *Черной* (басс. Невской губы, с севера), названия *Черная* или *Черная речка* носили Смоленка, Екатерингофка, Волковка, Монастырка; п. п. Б. Охты, ныне не существующий (в самом низовье рядом с Охтинской конторой и богадельней; см. Планы С. Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годах.

Сост. Н. Цыловым. СПб., 1853, план 1738 г.: *Чернавка*), и даже, по одному свидетельству, Оккервиль, л. п. Охты, т. е. около десятка речек. Можно с уверенностью сказать, что были и другие речки и ручьи с этим именем (их следует, в частности, предполагать среди тех нанесенных на старые планы водных объектов, названия которых остались неизвестными). Более того, каждая маленькая «новая» (т. е. с незакрепленным за нею названием) речка на большей части территории Петербурга была, по сути дела, *Черной речкой*. В старых описаниях Петербурга нередко отмечалось, что протоки с болотной, торфяной, застойной водой обычно назывались *Черными*. И, тем не менее, если положить петербургские *Черные речки* на план, то оказывается, что они расположены в отчетливо р а з н ы х частях города: Новая Деревня, Б. Охта, Васильевский остров, Нарвская часть, Каретная часть. Именно эти речки дольше всего сохраняли свое название (*Черная*) и в отдельных случаях даже сохранили его до наших дней. В каждом из отмеченных районов своя *Черная речка* была в н е конкуренции и строго соотносилась с конкретным и определенным объектом; о других *Черных речках* можно было вообще не знать или слышать об их существовании лишь в общем: они не были актуальны за пределами их собственного «микроландшафта» и, следовательно, не вносили никакой двусмысленности.

18 См.: Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года. — Временник Императорского Московского Общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851. Эта книга в известной мере отражает утраченную переписную книгу несколько более раннего времени (2-я полов. XV в.).

19 С припиской: *Отдана тому ж Одинцу с товарищи с пруды и с колы и с тонями.*

20 Подобная предосторожность не должна считаться излишней, учитывая попытку «вынесения» в м о р е даже Фомина острова, предпринятую Гиппингом, допускавшим, что Фомин остров «Окладной книги» — Котлин. «Я не смею однако положительно утверждать, было ли село Фомино именно там, где ныне Кронштадт, хотя это весьма правдоподобно, ибо ясно говорится, что село находилось на взморье и было хорошо населено; этого нельзя приписать никакому другому из близь лежащих к Петербургу островов» (см. *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц, 187—188). Предположение Гиппинга опровергается рядом фактов и, в частности, указанием шведской «Писцовой книги Ижорской земли» 1640 г., где среди мест, входящих в Спасский погост, отмечено — *Phomin Ostroff eller Koyfiuesari*, т. е. Березовый остров (теперешняя Петербургская сторона). См. Jordeböcker, 214.

21 Предположение о том, что Сандуй — соединенные три острова (Каменный, Елагин и Крестовский), было высказано еще ранее (см.: *Столпянский П. Н.* Петербург, 15), но оно практически не было аргументировано.

22 Гутуевский остров (или, точнее, то, что ему предшествовало в конце XV в.) должен быть сразу снят со счетов. Во-первых, эти места принадлежали Ижорскому (а не Спасскому) погосту; во-вторых, восстанавливаемый путь от устья Охты к Фомину острову и далее никак не мог привести к Гутуевскому острову; в-третьих, иметь свои угодья здесь для жителей Охты было бы в высшей степени нецелесообразно.

23 Неупоминание в «Переписной книге» 1500 г. других островов (в частности, Заячьего, Петровского, Аптекарского) объясняли или отсутствием на них каких бы то ни было хозяйственных угодий ввиду их крайней низменности, или тем, что к этому времени еще не возникли Карповка, Ждановка, Крестовка, Средняя Невка и др.

24 См. подробнее: *Кузнецов С. С.* Указ. соч., 22 и сл. и др. Интересны данные о приросте площади островов на месте Сандуя: Крестовский — 2 800 480 м² в 1718 г.: 3 575 083 м² в 1911 г.; Елагин соответственно — 706 560 м²: 929 641 м². Менее достоверны заключения о структуре Невской дельты, сделанные на основании увеличения числа островов в ней (1676—1700 гг. — 24 острова; 1705—1706 гг. — 31; 1777 г. — 48; 1848 г. — 80; 1880—1881 гг. — более 100). Результаты деятельности человека привели к тому, что к 1975 г. число островов сократилось до 42. Но общие тенденции в развитии дельты, естественно, сохраняются. Они фиксируются не только науч-

ными измерениями, но и «на глазок»: «Удаление моря от северных берегов, с давних пор замеченное, и здесь следует общим законам . . . Нет сомнения, что со временем образуются новые острова на прибрежных оконечностях Санкт-Петербурга, окруженных высокими отмелями, и северная столица наша чрез несколько веков, может быть, шагнет далее в залив», — писал полтораста лет назад историк Петербурга А. П. Башуцкий (Панорама Санкт-Петербурга. Кн. 1. СПб., 1834, 45). — В миниатюре некоторые из указанных изменений доступны непосредственному наблюдению, если оно ведется в течение относительно длительного времени (ср. динамику роста и изменение характера отмели островка на Малой Невке под Б. Петровским мостом и некоторых других подобных объектов).

25 В копии карта озаглавлена «Nie Stadt mit der Gegend auf 2 Stunden». Копия сопровождена разъяснением: «Dieser Plan habe von einen Alten Schwedischen Riss mit seine Situation und farben Gantz Accurat Nach Coupieret St. Peters-bourg. Año 1737 den 19 Januarj C. G. Schwarz». См.: Jordeböcker, карта и комментарии к ней в конце книги.

26 Впрочем, внимательное изучение очертаний Елагина острова на планах 1700 и 1725 гг. (опубликованы Цыловым) позволяет увидеть некоторую преемственность с изображением острова у Крониорта (ср. глубокую «пазуху» типа фиорда на юге острова и почти припаянный к Елагину продолговатый островок с севера). Еще в большей степени сказанное относится к плану Петербурга 1716—1718 гг., изданному в Амстердаме географом Р. Оттенсом: Елагин остров, особенно его западная часть, характеризуется очень изрезанной береговой линией; к тому же к нему и к Крестовскому острову непосредственно с запада примыкает большая и четко очерченная песчаная отмель.

27 См.: Topographische Vorstellung der Neuen Russischen Haupt Residenz und See-Stadt S. Petersburg, . . .hrsg. von Joh Baptist Homan. Nürnberg, 1717 (этот план воспроизведен — весьма плохо — в кн.: Очерки истории Ленинграда. Т. 1, между 128 и 129 стр.).

28 Крестовские острова действительно принадлежали (строго говоря, и принадлежат) к числу минимально заселенных мест Петербурга. И когда здесь начали селиться, то жили сезонно, в летних резиденциях, на дачах. Ситуация начала медленно изменяться с начала XX в., и жилое освоение Крестовского (и в очень малой степени Каменного) острова шло и пока ограничилось очень небольшой крайней восточной частью.

29 От финского рыболова, который *бросал в неведомые воды | Свой ветхий невод*, до рыбаков гнедичевской идиллии («Рыбаки»), промышлявших от Строгановой дачи до взморья и живших летом в шалаше, видимо, на Крестовском острове.

30 Впрочем, финское название этого острова дается в разных вариантах: *Mistula saari* (Эльдбуг, 1701), *Mitsala Saari* (на карте Бергенгейма, 1675), *Mustila Saari* (на чертеже Блассинга, явно от финск. *musta* 'черный'); ср. швед. *Mustila*, *Mustila åå*, *Mustila gård*, *Mustilla Høff och åå*, *Mustilla Krog*, *Mustola*, *Mustula* (*Müstula*, ср. финск. *Mistula*) на старых картах. См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч., 19 и др.

31 Ср. неподалеку, на месте Старой Деревни, *Kivanity-by*, т. е. 'Каменная деревня', шведское название, заимствованное из финского (ср. *Kivinenä*). Ср. описание этого места: «Остальное за тем место по правой стороне реки Невы [=Б. Невки. — *В. Т.*] было пустое, усеянное камнем гранитной породы, поросшее лесами, изрезанное топкими болотами (см. Адрес-календарь санктпетербургских жителей, сост. К. Нистремом. Т. 1. СПб., 1844, 8). Та же деревня носила и русское название — *Uckanova* (=*Ускановa*?). Соседняя деревня называлась *Likanova* (ср. финск. *lika* 'грязь', *likainen* 'грязный').

32 Уместно напомнить, что в XVIII в. названия этих островов «топонимически» застолбляли их владельцев: *Шафиров о-в*, *Ягужинский о-в*, *Мельгунов о-в*, *Елагин о-в* (Елагин); *Остров Св. Натальи* (остров был подарен сестре Петра I Наталье), *Христофоров о-в*, ср. почти топонимические обозначения, встречающиеся в XVIII в., *Остров Разумовского*, *Остров Бело-*

сельского-Белозерского (Крестовский о-в); ср. *Остров Головкина*, *Остров Бестужева(-Рюмина)* — о Каменном о-ве.

[33] Роль песка была отмеченной для жителей той территории, на которой возник Петербург. Песок противопоставлялся болоту, мху, даже заболоченным глинам, зыби (на шведских планах XVII в. многие земельные владения на этой территории носят названия «Зыбкая земля»; даже современные улицы города отражают, чаще опосредствованно, подобную ситуацию; ср. названия улиц: *Болотная*, *Торфяная*, *Моховая* /речь идет не об улице, параллельной Литейному проспекту, бывшей *Хамовой*/, *Глиняная* и др.; ср. название урочища *Мокруши* и т. п.). Вместе с тем песок отличали и от т в е р д о й почвы, основы (ср. финск. *perus* в этом значении, давнее название части города между Мойкой и Фонтанкой, бывш. Казанская и Спасская части, *Перузина*, *Perusina*, на карте Бергенгейма *Perukka Saari* / *perukka* 'отдаленное место' /; ср. также *Perwiskina* на чертеже Блассинга; эта форма объясняет название Парвушиной мызы — *Parvuschina-hof*, обычно неправильно объясняемой из русского; можно напомнить, что именно здесь, на твердом грунте, находилось шведское поместье; позже на этом месте был построен Летний дворец Петра I). Иначе говоря, песок был чем-то промежуточным: он еще не основа, но зато ресурс для будущего, то, за счет чего растет дельта, растут острова, растет будущая основа. «Строить на песке» — для Петербурга было не худшим выходом (ср.: *Деревня на песках*, см. Переписная окладная книга, 54).

[34] Ср. обозначение *Sand bank* на карте начала XVIII в., см.: Hydrografisk Karta öfver Neva-Strömmen allt ifrån Nyenska Redden i Salt-Sjön till Nöteborgs Redd i Ladoga-Sjön. . . 1701 af Carl Eldbergh, 10 a.

[35] Тема песка в связи с Островами отозвалась и в блоковском *И хруст п е с к а и храп коня. . .* («На Островах»).

[36] Можно показать связь «песчаных» топонимов с этим песчаным уступом и образованиями подобного типа. См. отражение «песочной» темы в топонимии: Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1973, 141 и др.

[37] См.: *Toivonen Y. H.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. IV. Helsinki, 1969, 967.

[38] Между прочим, с финским его разделяют и саамские диалекты — *sattie*, *sàddee*, *saddo*, *satto* и др. (см. *Toivonen Y. H.* Op. cit., IV, 967).

[39] См.: *Setälä E. M.* Bibliografisches Verzeichnis der in der Literatur behandelten älteren Germanischen Bestandteile in den Ostseefinnischen Sprachen. — FUF 1913, XIII, 449.

[40] Характерно при этом, что собственное слово для песка здесь утрачено. Ср. показательный в связи с темой рассыпчатости, крупичатости, «песчанистости» (финск. *santava*, см. выше) контекст из говора упомянутых карелов: *p e s k u t'iäl'ä on valgie*, *kuin vehnäńe jawho l'ibo lumi* 'песок здесь белый, как пшеничная мука или снег'. См.: *Макаров Г. Н.* Образцы карельской речи. М.; Л., 1963, 175.

[41] Напротив, нередкие топонимы типа *Сандела*, *Сандольский*, *Сандало*, *Сондал*, *Сондала* и др.; *Sandala*, *Sandaл*, *Sandau* и т. п. (см. *Шанько Д. Ф.* Указ. соч., 624, 627; Административно-территориальное деление, 140; *Nissilä V.* Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, 1967, 71—72 [=MSFOu. 199] и др.) могут объясняться и иначе (ср., напр., финск. *santalo*, *santelo*, соответствующие карельские формы, саами *san'del*, *san'der* заимств./ и т. п., о которых см. подробнее: *Toivonen Y. H.* Op. cit. IV, 967). Впрочем, имеющиеся этимологические версии противоречивы. — В связи с *san'der* и под. ср. *Sunderitza* на одной из старых шведских карт Невы, ср. в Сандалакши. Новгор. берест. грам. № 403.

[42] *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. 1. М., 1953, 161.

[43] См.: *Матвеев А. К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. — ВЯ 1969, № 5, 43 и сл.; *Субботина Л. А.* Географический термин *бой* и его варианты в субстратной топонимии Белозерья. — В кн.: Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск, 1984, 98—118 и др.

[44] Ср.: сын его *Тимуй*; *Микуй Симонов* и др. (Переписная окладная книга, 311, 333), *Алуй*, *Тадуй* и др.
[45] Во многих случаях (тип *на Лавуе*) различение *-уй* и *-уя* затруднено.
[46] Ср. *Палуя*, *Лепуя*, *Маруя*, *Кипуя*, *Кильмуя*, *Кивуя* при *Кукуй*, *Сорзуй*, см. Административно-территориальное деление, s. v.
[47] Е. А. Хелимский, которому автор этой статьи глубоко признателен за консультацию по истолкованию финноязычных фактов, предлагает рассмотреть возможность объяснения *Сандуй* в связи с производными от прафинск. **sā-* (финск. *saada* 'получать'); ср. карел. *šuanta*, *šoanda*, олон. *soandu*, *suandu* 'получение, добыча' и т. п.; финск. *saanta*, *saanti*, *saanto*; людик. *suand*, *suond*; вепс. *sand*, *sandus* и т. п.
[48] Можно высказать предположение, что исходной формой могло быть швед. диал. *Sand-ey*(*öy*) с сохранившимся дифтонгом. Во всяком случае, несмотря на прошедшую еще в X—XII вв. монофтонгизацию древних дифтонгов, они до сих пор сохраняются в некоторых говорах сев. и вост. Швеции, на Готланде и (что, может быть, особенно показательно) в шведских говорах Финляндии (ср. также норв. *øy* и т. п. при др.-исл. *ey*). См.: *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953, 132. Если это предположение верно, то *Сандуй* почти идеально точно отражает швед. диал. *Sand-ey*(*öy*) и/или промежуточную финноязычную форму (ср., кстати, финск. *o*, заимств.). Для понимания формирования острова Сандуя, возможно, могут быть использованы значения швед. *ö*, уцелевшие в старых текстах и говорах ('низменная полоска /вытянутая в длину/ у воды', 'пойменный луг').

Г. Ф. Одинцов

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ С ОБОБЩЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ 'ОРУЖИЕ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Названия отдельных конкретных видов древнерусского оружия всегда интересовали не только языковедов, занимающихся исследованием лексики, но и археологов, историков культуры, литературоведов, оружиеведов, этнографов, фольклористов. Совсем иначе обстоит дело со словами, имеющими обобщенное значение 'оружие', непосредственно не связанными с миром вещей и представляющими интерес почти исключительно для историков лексики. По этой причине задача историко-лексикологического описания таких слов приобретает особую трудность. Кроме того, при своей непосредственной несвязанности с материальным миром вещей, такие слова очень показательны в плане выявления отдельных сторон духовной жизни в истории народа, его духовных контактов с другими народами и культурами.

Уже с самого начала письменной истории русского языка в текстах засвидетельствовано слово *оружие* (в разных графических вариантах — *ѡржжиѥ*, *ороужіе*, *ѡрꙋжиѥ*, *ороужье*) — термин балто-славянского происхождения (ср. лит. *āpranga* 'снаряжение' [1]): Нѣсть ороужиꙗ ратьнааго. Изб. 1073 г.; Красота воиноу ороужиѥ и кораблѧ вѣтрила. Сбор. 1076 г. 2 (Срезневский II, 709).

В этих и подобных контекстах слово *оружие* выступает в значении 'вооружение, оружие', реже 'доспех', ср.: Мꙑ сѧ доиска-

хомъ ѡружьемъ ѡдиною стороною, рекоша саблами, а сихъ ѡружье ѡбоиду ѡстро, рекше мечь. Пов. вр. л. (введ.); А некрьщении Русь да полагають щиты своя и мечи свои нагы, ѡбручи свои и прочая ѡружья, и да клѣнутьса... Дог. Иг. 945 г. (по Ип. сп.) (Срезневский II, 709[2]).

В таком значении термин известен и в других славянских языках (см. ниже), в том числе и старославянском — оржжиѥ ср. р., Supr, Euch, Cloz и т. д., 1) 'оружие, меч'; μάχαιρα, ὅπλον, 2) 'колесница'; ἅρμα; currus, quadriga (SJS, вып. 23, 556—557; в этом втором значении в древнерусских текстах слово представлено только в переводах с греческого, по «Материалам...» И. И. Срезневского II, 710); мало того, древнерусское *оружие* считается церковнославянским заимствованием (Фасмер III, 154[3]) и, будучи таковым, по существу сохраняет на первых порах семантическую структуру старославянского слова: помимо значения 'оружие' и 'колесница', имеет также семантику 'меч', с течением времени постепенно утраченную: 1) сь ороужіемъ рекше съ мечи илі съ дреколми въсхыщеніе створить (Ряз. корм., 1284 г., л. 325 г. — Картотека СДР; в Остромировом евангелии 1056 г. «съ оржжии — μετὰ μαχαιρῶν — и дрекольми». Мѳ. XXVI. 55). В цитате из Рязанской кормчей союз «илі» противопоставляет словоформы «ороужіемъ» (но не «мечи») и «дрекольми», ср. типичное: съ ороужии и съ дрѣкольми (Панд. Ник. Черн., 1296 г., л. 141 об.—142. — Картотека СДР), овии съ оружиемъ. а друзіи съ дреколіем (Ж. Леонт. Рост. XVI в. ~ XII в. 303—304. — Картотека ДРС); 2) въстани въ помощь мою. ѝзсꙋни ѡрꙋжїе (ἔκχεον ῥομφαίαν) и запри сѫпротивъ гонащіих ма. Библ. Генн. 1499 г. Псал. XXXIV. 2—3. (Картотека ДРС), — где словом *оружие* переведено греческое название меча ῥομφαία, передаваемое в Хронике Георгия Амартола (XIII—XIV вв.) словами *ороужиѥ*, *мечь*, *копиѥ*[4].

Пожалуй, можно усматривать отражение старой семантики 'меч' в редком производном (отсутствующем у Срезневского, Кочина, Дювернуа и представленном только в рукописных словариках XVII в.) *оружьице* 'кинжал, короткий меч': а сѐ имена оруж(ь)ицу, иже бываетъ при бедрѣ. яко же будíи, торчь, кортъ, или си́мъ подобная (Словарь кон. XVII в., л. 11 об.[5]).

Следует подчеркнуть, что в значении 'меч' или 'колесница' древнерусское слово *оружие* выступает лишь в книжно-славянских текстах XI—XV вв.; к XVI в. эта семантика словом *оружие* на русской почве утрачивается.

В переводных текстах *оружие* часто передавало греческое τὰ ὅπλα 'вооружение', например: преставъ ѡт ѡроужиа (τῶν ὅπλων) нача мирити са съ подроужники своими. Иос. Флав. Полон. Иерусал. I, 12. XVI в. ~ XI в. — Картотека ДРС.

Основная семантика слова *оружие*, с которой оно выступало в огромном большинстве текстов, как переводных, так и непереводных, была отвлеченной, неконкретной — 'оружие как таковое'. Обобщенно-абстрактный характер семантики слова вряд ли

можно расценивать как признак его старославянского (или церковнославянского) происхождения. Напротив, на заимствованный характер термина как будто указывает отсутствие в русском языке слов, родственных этому существительному, но не производных от него, в противоположность, например, таким микрогруппам, как *кол* — *колоть*, *палка* — *палица* — *палец* и т. д., и в отличие от картины, которую мы наблюдаем, скажем, в болгарском, где сущ. *оръжие* 'оружие' имеет родственный ему глагол *ръгам* 'колю, сверлю' (Фасмер III, 154).

Дополнительный свет на условия появления, активизации употребления и утверждения термина в русском языке проливает его судьба в славянском мире. Ср. при редком укр. *оружжя* (у Фасмера; отсутствует у Гринченко и в современных толковых словарях украинского языка) обычное укр. *зброя* (УРС II, 175), блр. *бронь* 'оружие', ст.-блр. также *броня* то же (с 1434 г. из польск. *broń*, *bronia*, которое зафиксировано уже в 1388 г.[6]), польск. *broń* и книжн. *oręż* (< **orǫžьje*), значительно активнее первое, говорится: *broń ognista* 'огнестрельное оружие', не *oręż; stać pod bronią* (не *pod orężem*), *na ramie broń* и т. д.[7], чеш. *zbraň*, *zbroj* 'оружие'[8], ст.-слав. орѫжие 'оружие, меч; колесница', болг. *оръжие* (Геров III, 383), макед. *оружје* 'оружие' (Конески II, 83), с.-хорв. *ȍрӯжје* 'то же', словен. *orǫ̑žje*, *rožjȅ* собират. 'оружие' (Pleteršnik I, 848; II, 441).

Как видим, старый славянский термин хорошо сохранился в языках православных славян, значительно утратил свои позиции у славян-католиков и протестантов, где рано утрачено влияние старославянского языка.

В известной мере сходная судьба пережита праславянским термином **kopьje* 'копье', устойчивость которого в русском, белорусском и южнославянских языках, в противоположность его судьбе в западнославянских языках — польском, чешском, словацком, — где произошло изменение грамматического рода слова (среднего на женский) и возникли, не менее активные, чем польск. *kopija* 'копье', чеш. *kopí* то же, синонимы (польск. *włócznia*, чеш. *oštěp*), — объясняется поддержкой термина *копье* у православных славян старославянизмом копию — главным обозначением этого вида оружия в церковных текстах, обозначением, упоминаемым рядом с именем Христа. У неправославных славян термины, восходящие к **kopьje*, такой поддержки не имели и были несколько оттеснены другими синонимами[9].

Церковнославянское влияние на судьбу слова *оружие* в русском языке вполне естественно. После принятия христианства на Руси церковнославянские тексты распространялись очень активно и широко, а слово *орѫжию* (и *орȣжіе*) в этих текстах встречалось достаточно часто, включая и фигуральные употребления (например: велико оружъе молитва. Изборник 1076 г., лл. 228 об—229; оградивъся крьстьнымь ороужиемь. Ж. Феод. Печ., Усп. сб. XII в., л. 38 б; ороужие ста|аго дха. Изборник 1076 г., л. 107; оружье

не побѣ|димое образъ хр҇та Х҇ва. то есть очьства нашего вѣра. Ф. Студ., XIV в., 188 г.; сюда же фразеологизм *духовное оружие*. Ф. Студ., XIV в., л. 203 б, 210 г—211 а; Ж. Варл. Иос. XIV—XV вв., л. 71 б и т. д. — Картотека СДР.

В обращениях военачальников и духовных лиц к ратным людям перед битвой слово *оружие* также не могло не звучать; ср., например, послание митрополита Макария в Свияжск, к царскому войску: Слышите Пророка глаголюща: «аще не обратитесь, оружіе свое очистить на вы, и лукъ свой напряже. . . и аще не послушаете мене, оружіе вы поястъ, и побѣгнете. . .» 1552 г.[10]

Любопытно, что в надписях на боевых русских знаменах XVI—XVII вв., сохранившихся в Оружейной палате, часто встречается слово *оружие*, как, например, на знамени «великом стяге» царя Ивана Грозного 1560 г. (экспонат № 3573), где изображена поверженная Иоанном Богословом змея и написано: «иже оружиемъ избіена седящаго на кони»; на знамени городовых солдат 1704 года читаем: «Гсди деснóю твоéю рукóю. . . орýжіем мечà нечистивые сопостáты побѣдѝ» (экспонат № 3691) и т. д.[11].

Не приходится удивляться, что этот церковнославянизм с течением времени вошел в народную речь, в фольклор:

Повернулся Вольга сударь Буслаевич
Малым горносталюшком:
Зашел во горницу во ружейную;
И у оружей замочки повывертел,
В бочоночках порох перезалил

(Пес. Рыбн. I, 5—6. — Картотека ДРС).

В плане освоения церковнославянизма *оружие* в русском языке во второй половине XVII в. любопытны факты отражения бытования этого слова в живой речи: «ажно бьет из оружия и ис пушек по нашему городу казачью» (Рус.-китайс. отн. в XVII в. I, 135. 1652 г.); «издали слазили с коней и оружие скинули» (Там же, 495. 1676 г.).

Ко времени заимствования слова *оружие* у восточных славян был исконный семантически тождественный ему термин *съсѹдъ* = *сосѹдъ* (и *сѹдъ*), многозначное слово, одно из значений которого Г. Е. Кочин справедливо определяет как ʽоружие, орудие для бояʼ [12] и которое, будучи сложением общеславянского **sǫdъ* с приставкой *sъ*-, в значении ʽоружиеʼ известно только в древнерусском языке (Фасмер III, 728): 1) Аще ли оудари҇т мече҇м или оубье҇т кацѣ҇м любо сосоудомъ, за то ѹдарение или бьенье да вдасть лит҇ръ е҇ сребра по закону Рускомѹ. Дог. Ол. 911 г. по Радз. сп.; 2) Или аще оудари҇т мечемъ или копьемъ или кацѣмъ инымъ съсудо҇м Русинъ Грѣчина или Грѣчинъ Русина, да того дѣла грѣха заплатить серебра литрь е҇ по законѹ Рускому. Дог. Игор. 945 г. (Срезневский III, 834). В другом списке Договора Игоря с греками (945 г.) на месте словоформы *съсоудом*(ъ) фиксируется *оружьемъ*; благодаря этому факту, семантика слова *съсоудъ* как

военного термина, определенная Г. Е. Кочиным, не вызывает сомнений: Ци аще оударить мечемъ или копьемъ или кацѣмъ любо ѡружьемъ Русинъ Грьчина или Грьчинъ Русина, да того дѣла грѣха заплатить сребра литръ е҃ по закону Рускому. (Срезневский II, 709). Любопытно, что в более раннем договоре, заключенном с греками в 911 г. Олегом, такой замены термина *съсоудъ* на *ороужье* И. И. Срезневский не фиксирует. В текстах обоих договоров *съсȣдъ* употребляется, как видим, в собственно деловой части, где оговаривается одно из условий мира между греками и восточными славянами. В клятвенно-торжественной части этих же договоров употребляется только слово *оружие*: 1) клѣншеса ѡружьемь своимъ, такую любовь извѣстити и утвѣрдити по вѣрѣ и по закону нашему (Дог. Иг. 911 г.); 2) Иже помыслить ѿ странꙑ Рускиꙗ разрушити таку любовь... да не имуть помощи ѿ Ба҃, ни ѿ Перуна, да не оущитаться щитꙑ своими и да посѣчени будуть мечи своими ѿ стрелъ и ѿ иного оружьꙗ своего. Дог. Иг. 945 г.; 3) А некрѣщении Русь да полагають щиты своꙗ и мечи свои нагы, ѡбручи свои и прочаꙗ ѡружьꙗ, и да клѣнуться ѡ все҃, ꙗже суть написана на харотьи сеи (Дог. Иг. 945 г. — по Ип. сп.).

В этих договорах слово *съсоудъ* 'оружие', являясь исконным образованием, употребляется как обыденное, будничное, *оружие* же — как более подходящее для торжественных случаев, что хорошо согласуется с его церковнославянским происхождением.

С самого начала взаимодействия синонимов *оружие* и *съсудъ* второй из них становится если не редким, то далеко не часто встречаемым словом. Г. Е. Кочин отмечает 4 употребления военного термина *съсудъ* в Ипатьевской летописи [13]; приводим пример: (1249 г.): <Ростиславъ>. . . поиде к Перемьшлю. и собравъ тъзѣмьльцѣ многы. сосоуды ратные и градные. и порокы. исполчивъ воꙗ своа. Ипат. л. (Гал.-Вол.), ок. 1425 г., л. 269. При сплошной выборке материала на с. 12—796 из текста этой летописи по изданию: Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962 — слово *съсудъ* (*сосудъ*) нам встретилось трижды, тогда как его синоним *оружье* (и *оружие*) — 43 раза.

Будучи восточнославянским семантическим новообразованием, слово *сосудъ* 'оружие' по мере активизации употребления церковнославянизма *оружие* становится в памятниках письменности все более редким, хотя и встречается не только в памятниках народнолитературных (Тверск. лет. 911 г. ПСРЛ XV, 1863, 41: *съсудъ*; Никон. лет. 1453 г. ПСРЛ XII, 1901, 84: *стѣнобитныа сосуды*; Воскресенск. лет. 1408 г. ПСРЛ VIII, 1859, 83: *съсуды градобійные*; Львовск. лет. 911 г., полуустав XVI в. ПСРЛ XX, перв. пол., 1910, 48 (л. 62) — *судъ*: Аще ударить мечемъ, или бываеть кацемъ убо судомъ, за то удареніе или за біеніе да вдасть литръ пять серебра. . .; Симеоновск. лет. 1376 г., полуустав перв. пол. XVI в. ПСРЛ XVIII, 1913, 118 (л. 222—222 об.): *ссуды*), — но и в книжно-славянских. В Истории Иудейской войны Иосифа Флавия (текст XI в. по списку XVI в.) [14] слово *съсудъ* нам встре-

тилось 27 раз, тогда как его синоним *оружие* (и *оружье*) — 115 раз, причем чаще всего *съсудъ* употребляется в составе устойчивых словосочетаний, обозначающих стенобитные орудия (*съсуды ратные*, 285: дважды; 286, 296, 374, 381; 389; *съсуды градобичныя*, 320, 375; *градоемци съсуды*, 398; *съсуды стѣнобитныя*, *стѣнобичныя*, 301, 327, 361, 376, 389, 398, 424, 430), что как будто указывает косвенно, наряду с возникновением в XVI в. многовариантности термина (*сосудъ*, *судъ*, *ссудъ* — см. выше), на процесс архаизации термина.

Как отдельная лексема этот термин встречается в сугубо книжных текстах XV—XVI вв., например, в Пятикнижии Моисеевом XV в.: возми съ|сȣдъ свои тоулъ ѝ ражанець ѝ изи|ди на поле ѝ оулови ми звѣрь. и съ|твори ми ꙗдь... Быт. VI[15]. Тот же термин представлен в списке этого же памятника XVI в.[16]

В XVII в. слово *сосудъ* 'оружие' вышло из употребления и могло использоваться в архаизированных текстах с целью их намеренной стилизации под старину, как, например, у Авраамия Палицына: На Терентиевской же рощи бе у них пищаль люта зело, зовома Трещера... Ударишя по большой их пищали по Трещере и разбишя у неа зелейник. Тако же и от Святых ворот с красныя башни ударишя по той же пищали и разбишя у нея устие. И видешя с Троицкого града сущии людие, благодаришя бога, яко разруши злый той сосуд[17].

На смену термину *съсудъ* в текстах народно-литературных и деловых, для которых слово *оружие* было менее характерно, чем для книжных, приходит слово *бой* 'оружие', которое можно, вероятно, считать семантической калькой с польского *broń* — первоначально 'спор, война, оборона', а с XIV в. — 'орудие войны, оружие' (Słownik prasłowiański I, 326—327), ср. ст.-слав. (Ev, Supr, Cloz etc.) брань ж. р. 'состязание, борьба, бой, битва'; πόλεμος, πάλη, τα πολέμια, ἀνάστασις; bellum, proelium, colluctatio (SJS 4, 140) и ст.-чеш. *brań*, *bran* ж. р. 'оружие' (Gebauer I, 92).

Русское *бой* 'оружие' известно лишь в текстах XVI—XVII вв., то есть в тот период, когда влияние польской лексики на русскую было особенно ощутимым. В связи с этим попутно обратим внимание на полонизм *бронь* 'оружие'[18], известный также только в памятниках XVI и XVII вв. (в СлРЯ XVIII в., вып. 2, Л., 1985, 143—144, уже дается только его омоним *бронь*, *броня* 'панцирь, латы'): съ различными броньми, паче же мало не всѣ со стрелами, и уже на тетивахъ луковъ стрелы имуще (Курб. Ист., 201. XVII в. ~ XVI в.); *бронь* (пол.) — оружие. Алф.[1], 35. XVII в.; карабины, и пистоли, и мушкеты, и всякую бронь раздать всякимъ мастеровымъ людемъ... АИ IV, 265. 1658 г. — СлРЯ XI—XVII вв., в. 1, 338 с определением 'оружие'. Добавим к этому словосочетание *оружейная бронь*: Послано на двухъ подводахъ въ походъ ... оружейная бронь, которая снесена отъ ... великого государя изъ хоромъ въ Оружейную Палату сего же числа: знамя большое, обшито бахрамою золотою, съ древкомъ

и яблокомъ залоченымъ прорѣзнымъ, 11-ть протазановъ да олебардъ, 30-ть мушкетовъ нѣмецкихъ. . . Арх. бум. Петра I, 64 [19].

Ср. ст.-рус. производное *безбронный* 'безоруженъ' [20], сущ. *брона* 'ворота' (Алфавит XVII в.[21]) — из польск. *brona* то же, родственного слову *broń* 'оружие' (Sławski I, 43), далее ст.-блр. *бронь*, *броня* 'оружие' с 1434 г. — из ст.-польск. *broń*, *bronia* — с 1388 г. (Sł. stpol. I, 164 [22]).

В деловой письменности *бои*, особенно в составе словосочетания (*в*)*огнен*(*н*)*ои бои*, определенно предпочитали слову *оружие* (*-ье*).

Так, в сборнике документов «Сношения России с Кавказом» (составил С. А. Белокуров. Вып. I. 1578—1613 гг. М., 1889, с. 1—310) *бой* 'оружие' в составе словосочетания *вогненыи* (и *огненыи*) *бой* встретилось нам 30 раз, *оружье* — только однажды. Здесь же встречается самое давнее известное нам употребление термина *бой* — в 1578 г.: «воеводу своего и людей съ огненымъ боемъ къ вамъ послали», с. 9, и ряд других употреблений, датируемых XVI веком. В сборнике деловых документов «Русско-монгольские отношения. 1607—1636» (М., 1959) *бой* 'оружие' встречается 36 раз, его синонимы — *оружие*, *оружье* и *ружье* 'оружие' — 19 раз: «каков у которых людей ратной бой», «а бой де у китайских у ратных людей пищали и пушки», «А бои де тех государств у ратных людей пищальные ж и лучные, и пушки есть» (с. 66. 1617 г.); «а бой. . . копейной» (с. 162. 1631 г.), «бой у мугальских. . . людей луки, копья, сабли, а вогненого бою нет» (с. 286. 1635 г.) и т. д. В издании материалов и документов «Русско-китайские отношения в XVII веке» (т. I. М., 1969, с. 39—181) синоним *бой* встретился 47 раз, синонимы же *оружье*, *оружие*, *ружье* 'оружие', вместе взятые — 18 раз, причем есть контекст с заменой словосочетания *оружье огненое* на *бой огненной*: «А в Даурской земли на усть Зеи . . . теми людьми сесть не смеем, потому что тут Богдоева земля близко, и войско приходит на нас большое с огненным оружьем и с пушками и с мелким оружьем огненным. . . И летом по тои реке. . . ходим, и тем иноземцев под государское величество призываем. . . А теми людьми. . . тои земли овладеть не можно, потому что та земля многолюдна и бой огненной» (с. 138. 1652 г.).

Любопытны, кроме приведенных выше, терминологические словосочетания *лучной бой* (1641 г. ДАИ II, 251), *большой бой* 'артиллерия' и *огненной стройной бой* 'ручное (применяемое в строю) огнестрельное оружие', где в существительном *бой* чётко выявляется значение 'оружие': И июня в 6 день тут нас встретила богдойская большая сила ратная со всяким огненным стройным боем, с пушки и пищали. . . И билися те богдойские люди из большево бою, из пушек и пищалей. . . по нашим судам. 1654 г.[23]

Древнейшие употребления слова *съсудъ* 'оружие' (в договорах князей с греками, в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях), бытование в деловой письменности слов *бой* 'оружие' в XVI—XVII вв. и *бронь* 'то же' в XVII в. свидетельствуют о том, что

в памятниках письменности, отражающих в большей мере живой русский язык, слово *оружие* употреблялось не столь широко, как в книжных текстах, что мы и связываем с церковнославянским происхождением термина *оружие*.

На историю взаимодействия синонимов *бой* и *оружие* (*-ье*) дополнительно проливают свет первоначальные употребления слова *бой* 'оружие' в текстах. Так, в статейном списке посольства С. Звенигородского, отправленного в 1589 г. в Грузию, в записи от 15 ноября сообщается, что грузинский царь Александр встретил послов с почетом; встречающих было «всего человѣкъ со сто» «с оружьем, с щиты и з зерцалы и з булавою и с шестопером». Русские послы сказали Александру: «Раті у тебя по твоей земле полно, а к той раті пожалует тебя великиі г. ц. и в. к. раті с вогненым боем, — и тебѣ. . . против своих недругов стояти мочно» [24].

Огнестрельное оружие здесь названо «вогненым боем», а холодное — словом *оружие*. Вероятно, начало широкого использования ручных пищалей — «ручниц» и «самопалов» (сами эти слова появляются в памятниках последней трети XVI в.) — вызвало к жизни и новый термин, противопоставленный на первых порах слову *оружие* и тем самым прежним представлениям об оружии: не случайно *бой* 'оружие' первоначально вне словосочетания (*в*)*огненои бои* не употреблялось. Такая маркированность обозначения огнестрельного оружия представлялась удобной. С течением времени нужда в этой маркированности отпала, слово *оружие* (*-ье*) стало нередко указывать на ручное огнестрельное оружие (И того ради кинулся ко оружію 148. — . . . *do strzelby*, т. е. 'до ружья'. — Хожд. Рад., между 1617 и 1628 г., по сп. 1695 г. [25]; «оружие. Wapen. Geweer. О.», т. е. русское *оружие* передается по-голландски как 'оружие, винтовка' [26]; и солдатцкого купленого оружья двѣ винтовки да карабинъ велѣлъ отдать съ тѣми жъ мушкеты въ Могилевѣ. 1656 г.[27]).

Об освоенности, большой активности и широкой употребительности термина *оружие* в русских текстах XVII в. можно судить по многочисленным упоминаниям самого термина и производных от него в словарях того времени, что подтверждается следующими выписками из двух рукописных словарей:

1) Лексикон пол.-словен. 1670 г.

Bez broni. Безорꙋ́женъ, л. 10 об.

Giermek. О҆рꙋженóсецъ, л. 54.

Granat kostur. Пáлица о҆рꙋ́жіє крїющаѧ. Жезлъ внꙋтръорꙋжныи, л. 60.

Kirys. Брóнѧ всѐ тѣло ѡ҆криваю́щаѧ. Ѡ҆рꙋ́жїє всє ѿкривлю́щее. Всеорꙋ́жіє. Кири́съ, л. 79 об.

Kirysnik. Брóнею воорꙋженны̏ вóинъ, всєорꙋжнй҇к, всевобраны̏, л. 79 об.

Miecznik. co voli miecze. Мечедѣ́латель, орꙋ́женикъ, л. 106.

Odeymuię komu broń. Ѿимáю о҆рꙋжїе. Изорꙋжáю, л. 159.

Raytar. Вóинъ воорꙋжéнны̏ брóнею, л. 266 об.

Uzbroiony̏. Воорꙋжéнъ. л. 373.

Zbroię zolnierza. Воор8жáю, л. 450 об.

Zbroiownica. Ôр8жница. Ор8жіехранилище, л. 450 об.

Zbroÿny. Воор8жéнный, л. 450 об.

Zolnierz lekki. Вóинъ лéгковоор8жéнный, л. 467;

2) «Teutscher, und Reussischer Dictionarium» (Dictionarium Vindobonense) (кон. XVII в.)[28]:

Brust wehr грудное оружіе, с. 107.

Endtwehren ружіе отнять, с. 153.

Ins gewehr въ оружіе, с. 227.

Gürte dein schw[ert] auff deine seyte препояші оружіе свое по бѣдре, с. 241.

Kriegs Rüstung воінсое (!) оружіе, с. 309.

Rüst zeug оружіе, с. 420.

Rüst Hauβ ружевны дом[ъ], с. 420.

Rüstkam[m]er ружевна хороміна, с. 420.

Stillstand остоновленіе оружіе (так! — *Г. О.*), с. 473.

Stillstandt d[er] waff[en] перемиря, унятя оружіе, т. ж.

Einen stillstand Machen остоновленіе в оружіех[ъ] чініть, т. ж.

Waffnen, Waffen оружіть, оружіе, с. 597.

Wehre, gewähr оружіе, ружіе, с. 508.

Wehen, Wehre geben, Waffen оружіть, ружіе дати, с. 608.

D[as] krigs Volck wehren воіско оружіть, с. 608.

Wehrloβ безруженъ, без[ъ] ружя, с. 609.

Приведем еще одно важное производное (непосредственно образованное от глагола *вооружити*) — *вооружение* ср. р., которое в значении 'оружие' считалось в древнерусских текстах XI—XVII вв. незасвидетельствованным (в СлРЯ XI—XVII вв. вып. 3, 23, это слово приводится в другом значении — 'действие по глаг. *вооружити*'): пришелъ съ великимъ вооруженіемъ уготовяся, съ верховымъ боемъ огненымъ, и съ щитами и съ лѣсницами, и съ проломными ступями, къ воротамъ (Отписка царю троицких старцев. 1609 г.[29]).

На базе сущ. *оружие* возникли устойчивые древнерусские словосочетания, включая и любопытные плеонастические *боевое оружие* (*-ье*) (АИ II, 165, 295. 1609 г.), *ратное оружие* (*-ье*) (АИ II, 324: 1609 г.; 353 : 1610 г., Уруслан Залазар. XVII в., л. 17[30]; ДАИ II, 1846, 20 : 1613 г.), *ратнее оружіе* (*-ье*) (ДАИ II, 21 : 1613 г.), *ратное боевое оружье* (АИ II, 269. 1609 г.), *воинское оружіе* (1583 г. Римск. имп. д. I, 1851, 902; 1611 г. Отп. тюменск. воеводы[31]; 1649 г.[32]), *полное воинское оружие* (1650 г.[33]), — ср. выше: *оружейная бронь*, *ратнол бои*; *крѣпчáишее*, *лóгкое*, *тѣжáрное* и *тѧ́жкое ѡр8жїе* (Лев Миротворец. 1700 г.[34]), *огнен(н)ое оружие* (*-ье*) (Рус.-китайс. отн. I, 136, 138 : 1652 г.), *ор8жье дробное* (в ор8жеⁿноⁿ полатке затиⁿныхъ | пищале' и м8шкетоⁿ и всѧкогѡ || ор8жьѧ дробнагѡ и знаменъ и пороху и свиⁿцу и тому всеᵐʸ | в сихъ книгахъ записка... — Тихв. мон. 1700 г.[35], *мелкое оружие* (*-ье*) 'ручное оружие (в противоположность артиллерии)' (1619 г. — Рус.-китайс. отн. I, 81—83, 87; 1656 г. — Там же, 239), *всякое оружие* (1675 г. Рус.-китайс. отн. I, 477), *оружіе*

подвигнути 'начать военные действия' (1518 г. Римск. имп. д. I, 375, 387)=*оружіе обратити* (1517 г. Там же, 370), *оружіе* (*-ье*) *отложити* 'заключить перемирие' (1517 г. Римск. имп. д. I, 370; 1519 г. Там же, 469 и т. д.). Любопытно словосочетание *оружейное дело* 'оружие как предмет ремесленного производства' (Мишка Иванов, родом Шклова города мещанин. . . Живет в соседстве, делает оружейное дело. А иных промыслов и работников и долгу нет. Роспись, составленная в Земском приказе, белорусских ремесленников и торговых людей, живших в Москве. 1668 г.; Делают они ныне в Оружейной палате куяки (вид оборонительного доспеха. — *Г. О.*) и сабельную приделку и иные всякие оружейные дела. Память из Оружейной палаты. 1673 г.[36]

Рассматриваемый термин представлен в двух графических формах — *оружие* (с написанием через *и* после *ж*) и *оружье* (с написанием через *ь*) — уже в древнейших русских памятниках письменности. Количество употреблений этих форм, представленных в Картотеке СДР (по памятникам XI—XIV вв.), следующее: в народно-литературных и деловых памятниках *оружье* (разумеется, в разных падежах и числах) встречается 64 раза, а *оружие* — 14 раз; в книжно-славянских же памятниках *оружье* — 134 раза, а *оружие* — 129 раз. Следовательно, форма *оружье* употреблялась несколько чаще, чем *оружие*, в разных памятниках письменности XI—XIV вв., отраженных в Картотеке СДР (198 случаев против 143: в подсчеты не включены лишь несколько повторений термина в одной и той же форме в пределах минимального контекста). В книжно-славянских памятниках письменности термин в обеих формах встречается значительно чаще, чем в памятниках народно-литературных и деловых, вместе взятых (263 случая против 78). Так как материалы Картотеки СДР отражают сплошное, а не выборочное расписывание текстов древнерусских памятников XI—XIV вв., то выполненные по ее данным подсчеты имеют определенный смысл, а именно: в древнерусском языке старшего периода рассматриваемый нами церковнославянизм имел две формы — *оружие* и *оружье* — из которых вторая, хотя и чаще всего, но не всегда встречалась в книжных контекстах, и в известной мере преобладала над первой, несколько более книжной формой. Учитывая это и то, что принципиального различия между этими формами не было (справедливо у Срезневского II, 709, в заголовочной части словарной статьи дается только форма *оружие*, а в иллюстративных примерах каждая из форм представлена в десяти употреблениях), мы вправе заключить, что старославянизм в восточнославянской огласовке *оружье* (и *оружие*) уже в древнейший период истории русского языка был достаточно хорошо освоен, являясь особенно характерным для книжных текстов.

В какой-то мере более книжной была форма с написанием через *и*, ввиду того что исключительно только она встречается в старославянских текстах (в SJS, 23, 556—557, дана только форма оржжиѥ) и в особенно близких к ним древнерусских богослужеб-

ных книгах, как евангелие-апракос Мстислава Великого (к. XI— н. XII в.; 7 раз, например: М. XIV. 43, л. 114 в, Мт. XXVI 47, л. 143 в, И. XVIII. 3, л. 149 в, Л. II, 35, л. 190 б [37]), а также евангелие-апракос по сп. XIII в., хранящееся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр: Fn. I. 9; лл. 91 об., 125 об. — 2 раза, 126, 156 об.).

Чаще же всего в книжных текстах XI—XIV вв. имеются обе формы, начиная с древнейших употреблений — с Изборника 1076 г. (л. 239 об. — 240; 254—255: *ороужъѥ*; л. 2—2 об., 216 об., 229—229 об.: *ороужиѥ*). Аналогично в Рязанской Кормчей 1284 г. (л. 5а, 325, 327б — форма на *-иѥ*; л. 253 г — обе формы), в Хронике Георгия Амартола (сп. XIII—XIV вв.), где форма на *-иѥ* встречается 13 раз (л. 81б, 93а, 94а, 120в—г, 126а, 128г—129а, 130г — 2 раза, 166г—167а, 204г — 2 раза), а на *-ьѥ* — 18 раз (л. 81г — трижды, 89в, 120г, 128в—г — 2 раза, 161б—в, 166г — 167а — 2 раза, 169а, 180в, 187в, 204б, 210б—в, 235г, 249в, 250б), в Прологе 1383 г. (лл. 35б, 43в—43г — 2 раза, 64б, 89а — 2 раза, 89г—90а — *оружиѥ*; л. 112г — 2 раза, 118г, 119б, 123в—123г — форма на -ьѥ), обе формы есть также в Пчеле (к. XIV в.; Семенов, 234: л. 76 об. — ѡроужье; однако здесь явно преобладает форма на *-иѥ*: Семенов, 39—40, 130, 137, 152, 162—163, 198, 293—294, 352—353, 380—381, 395—396: л. 13 об., 42 об., 45, 46 об., 53 об. — 2 раза, 65, 86 об., 111 об., 120 об., 125 об.); в Палее 1406 г. форма на *-иѥ* встречается 14 раз (л. 37—38, 53в—г, 133а—б, 155б—в, 160а, 162а, 176а—б, 186а, 188в — 2 раза, 188г, 192г, 193б—в), форма на *-ьѥ* — 10 раз (40в—г, 77а—б, 103в, 125а—б, 131а — 3 раза, 146в, 188г, 190а) и т. д.

Сравнивая данные наиболее крупных из этих памятников, мы можем заметить тенденцию неуклонного возрастания употребления форм на *-иѥ* с XIII по начало XV в.

В древнейших деловых памятниках письменности также имеем обе формы с преобладанием формы на *-иѥ* : *оружеѥмь*. Грам. Яросл. Влад. 1 в, ок. 1195 г.; *ѡроужьѥ*. Дух. нов. Обнорский, № 16; форма на *-иѥ* — в Русской Правде по сп. 1282 г. (л. 618а: аче кто конь погоубить. или ороужиѥ и|ли портъ... за ѡбиду пла|тити ѥмоу .г҃. гр҃ны.), а также по Академическому списку XV в., л. 50 (Греков, 70—71); в Мусин-Пушкинском списке XIV в., 7, здесь *оружье*. Ср. еще употребление термина в договорах Олега и Игоря с греками в X в.

В летописях картина пестрая. В Лаврентьевской летописи встречается (29 раз) только форма на -ьѥ: л. 11 (945 г.), л. 13 об., 13 об. — 14, 14 — дважды, 14 об. (945 г.). 21 об. (971 г.). 42 об. (992 г.), 46 об. (1015 г.), 50 (1022 г.), 50 об. (1024 г.), 55 об. (1065 г.), 57 об. (1068 г.). 59 — 59 об. (1071 г.) — 2 раза, 71 об. (1091 г.), 75 об. — 76 (1095 г.), 78 об. (1096 г.) — 2 раза, 80 об. (1096 г.), 107 (1149 г.), 119 об. (1169 г.), 132 об. (1185 г.), 146 об. (1377 г.), 161 (1237 г.), 168 об. (1263 г.) — 2 раза, 197 (1298 г.).

В Новгородской же 1-ой летописи (по Синодальному харатей-

ному сп. XIII—XV вв.) встречается (10 раз) только форма на *-ие*: л. 17 (1136 г.), 29 об. — 30 (1157 г.), 87 об. (1217 г.), 89 об. (1218 г.), 93 (1220 г.), 106 об. (1228 г.), 141 об. (1265 г.), 145 (1268 г.), 145—145 об. (1268 г.), 149 об. (1270 г.).

Только ли различием школ можно объяснить, что если в Ипатьевской летописи (ок. 1425 г.) форма *оружье* преобладает над формой *оружие* (41 употребление против 2 при сплошной выборке материала из издания ПСРЛ II, 1962, 12—796), то в Московском летописном своде конца XV в. (по спискам XVI в. ПСРЛ, XXV) встречается почти исключительно форма *оружие*?

Может быть, свою роль здесь сыграл фактор времени: через сто лет после написания Ипатьевской летописи форма *оружие*, по-видимому, стала более активной в употреблении, особенно в центре Русского государства, что и получило в таком случае отражение в Московском летописном своде по сп. XVI в., как и в списке XVI в. Истории иудейской войны Иосифа Флавия, где форма с написанием через *и* встречается 115 раз, а форма с написанием через *ь* — 1 раз. Но еще до этого, в памятниках XIV—XV вв., форма *оружие* окончательно возобладала в церковно-книжных текстах (примеры приведены выше), откуда это преобладание перешло на письменность других жанров, не исключая и деловых памятников, хотя их это коснулось в последнюю очередь, где слову *оружие* в XVI—XVII вв., как мы выяснили, здесь хорошо противостоял народный синоним *бой*, а также отчасти полонизм *бронь* и, наконец, форма *оружье* с несколько менее книжным оттенком, особенно в тех случаях, когда в ней ударным было окончание (о чем см. ниже). Примеры: 1) прислати на помочь людей, и оружья, и зелья ('пороха'. — *Г. О.*) и свинцу. Отп. приказчика Осинск-острога соликамскому воеводе. 1616 г.[38]; 2) и въ томъ погребѣ у Ондрѣя, и у Петра, и у Ивана вопчей порохъ и свинецъ и оружье вопчее. 1629—1639 гг.[39]; 3) а у него гдр҃ева ѻру|жьꙗ пищал казеннаꙗ, ѕа|мокъ рускоі двупрꙋжинноі| бердышъ голова пороховаꙗ (Переписная книга оружия сумских стрельцов, составленная Лаврентьевым. 1682 г.[40]).

В XVI—XVII вв. *оружие* и *оружье* часто употреблялись уже как тождественные по семантике и стилистической окраске; ср.: 1) и у тѣхъ бы людей. . . никакого ратного оружія не было; да созвавъ ихъ всѣхъ лутчихъ людей, то имъ сказати и заповѣдь учинити, чтобъ у нихъ ни у какого человѣка ратного оружья не было. . . (Наказная память Шуйскому и Оболенским. 1563 г.[41]); 2) говорили есте намъ, что великій государь. . . Жигимонту королю оружье отлагаетъ на время, на колко в. государь оружіе отлагаетъ? (1519 г.[42]); 3) по воро[там] пушки и мелкое оружие. 1619 г. (И. Петлин. Роспись Китайск. госуд.-ва и монг. земель. — Рус.-китайск. отн. I, 82); а пушки коротки; и мелкого оружья много (1619 г. Тот же документ. — Там же, 87); 4) И у которых у них, богдойских людей, у лутчих витинов, огнено оружие было,

и тех людей мы побили и оружье у них взяли (1652 г. — Рус.-китайск. отн. I, 136).

Эти факты означают, что форма *оружие* в XVI—XVII вв. завоевывает все новые позиции в деловой письменности. Любопытно утверждение этого слова, и именно в форме на *-иѥ* в специальной военной литературе.

В старопечатной книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (М., 1647 г.) форма с написанием через *и* встречается приблизительно 56 раз, форма на *-ье* — 101 раз, по подсчетам В. К. Чичагова. Через полстолетия в уставе Адама Вейде «О военном обучении и обязанностях воинских чинов» (1698 г. — Рукоп. БАН, Петр. гал., № 3) и в «Воинской книге» Льва Миротворца (пер. с лат.), изданной 1 янв. 1700 г. в Амстердаме, форма *оружье* отсутствует, встречается же (у Льва Миротворца 56 раз) лишь форма на *-ие* (у Вейде, кроме того, встречается изредка форма *ружье*).

Динамика роста (во второй половине XVII в.) военно-терминологического употребления слова *оружие* объясняет тот факт, что в XVIII в. на смену словосочетанию *(в)огнен(н)ои бои* приходит составной термин *огнестрельное оружие*, появление которого было подготовлено такими терминами, как *орꙋ́дїє огнестрѣл<ь>ное* 'ружье' (Лекс. полоно-словен. М., 1670 г. ЦГАДА, ф. 381, № 1792, л. 64 об.), синоним *бой* 'оружие' окончательно исчезает: «Отсюду произошло огнестрѣльное орꙋ̂жїе; загремели полки и городскїя стѣны, и изъ рукъ человѣческихъ смертоносная молнїя блеснула!» (1751 г.[43]).

В середине XVIII в. появляется и другой составной термин — *холодное оружие*: «Всякого звания людей. . . никого не выпускать. . . нестроевых. . . вооружа косами, топорами и прочим холодным оружьем»[44].

Как известно, из древнерусского (точнее старорусского) сущ. *оружье* возникло в результате отпадения начального гласного слово *ружье* — первоначально 'оружие', а с середины XVIII в. 'ружье' (Преображенский II, 222; Фасмер III, 514[45]); в плане семантической типологии обратим внимание на нем. *das Gewehr* 'ружье; винтовка'; (реже) 'оружие'.

Случаи наиболее раннего употребления сущ. *ружье*: Заруцкой нас. . . перегграбил до-нага, лошеди и ружье и платья и деньженка все пограбил. Челобитная казаков. 1613 г.; нам, государь, дать нѣчево, взять нѣгде, живучи на твоей царьс(кой) службе, кони и ружье испроѣли. Челобитная. 1613 г.[46]; октября. . . в 21 день. . . всяким людем быти с ружьем. РМО. 1620 г.[47].

В. К. Чичагов, ставя вопрос о происхождении слова *ружье*, полагает, что оно возникло из «народной» (мы бы сказали: наиболее ассимилированной в разговорно-бытовой речи) формы *оружьё*, преобладающей с таким ударением и написанием через *ь* в «Учении и хитрости пехотного строя ратных людей», 1647, и исключи-

тельно представленной, например, в «Уложении» царя Алексея Михайловича, 1649. Это справедливо.

В качестве явления, обусловившего отпадение начального гласного в русском *оружьѣ*, В. К. Чичагов называет аканье, ясно указывая на конкретные условия, в которых происходило такое отпадение: «В акающих говорах, в отличие от северных, существует явление отпадения начального «о» (его заменителей). Это отпадение наблюдается обычно тогда, когда начальный гласный находится не в первом слоге до ударения и не является живым словообразовательным элементом» [48].

Скорее всего отпадение начального гласного в русском слове *оружьé* происходило действительно в условиях аканья, потому что слово *ружье* в наших памятниках до начала аканья в русском языке не зафиксировано.

Вместе с тем мотивы отпадения начального гласного в *оружьé* в условиях аканья, отмеченные В. К. Чичаговым, мало продвигают вопрос об истинных причинах отпадения начального гласного в этом слове, потому что точно такое же отпадение этого гласного в славянских продолжениях праславянского **orǫžьje*, на что не обратил внимания В. К. Чичагов, произошло в языках, не переживавших аканья: ср. укр. *ружи́на* 'ружье' (см.: Преображенский II, 222), древнее славянское ѫжиѥ, ср. р. ῥομφαία, gladius (Miklosich LP, 815, со ссылкой на XIII слов Григория Назианзина, по списку XI в., хранящемуся в Публичной библиотеке), далее болг. *ръже* (в народной песне: Геров V, 101), также *руже* [49] — оба в значении 'оружие' при главном варианте этого болгарского термина *оръжие*, словен. *rožjè=oróžje*, собират. 'оружие' (Pleteršnik I, 848; II, 441).

Если считать, что рус. *ружье* возникло из *оружье* главным образом благодаря аканью, то тогда надо выдвигать другие причины отпадения начального гласного в том же самом славянском слове в других, не знавших аканья или мало развивших его славянских языках, что малоправдоподобно.

Конечно, аканье облегчило отпадение начального гласного в русском *оружье*, но сама причина этого отпадения (или условие, общее для названных выше славянских языков) остается неясной; можно лишь предположить, что на появление южнославянских форм термина без начальной гласной *о* мог повлиять родственный глагол типа болг. *рѣгам* 'колоть, сверлить' (Младенов ЕПР 387); ср. также наличие литовских глаголов *reñgtis*, *rengiúos* 'снаряжаться', считающихся родственными славянскому **orǫžьje* (Фасмер III, 154); во всяком случае представляется целесообразным признать значительно более ранним факт отпадения начального гласного у рассматриваемого термина в южнославянских и украинском языках, чем в русском.

Для полноты картины отметим, что с ударением на окончании употреблялась довольно широко не только старорусская фонетическая форма *оружье*, но и форма *оружие*. Например, только такая форма *ор8жїé* встретилась нам на листах 1—196 Хроники Малалы

(нач. XVI в.[50]) в 15 случаях (л. 33 об., 40, 51, 52, 62 об., 63 об., 74 — 2 раза, 74 об., 117, 126 об., 130, 136, 140 об., 152), кроме того, в трех случаях слово дано без ударения, с ударением же *ор҄ꙋжїе* формы нет.

В другом памятнике XVI в. — Пятикнижии Моисеевом — форма *орꙋжие́* с ударением на окончании нам встретилась 10 раз при отсутствии форм *орꙋжье́* или *ор҄ꙋжие* (л. 18—18 об., 34, 37 об., 113 об., 172, 380, 387, 387 об., 388, 426, 477 об.[51]).

Форма *ѡрꙋжїе́* встречается и в Великих Четьях Минеях, собранных митрополитом Макарием (в сп. XVI в.) (Апр. 22—30. 1010.—Картотека ДРС): зꙋбы их — ѿрꙋжїе̑ и стрѣлы̆, ꙗзыкъ их — ме́чь ѻстръ, — а также в Библии 1581 года издания. (Кн. Бытия Моисеевы, кн. I, гл. 34: оусѣкнꙋ|ста острїемъ ор҄ꙋжїѧ̀[52]).

В памятниках XVII в. слово *оружие* (с *и* после *ж*) встречается с ударением на окончании сравнительно редко (16 раз в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» при 101 случае с ударением на окончании формы *оружье́*). В текстах XVI в. форму *оружье́* в широком употреблении не отмечают.

Вероятно, временное перемещение ударения на окончание произошло (возможно, под влиянием слова *копье*, *копие*) первоначально у термина *оружие* именно в форме на *-иѥ*, а позднее захватило и форму на *-ьѥ*.

Из реально существовавшей формы *оружие* произошла сравнительно редкая (ее до сих пор не отмечали в исследованиях) форма *ружіе* ‘оружие’, которую мы уже приводили и которая неоднократно встречается в Венском немецко-русском словаре конца XVII в.

Описанная здесь кратко история слова *оружие* и его синонимов в русском языке XI—XVII вв. подтверждает известное, хотя иногда и оспариваемое мнение о его старославянском (церковнославянском) происхождении, в отличие от исконного *ружье* (< *оружье*); форма же *оружье* оказалась менее устойчивой, чем вариант *оружие*, хотя поддерживалась им довольно активно; в ряде случаев, особенно в древнейший период письменной истории русского языка, она могла быть вторичной, восходящей к варианту *оружие*; к новому времени она в подавляющем большинстве случаев перешла в формы *ружье* и *оружие*.

Примечания

[1] *Kiparsky V.* Russische historicshe Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975, 45.

[2] См. также: *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937, 220—221, — где термин дается без толкования, как семантически тождественный современному слову *оружие*.

[3] См. также: *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, 289—290.

[4] *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I. Пг., 1920, 115, 118, 132. Т. III. Л., 1930, 165. В этом томе в славянско-греческом словаре (стр. 277) показано, что словом

оружие в данном памятнике письменности переводятся греческие *ἅρμα, μάχαιρα, ξίφος, ὅπλον, ῥομφαία, σίδηρος, σκεύη*.

5 Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: Q. XVI. 6.

6 *Булыко А.* Влияние польского языка на развитие старобелорусской военной лексики. — RS XL, cz. 1, 1980, 49.

7 *Krasiński A. S.* Słownik synonimów polskich. T. I. W Krakowie, 1885, 32—33.

8 Masarykův slovník naučný. Díl VII. Pr., 1933, 957; Краткий словарь шести славянских языков / Под ред. Ф. Миклошича. СПб.; Wien. 1885, 455.

9 См. подробнее: *Одинцов Г. Ф.* К истории древнейших русских названий копья. — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, 114—115, 117.

10 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841, 289.

11 *Яковлев Л.* Русские старинные знамена. М., 1865, 8, 15, 52.

12 *Кочин Г. Е.* Указ. соч., 335.

13 Там же.

14 *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.

15 Пятикнижие Моисея. Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: Кир.-Б., 3/8, XV в., л. 64. Ср. употребление термина *съсудъ* в том же контексте в Палее 1406 г., л. 75а. — Картотека СДР.

16 Пятикнижие Моисея. — Там же. Шифр: F.I.1, л. 69 об.

17 Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955, 151.

18 *Chodurska H.* (Рец. на:) *Kochman St.* Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII wieku. Warszawa, Wrocław, 1975—1976. — Russian Linguistics, vol. 3, № 1, 1976.

19 Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. I. М., 1872, 64.

20 Лексикон полоно-словенский. М., 1670 г. — ЦГАДА, ф. 381, Синодальная типография, № 1792, л. 10 об.

21 Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: Q.XVI.4, л. 49.

22 *Булыко А.* Влияние польского языка. . . — RS XL, cz. 1, 1980, 49.

23 Русско-китайские отношения в XVII в.: Сборник документов. Т. I. М., 1969, 193.

24 *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. I. М., 1889, 172.

25 Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки 1582—1584. — Изв. РГО, т. 15. СПб., 1879 (перев. с польского изд. 1617 г.), 170.

26 Русско-голландский словарь. Нач. XVIII в. — ЦГАДА, ф. 381, № 1018, л. 54.

27 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. СПб., 1861, 532.

28 Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch (Cod. conv. FF. Minorum Vindobonensis XVI). Herausgegeben und eingleleitet von Gerhard Birkfellner. B., 1983.

29 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1841, 287.

30 Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Залазаревиче. XVII в. 52 лл. — Рукопись ГБЛ им. В. И. Ленина, ф. 310, Ундольского, № 930.

31 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. М.; Л., 1941, 221.

32 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. . . Т. III. СПб., 1861, 408.

33 Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в 3 томах. Т. II. М., 1953, 361.

34 Краткое собрание Льва Миротворца, августейшего греч. кесаря, показующее дел воинских обучение / От латинскаго языка на славяноросийский достоверне преведено; по указу. . . царя государя и великаго князя Петра Алексеевича. . . Напечатася в Амстердаме, в лето от воплощения бога слова 1700, месяца генваря в 1 день в друкарне Ивана Андреева Тесинга. Anno 1700, 82—85.

[35] Книги переписные монастырского оружия Тихвинского монастыря. 1700 г. — Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 132, Тихв. мон., оп. 2, № 843, л. 2 об.
[36] Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667—1686 гг.): Сборник документов. Минск, 1972, 19, 135.
[37] Апракос Мстислава Великого / Подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983, 161, 195, 202, 255.
[38] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л., 1936, 155.
[39] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1846, 111.
[40] ЦГАДА, фонд 1201, Соловецкий монастырь, оп. 4, № 949, л. 4.
[41] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841, 325.
[42] Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. Т. I. СПб., 1851, 461.
[43] *Ломоносов М. В.* Сочинения. Т. I. СПб., 1757, 258. — Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ленинград).
[44] *Масловский Д. Ф.* Материалы к истории России. М., 1889, 17.
[45] См. также: *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, 91—93; *Чичагов В. К.* О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова «ружье». — Учен. зап. МГУ, № 150, М., 1952, 283—299.
[46] Первые месяцы царствования Михаила Феодоровича. (Столбцы печатного приказа). М., 1915, 6, 89.
[47] Русско-монгольские отношения 1607—1636: Сборник документов. М., 1959, 107.
[48] *Чичагов В. К.* Указ. соч., 293.
[49] Краткий словарь шести славянских языков / Под ред. Ф. Миклошича. СПб.; Wien, 1885, 455.
[50] Хроника Малалы. Кон. XV—нач. XVI в. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: Погод. 1437.
[51] ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. XVI в. Шифр: F.I.1. 490 лл.
[52] Библия. Острог, 12 августа 1581 г.

И. Кноблох*

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ И ТРАНСИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

В последнее десятилетие среди лингвистов наметился интерес к языку женщин. Приведем лишь один пример из работы М. Ягелло «Женские слова»: «Мужчины и женщины распределяют между собой сферы, по поводу которых осуществляется высказывание. Формулы заклинаний, употребляемые одними, являются запретными для других. Женщины не должны ни пользоваться заклинательными формулами мужчин, ни даже знать их под угрозой сделать эти формулы недейственными или даже пагубными, и наоборот» [1].

Ниже я хочу показать, что у индоевропейцев женщинам также был знаком риск нарушения лингвистических запретов. Из

* © I. Knobloch, 1988 г.

римской истории известно — об этом сообщает Авл-Геллий (11,6),— что женщины в Риме пользовались при клятвах формулой *ecastor*, в то время как мужчины употребляли клятву *mediusfidius*. Откуда такая разница? Это представляется очевидным: подлинным богом считался Юпитер, а Кастор (в женской клятвенной формуле) — это сын Юпитера, один из близнецов (Кастор и Поллукс). Отсюда причина указанного употребления — сфера высшего божества полностью закрыта для земных женщин.

Я думаю, что этот запрет действовал также и в повседневной жизни. Некогда, еще до разделения индоевропейских языков, женщинам требовалось слово, заменяющее *dies* 'день', которое слишком похоже на *divus*, *flāmen Diālis*, *Diēspiter*; в греческом это ἦμαρ, ἡμέρα, в албанском — *zëmër*, в армянском — *awr*.

Для реконструкции женского языка следует обратиться к отдельным греко-армянским изоглоссам (как заметил мой коллега Зольта из Вены) в связи с греко-албанскими изоглоссами (наблюдение покойного проф. В. Порцига из Майнца). Эти трехязычные изоглоссы как раз покрывают область занятий женщин и особенности их пола. Вот несколько примеров.

Эти три языка совпадают в особенностях называния некоторых частей человеческого тела: язык по-гречески γλῶσσα, по-албански *gjuhë*, что означает 'заостренная часть' — перифраз, известный тайным языкам. Точно так же рука обозначается в греческом χείρ, в армянском *dzeṙn*, и в албанском *dorë* (к которым примыкает также тохар. *tsar* и хетт. *kessar*). В этом случае перифраз обозначает 'берущая часть, захват' (**g'her-sr̥-*). Если в одном из этих языков-свидетелей сохранилось другое наименование, можно предполагать, что речь идет о дублете, который принадлежал по своему происхождению к мужскому словарю: греч. μάρη ж. 'рука', родственное лат. *manus* ж. 'рука'.

Хорошо видна разница между этими двумя типами выражений, если обратиться к «постыдным» частям человеческого тела. Начнем с бороды, которая, сама по себе не будучи «постыдной» частью человеческого тела, в то же время является одним из внешних признаков различения полов. Имеется сходство между армянским и албанским, выражающими это значение словами *mawrukh-mjekrë* (следует упомянуть также др.-инд. *śmaśru* и хетт. *zamankur*). По моему мнению, здесь можно говорить о насмешливом названии, данном женщинами: в этих словах может быть выделено *s*-mobile, характерное для столь многих индоевропейских корней; оставшаяся часть (**-mek-*) обнаруживает свое происхождение: звукоподражание **mek-mek-*=др.-инд. *makamakāyate*, имитирующее крик козы. Таким образом, это насмешливый намек на козлиную бороду.

Для testiculis все три языка предлагают перифраз 'то, что отстоит', (**or-g'hi-*, корень **er-* 'быть расслабленным, быть отделенным': греч. ὄρχις, алб. *herdhe*, армян. *orji-kh*. Мужской язык говорит об отличительном знаке (лат. testes).

Грудь носит в греческом название μαζός, μαστός (это последняя форма с магическим намеком на прилагательное μεστός 'наполнен-

ный'): это явно обозначение с женской точки зрения, с точки зрения кормящей матери (ср. алб. *mëndeshë* 'кормилица' и и.-е. корень **mend-* 'кормить'). В противоположность этому индоевропейский семантический дублет **ps-t-eno* (засвидетельствованный авест. *fstana* 'грудь', др.-инд. *stána-* с тем же значением, греч. στηνίον, στῆθος, ср. и арм. *stin*) связан с внешней формой этой части тела, если правильно объяснение этих слов из корня **bhes-*, **pes-* 'вздуваться' с морфемой *-eno*, образующей отглагольные прилагательные; вот почему это слово принадлежит мужскому языку.

Что касается понятий, имеющих отношение к туалету, в частности к туалету маленьких детей, можно перечислить следующие слова: греч. γλάμων 'с гноящимися глазами' = алб. *nglomë*, *ngjomë*; греч. χέζω 'отправлять нужду' = алб. *dhjes*; гниды называются по-армянски *orǰil*, по-албански *ergjiz*, две формы, восходящие к **ergh*, которое со своим звонким придыхательным представляет собой изоглоссу, ограниченную только этими двумя языками. Для воспитания детей, несомненно, полезно иметь в своем распоряжении следующие выражения: греч. ῥοφέω 'пить маленькими глотками', арм. *arbi* 'я пил' (можно сравнить с лат. *sorbeo* 'хлебать', а также и противоположное понятие: греч. ἐρεύνομαι 'рвать, тошнить' (лат. *erūgo*) = арм. *orcam* 'рыгать'. Сам маленький ребенок обозначается как ολίγος 'маленький' и 'тщедушный' = алб. *ligë* ('слабость') и 'бедный' (арм. *ałkʿat*).

Известно, что в английском обозначении благородного происхождения *lady* восходит к составному англосаксонскому *hlaef-dige* 'месящая тесто для хлеба'. Подобным образом можно проанализировать другие и.-е. слова, называющие женщин: в результате всегда обнаруживается намек на преимущественно женские занятия, как изготовление хлеба, приготовление пищи для всей семьи.

Мой знаменитый коллега из Льежского университета проф. Луи Деруа реконструировал и.-е. корень **ogᵘ-* 'кормить, кормиться' (Stud. Ling. 3, 1949, 18). Так, лат. *venter* 'желудок' — это 'едок' (**gᵘ-en-*); но можно прибавить, что **gᵘ-enā* (греч. γυνή 'женщина') это 'та, которая кормит'. Так же лат. *mulier* связывается с *molo*, *-ere* 'молоть', это, таким образом, «мелящая», 'та, что ежедневно готовит зерна, толчет их в ступе'.

Однако *molo*, *-ere*, обычное латинское слово для называния этого занятия, приняло в языке мужчин непристойный смысл. Поэтому женщины — прежде всего греческие (а вслед за ними армянские и древнеиндийские) изменили форму этого слова путем табуистического усечения: **mel-* становится **al-*: греч. ἀλέω, арм. *ałam* 'я мелю' (греч. ἄλευρον = арм. *alewr* 'мука'), санскр. *áṇuḥ* 'тонкий, мелкий', т. е. 'раздавленный'. Здесь армянский сохранил вместе с *małem* также первоначальную форму, выражение индоевропейских мужчин. В связи с этим женским занятием можно рассматривать также собирание расплющенных зерен, которые скапливались вокруг ступы: греч. ὀφέλλω 'сметать в кучу', арм. *awełum* 'сметать, подметать', *yawełum* 'увеличивать'.

Этот фонетический прием табуистического усечения употреблялся также в связи с другими женскими занятиями: женщины ухаживали за культурными растениями в саду, в частности, за только что посаженными деревьями; следовало обратить внимание на почки: греч. μόσχος (лит. *mãzgas* 'почка, глазок'), а также ὄσχος (и ὤσχη), что означает 'побег'. Формальный анализ этого слова обнаруживает персонификацию очевидно женского происхождения: **mozgho-* < **mogh-sko*: **maghos* 'молодой (мужчина)'. Кроме фруктового сада, индоевропейские женщины должны были заниматься также работами на хозяйственном дворе. В словаре, относящемся к разведению мелкого домашнего скота, можно заметить также несколько слов, ограниченных рамками наших трех языков; приведу только греч. ἔριφος 'козел' (лат. *aries*) и арм. *oroǰ* 'ягненок'. Они отличаются от др.-инд. *urabhra-* 'баран' (вместе с арм. *garn* 'ягненок', греч. Ϝαρήν 'ягненок') утратой начального *u̯-*. Первоначальное значение было 'новорожденный' и иллирийская богиня Vrotah, богиня деторождения, подтверждает своим именем тесную связь со ст.-слав. родъ 'зарождение, рождение'. Латинский сохранил в виде *vervex* 'баран' слово, с неполной редупликацией **u̯er-u̯-*; образование этой формы такое же, как у существительных со значением единичности (*-ex* как в *senex* 'старый мужчина, принадлежащей к группе senes, старейшин, членов сената').

Зарезав поросенка, индоевропейский крестьянин предоставлял (быть может) заботу об удалении щетины палением (греч. εὕω) своей жене, которая и делала это в яме, называемой εὔστρα. Того же корня лат. *ūro-*, *-ere*, откуда албанский извлек слово, обозначающее лихорадку: *ethe*, а древнеисландский — название огня *ysja*. Если наши соображения убедительны, это действие паления должно осуществляться с предосторожностями и, чтобы предотвратить ущерб, выражаться нужно тоже осторожно. Нам уже известен фонетический путь развития: корень **eus-* должен быть усеченным остатком других глагольных корней, из которых известны два: **greus-* (сохранившийся в греч. γρῦνός 'пламя, факел') и **preus-* в др.-инд. *ploṣati* 'жечь, обжаривать'.

Индоевропейская женщина в качестве домашней хозяйки имела также дело с костями (лат. *os*, *ossis*, греч. ὀστέον, арм. *oskr*, алб. *asht*). Также в древнеиндийском существует усеченная форма *ásthi*, которая, согласно нашей теории, отражает «язык предосторожности». С костью можно совершать множество колдовских действий, заниматься черной и белой магией. Цыгане хранили человеческую кость, найденную под виселицей, в кошельке в качестве счастливого талисмана. Полная форма этого слова **kost-* сохранилась на этот раз в ст.-слав. кость и в лат. *costa* 'ребро'.

Для женского языка М. Ягелло приводит пример из бенгальского (по Чаттерджи): «начальное *l-* часто произносится как *n-* женщинами, детьми и необразованными классами. Согласно объяснению автора, речь идет «скорее о различии между господствующим диалектом, связанным с образованием, дающим доступ к власти, и диалектом подчиненным, на котором говорят народные

массы. Женщины, естественно, оказываются в этой второй группе».

Это напоминает один факт, известный уже давно — буква *l* как начальная в нескольких латинских словах, называется «сабинским *l*». Известно из истории основания Рима, что первые поселенцы страдали из-за отсутствия женщин и следствием этого было похищение сабинянок. Слова, которые были подвержены этому фонетическому изменению, были из домашней сферы, обиходного словаря: *lacrima* (греч. δάκρυον 'слеза'), *lēvir* (греч. δαήρ), *lingua* 'язык' (гот. *tuggo*); глагол *oleo* демонстрирует это явление внутри слова — он был более «народным», чем сущ. *odor* 'запах'.

Греческий язык отражает аналогичное явление — подчиненный диалект рабочего класса демонстрирует передачу индоевропейского *i̯*- через ζ, примеры: ζέω 'обрабатывать кожу' ζύμη 'дрожжи', ζειαί 'полба', ζυγόν 'ярмо', ζώνη 'пояс', ζημία 'наказание', ζῆλος 'ревность'. Культовые слова ἅζομαι 'почитать', ἅγιος 'святой' и ἧπαρ 'печень' (как часть жертвенного животного) и еще глагол, относящийся к войне и спорту, ἵημι 'бросать' с тем же начальным индоевропейским звуком, переданным через *h*.

Если говорить о языке женщин, то это явление, ограниченное собственно греческим языком и восходящее, таким образом, ко времени образования греческих племен. Более древнее в сравнении с греч. ζέω (алб. *ngjesh*) 'кипятить, варить', другое греч. слово ἕψω, которое имеет соответствие в арм. *ep'em* 'варить'. К лексике греко-армяно-албанской кухни также относятся греч. δημός 'сало', алб. *dhjame*; греч. φακός 'чечевица', алб. *bathe* 'feve de marais', греч. ἄλφι 'ячневая крупа', алб. *elp* 'ячмень', греч. σκόρ(ο)δον 'чеснок', алб. *hurdhë*. Пищей на заднем дворе служили желуди (греч. βάλανος, арм. *kalin*). То, что не варилось, было ὠμός в греческом ('сырое, не вареное'), *hum* в армянском; тот, кто не ел, был *naut'i* 'натощак' в армянском, соответствующее слово в греческом νήφω. Обед по-гречески — δόρπον, а по-албански *darkë*.

Если умирал мужчина, вдова шла на могилу (греч. τάφος — арм. *damban*), чтобы на ней плакать (греч. κλαίω, алб. *klanj*). Возможно, ей являлось видение во сне (греч. ὄναρ, арм. *anurǰ*, алб. *ëndërrë*). Но и изъявление радости породило греко-армянскую изоглоссу: γέλως-*tsatr* 'хохот'. Возможно, что ложь оценивалась поразному в зависимости от того, кто совершал проступок — мужчина или женщина. Об этом еще свидетельствует соответствие греч. ψεύδομαι 'лгать' и арм. *sut* 'лжец'. Что касается нравственного поведения, существует еще греч. ὄνειδος 'порицание' и арм. anicanem 'оскорблять' (оба глагола демонстрируют гласную протезу, которая отсутствует в гот. naiteis 'богохульство' и в др.-инд. глаголе *nindati* 'упрекать'). Греч. αἰσχύνη 'стыд, стыдливость', возможно, родственно алб. *dhunë* 'стыд', но соотношение следующих слов, обозначающих страх, бесспорны: греч. δείδω 'я боюсь', арм. *erkiuł* и лат. *dīrus* 'опасный, ужасный'. Последнее слово является сабинским по свидетельству Сервия (комментарий к Энеиде 3, 235): следовательно, слово принадлежало женскому языку.

Целая группа слов обозначает типичное занятие женщин — за-

нятие благородное: прядение и ткачество. Известна история состязания искусной греческой ткачихи по имени Арахна с богиней Афиной: торжествующая богиня превратила гордячку ἀράχνη (ср. лат. *arānea*) в паука. В армянском паук называется *sard*, а *sari-k* означает 'лента', как в греческом κειρία 'ремень' — к глаголу καιρόω 'связывать вместе'; греч. καιρωστίς 'ткачиха'. Ткачество — труд утомительный и длительный: об этом свидетельствуют греч. πόνος 'страдание' и алб. *punë* 'работа'; армянский сохраняет глагол с первичным значением: *hanum* 'ткать', тогда как греческий обобщил глагол ἄττομαι, который имеет более специальное значение 'сновать', сохраняемое в албанском (*ent*, *int*). Результатом прядения является ссученная нить (перс. *darzmān*); глагол со значением 'сучить' находится в арм. *dar̃nam* (< *darjam*) и в алб. *dreth* 'сучить, прясть'. Стирка во всем мире занятие женское, возможно, по причине табуизации мужской чистоты (это наблюдается сейчас у цыган).

Так, в греческом πλύνω 'мыть, чистить' имеется тот же назальный расширитель, что и в арм. *luanam*.

В заключение я хотел бы обратить внимание на тот факт, что существуют следы тайного женского языка у индоевропейцев. Совсем недавно мой уважаемый коллега Х. Шмитт (в настоящее время в Гейдельберге) сделал доклад о языке современной французской молодежи, в котором упомянул о тайном языке школьников, называемом verlan, который образует слова в порядке, обратном словам обычного языка. Существует, действительно, несколько слов, связанных с кухней, которые обнаруживают корни, где согласные расположены в обратном порядке: для передачи значения 'готовить' славянские языки имеют *pekǫ*, *peku* (ср. лат. *coquo* < *peq^{u}-ō*), но литовский язык имеет *kepù*; корень глагола со значением 'месить (тесто, глину)' **dheigh-* — (гот. *daigs* 'тесто') изменен в славянских языках в **gheidh-* (*zьd-* 'стена', 'лепить из глины', 'глинобитная работа'). То, что для школьников, не только во Франции, — игра в слова, возможно, в давние времена — необходимость, продиктованная суеверием, страхом, желанием удачи. Сгибая предмет, можно сделать это неудачно, можно его сломать; и языковая предосторожность требует метатезы: **bheug(h)-* — др.-в.-нем. *biugo* 'изгиб', но в других германских диалектах существует форма **gheub(h)-*, так же, как и в славянских языках (рус. *гибать*, *гнуть*).

После изложенного выше мне остается подчеркнуть, что научные проблемы, затронутые здесь, не могут быть решены без сотрудничества с представителями этнологии, которая дает нам приемы сравнения в мировом масштабе, что я и хотел выразить, говоря об исследованиях трансиндоевропейских.

Примечания

[1] *Jagello M.* Les mots et les femmes. P., 1979.

Перевела с французского В. А. Меркулова

Т. А. Гуриев

К ЭТИМОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ТЕОНИМА *АПСАТИ // АФСАТИ*

Одним из самых важных и интересных персонажей, встречающихся в фольклоре народов западного и центрального Кавказа, является божество Апсати // Афсати. В осетинском фольклоре, особенно же в нартовском эпосе божеству Афсати посвящен целый ряд замечательных песен и кадагов (эпических сказаний). Анализ содержания последних позволяет не только представить этот яркий образ во всей его полноте, но и подобрать ключ к этимологии имени *Апсати // Афсати*.

Как часто случается, этимология теонима *Афсати* была предложена, а затем в течение многих лет повторялась разными авторами, хотя никто из них специально вопрос не изучал.

Кажется, первым ученым, занимавшимся этимологией теонима *Апсати // Афсати*, был акад. Н. Я. Марр, который выдвинул гипотезу о южном происхождении рассматриваемого теонима. Он полагал, что полуяфетические народы Армении заимствовали это название у фракийцев, а затем передали его сванам и осетинам [1].

Позже известный этнограф-кавказовед Г. Ф. Чурсин посвятил культу охоты у кавказских народов специальную работу. «Громадное значение охоты в хозяйственной жизни кавказских народов в прошлые эпохи, — писал он, — породило обширный круг религиозных воззрений и обрядов, связанных с этой отраслью хозяйства» [2]. В этот круг автор включил и божество охоты Апсати // Афсати, которое покровительствует диким животным.

В. И. Абаев в ряде своих работ отстаивал идею о местном, кавказском происхождении образа Апсати // Афсати. «Его мифологическая сущность, — писал ученый, — коренная кавказская, целиком возникшая на почве охотничьего быта кавказских народов» [3]. Образ осетинского божества Афсати В. И. Абаев связал с влиянием кавказского субстрата на осетинский. «Совершенно очевидно, — утверждал он, — что образ Афсати проник в осетинский эпос из кавказского субстрата. Субстрат — это второй, наряду с генетическим единством момент, который надо учитывать при объяснении общих элементов в фольклоре народов Кавказа» [4]. Следует заметить, что В. И. Абаев в одной недавней работе свою прежнюю точку зрения пересмотрел [5].

Гипотеза о кавказском происхождении осетинского Афсати (особенно прежняя аргументация В. И. Абаева) была использована для обоснования нового взгляда на время и место создания Нартиады. Подобные факты и наблюдения, по мнению Е. И. Крупнова, важны для определения времени создания «основного ядра знаменитого героического эпоса кавказских горцев»; он уверен,

что бог охоты Афсати восходит к древним культам кобанской эпохи [6].

Любопытно, что Н. Я. Марр и его последователи прошли мимо совершенно четкой трактовки академиком В. Ф. Миллером образа Афсати как «властителя над дикими животными, особенно над турами, оленями, козами, кабанами», к которому охотники обращаются с молитвой и просьбой «дать из своего стада бедного оленя или козла и принять в жертву сырники» [7].

Хозяин диких животных Афсати имеет, безусловно, весьма солидный, возможно, индоевропейский возраст. Во всяком случае, образ хозяина или хозяйки диких зверей имеется у многих народов индоевропейского круга. Нельзя считать случайным и то, что Артемида, Пан, Пашупати и другие божества и покровители диких животных имеют столь много сходных черт.

Многочисленные археологические материалы свидетельствуют, что в скифском пантеоне почетное место занимала Владычица зверей. С. С. Бессонова подвергает тщательному анализу все наличные экземпляры образа Владычицы зверей на Кавказе, в Средней Азии и т. п. Знаменательно, что кавказские экземпляры Владычицы зверей автор датирует временем «после появления скифов на Кавказе, хотя основная масса их датируется III в. до н. э.—I в. н. э.» [8]. Характеризуя одну интересную композицию с изображением скифской Владычицы зверей, С. С. Бессонова пишет, что она, очевидно, была «искони присуща иранскому искусству» [9]. Заметим, что автор отмечает в скифском искусстве и мужской вариант божества диких зверей в образе длиннобородого мужчины.

Как видно, образ Апсати // Афсати не следует привязывать к ограниченному ареалу.

Рассматривая вопросы индийской теогонии, С. Бхаттачарджи замечает, что индоевропейский ум не представлял богов чуждыми, далекими от смертных. Индоевропейские боги живут недалеко от людей, расположены к ним дружески, оказывают им помощь и т. д.[10] Из многих богов осетинского эпоса «Нарта» едва ли не самым идеальным богом такого рода является Афсати, который живет недалеко от людей, на самой высокой горе Осетии Адай-хох, оказывает помощь нуждающимся, делает подарки, является добрым советчиком и помощником идеального героя Ацамаза [11], с отцом которого он дружил и подарил ему знаменитую свирель, наказывает провинившихся. Следует обратить внимание на то, что нартовские герои не ведут борьбу с Афсати и другими языческими богами, поскольку для Нартов они «свои люди» [12].

Все сказанное позволяет нам восстановить древнее (скифское или индоиранское) звучание имени хозяина, покровителя диких животных, не выходя за рамки индо-иранских языков: **pasupati* (*pasu* 'скот' [13] и *paiti*, *pati* 'хозяин, господин; протектор') ср. хорошо известное индийское Paśupati 'Lord of Wild Animals'.

Изменение **Pasupati* > *Апсати* // *Афсати* (как результат метатезы и развития *p* > *f*) легко объяснимо. Правда, определенную

«нерегулярность» представляет конечное *-ти*, которое не перешло в *-дз* или *-ц* (закономерно было бы **Æфсæдз* или **Фысæдз*). Наше древнее имя удержало конечное *-ти*, и этот факт в любом случае нужно объяснять. Но перед нами название сакрального характера, а поэтому указанный закон перехода *-ти* в *-дз* или *-ц* мог «промолчать».

Или, может быть, в *Апсати // Афсати* следует видеть заимствованное древнеиндийское *Paśupati*. Не исключено, что перед нами пример еще одного сепаратного индо-скифского (осетинского) схождения.

Примечания

1 *Марр Н. Я.* Ossetica — Japhetica. — Изв. Российской Академии наук. Пг., 1918, 1073—1074; *Он же.* Фрако-армянский *Sabadios-aswat* и сванское божество охоты. — Изв. Российской Академии наук. СПб., 1912.
2 *Чурсин Г. Ф.* Культ охоты у кавказских народов. — Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Л., 1929, № 5, 17.
3 *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, I, 300.
4 *Абаев В. И.* Проблемы нартского эпоса. — Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957, 29—30.
5 *Абаев В. И.* Thraco-scythica. — В кн.: В чест на академик Владимир Георгиев. Езиковедски проучвания. С., 1980, 107.
6 *Крупнов Е. И.* О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа. — В кн.: Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969, 32.
7 *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1882, ч. 2, 244—245.
8 *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983, 88.
9 Там же, 92—93.
10 *Bhattacharji S.* The Indian Theogony. A comparative study of Indian mythology from the Vedas to the Puranas. Cambridge, 1970, 4—5.
11 См.: *Гуриев Т. А.* Осетинский эпический образ скифского возраста. — В кн.: Античная балканистика (материалы). М., 1980, 17—18.
12 *Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982, 70.
13 О значениях этого слова в индоиранских языках см.: *Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. P., 1969, 48—50.

Д. Теодоридис*

ЧТО ЕЩЕ ОБОЗНАЧАЛО СР.-ГРЕЧ. πηγάδι

Издание русско-византийского разговорника, относящегося к концу 15 в., сопровождаемое критикой текста и комментариями, было подготовлено М. Фасмером, по его собственному свидетельству, так «чтобы греческий текст был доступен для понимания и согласовывался с русским» [1]. Открытый в результате этого среднегреческий лексический материал, содержащийся в разговорнике, принес с собою, разумеется, ряд вопросов, которые за истекшее время — прошло более половины столетия — получили широкое освещение и ответы [2].

---

* © Dimitri Theodoridis, 1988 г.

Исключением является, однако, одно слово, скорее — его семантика, которой древнерусский перевод текста обогатил исследование среднегреческого. Речь идет о средне- и новогреч. πηγάδι 'глубокий колодец, рычажный колодец', которое, как мне кажется, совсем не утратило проблематичности.

Слово πηγάδι приведено в разговорнике, в написании *pigadi* (~ *pigoti*), как соответствие для др.-рус. *гривенка*. М. Фасмер вынужден был поэтому при перечислении греческого материала записать значение 'сморщенная кожа под подбородком и на груди быка', т. е. современное значение устарелого и редкого рус. *гривенка*, и еще далее, очевидно, интуитивно упрощенное 'кожа под подбородком' [3]. Однако он не преминул указать на загадочность единственного примера при помощи определений «в других случаях неизвестно», «неясно» или «больше нигде не засвидетельствовано», которыми и охарактеризовал греческое слово [4]. Фасмер благоразумно воздержался от исправления слова, хотя, возможно, и была у него такая мысль, когда он написал: «едва ли н.-греч. πιγούνι» [5]. Сомнения М. Фасмера можно понять. Как может слово, которое до сих пор имело только значение 'глубокий колодец', однажды, и лишь один этот раз, выступить также в значении 'кожа под подбородком'? Что за необычное семантическое развитие — результат неуловимой ассоциации, смелой метафоры — должно лежать здесь в основе?

По моему мнению, дело здесь действительно в метафоре, сферу возникновения которой следует искать за пределами греческого языка. Кто сколько-нибудь хорошо знаком с поэтическим языком исламского Востока, прежде всего персидским и находящимся под его сильным влиянием языком поэзии османскотурецкого ареала, тот сможет без труда понять, что скрывается за значением 'кожа под подбородком' применительно к слову πηγάδι в русско-византийском разговорнике.

В персидском и в так называемом придворном османском языке *čāh* как раз и обозначает, с одной стороны, яму, глубокий колодец, а с другой стороны — в поэтическом контексте как эллипс выражения *čāh i zanaḵdān* (дословно 'глубокий колодец подбородка'; в турецком реже также вместо *čāh i ẕaqan* то же) — 'кожная складка под подбородком' или просто 'ямочка на подбородке' [6].

Трудно установить, когда и кто сравнил ямку на подбородке или кожную складку под подбородком с глубоким колодцем, тем более, что это и не является задачей настоящей заметки. Однако совершенно очевидно, что глубокий колодец в связи с библейским образом Иосифа, брошенного своими братьями в подобный колодец (ср. Книга Бытия $37,_{24}$ и отсюда Коран $12,_{10}$; $12,_{15}$), фигурирует уже в персидской поэзии 12 в. в «своего рода мифологической сцене» [7]. Это ведет к предположению, которое нужно еще подкрепить цитатами, что образ Иосифа, бытующий на исламском Востоке как символ совершенной красоты, сыграл важную роль в переносе понятия 'глубокий колодец' на лицо возлюбленного (возлюбленной). Представление о лице, которое у Иосифа даже

в ямке на подбородке воплощает символ абсолютной красоты, **помогает** гиперболической технике поэтического творчества освободить предмет от «мирских связей» [8].

Во всяком случае в турецкой поэзии начиная с 15 в. понятия Иосифова колодца и ямки на подбородке встречаются в тесном переплетении [9]. Постепенно, однако, образ Иосифа, который, вероятно, первоначально и сблизил понятия друг с другом в устойчивую связь, начал отходить на задний план или совершенно исчезать, так что вместо него кануло теперь в 'глубокий колодец (на подбородке)' неосторожное сердце поэта с тем, чтобы больше уже не выбраться оттуда.

Развитие этого понятия происходило наряду с этим и в другом направлении, причем оно утратило свое светско-эротическое содержание и вросло в терминологию исламской мистики. 'Глубокий колодец на подбородке' (*čāh i zanaḫdān*) означает, по свидетельству написанного на персидском языке и не поддающегося точной датировке обширного списка слов под названием Mir'āt i 'uššāq, аллегорически 'трудности мышления новичка' в учении суфизма [10].

Эта метафора, формирование которой, с опущением некоторых частностей, было здесь коротко очерчено, дана в русско-византийском разговорнике в грецизированной форме. Она должна была бы рассматриваться как единичный и вместе с тем примечательный случай, если бы слово πηγάδι с этим его побочным значением было не калькой, а независимо возникшим на основе ассоциативного механизма новым понятием. Против этого говорит уникальность употребления. Бесполезно было бы пытаться восстановить обстоятельства, благодаря которым это слово нашло путь в двуязычный текст; здесь единственно уместно предполагать стихийность возникновения слова. Представляется некий грек, имеющий доступ к персидским сочинениям или (учитывая географический аспект) скорее к турецкой поэзии, которого какой-то любознательный русский спрашивает, как называется по-гречески то или другое; спрашивающий мог бы также поинтересоваться, как по-гречески называется 'кожная складка под подбородком' (*гривенка*). И здесь стихийность могла проявиться двояко: либо авторитетный консультант ответил мгновенно возникшей в его сознании калькой πηγάδι, либо он сказал, что не может дать ответа, заметив при этом, что в турецком (или персидском) это значение передается словом, которому в греческом соответствует πηγάδι, после чего последнее и было немедленно записано спрашивавшим. Без этой явно некритической письменной фиксации слово в этом значении было бы лишь искусственным, поэтизированным созданием опосредствующего сознания и вряд ли приобрело бы право на существование за пределами его идиалекта. Приведенные выше материалы подводят к размышлениям, которые можно резюмировать в виде трех пунктов.

1. Ср.-греч. πηγάδι 'глубокий колодец' имеет в русско-византийском разговорнике конца XV в. побочное значение 'кожная складка под подбородком'; это объяснимо.

2. То же значение 'кожная складка под подбородком' должно быть с уверенностью признано для (др.-)рус. *гривенка* того же времени.

3. Слово πηγάδι представляет собою лишь случайно сохранившееся свидетельство влияния системы представлений исламского культурного региона на греческий.

Перевела с немецкого Ж. Ж. Варбот

Примечания

1 *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch: Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922 (=Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig, 2), 2.

2 В качестве примера можно привести из разговорника слово ἐνδανικόν 'сталь' (см. с. 133 и 152), которое было там помечено как 'sonst unbekannt'; см. о нем: *Theodoridis D.* Zum Problem von ἰνδανικός σίδηρος. — Byzantinische Zeitschrift 64, 1971, 61—64.

3 *Vasmer M.* Op. cit., 96, № 2203; 165, 174.

4 Idem, 165, 174 etc.

5 Idem, 165.

6 Относительно персидского слова см.: Персидско-русский словарь. Т. 1. М., 1970, 460 (*čāh*), 767 (*zanaḫdān*); относительно тюркского — ср.: *Özön M. N.* Edebiyat ve tenkid sözlüğü. Istanbul, 1954, 54. В хорошем и богатом материалом исследовании: *Ardrews W. G. Jr.* An Introduction to Ottoman Poetry. Minneapolis and Chicago, 1976 (=Studies in Middle Eastern Literatures, Nr. 7) эта метафора пропущена.

7 *Reinert B.* Hāqānī als Dichter. Poetische Logik und Phantasie. Berlin, 1972 (=Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur des islamischen Orients. N.F.B.4), 25. Мотив глубокого колодца отсутствует в персидской поэзии 9—11 вв.; ср. чрезвычайно подробную работу: *Османов М.-Н. О.* Стиль персидско-таджикской поэзии IX—X вв. М., 1974, а также: *de Fouchécour C.-H.* La description de la nature dans la poésie lyrique persane de XIe siècle. Inventaire et analyse des thèmes. Paris, 1969 (Travaux de l'Institut d'études iraniennes de l'Université de Paris, 4). Ср. еще: Schimmel, Stern und Blume. Die Bilderwelt der persischen Poesie. Wiesbaden, 1984, 56.

8 *Plett H. F.* Einführung in die rhetorische Textanalyse. Hamburg [2-ое изд.], 1973, 76.

9 Ср. *Çavuşoglu M.* Necâti Bey Dîvânı'nın tahlili. Istanbul, 1971, 34 и 179; *Tolasa H.* Ahmet Paşanınşiir dünyası. Ankara, 1973 (=Atatürk Üniversitesi yayınları N 286; Edebiyat Fakültesi yayınları N 56; Araştırma serisi N 46, 271 и сл.

10 См. Словарь суфийских терминов Mir'at-i ùššak: *Бертельс Е. Э.* Избр. тр. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, 126—178, особенно 144. Работа была издана после смерти Е. Э. Бертельса (7.10. 1957), из его наследия.

Т. А. Малахова

СТ.-ПРОВАНС. *LAUZENGIERS*: К ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНА

В многочисленных статьях и монографиях, посвященных проблемам провансалистики, постоянно упоминается персонаж, обозначаемый в поэтическом языке трубадуров термином *lauzengiers* (букв. 'льстец').

Пожалуй, трудно представить себе кансону (canso), основной жанр провансальской поэзии позднего средневековья, без этой маргинальной, но совершенно непременной фигуры.

Тем не менее, несмотря на неутихающий интерес к этому расплывчатому и трудно поддающемуся конкретизации образу, мы не можем сослаться на сколько-нибудь специальное исследование, выходящее за рамки простых упоминаний и произвольных предположений, отнюдь не проясняющих свойственного термину *lauzengiers* спектра значений и связанных с ними функций самого персонажа в куртуазной поэзии.

Только метод сплошной выборки текстов позволил вплотную подойти к функционально-поэтической семантике интересующего нас термина и провести этимологический анализ, показывающий эволюцию значений *lauzengiers*, в системе поэтического языка трубадуров.

Обследование более чем двухсот случаев употребления термина *lauzengiers*, которые удалось собрать по доступным в наших библиотеках провансальским памятникам, позволяет резюмировать его функциональную семантику в системе языка провансальской поэзии в целом, как 'клеветник, льстец' с некоторыми менее ярко выраженными оттенками.

Однако жанровые особенности поэтики трубадуров, выразившиеся главным образом в формальной статичности заранее данного набора готовых клише, почти не дают возможности проследить семантическую динамику слова *lauzengiers* в качестве факта обычного, не поэтического языка, хотя этимологическая связь данной провансальской лексемы с латинским *laus*, *-udis*, resp. *laudo*, *-are* (через вульгарно-латинское *laudemia* [1]) и соответствующими его продолжениями в других романских языках несомненна. Впрочем, одни авторы этимологических словарей признают, как и Жанруа, эту связь непосредственной [2]; другие, в силу формальности реконструкции и ряда семантических трудностей, менее убедительно возводят ст.-прованс. *lauzengiers*, вслед за словарем Мейер-Любке (Meyer-Lübke. N 4947), к франкскому **lausinga*, ср. англ. *leasung* 'ложь, неверность, обман', др.-исл. *lausung* 'ненадежность' и пр. При этом контаминация германского корня с лат. *laus* признается ими вполне допустимой [3].

Значительные, на первый взгляд, расхождения в семантике провансального и латинского слова делают правомерным пред-

положение о том, что в провансальском поэтическом языке *lauzengiers* предстает итогом сложной семантической эволюции.

В наибольшей мере именно последнее обстоятельство вынуждает обратиться к более детальному этимологическому анализу лексемы *lauzengiers* в надежде реконструировать недостающие семантические звенья или, если это окажется неосуществимым, попытаться найти какие-то потенциальные исходные точки для семантики провансальской лексемы в семантическом спектре лат. *laudo*, resp. *laus*. Практически это обусловливает необходимость выхода за пределы языка провансальской поэзии, как такового, и обращения к фактам, предоставляемым внешним сравнением из сферы тех же романских языков.

Действительно, в семантическом плане весьма велики, вплоть до контрастных, различия между прованс. *lauzengiers* 'льстец, клеветник, злоречивый сплетник' и классическим лат. *laus*, *-dis* 1) 'хвала, похвала, восхваление'; 2) 'слава, честь' [4]. Более того, семантический спектр вторичного по отношению к *laus* образования *laudo*, *-are* шире семантики производящего слова, что само по себе не должно удивлять, поскольку дериваты часто в большей неприкосновенности сохраняют первоначальную семантику. Согласно стереотипному латинско-русскому словарю Дворецкого—Королькова, значения *laudo*, *-are* следующие: 1) 'хвалить, восхвалять, прославлять, превозносить, одобрять'; 2) поэт. 'называть, (считать) счастливым'; 3) 'оправдывать, защищать, обелять'; 4) 'называть, указывать, упоминать, приводить, ссылаться'. Составители словаря, распределяя значения данным образом, создают впечатление, что самое частое и, так сказать, общепринятое значение является первоначальным и наиболее емким. Второе и четвертое значения, начисто лишенные экспрессивной окраски, здесь выглядят результатом деэтимологизации.

Немногим лучше обстоит дело с подачей значений в цитированном Оксфордском латинском словаре, где, правда, первым стоит специфическое значение 'произносить речь на чьих-либо похоронах', затем 'восхвалять' и последним 'представлять, называть, цитировать, указывать на кого-либо, что-либо'.

В качестве имени деятеля, т. е. вторичного образования по отношению к глаголу *laudare*, заслуживает внимания также *laudator*, имеющее среди прочих значения 'произносящий (хвалебную) речь на похоронах; панегирист; свидетельствующий, дающий показания в пользу к.-л.'

Только обратившись к этимологическим словарям, т. е. к историко-этимологическому анализу лат. *laus*, можно представить первоначальный комплекс значений, присущий этому слову и сохранившийся частично именно в поэтическом языке.

Словарь Вальде—Гофмана, опираясь на глоссу Авла Геллия: *laudare significat prisca lingua nominare appellareque «laudare»* обозначает в древнейшем языке 'nominare (называть)' и 'appellare (провозглашать, обращаться с речью и пр.)' и на некоторые внешние данные из древних и.-е. языков, считает первоначальным

смыслом 'feierliche Nennung, торжественное праздничное оглашение имени', ср. гот. *liuþon* '(lob) singen, петь (хвалу)', др.-в.-нем. *liudōn* 'singen, петь' (Walde—Hofmann I, 776; см. еще Pokorny, 683, под звукоподражательным корнем **lēu-* или **lāu-*.

Более развернуто и точно, с опорой также на конкретные речевые обороты, эволюция значения интересующего нас латинского слова представлена у Эрну—Мейе, которые также считают, что древний смысл *laus* должен быть 'fait de nommer, citer, называть, упоминать' и что значение с оттенком *благоприятствования, благосклонности* (*acception favorable*) это слово получило в результате специализации. В том же словаре приводится среди других еще одна недвусмысленно толкуемая глосса: (P. Fest.) *laudare apud antiquos pro nominare* «*laudare* у древних вместо *nominare*». Данная этимологическая статья заключается очень важным для нас рассуждением: «cf. une spécialisation comparable dans *ōrāre*, dans *fāma*, *infāmis* et dans le gr. αἶνος, αἰνέω «ср. подобную специализацию в *orāre* в *fāma*, *infāmis* и в греч. αἶνος, αἰνέω», и особенно, далее: «Le développement du sens favorable a pu être aidé du fait que *laus*, *laudāre*, *laudātio* servaient à désigner l'appel suprême que l'on adressait au mort, puis l'éloge funèbre qui s'est ajouté à cet appel (cf. *supremae laudēs*, *laudātiō funebris*, fr. *les laudes*). «Развитие благосклонного смысла могло закрепиться (в речи), потому что *laus*, *laudāre*, *laudatiō* служило для обозначения последнего зова, обращенного к мертвому, затем надгробной речи, которая добавилась к этому зову, ср. supremae laudēs (букв. последние надгробные похвалы. — *Т. М.*) laudātiō funebris (букв. надгробная похвала. — *Т. М.*), ср. фр. *les laudes* (Ernout — Meillet, 346).

Итак, первоначальное значение лат. *laus* было 'называние по имени' (ср. лат. *nominatio*) 'зов', и соответственно, *laudare* 'именовать' (ср. лат. *nomināre*) 'называть'. Оба слова, вероятно, в своей исконной функции имели сакральный смысл и относились, видимо, к похоронному ритуалу, ср. приведенные выше германские параллели. Здесь уместно вспомнить греч. глагол ὀνομαίνω 'именовать и пр.', тождественный лат. *nomināre*, входивший у Гомера в формульное выражение φίλον δ' ὀνόμηνεν ἑταῖρον 'и любезного звал друга' (букв. 'звал по имени, именовал'), см. Il. X, 522 (при убийстве Реса), XVI, 491 (при убийстве Сарпедона). Два случая XXIII, 178 и XXIV, 591 — особенно интересны в указанном смысле: оба раза выражение употреблено Ахиллом, когда он сам руководит ритуалом захоронения Патрокла. Но совершенно обнаженным, лишенным каких-либо поэтических аксессуаров, ритуал называния (по имени) умерших, правда, посредством развернутого оборота, содержится в IX песне Одиссеи, когда Одиссей рассказывает о битве с киконами и о гибели своих товарищей: «Далее поплыли мы в сокрушеньи великом о милых // Мертвых, но, радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти. // Я ж не отвел кораблей легкоходных от брега, покуда//Три раза не был по имени назван из наших несчастных каждый, погибший в бою

и оставленный в поле» (ст. 62—66, пер. В. А. Жуковского). Буквальный перевод интересующего нас оборота выглядит следующим образом: пока трижды громко не прокричали (по имени) каждого из несчастных товарищей (πρίν τινα τῶν δειλῶν ἑτάρων τρὶς ἕκαστον ἀῦσαι)[7].

Для реконструкции исконного комплекса значений или более полного представления о семантическом поле лат. корня *laud-* имеют значение некоторые речевые обороты, засвидетельствованные в вульгарной латыни, которая была более ориентирована на живую речь, нежели искусственный язык классических литературных памятников, см. в словаре Дю Канжа (Du Cange, V, s. v.): *laudum* 'sententia arbitri, решение третейского судьи' (p. 43), также 'consensus, approbatio, согласие, одобрение'; *laudare* 'arbitrari, рассматривать, оценивать, держаться мнения, выносить решение (arbitrii sententiam ferre)', затем 'consilium dare, seu potius persuadere, давать совет, или лучше, уговаривать' (p. 40 s.); *laudator* 'arbiter, третейский судья' (p. 43); *laus* 'consilium, совет' (p. 41); *laudamentum* 'consilium, consensus, совет, согласие'. В том же словаре отмечена фреквентативная форма из провинциальной латыни *laudare* > *lauzare*, сохранившая одно из самых исконных значений интересующего нас корня, а именно 'canere, commendare, петь, в том числе петь хвалу; прорицать; рекомендовать' (p. 47 s. v. *lausare*, со ссылкой на glossar, provinc. lat. ex. cod. reg.).

Обращаясь к романским продолжениям рассмотренных латинских слов, следует сделать весьма существенную оговорку, что, за исключением языка провансальской поэзии, мы вынуждены, к сожалению, продолжить анализ не на уровне контекста, а ограничиться семантическими характеристиками отдельных лексем, взятых из словаря Мейер—Любке.

Даже поверхностный взгляд на четыре словарных статьи в упомянутом труде дает возможность судить об определенном семантическом сдвиге романских рефлексов корня *laud-* в сторону, противоположную тому, что Эрну—Мейе называют assertion favorable.

Так, под *laus*, *laude* имеются, с одной стороны, ст.-франц. *los* 'хвала; согласие, соглашение' (ср. вышеприведенные выписки из Дю Канжа), др.-фрейбург. *os* 'награда', *aloser* 'хвалить', с другой сицил. *lauzu*, мальфетт. *louese* 'обвинение' (Meyer—Lübke, № 4944). К кругу полярных значений понятия *хвала* несомненно примыкает франц. *losange* 'лесть' (> прованс. *lauzenja*, *lauzenga* 'übbe Nachrede, злые наговоры, клевета' > итал. *lausinga*) 'Schmeichelei, лесть' (Meyer—Lübre, N 4947)[8]. Здесь необходимо сделать существенное уточнение, касающееся приведенных форм. Согласно романскому словарю Ренуара, а также нашим собственным наблюдениям, прованс. *lausenga* и пр. обозначало достаточно часто 'лесть'[9], см. кроме того подлежащее исследованию *lauzengiers* / *lausengiers* 'льстец, воздающий хвалу':

Que lauzengiers bec d'ascona
Car son plan en far lur truelh

Ab lor mensonja forbida
Cuion falsar amor fina

«Ибо клеветники с наточенным языком — и они весьма способны к предательству — с помощью своей сладкой лжи надеются опорочить верную любовь» (Peire Raimon de Toulouse: Pos lo prims verjans botona. . .); ср. еще:

Daitan si perd qui ·m cuida plazer dire
Ni lausengas per mon cor devinar

«И тем более губит себя тот, кто думает, будто говорит мне приятные вещи и клевету, дабы разгадать мое сердце». (Arnaut de Maroil; Anc vas amor non pos rec. . .); затем 'клеветник, хулитель':

Ges pels crois reprendors
Lauzengiers, cui desplatz chans
E gai solatz e valors
E largueza e bobans
No ·m dei tener de chantar
Ans me dei mieilhs alegrar

«Из-за низких хулителей, из-за клеветников, ненавидящих поэзию, изящные беседы и доблесть, щедрость и гордое великолепие, я не собираюсь прекращать своих песен. Наоборот, я должен еще больше предаваться радости» (Paulet de Marseilla: Ges pels crois. . .).

Позволим себе, кроме того, привести некоторые устойчивые сочетания с лексемой *lauzengiers*. У Гаусельма Файдита находим: *fals lauzengiers trichaire* 'лживые, обманывающие клеветники'; у Маркабрюна: *lauzengiers trencans* 'наемные языки', *enganador lauzengiers* 'обманщики клеветники', [*Lauzengiers*] *mal parlier acusador* 'дурно говорящие обвинители'. Общим местом стали такие сочетания как *lauzengiers lengua forbitz* 'клеветники с мягкими речами', *lauzengiers mal dizen* 'злоречивые клеветники и т. п.'

Думается, именно употребление дериватов латинского корня *laud-* в значении 'лесть, льстец, воздающий хвалу' вызвало расщепление единого семантического поля; в терминах современной семантики эту речевую ситуацию можно назвать позицией нейтрализации при поляризации значений.[10]

К контаминации понятий хвала — лесть целесообразно сравнить характеристику русской лексемы *лесть* в толковых словарях Ожегова и Даля. *Лесть* 'лицемерие, угодливое восхваление' (Ожегов 2, 283), 'проискливая хвала, притворное одобрение, похвала с корыстной целью и пр.' (Даль II, 249), там же относительно *льстить* 'хвалить кого-либо из лести, из корыстного желания расположить к себе' (Ожегов), 'соблазнять кого лестью, хвалить кого безусловно, облыжно, возносить из угодливости и пр.' (Даль).

Для реконструкции исконного значения лат. корня *laud-*, предложенного выше, важно отметить значение следующих роман-

ских форм: тарент. *losa* 'крик, призыв, мольба', корс. *losa* 'оплакивать' (Meyer—Lübke, N 4944).

Семантика непосредственных продолжений лат. *laudāre* 'хвалить' и *laudator* 'тот, кто произносит хвалебную речь', согласно тому же словарю Мейер—Любке (см. № 4938, 4939), изменений не претерпевала.

Теперь нам осталось особо рассмотреть семантическое поле старопровансальских дериватов лат. корня *laud-*, обратив более пристальное внимание на лексему *lauzengiers.*

Напомним, что в целом нами исследовано более 200 случаев употребления указанной формы.

Нетрудно заметить, что на уровне текста провансальские слова с корнем *laud-* выказывают практически всю гамму значений, фиксированных в романских языках.

Однако в силу двух противоположных тенденций, наблюдаемых вообще в архаических поэтических традициях и, особенно, в такой искусственной и формализованной системе, какой был язык провансальской поэзии, выразившихся в плане семантическом, с одной стороны, в направленном сужении (спецификации) значений слов с последующим, достаточно жестким закреплением функциональной семантики в жанровой структуре; с другой же стороны — в спорадическом возрождении менее терминологизированных оттенков первоначального смыслового комплекса, деэтимологизированных в обычном языке. Поэтому в провансальской поэзии бóльшая, по сравнению с другими романскими языками, амплитуда значений: от первоначального 'называть', народно-лат. 'советовать' до развившегося 'клеветать', минуя, кажется, значение 'произносить хвалебную речь на похоронах'.

Словари М. Ренуара и Э. Леви дают провансальские формы со следующим смысловым спектром.

Lauzar, *lauxar*

1) 'хвалить, прославлять' (=лат. *laudāre*):

Totz hom que so blasma que deu lauzar
Lauz' atressi aco que duc blasmar

«Всякий человек, который порицает то, что должен хвалить, хвалит то, что должен порицать» (Aimeric de Paguilain: Totz hom. . .);

2) 'одобрять, советовать' (выше ср. народно-лат. *laudare* 'consilium dare и пр.'):

Drutz que pros don' abandona
Ben laus que ·s gart de jauguelh

«Любовнику, который покидает благородную Даму, я советую остерегаться клеветы» (Peire Raimon de Toulouse: Pos lo prim. . .).

Lauzenja, *lauzenga* 'хвала, лесть' [11], 'дружба (?)', 'любовное служение (?)' [12]

Lauzengamen 'клевета, злословие'.

Наконец, наше *lauzengier*, *lausengier*, *lauzenjador*

1) 'воздающий хвалу; льстец':

Aisso son los lauzengriers que per lur belh parlar
Fan adormir los grans homs en lur peccat

«Это льстецы своими красивыми словами убаюкивают в грехе великих мужей»;

Adj: Quan lo bos drutz plazentiers
Es per proeza lauzengiers
Ves tozeta

«Когда хороший и приятный любовник из галантности [становится] льстецом своей Дамы (T. de Hugues et de Baussan: Baussan. . .);

2) 'клеветник, сплетник':

Ges lausengiers no m'esglaya
Ans Deu prec qu'els dechaya

«Меня совершенно не страшат клеветники, но я прошу Бога, чтобы он их унизил» (P. Bremon Ricas Novas: Ben deu estar. . .);

Ab pauc ieu d'amar no ·m recre
Per enueg dels lauzenjadord

«Немного надо, чтобы я устал любить из-за неприятностей, которые причиняют клеветники» (Folquet de Marseille: Ab pauc. . .); [13]

Однако в некоторых контекстах проступают значения не окрашенные экспрессивно и возрождающие первоначальный смысл корня *laud-* в функциях анализируемого антикуртуазного персонажа (в данном случае это чрезвычайно важная функция *называния, угадывания любовной тайны Трубадура*).

Следует специально отметить место из Бертрана Карбонеля, где поэт как бы восстанавливает эволюцию этимологического смысла рассматриваемого корня:

D'omes truep que per amistat
Que auran gran ab lor amic
Lo lauzaran tan qu'ieu vos dic
Que non y aura la mitat
Pueis endevan c' an desamor
D o n l o l a u s t o r n a e n b l a s m o r
Per qu'ieu dic, pus que messongier
Son el laus que fan de premier
C'on non los deu creire del mal
Qu'en dizon pueis, si Dieus mi sal

«Я вижу людей, которые из большой дружбы к другу воздают ему такую хвалу то я вам говорю, в ней не будет и половины правды, потом случается — любви больше нет, т о г д а п о х в а л а с т а н о в и т с я к л е в е т о й, поэтому я говорю, что раз лживы их похвалы, которые они делают сначала, нельзя

верить и в зло, которое они говорят потом, и да поможет мне Бог!» (Bertran Carbonel de Marseille: Coblas esparsas. . .); ср. также:

E no men de's dire
Lauzenjador [14],
Q'ieu sia mentire,
Sai ni alhor,
Qu'ab fina lauzor
Fauc vostra valor
Venir ad honor
Ab sol que no'us tire
D'amor el gra aussor

«И он не лжет, называя себя *воздающим похвалу*, и пусть я прослыву лжецом здесь и там, если я не возвеличу вас до уровня любви, т. к. красивой похвалой я умножаю ваше достоинство» (Guilhem Peire de Cazals: Per re n'om tenria. . .).

Мы располагаем также очень редким примером употребления рассматриваемой лексемы в качестве прилагательного, со значением «благосклонный':

D'estreigna maneira
Sol esser *amors*.
Salvaia e guerreira
E mala totz jors
Er m'es *lausengiera*
Sus totz amadors

«Любовь обычно ведет себя странно, она ядовитая (?) и воинственная и постоянно враждебна, сейчас же она благосклонна по отношению ко мне, свыше всех других любовников» (Peirol: La gran alegranza. . .).

Подводя итоги, позволим себе привести две глоссы провансальского рифмовника из «Donatz proenzals»: 2206 *lausengiers* — bilinguis, 3443 *lausenga* — adulatio vel verbum bilinguis [15].

Из латинских эквивалентов явствует, что основным признаком выделяется двуязычие в качестве метафорического обозначения *лести-клеветы*.

Итак, проведенный на основе сплошной выборки контекстов семантико-этимологический анализ наглядно показывает, что лексема *lauzengiers*, обозначающая основной антикуртуазный персонаж провансальской поэзии, развилась и была закреплена в специализированном значении 'льстец; клеветник' именно в поэтическом языке трубадуров.

Поляризация значений в лексемах, восходящих к лат. корню *laud-*, см., в частности, франц. *losange* 'лесть', сицил. *lauzu*, мольфетт. *louese* 'обвинение', наметилась и осуществилась также в других романских языках. В провансальской поэзии полярные значения лишь четко выкристаллизовались во множестве употреблений на уровне поэтической речи.

Примечания

1 См.: *Jenroy A*. La poésie lyrique des troubadours, v. II, Paris; Privat, 1934, 110: «Слово засвидетельствовано в провансальском языке в двух формах *lauzengiers* и *lauzenjaire* (объектный падеж *lauzenjador*); оба слова являются дериватами от *laudemia*, т. е. корень *laud-*+суф.*-emia*; *lauzengiers / lauzenjaire* появляется с этимологическим значением 'льстец' уже в конце XI в. у Александра Альберика».

2 См.: *Diez F*. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Bonn, 1887, 197; *Corominas J*. Diccionario critico etimologico de la lengua castellana, III. Bern, 1954, 109.

3 См.: *Мейлах М. Б*. Язык трубадуров. М., 1975, 113 и сл.

4 *Lewis Ch. T*., *Short Ch. A*. Latin Dictionary. Oxford, 1980, 1043.

5 Ibid, 1042.

6 Ibid.

7 Пользуюсь случаем принести благодарность Л. А. Гиндину, указавшему мне на данные греческие семантические параллели.

8 Значение *lob* 'похвала, хвала', которым Мейер-Любке снабжает эту исходную форму, мы намеренно опускаем, так как у нас нет гарантии, что в разговорной латыни позднего периода в каких-то провинциях она не приобрела полярной окраски.

9 *Raynouard M*. Lexique Roman, IV. Heidelberg, 1927—1929, 29—31.

10 *Бенвенист Э*. Общая лингвистика (гл. XXVII, «Семантические проблемы реконструкции»). М., 1974, 333. Еще см.: *Трубачев О. Н*. Этимологические исследования и лексическая семантика. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, особенно 168—171 (о «мнимой омонимичности» вообще и «реэтимологизации» в поэтическом языке); яркую семантическую параллель к развитию полярных значений в формах одного и того же корня с близкой рассмотренному романскому гнезду семантикой обнаруживает слав. **xula-*: **xvala* (см. ЭССЯ, 8, 114 сл.).

11 *Raynouard M*. Op. cit.

12 *Levy E*., Provenzalisches Supplement — Wörterbuch. Leipzig, 1894—1915, I—III, s. v.

13 *Raynouard M*. Op. cit.

14 Как правило, в старопровансальском для обозначения понятия 'воздающий хвалу' служит лексема *lauzador*. См. Folquet de Marseilla, Chantan volgra. . .: car sos pretz vol trop savi lauzador «так как ее Честь требует очень мудрого [человека], воздающего хвалу».

15 The Donatz proenzals of Uc Faidit, ed. J. Marschall, L., 1969.

Г. В. Топурия

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА *ХИНАЛУГ*

Селение Хиналуг расположено в горной части северо-восточного Азербайджана, в Кубинском районе, на северной границе с Дагестаном [1]. На этой территории преобладает азербайджанское население, но в виде отдельных «островков» вперемежку с азербайджанцами живут и лезгины (говорящие на кубинском диалекте лезгинского языка) и носители других лезгинских языков — будухцы, крызцы, хиналугцы (т. н. шахдагская этническая группа).

Хиналуг, по-азербайджански — *Хыналыг* (а в местном произношении — *Хəna!əγ*) не является автохтонным названием. Жители этого одного аула (около 1800 человек) себя называют *ketš xa!x*

буквально «кетшский народ» (от названия аула *ketš*), а свой язык *ketš* (*kätš*) *miç* 'хиналугский язык' или же *kattıdi miç* 'язык хиналугцев' [2]. Характерно, что термин *kät-*|*ket-* употребляют только хиналугцы и лишь в тех случаях, когда они общаются меж собой на родном языке, а при контактах с другими народами (азербайджанцами, крызцами) используют термин *Xənaləg*, и именно это название является основным, наиболее распространенным в настоящее время. Следует отметить, что термин *kät-*|*ket-* обращает на себя внимание с точки зрения истории древнего расселения племен на территории Кавказской Албании, поскольку указанное название связывают с известным для этого региона этнонимом *gaṭ*, упоминаемым армянским историком V в. Фавстосом Бузандом [3]. Вместе с тем интересно, что жители соседнего аула Хапутль (говорящие на крызском языке) называют хиналугцев *getti-di* — этот термин приравнивается к этнониму *kät-*|*ket-* [4]. В специальной литературе уже указывалось, что гаты, как свидетельствуют исторические письменные памятники, локализируются в данном регионе, а именно в северо-восточном Азербайджане [5]. С другой стороны, те же хапутлинцы сами себя называют *her* (ед. ч), *her-er* (множ. ч.). А жители соседних селений (Джек, Алык — зона распространения того же крызского языка) для их обозначения используют тот же термин *her-ud*|*hor-ut*. Иначе говоря, этноним *her* является самоназванием крызцев [6]. Данный этноним хорошо известен в грузинских исторических памятниках, а также в грузинской историографии (*her-eb-i* 'эры', *Her-et-i* 'Эрети, страна эров'). Выявление этнонимов *her* и *gaṭ* в изучаемом ареале представляет собой большой научный интерес — углубленное изучение топонимии, этнонимии указанного региона, территории распространения лезгинских, в частности, так называемых шахдагских языков, их языковых данных непременно выявит много нового и ценного материала для выяснения истории этих языков и народов — их носителей, населявших территорию древней Кавказской Албании. В научной литературе неоднократно (и совершенно правомерно) отмечалось, что шахдагские языки являются остатками языков древних албанских племен.

Из этого краткого экскурса явствует, что *kät-*|*ket-* является более древним термином, чем *Xinalug* [7]. Первое название соотносится непосредственно с Кавказской Албанией, а второе является термином, принадлежащим наследникам древних (по всей вероятности, албанских) племен, живших ранее на данной территории.

В названии *Xinalug*, на наш взгляд, выделяется основа *xin* (> *xən*, под влиянием азербайджанского языка) со значением 'вода', история которой (с точки зрения звуковых соответствий) в дагестанских языках к настоящему дню, можно сказать, более или менее выяснена [8]: считается, что она содержит рефлекс общедагестанского корневого согласного *l'ə*. Этот исходный твердый латеральный глухой спирант в дагестанских языках представлен разными рефлексами: в аварско-андийском сохранен *l'ə*,

в дидойских языках имеем *l‘*, лакско-даргинском — *š*, *šə* (< *x́*, *x́ə*), в лезгинских языках — *x́* (< *x*). Следовательно, основа *xin* в системе звуковых корреспонденций дагестанских языков ближе всего стоит к общелезгинскому уровню, где первый согласный основы представлен заднеязычным палатальным глухим спирантом *x́*: агул. *x́er* | *x́ed* | *šed*, табас. *šad* | *šar* | *šed*, рутул. *x́ed*, цахур. *x́an*, крыз. *x́äd*, будух. *x'ad*, хиналуг. *x́u*, лезг. *jad* (*j* < *x́*). Непалатальный вариант имеется в удинском — *xe*(*n*)[9].

Второй компонент основы (согласный *d*, *r*, *n*) в ряде языков утерян: удин. *xe* < *xen*, хиналуг. *x́u* < *x́un*[10]. Считается, что *r*, *n* получены от *d*, и для общедагестанского уровня постулируется форма **l‘əad* (**l‘ad*)[11]. Корректность данной реконструкции может быть предметом обсуждения, но вариант с корневым согласным *x́* (< *x*) должен реально отражать определенный общелезгинский уровень, к которому примыкают лакско-даргинские, а также нахские формы: лакск. *šəin* (< **x́əin*), даргин. *šin* (< **x́in*)[12]; чечен. *xi*, ингуш. *xij*, бацб. *xi"*, ср. агул. *x́er* | *x́ed* | **šed*. и т. д.

На общелезгинском же (если не на общедагестанском) уровне можно рассматривать элемент *-al*, выделяемый в *Xinalug-e*, считая его формантом множественного числа. Суф. *-al* (||*-ar*), как показатель плюральности в именах существительных, довольно широко функционирует в дагестанских, особенно лезгинских языках[13]. Это значит, что в историческом плане следует допустить существование формы множ. числа **xin-al* (со значением 'во́ды'). К этой форме впоследствии и был добавлен характерный для азербайджанского языка словообразовательный формант *-lug*, выражающий семантику принадлежности, собирательности и часто используемый для образования азербайджанских географических названий[14]. Таким образом, *Xinalug* < **Xin-al-lug*, в котором из двух *l* один исчез, по всей вероятности, тот, морфологический статус которого был уже расшатан (*-al* > *-a*): элемент *-a* нужно рассматривать как остаток форманта множественного числа.

Соображение о том, что в слове *Xinalug* вычленяется формант *-lug*, не ново. На это указывал еще А. Дирр[15]. Того же мнения придерживаются и другие исследователи, отмечая, что *Xinalug* состоит из двух частей: *xina* и *-lug*. Значение и функция второй части слова не вызывает споров — данный суффикс всеми расценивается как заимствование из азербайджанского языка. Вместе с тем, высказано предположение, что аффикс *-lug* добавлен к форме *xina* уже после X в. азербайджанцами, поскольку *xina*, как самостоятельный топоним (без суф. *-lug*) засвидетельствован в письменных памятниках X в. Его увязывают с названием одного из округов в Кавказской Албании — *Xena*[16]. Если это так, то можно было бы считать, что процесс упрощения форманта множественного числа *-al* > *-a* имел место уже в X в. и азерб. суф. *-lug* в действительности был присоединен непосредственно к форме *xina* уже после утери конечного *l* (*xin-a* < **xin-al*), т. е. анализируемый топоним можно расчленить как *Xin-a-lug*. Такая возможность не исключена, но какими бы ни были результаты анализа

второй части слова, это не меняет основную суть этимологии — во всех случаях выделяется основа *xin* со значением 'вода'.

К аналогичному членению слова (*Xin-a-lug*) прибегает Г. Х. Ибрагимов, но с несколько иной трактовкой аффикса *-a*, который (как и *-lug*) им воспринимается как формант принадлежности [17] (*-lug* и по его мнению, азербайджанское заимствование), а *Xinalug* в целом рассматривается как крызско-будухский топоним с тюркским формантом. Однако, к сожалению, ничего не сказано о семантике выделенной основы *xin* [18].

Таким образом, **Xin-al-lug*, более ранним вариантом которого была форма **xin-al*, следует понимать как лексему во множественном числе со значением 'во́ды'. Впоследствии морфемой *-lug* была внесена дополнительная конкретизация в семантику — произошла, так сказать, полная азербайджанизация топонима (возможно, этим и обусловлен фонетический процесс *x́in* > *xin*). Следовательно, *Xinalug* этимологически означает 'место, где много воды; водянистое место'. Вместе с тем можно предположить, что форме **xinal* (*Xinalug*) ранее предшествовало какое-либо определение, которое со временем утерялось: ср. *Минеральные Воды*; название населенного пункта в Грузии — *tetri çqlebi* 'белые воды' и др.

В том факте, что в одном топониме соединен материал двух неродственных языков, ничего необычного и неожиданного, конечно, нет. На существование такого кавказского слоя в топонимии Азербайджана указывает не один автор [19].

В заключение отметим, что ландшафт и географическое расположение населенного пункта вполне оправдывает представленную здесь этимологию — *Xinalug* и его окрестности выделяются наличием множества родников и источников. Вот и их названия [20]:

pxrē məc — 'собачий родник' (хиналуг. *pxra* 'собака', *pxrē* — род. п., *məc* 'родник; источник')

sarə məc — 'желтый источник' (азерб. *сары* 'желтый')

bajlaγ məc — 'слепой родник'

säfar abē məc — 'родник дедушки Сефера' (хиналуг. *aba* 'дедушка', *abē* — род. п.)

xaǯibabē məc — 'родник Гаджибабы'.

xä"cäl məc — буквально 'кинжал родник' (хиналугцы говорят, что вода в этом роднике очень холодная и когда ее пьешь, то чувствуешь, будто кинжал вонзили в желудок).

rexim γotur məc [21] — 'родник Рахима'

xäšimxän γotur məc — 'родник Хашимхана'

mallaxmed γotur məc — 'родник Маллахмеда'

xal'jiar γotur məc — 'родник Альяра'

ķunuqan cäšmä — 'сорок источников' [22] (хиналуг. *ķu* 'два', *qaᵤ* 'двадцать').

Примечания

1 Историко-этнографические сведения о селении см.: *Волкова Н. В.* Хыналыг. — В кн.: Кавказский этнографический сборник. М., 1980, 32—61.

2 *Дешериев Ю. Д.* Хиналугский язык. М., 1957, 5, 7; *Шаумян Р. М.* Яфе-

тические языки «шахдагской подгруппы». — Язык и мышление. Т. X, М.; Л., 1940, 183. В приведенных нами вариантах *ketš* (*kätš*) *miç* и *kättidi miç* выделяются морфологические элементы *-š* || *-i-di*, но лингвистический анализ термина не входит в нашу задачу.

[3] *Гейбуллаев Г. А.* К выяснению двух этнонимов Кавказской Албании. — Докл. АН Азерб. ССР, т. XXXII, № 8, 1976, 61—62.

[4] Там же, 62.

[5] Там же.

[6] Там же, 63.

[7] Существует предание, что народ ketš пришел на эту землю после землетрясения несколько веков тому назад. В этих местах народ ketš начал разводить хну (араб. *xēna*), и поэтому село получило такое название. См.: *Кибрик Е. Л., Кодзасова С. В., Оловянникова И. П.* Фрагменты хиналугского языка. М., 1972, 244.

[8] *Бокарев Е. А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, 67; *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. М., 1977, 181—182; *Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, 74.

[9] *Гукасян В. Л.* Взаимоотношение азербайджанского и удинского языков. Автореф. дис. . . . доктора филол. наук. Баку, 1973, 54—55.

[10] *Гигинейшвили Б. К.* Указ. соч., 128.

[11] Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1973, 181—182. Здесь же рассмотрен вопрос о корневом гласном.

[12] *Гигинейшвили Б. К.* Указ. соч., 128.

[13] *Ибрагимов Г. Х.* О многоформантности множественного числа в восточнокавказских языках. — ВЯ, 1974, № 3, 82—93; *Топурия Г. В.* Об образовании множественного числа имен существительных в лезгинских языках. — В кн.: Иберийско-кавказское языкознание. Т. XVIII. Тбилиси, 1973, 254—262.

[14] *Молла-Заде С. М.* Топонимия северных районов Азербайджана. Баку, 1979, 60—64. Здесь же приводятся все варианты морфемы: *-лыг* (*-лик*, *-лук*, *-лүк*).

[15] «. . .Хиналуг есть собственно *хiналуҕ*, с суф. *-луҕ* (турк.-тат. происх.). Он употребляется обыкновенно для образования отвлеченных имен существительных; на Кавказе он употребляется также (как в грузинском *оба*, в арчинском *ꝁул*) для составления слов, выражающих, что что-нибудь наполнено чем-то, а также указывает на совокупность жителей данной местности. Таким образом, *Хиналуг* имеет то же самое отношение к *Хiна*, как Татария к слову *татарин*, Турция к слову *турок*». *Дирр А.* Современные названия кавказских племен. — Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Тбилиси, 1909.

[16] *Гейбуллаев Г. А.* Указ. соч., 62; Он же. О топонимах иберийско-кавказского происхождения в Азербайджане. — Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1978, № 1, 77.

[17] С мнением об элементе *-а* как форманте принадлежности следует считаться, хотя такое именное образование не характерно для дагестанских языков. Можно было бы сказать, что этот элемент является пережитком показателя родительного падежа (выражающим поэтому принадлежность). Но более правомерно, по нашему мнению, усмотреть в нем бывший показатель множ. числа — ведь такие образования топонимов свойственны этим языкам.

[18] *Ибрагимов Г. Х.* Тутульский язык. М., 1978, 8.

[19] *Гейбуллаев А. Г.* О топонимах иберийско-кавказского происхождения..., 69—78; *Гукасян В. А.* Указ. соч., 53—58; *Молла-Заде С. М.* Указ. соч., 192—198 и др.

[20] Эти названия и толкования были любезно представлены нам научным сотрудником Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР Ф. А. Ганиевой, которая работает над хиналугским языком и неоднократно бывала в Хиналуге. Мы благодарны ей за эти ценные сведения.

[21] *γotur* в хиналугском языке выражает принадлежность; *Miralem γotur çwa* 'дом Миралема; дом, который принадлежит Миралему'.

[22] Кроме того, один минеральный источник в 1,5 км от Хиналуга называется *Xənaləg* (см. Толковый словарь географических названий Азербайджанской ССР. Баку, 1960, 236).

Г. А. Климов

ДОПОЛНЕНИЯ К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ. III

Короткий промежуток времени, истекший после сдачи автором в печать второго списка дополнений к его этимологическому словарю (Климов) [1], оказался весьма плодотворным. Активная работа целого ряда исследователей уже сейчас позволяет существенно расширить объем общекартвельского и грузинско-занского пластов лексики картвельских языков. За этот период было предложено немало новых лексических сопоставлений. Новыми материалами и соображениями дополнены и некоторые сближения, выдвинутые ранее. Среди опубликованных в последнее время специальных работ этого плана следует, в частности, упомянуть две статьи известного картвелиста из ГДР — Г. Фенриха, опубликованные в 1982 [2] и 1984 [3] гг., а также работы Б. К. Гигинейшвили, З. А. Сарджвеладзе и некоторых других авторов.

Целесообразно подчеркнуть невысокий процент встречающихся в литературе последних лет альтернативных этимологических решений, связанных преимущественно с именем Г. В. Рогава. Это обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, прежде всего о значительном единстве представлений картвелистов об основных линиях фонетической истории картвельских языков. Практика текущих исследований дает все новые подтверждения очевидной высокой объяснительной способности теории общекартвельских сонантов и аблаута, выдвинутой более двадцати лет назад Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани [4], а также общей картины развития исторической фонетики картвельских языков, намеченной Г. И. Мачавариани [5].

Своими дальнейшими успехами картвельская этимология обязана также усилиям грузинских лексикологов по дальнейшему накоплению и систематизации словарного материала. В частности, определенную предпосылку развития этимологических разысканий составляют существующие рукописные лексические собрания по бесписьменным картвельским языкам (публикация этих материалов существенно расширила бы возможности соответствующего исследования). Заметным дополнительным стимулом аналогичного рода явился и недавний выход в свет второго издания диалектологического словаря грузинского языка А. А. Глонти [6]. Последний труд представил в обозримой форме

огромное лексическое богатство грузинского языка, остающееся за пределами его литературной нормы. Вместе с тем, систематическая привязка здесь лексем к конкретному областному ареалу позволяет теперь более широко практиковать выявление в западногрузинских диалектах занизмов, ныне уже утраченных в силу каких-то обстоятельств в самой занской ветви картвельских языков.

Все новые примеры красноречиво свидетельствуют о тех резервах адекватной трактовки картвельского лексического материала (в частности, в плане его хронологизации), которые кроются в последовательном проведении принципа историзма в этимологическом исследовании. Так, учитывая реальный культурно-исторический контекст, приходится отказаться от соотнесения с общекартвельским уровнем не только архетипа **katam-* 'курица' (ср. Климов, 195—196). Праформа **k̦rox-* 'кудахтать (о наседке)' в лучшем случае также может соотноситься лишь с грузинско-занским состоянием. По той же причине общекартвельскому **deda-l-* следует приписать только значение 'самка'.

С расширением этимологической практики вскрываются связи лексем, представлявшихся ранее изолированными. Так, вероятно, следует признать зависимость груз.-зан. **γorǯo-* 'бычок (рыба)' от глагольной основы того же хронологического уровня **γreǯ-/γr̥ǯ-* 'скалить, -ся, искажать (лицо)', с которой связывается и груз.-зан. **γr̥ǯ-il-* 'десны'. Если это сопоставление верно, то в обозначении бычка естественно усмотреть модель вокализации именных образований дескриптивной природы, встречающуюся и в некоторых других субстантивах (ср. **k̦oγo-* 'комар', **k̦ibo-* 'рак', **č̦e(n)č̦qo-* 'болото' и т. п.). Констатация такой модели согласуется с мнением о нехарактерности вокализма *o* для «исходного» картвельского материала. С другой стороны, груз.-зан. **sr̥s(w)-il-* 'прыщ, нарыв', вероятно, зависит от глагольной основы **sres-/sr̥s-* 'натирать, гладить'.

В дополнение к ранее выявленным лексическим параллелизмам грузинско-занского (или даже общекартвельского) уровня с индоевропейским в настоящее время можно назвать еще несколько не менее интересных совпадений. Так, груз.-зан. **wer*$ʒ_1$*-* 'баран, самец' (Климов, 84) сопоставимо с и.-е. **u̯ers-* 'самец', груз.-зан. **tel-* 'поросенок' (Климов, 91) — с и.-е. **tHel-* (> *tāl*) 'поросль', груз.-зан. **kursl̥-* 'пятка' (Климов, 200) — с и.-е. **k̂ur-s-* (Pokorny I, 624). В нижеследующем словарном списке подобные параллелизмы отражены в статьях **dola-* 'безрогий', **usx*(о)- 'бык (жертвенный)', **polo-* 'копыто (крупное)', а также, возможно, **qoqo-* 'теленок'. В этих примерах, которые естественно рассматривать в качестве составных элементов культурного словаря, бросается в глаза высокий удельный вес нехарактерного для исконно картвельского корнеслова вокализма *o*. В то же время вместо ранее реконструировавшегося автором общекартвельского **mtwe(l)-* 'пыль' (Климов, 138) ввиду некоторых фонетических и семантических трудностей его выведения следует предпочесть кон-

статацию грузинского и занского заимствования *mṭwer-*, по-видимому, восходящего к и.-е. **tu̯er-* 'завихрение, пыль' (Pokorny I, 1100).

Приводимый ниже список словарных статей содержит материал двоякого характера. В большинстве случаев здесь предлагаются новые сопоставления (их некоторая часть уже давно нашла свое отражение в специальной литературе, однако по тем или иным соображениям не принималась автором ранее). Вместе с тем, несколько статей представляют собой переформулировку соответствующих статей этимологического словаря картвельских языков, необходимость переработки которых назрела в свете вновь выявленных фактических данных (новая редакция статей, предполагающая к настоящему времени лишь мелкие изменения текста, была признана здесь нерациональной). Этот список не отражает, однако, всей совокупности новых лексических сближений, встречающихся в литературе, и учитывает лишь те из них, которые представляются автору наиболее удовлетворительно обоснованными.

* * *

*bard- 'заросли кустарника': груз. bard- 'заросли кустарника'; мегр. burd-.

По-видимому, грузинско-занское достояние. Слово засвидетельствовано и памятниками среднегрузинской эпохи. Отношение вокализма мегр. и груз. форм закономерно (в соседстве с лабиальным согласным нередко ожидавшееся *o* > *u*). Грузинский композит *bardi-burdi* основан на характерной для редупликации основ перегласовке *a* ~ *u*. Сближение лексемы с арм. *barṭi* 'тополь' (ср. Ачарян, I, 430) очень проблематично.

*ba(r)ǯ- 'палка (раздвоенная)': груз. barǯ- 'палка (раздвоенная)'; мегр. bo(r)ǯg-.

Соотносится с грузинско-занским состоянием. Лексема известна и из древнегрузинских памятников[7]. Обе сопоставленные формы встречаются ныне лишь в грузинском при характерной ареальной дистрибуции — *borǯg-* тяготеет к западногрузинской языковой области, соприкасающейся с занским ареалом. По своему звукотипу — это очевидный занизм (таковым является также западногрузинское *barǯg-* 'столб, кол'). Несомненна связь слова с общекартвельской глагольной основой **beǯ-/bǯ-* опираться (ср. Климов, 57). Она указывает также на древность варианта последней с *r*, отложившегося в груз. *brǯ-en-/brǯ-in-* 'опираться'.

*br̥çaml̥- 'гранат (мелкий), павой': груз. brçaml- 'гранат (мелкий), павой'; мегр. [burçumel-]; лаз. purçumol-.

Грузинско-занское достояние. Слово зафиксировано и в древнегрузинском, где иногда обозначало и 'шип' [8]. В грузинском встречается и в значении культурного граната. Историческое мегрельское продолжение слова усматривается ныне лишь в западногру-

зинских диалектных формах [9]. В лаз. форме налицо оглушение анлаутного согласного.

*gr-ex- 'скручивать, вить': груз. grex-/grix- 'скручивать, вить'; мегр. ġirox-.

Грузинско-занская глагольная основа. Документирована со своими производными и в древнегрузинском [10]. В мегрельском известна и в виде ḳirox- (масдар — *giroxua*, *ḳiroxua*). Является, вероятно, образованием от простой основы **gor-/gr̥-* 'катить, -ся' (ср. Климов, 64) посредством груз.-зан. суф. **-ex*.

*dgw(l)ep-/dgw(l)ip- 'хлебать, чавкать': груз. dgvlep-/dgvlip- хлебать, чавкать; мегр. dgvap-.

Восходит к грузинско-занскому хронологическому уровню. Ощутима звукоподражательная природа основы. Определенными отношениями звукописи связана с **tkwlep-/tkwlip-* (см. ниже). Сопоставление принадлежит Фенриху [11].

*dola- 'безрогий': груз. dola- 'безрогий'; мегр. dulu-, ṭulu-.

Восходит к грузинско-занской эпохе. Фонетическое соотношение обоих продолжений архетипа закономерно. Для перехода *o*, ожидавшегося в исходе мегрельской лексемы атрибутивного употребления, в *u* ср. мегр. *γalu-* 'овраг, балка' при груз. *γelo-*. В лазском слово, вероятно, утрачено. Картвельский материал, по-видимому, зависит от диалектного и.-е. **dola-* 'безрогий'.

*zwer-/zw̥r- 'собирать (о неодуш. объектах)': груз. zver- 'собирать (о подати)'; мегр. zir-, zər-; 'собирать, накапливать'; сван. zwer-, zwr- 'собирать'.

Общекартвельская глагольная основа. Прослеживается в древнегрузинском по производному *me-zuer-e* 'мытарь' и *zuer-* 'подать'. Сван. масдары *li-zwer*, *li-zwr-i* отражают полную и нулевую ступени огласовки (и соотносятся преимущественно с неодушевленными объектами). Мегр. *zir-*, *zər-* продолжает нулевой вокализм основы.

*zop̣- 'говорить': груз. zop̣- 'хвастаться, врать'; лаз. zop̣- 'говорить'.

По-видимому, грузинско-занское достояние. В грузинском основа засвидетельствована только письменными памятниками XI—XII вв. Ср. масдар *mozop̣va-* и именное производное *mzop̣av-* 'хвастун, обманщик'. Сопоставление предложено Сарджвеладзе [12].

*$z_1$ar-/z_1r̥- 'беспокоить': груз. [zr-] 'беспокоить'; сван. žar/-zr- 'беспокоить, надоедать'.

Реконструируется для общекартвельского хронологического уровня. В грузинском прослеживается лишь в связанном состоянии: ср. груз. *zr-un-va* 'беспокоиться, заботиться', известное с дальнейшей совокупностью значений и из древнегрузинского. Сван-

ское продолжение основы обнаруживает аблаутное чередование: ср. масдар *li-žar*, *li-žr-en-i*. Материал отождествлен Мачавариани.

*z_1ez_1- 'колотить, лупить': груз. zez- 'колотить, лупить'; мегр. žaž- 'колотить, мять'.

Соотносится с грузинско-занской эпохой. В лазском основа не прослеживается. Соотношение фонетического облика продолжений закономерно. Сопоставление принадлежит Кипшидзе [13].

*tm̥- 'терпеть, испытывать нужду': груз. tm- 'терпеть, выдерживать'; сван. təm- 'нуждаться'.

Вероятно, общекартвельская глагольная основа. Хорошо документирована и в древнегрузинских памятниках (масдары *tmena-* и *tmoba-*) [14]. В сванском основа также выступает как в простом виде, так и с распространителем *-in*: ср. *təmi* 'нужда', *li-təm-in-e* 'нуждаться'. Сопоставление материала и его анализ дан Сарджвеладзе [15].

*toq- 'мотыга': груз. tox- 'мотыга'; мегр. tox-; лаз. tox-.

Может восходить к грузинско-занскому состоянию (такая приуроченность несколько проблематична). В форме *toq-* слово известно и из древнегрузинского, где имелось и производное *toqna-* 'мотыжить' [16]. Это один из важнейших терминов земледелия, по-видимому, отражающий культурную лексему, восходящую к наследию древних языков Передней Азии (ср. также армянское *toxr*, *torx* 'мотыга').

*tk(w)lep- 'есть (грубо), жрать': груз. tk(v)lep- 'чавкать, хлебать'; мегр. rtkap- 'жрать'.

Грузинско-занская глагольная основа. Фонетический облик ее продолжений закономерен (обычна, в частности, и метатеза сонорного элемента в мегрельском). В лазском основа, по-видимому, не прослеживается. Груз. и мегр. материал идентифицирован еще Кипшидзе [17]. Фенрих сравнивает груз. форму с параллельным мегр. *tkvap-* [18].

*ḳwed-/ḳwd- 'убывать, лишаться': груз. ḳved-/ḳvd- 'умирать'; сван. ḳwed-, ḳwäd- 'убывать, лишаться'.

По-видимому, реконструируется для общекартвельского хронологического уровня. Основа хорошо засвидетельствована и в древнегрузинском (масдар — *ḳudoma*). Семантика грузинской формы должна быть вторичной, развившейся на базе метафорического употребления основы. Сопоставление независимо друг от друга приводится Фенрихом [19] и Гигинейшвили. Попытку выведения груз. основы из архетипа **ḳula-ed-* (ср. изредка встречающийся в древнегрузинском масдар *moḳula-* при корне *ḳal-/ḳl̥-* 'убивать' и аффикса пассива *-ed*) трудно принять ввиду несвойственности грузинскому языку подобных отмасдарных образований.

*ḳumin- 'стонать (тихо)': груз. ḳmin- 'стонать (тихо), ворчать'; мегр. ḳumin-.

Проблематичное грузинско-занское сопоставление. В древнегрузинском основа фиксируется в форме *ḳumin-* (масдар — *aγḳuminva-*). В новогрузинском известна параллельная разновидность *gmin-*. Не исключено, что в мегрельском это грузинизм (в лазском основа не прослеживается). Материал сопоставлен Фенрихом [20].

*ḳrčxa- 'ветвь, рогулина': груз. (пшав.) ḳirčxa- 'рогулина'; мегр. ǯγa-; сван. (лашх.) arčxal- 'ветвь, ветви (в совокупности).

Общекартвельская лексема. В грузинских диалектах налицо и варианты *rčxa-*, *grǯγa-* и *ǯγa-* (последняя форма — литературная). Для части грузинских и мегрельской форм можно реконструировать промежуточное **grǯγa-* 'рогулина'. Сван. эквивалент, где конечное *-(a)l* — исторический аффикс диминутива, закономерно отвечает грузинскому (ср. также в.-бал. *aršxal-*). Слово может иметь звукосимволический характер.

*lal- 'выгонять, угонять (о скоте)': груз. lal- 'выгонять, угонять'; мегр. lol-.

Грузинско-занская глагольная основа. Фонетическое соответствие выдержано закономерно (в лазском основа, по-видимому, отсутствует). Сопоставление принадлежит Фенриху.

*mz$_1$ore- 'солнечная (сторона)': груз. (диал.) mžore- 'солнечная (сторона)': лаз. (m)žora-, bžora- 'солнце'.

Реконструируется для грузинско-занского состояния. Лексема произведена от **mz$_1$e-* 'солнце'. Имелась она и в древнегрузинском, о чем, в частности, свидетельствует и глосса mzuare- в толковом словаре С. Орбелиани [21]. В современном грузинском она представлена в горских диалектах, ср. мтиул. и мохев. *mzore-*, тиан. *mzvare-* (ср. также топоним *Zvare-* в долине Риона). Фонетическое соотношение груз. и занск. продолжений закономерно. Соответствие в вокализме исхода лексемы указывает на ее первоначальную атрибутивную семантику.

*m-ç$_1$ar-e 'горький': груз. mçare- 'горький'; мегр. [çura-].

По-видимому, грузинско-занский адъектив. В этой же форме представлен и в древнегрузинском. В мегрельском прослеживается в составе композита *ḳolo-çura* 'горькая тыква' (звукосоответствия закономерны). Лексема должна содержать исторический циркумфикс m- — -*e*. Материал идентифицирован Картозиа. Ср. Гигинейшвили [22].

*na-ṭex- 'ломанный': груз. naṭex- 'обломок'; мегр. noṭex-; лаз. noṭex-.

Грузинско-занская лексема. Является причастием прошедшего времени с префиксом *na- от глагольной основы *ṭex- 'ломать' (ср. Климов, 145 и 180). Засвидетельствована и в древнегрузинском. Во втором слоге занской формы под умлаутирующим воздействием форманта номинатива вместо ожидаемого *a* имеем *e*. Сопоставление принадлежит Мачавариани.

*na-c̣$_1$qwed- 'обрывок, кусок': груз. nac̣qveṭ- 'кусок, обрывок'; мегр. noč̣qved-.

Грузинско-занское достояние. Формально является причастием прошедшего времени, производным от глагольной основы *c̣$_1$qwed-/ c̣$_1$qwd- 'рвать, -ся'. Груз. и мегр. формы закономерно отвечают друг другу фонетически. Вокализм последней *e* обязан действию фактора умлаута (ср. обычные случаи сохранения исходного комплекса *we* в занском). Соположение принадлежит Гамкрелидзе и Мачавариани[23].

*na-qšir- 'уголь': груз. naxšir-, našxir- 'уголь'; мегр. nošker-, noškver-; лаз. noške(r)-.

Грузинско-занская изолекса. Вариантами *naqšir-* и *naqšir-* слово представлено и в древнегрузинском. Ср. также хевс. *naqšir-*. Лексема производит впечатление исторического причастия с префиксом *na-* от самостоятельно не употребляющейся ныне глагольной основы. Нередко предполагаемая ее связь со сван. *šix-* 'уголь' проблематична. Груз. и мегр. материал увязан Топуриа[24].

*p̣enṭ-/p̣n̥ṭ- 'трепать (шерсть)': груз. p̣enṭ- 'трепать (шерсть, лен, хлопок)'; мегр. p̣inṭ-; сван. p̣ēnṭ-.

Общекартвельская глагольная основа. Отражает типичный уклад скотоводческого хозяйства. Груз. масдар — *p̣enṭ-va*. В мегрельском имеется также производное *p̣inṭ-*, *p̣inṭia* 'кусок материи, тряпка' (аналогичное первой форме сван. *p̣inṭi* 'кусок материи' — очевидный занизм).

*p̣er- 'пена': груз. p̣er- 'пена (в пасти животного)'; мегр. p̣anǯ- 'отрава, яд'; лаз. [p̣aǯ-] 'пена'; сван. p̣ēr-.

Отражает общекартвельское состояние. Лексема хорошо известна и в древнегрузинском, где имела параллельные варианты *p̣ero-* и *p̣erul-* и располагала также более общей семантикой — 'пена'[25]. Обе занские формы закономерно отражают архетип. Малоупотребительное мегрельское соответствие обнаруживает сдвиг значения, встречаясь в формуле порицания *p̣anǯi skan p̣is!* 'отраву — в твой рот!'. Лазский эквивалент слова сохраняется в композитах *zoγa-p̣aǯ-* 'пемза', букв. 'морская пена', и *kva-p̣aǯ-* (букв. 'камень + пена'). Связь груз. и сван. материала была замечена еще Джанашвили[26].

*perṭq-/pr̥ṭq- 'колотить, выколачивать': груз. berṭq- 'колотить, выколачивать'; мегр. parṭq-, barṭq-.

Грузинско-занская глагольная основа. Ее продолжение зафиксировано и в древнегрузинском: ср. масдар *ganberṭqa-*[27]. От нее зависит груз. именное производное *barṭq-* 'птенец'. В занском ареале прослеживается как по производному прилагательному *pr̥ṭq-el-* 'плоский' (см. ниже), так и по мегр. *la-parṭq-ia* 'плоский', отражающему полную ступень аблаута корня. Основа связана регулярными отношениями звукописи с общекартвельским **pertx-/pr̥tx-* 'трепетать' (ср. Климов, 190).

*pr̥ṭq-el 'плоский': груз. brṭqel-, prṭqel- 'плоский'; мегр. birṭqa- 'плоский (и округлый)'.

Грузинско-занская атрибутивная лексема. В грузинском она представлена и диалектными формами *pṭqel-*, *ṭqrpel-*. Является производной от глагольной основы **perṭq-/pr̥ṭq-* 'колотить, выколачивать'. Для выделения суффиксального элемента ср. **gr̥ʒ-el-* 'длинный, высокий', **wr̥c₁-el-* 'широкий', **c̣₁it-el-* 'красный', **qm-el-* 'сухой' и др.

*rabo- 'ров, канава': груз. rabo- 'ров, канава'; мегр. robu- 'ров, овраг'; лаз. ruba-, oruba-.

Реконструируется для грузинско-занского уровня. В грузинском слово ныне диалектное (имер., окриб.). Если мегр. форма фонетически закономерно отвечает грузинской, то лазская, по-видимому, испытала контаминацию с какой-то иной основой. Ср. также отклонение здесь семантики лексемы (дополнительно — 'речка') в атин. диалекте. В мегрельском налицо производное *gi-norobu* 'дно оврага'. Занский материал отождествлен Кипшидзе[28].

**reṭ(u)-* 'дурной, глупец': груз. reṭ- 'дурной, глупец'; мегр. rinṭu-.

По-видимому, грузинско-занское достояние. Слово засвидетельствовано еще в Висрамиани. Принадлежит к группе лексем, утративших в грузинском конечный гласный основы (ср. также **neḳ(u)-* 'мизинец' и **γom(u)-* 'вид проса'). Вставка в мегр. форме *n* вызывает передвижение *e* > *i*. Для мегр. лексемы засвидетельствовано и вторичное значение 'коза'.

*sir- 'птица': груз. sir- 'птица (преимущественно небольшая)'; мегр. sind- 'утка'; сван. mə-sir- 'тетерев'.

По-видимому, общекартвельское наследие. Груз. слово известно и из древних памятников. Современная занская форма восходит к закономерно ожидаемому *siǯ-*: ср. сванский занизм *c̣qäsinǯ-* 'утка' < занск. *c̣qar-sinǯ-* 'водная птица'. В мегр. композите *c̣qar-šind-* — перестановка шипящего признака. Сван. эквивалент прослеживается по производному *mə-sir-* 'тетерев' (для префикса ср. *mi-lc* 'утка' при *lic-* 'вода'). Мнение о греческом происхождении слова основано на недоразумении (греческие заимствования

не обнаруживают в картвельских языках фонетических корреспонденций).

*sxerp̣-/sxirp̣- 'натягивать, вытягивать': груз. sxerp̣-/sxirp̣- 'натягивать, растягивать'; мегр. (r)sxip̣- 'растягивать'; сван. cxep̣-/cxip̣- 'обтягивать, обвязывать'.

Пракартвельская глагольная основа. Хорошо документирована и в древнегрузинском (ср. масдар *dasxerpa-*). Мегр. продолжение основы обнаруживает характерную перестановку сонорного: масдар — *go(r)sxipua-* (ср. *mosxipil-* 'стройный'). Сван. форма несет следы фонетических преобразований: начальный консонантный комплекс, как и в других подобных случаях, результирует в последовательности *cx*, а сонорный элемент утрачен. Основа включается в совокупность картвельского корнеслова, характеризующегося экспрессивным *p̣*. Идентификация и анализ груз. и сван. форм предложены Гигинейшвили[29].

*$s_1$wlep̣-/$s_1$wlip̣- 'есть чавкая, хлебать': груз. svlep̣-/svlip̣- 'есть чавкая, хлебать'; мегр. šlip̣-; лаз. šlip̣-.

Грузинско-занская глагольная основа. Ее занские продолжения характеризуются упрощением консонантного комплекса. Ср. масдары — мегр. *šlipua-*, лаз. *o-šlip-u*. Принадлежит к числу дескриптивных основ (ср. груз. параллельное *švlep-*), имеющих в исходе экспрессивное *p̣*. Звукосимволические основы сходного облика встречаются в индоевропейских языках (ср. англ. *to slip*).

*ṭḳw(l)ep̣-/ṭḳw(l)ip̣- 'есть (чавкая)': груз. ṭḳvlep̣-/ṭḳvlip̣- 'есть (чавкая)'; мегр. ṭḳvap̣-.

Грузинско-занская глагольная основа. Регулярными отношениями звукописи связана с **tk(w)lep-/tk(w)lip-* сходной семантики (см. выше). Занская форма упрощена. Материал отождествлен Фенрихом[30].

*ṭqar-/ṭqr̥- 'греметь, трещать': груз. ṭqar-/ṭqr- 'греметь, трещать'; мегр. ṭqor-in- 'pedere'; лаз. ṭ(ḳ)or-in-; сван. ṭqr-ən-.

Реконструируется, по-видимому, для общекартвельского состояния. Груз. соответствие представлено в пшавском диалекте (масдар — *ṭqroma-*). Если занские формы отражают только полную ступень огласовки корня, то сванская — нулевую. В обоих последних случаях налицо суффиксальный элемент. Грузинское продолжение основы выявлено Фенрихом[31].

*usxo- 'бык (жертвенный)': груз. usx- 'бык (на убой)'; сван. usxwa-, usxw- 'бык (жертвенный)'.

Несколько проблематическое общекартвельское сопоставление. Лексема хорошо отражена в древнегрузинских памятниках[32]. Ныне сохраняется лишь в отдельных горских диалектах. Более архаична семантика сванского соответствия. Для утраты древнего ауслаутного *o* в грузинском ср. **otxo-* 'четыре', **polo-* 'копыто

(крупное)'. Соблазнительно усмотреть зависимость слова от и.-е. *$uk^u_\varepsilon so$ 'бык (жертвенный)' (Pokorny I, 1118).

*parpaṭ- 'встрепенуться': груз. parpaṭ- 'встрепенуться'; мегр. porpoṭ-.

Грузинско-занская глагольная основа. Несмотря на закономерное соотношение вокализма по языкам, близость ее структуры к редуплицированной форме позволяет видеть ее звукоподражательное начало. Ср. также компонент *pr* в основе глагола **pren-/prin-* 'летать'. Груз. и мегр. материал идентифицирован Фенрихом [33].

*piṭ-/pṭ- 'продырявливать': груз. piṭ- 'продырявливать'; сван. piṭ-/pṭ-.

Восходит к общекартвельскому состоянию. В языках занской ветви основа, по-видимому, утрачена. Сванские формы отражают две ступени огласовки (ср. масдар *li-pṭ-e*, *piṭ-e* 'дырявит'). Сопоставление принадлежит Мачавариани [34].

*p(l)et-/p(l)t- 'трепать, -ся': груз. plet-/plit- 'трепаться'; сван. pet-/pt- 'трепать (шерсть)'.

Общекартвельская глагольная основа. Неясен статус в ней сонорного элемента. Ср. в этой связи груз. (хевсур.) форму аориста *da-pit-a*. Материал отождествлен Мачавариани [35].

*polo- 'копыто (крупное)': груз. polo-, pol- 'копыто (крупное)'; мегр. polo- 'копыто, стопа'; лаз. polo- 'нижняя часть ноги'.

Соотносится с грузинско-занским хронологическим уровнем. Необычный для исконной лексики вокализм слова и его семантика, отражающая специфику ряда домашних животных, указывает на его заимствованный характер. Груз. (гурийск.) *polo-* 'большая некрасивая нога', вероятно, занизм. Сван. *pol-* ввиду конечного *l* не может быть древним и восходит уже к грузинскому источнику. Слово зависимо от и.-е. **pō'o-* 'большой палец (ноги, руки)' (Pokorny I, 840—841). Картвельский материал сопоставлен Фенрихом [36].

*prc₁-ẉn- 'очищать от шелухи, лущить': груз. prckwn- 'очищать от шелухи'; мегр. purčon-.

Реконструируется для грузинско-занского состояния. Основа связана с субстантивом **purc₁-el-* 'шелуха, листва' (см. ниже). В грузинском продолжении развито вторичное *k*. Мегр. масдар — *purčonua*. В основе выделим словообразовательный суффикс *-ẉn*. В лазском основа, по-видимому, утрачена. Параллельное мегр. *purckonua* той же семантики может указывать на древность варианта с *k*. Соположение основ выдвинуто Гудава [37].

*purc₁-el- 'шелуха, листва': груз. purcel- 'лист'; мегр. *purča-* 'солома, мякина'.

Грузинско-занское достояние. Слово хорошо известно и из древнегрузинского[38]. В современном грузинском оно обозначает лист (бумаги) или (в диалектах) — тутовое дерево. Для аналогичного фонетического соотношения исхода лексемы ср. *wr̥c$_1$-el- 'широкий', *c$_1$it-el- 'красный' и др. Неясно отношение сюда лаз. *purk-*, *purḳ-* 'лист'. Материал идентифицирован Ломтатидзе[39].

*puṭ- 'полость трухлявого дерева, трубка': груз. puṭ- 'жолоб из древесной коры, трухлявое дерево'; мегр. puṭ- 'трухлявая, червивая часть дерева, растения'; лаз. puṭ- 'трухлявое дерево (о мандарине)'.

Реконструируется для грузинско-занской эпохи. Груз. (гурийск.) *puṭ-* 'густой дым' характеризуется сдвигом семантики (ср. также месх., джавах. *puṭ-* 'древесная труха'). Слово, по-видимому, имеет звукосимволическую природу. Ср. лакск. *puṭi*, финск. *putki* 'трубочка'.

*kwec-/kwc- 'срезать, отрезать': груз. kuc-n- 'косить, снимать урожай злаковых'; сван. kwc-/kwic- 'срезать'.

Общекартвельская глагольная основа. Грузинское ее продолжение характеризуется суффиксальным элементом. В занском ареале, по-видимому, не прослеживается. Сван. масдар — *li-kwc-e*. Сопоставление принадлежит Фенриху[40].

*kinkl̥- 'мошка': груз. kinkla- 'мошка'; мегр. kinkil- 'мошка (куриная)'.

Вероятно, восходит к грузинско-занскому состоянию. Груз. форма характеризуется суффиксальным элементом диминутивного оттенка. В мегрельском слово имеет дополнительное значение 'пушок (на лице у подростков)'.

*γwer-/γw̥r- 'сгибать, -ся': груз. γver- 'сгибать, -ся'; мегр. γur- 'умирать'; лаз. γur-.

По-видимому, грузинско-занская глагольная основа. В грузинском представлена в имер. диалекте. Занское соответствие продолжает форму основы с нулевой огласовкой. Семантический сдвиг, усматриваемый в занском, основан на метафорическом переносе значения. От основы образованы грузинско-занские *γ(w)r-eḳ-/γ(w)r̥-ḳ- 'изгибаться', *γ(w)r-eǯ-/γ(w)r̥-ǯ- 'кривиться' и некоторые другие производные. Сарджвеладзе сопоставляет занскую форму с иным грузинским материалом[41].

*γwec̣$_1$-/γw̥c̣$_1$- 'спешить, гнаться': груз. γvac̣- 'стремиться, стараться'; сван. γweč̣-/γwč̣- 'гнаться'.

Общекартвельская глагольная основа. Широко засвидетельствована в древнегрузинском, где имела большее семантическое варьирование (масдар — *γuc̣a-*), а также несколько производных. К числу последних восходит к груз. *γvac̣l-* 'деяние, заслуга'. Сван. масдар — *li-γweč̣*. В занском ареале основы не видно.

*γ(w)r-eḳ-il- 'скрученный, согнутый': груз. γreḳil- 'кривой, искривленный'; мегр. γiraḳil- 'скрюченный'.

Грузинско-занское причастие с формативом *-il*. Хорошо документировано древнегрузинскими письменными памятниками. Является производным от глагольной основы **γ(w)r-eḳ-/γ(w)r̥-ḳ-* 'сгибаться'.

*q̇oq̇o- 'теленок': груз. q̇oq̇o- 'буйволенок'; мегр. γoγo-.

Грузинско-занское достояние. Грузинская форма отмечена в картлийском и гурийском диалектах. К фонетическому соотношению груз. *q̇* ~ занск. *γ* ср. **daq̇w-* 'локоть', **noq̇a-* 'земля', **q̇wiʒ$_1$l̥-* 'печень'. Вследствие необычного для картвельских основ ее вокализма можно допустить символический характер лексемы. Однако не менее вероятна ее зависимость от и.-е. **ghāgʰh-* 'детеныш животного' (Pokorny I, 409).

*q̇urs- 'неметь, умолкать': груз. q̇urs- 'неметь'; мегр. ʼurs- 'неметь, слабеть'.

По-видимому, грузинско-занское достояние. В мегрельском основу нельзя считать грузинизмом, поскольку в грузинском она отмечена в восточных диалектах. Материал сопоставлен Фенрихом[42].

*čxartw- 'сорока': груз. čxartv- 'род сороки'; сван. čxirwišṭ-, čxurušṭ-, čxərišṭ-.

Реконструируется для общекартвельского хронологического уровня. Закономерность фонетического соотношения форм подтверждается соответствием груз. *t* ~ сван. *št*. Груз. (> мегр.) *ḳač̣-ḳač̣-* 'сорока' — инновация яркого звукоподражательного происхождения. Впрочем, и в этой лексеме нетрудно усмотреть дескриптивный комплекс *čxa-* (ср. груз.-занск. **čxi-* 'кричать (пронзительно)' и **čxiḳw-* 'сойка').

*ʒeʒg- 'давить, мять': груз. ʒeʒg- 'давить, мять'; мегр. ʒgaʒg- 'жевать'.

Грузинско-занская глагольная основа. Закономерные звукосоответствия выдержаны. Ее продолжения входят в единый структурный ряд с **čečk-*, **č̣eč̣q-*, также передающими понятие 'мять' (ср. Климов, 219, 255). Материал сопоставлен Фенрихом[43].

*c̣wl-il- 'маленький': груз. c̣wril- 'мелкий'; лаз. c̣ulu- 'маленький'.

Восходит к грузинско-занскому состоянию. В древнегрузинском слове засвидетельствовано в значениях 'мелкий, маленький, узкий'. В занском семантика лексемы отчетливо выступает в обозначении мизинца *c̣ulu ḳiti* 'маленький палец'. Сегмент *-il* (по-видимому, былой морфологический элемент) закономерно отражен в лазском как *u*. Сопоставление предложено Гигинейшвили[44].

*c̣ida- 'грязь (на теле)': груз. c̣ida- 'грязь (на теле)'; мегр. c̣i(n)da-, c̣imda-; сван. c̣id- 'грязь, кал'.

По-видимому, реконструируется для общекартвельского состояния. Лексема хорошо представлена и в древнегрузинских памятниках, где имеет и производные (ср. *c̣idovan-* 'менструирующая', букв. 'грязная')[45]. В лазском слово, вероятно, утрачено. Остаются некоторые сомнения в исконности его в сванском.

*c̣iḳw- 'пачкаться': груз. c̣iḳ(v)- 'пачкаться'; мегр. c̣iḳv-; лаз. c̣iḳv-.

Грузинско-занская основа. Известна в некоторых грузинских диалектах. Мегр. масдар — *c̣iḳua*, *doc̣iḳua* (ср. также причастие *moc̣iḳvil-* 'испачканный'). В лазском основа встречается редко (ср. *komuic̣iḳveen* 'испачкался' [46]).

*c̣ḳwar-/c̣ḳw̥r- 'жмуриться, закрывать глаза': груз. c̣ḳur- 'щуриться, моргать'; мегр. c̣ḳur- 'жмуриться'.

Грузинско-занская глагольная основа. В ее несвязанных продолжениях отражена нулевая ступень огласовки. В мегрельском (масдар — *c̣ḳurua*) посредством каузативной аффиксации образовано производное *c̣ḳur-in-* 'выкалывать, вырывать глаза'. С основой, по-видимому, связано и грузинско-занское именное образование **c̣ḳwar-am-* 'тьма, пучина', отражающее полную ступень ее огласовки.

*č̣q(w)l-ep̣-/č̣q(w)l-ip̣- 'давить': груз. č̣qwlep̣-/č̣qwlip̣- 'давить, мять'; мегр. č̣qip̣- 'набивать (туго)'; лаз. č̣qip̣- 'давить'.

Грузинско-занская глагольная основа. Образована от простой базы **č̣q(l)-* 'давить' посредством присоединения исторического суффикса. В занской форме согласный комплекс упрощен (ср. лаз. масдар — *o-č̣qip̣-u; do-č̣qip̣-u* 'он раздавил'). В суффиксальной части основы представлен экспрессивный консонант *p̣*. Мегрельскую форму характеризует семантический сдвиг. Сван. *li-č̣qp̣-e* 'мять, давить', вероятно, неисконно.

*xar-/xr̥- 'сгибаться, склоняться': груз. xar-/xr- 'сгибаться, склоняться'; мегр. xir-.

Грузинско-занская глагольная основа. В несвязанном состоянии налицо лишь в грузинском (масдар — *daxra*). В занской ветви прослеживается лишь по своим производным, продолжающим груз.-зан. **xr-aḳ-* 'корежиться, обугливаться' и груз.-зан. **xr-eḳ-* то же (см. Климов, 261). В лазском основа ныне как будто утрачена (лаз. *xraḳ-* 'жариться' может быть грузинизмом).

*xarg- 'ограда (деревянная)': груз. xerg- 'ограда (деревянная)' забор'; мегр. xorg-, xurg- 'ограда (деревянная или каменная)'.

Восходит к грузинско-занскому хронологическому уровню. Занское продолжение указывает на исконный вокализм *a*, преобразованный в грузинском (форма налицо, например, в рачинском диа-

лекте) по типу явления умлаута. В мегрельском основа имеет производные (ср. *xorgua* 'сваливать в кучу, нагромождать').

*ǯeǯg- 'мять, ударять мягко': груз. ǯeǯg- 'мять, ударять мягко'; мегр. ǯgaǯg- 'жевать, мять'.

Грузинско-занское достояние. Соответствие основ фонетически выдержано. Архетип связан отношениями звукописи с **čečk-* 'долбить, расщеплять', **č̣eč̣q-* 'мять, давить'. В лазском основа не зафиксирована. Сопоставление принадлежит Фенриху[47].

Примечания

1 Предшествующие статьи этой серии см.: Этимология. 1971. М., 1973; Этимология. 1983. М., 1985.
2 *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz. — Georgica. H. 5. Jena; Tbilissi, 1982.
3 *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz. II. — Georgica. H. 7. Jena; Tbilissi, 1984.
4 *Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. и русск. яз.).
5 *Мачавариани Г. И.* Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
6 *Глонти А. А.* Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
7 *Абуладзе И. В.* Словарь древнегрузинского языка (материалы). Тбилиси, 1973, 29 (на груз. яз.).
8 Там же, 36.
9 *Марр Н. Я.* Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum) 2. — Изв. АН. 1915, 830.
10 *Абуладзе И. В.* Указ. соч., 96.
11 *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz, 34.
12 *Сарджвеладзе З. А.* К этимологии некоторых общекартвельских лексем. — Вестн. АН Груз. ССР (СЛЯ), 1980, 4, 120—121 (на груз. яз.).
13 *Кипшидзе И.* Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. — МЯЯ. VII. СПб., 1914, 300.
14 *Абуладзе И. В.* Указ. соч., 182.
15 *Сарджвеладзе З. А.* Указ. соч., 118.
16 *Абуладзе И. В.* Указ. соч., 182.
17 *Кипшидзе И.* Указ. соч., 307.
18 *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz, 35.
19 Ibid., 36.
20 Ibid., 35—36.
21 *Орбелиани Сулхан-Саба.* Сочинения, т. IV. Тбилиси, 1965, 478 (на груз. яз.).
22 *Гигинейшвили Б. К.* Дополнения в общий лексический фонд картвельских языков. — Труды тбил. гос. ун-та. Т. 245. Языкознание. 8. Тбилиси, 1984, 31—35 (на груз. яз.).
23 *Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках, 162.
24 *Топуриа В. Т.* Заметки по словообразованию в картвельских языках. III. — Труды Тбил. гос. ун-та. Т. XV. Тбилиси, 1940, 49 (на груз. яз.).
25 *Абуладзе И. В.* Указ. соч., 339.
26 *Erckert R.* Die Sprachen des kaukasischen Stammes. I. Wien, 1895, 299.
27 *Абуладзе И. В.* Указ. соч., 51.
28 *Кипшидзе И.* Указ. соч., 308.
29 *Гигинейшвили Б. К.* Указ. соч., 39—40.
30 *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz. II, 36.

[31] Ibid., 43—44.
[32] *Абуладзе И. В.* Указ. соч., 433.
[33] *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz, 36.
[34] *Мачавариани Г. И.* Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965, 15 (на груз. яз.).
[35] *Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И.* Указ. соч., 200.
[36] *Fähnrich H.* Abweichungen von den regelmässigen Phonementsprechungen in den Kartwelsprachen. — Bedi Kartlisa, vol. XXXIII. Paris, 1975, 338.
[37] *Гудава Т. Е.* Лабиальные согласные перед шумными в мегрельском. — Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979, 86 (на груз. яз.).
[38] *Абуладзе И. В.* Указ. соч., 448—449.
[39] *Ломтатидзе К. В.* Билабиальные смычные, восходящие к комплексам в картвельских языках. Тбилиси, 1984, 35 (на груз. яз.).
[40] *Fähnrich H.* Abweichungen. . ., 342.
[41] *Сарджвеладзе З. А.* Указ. соч., 117--118.
[42] *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz. II, 44.
[43] *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz, 37.
[44] *Гигинейшвили Б. К.* Указ. соч., 42.
[45] *Абуладзе И. В.* Указ. соч., 544.
[46] *Асатиани И. Ш.* Чанские (лазские) тексты. Тбилиси, 1974, 65_{14} (на груз. яз.).
[47] *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz, 38.

И. Г. Добродомов

К ЭТИМОЛОГИИ МОРДОВСКОГО НАЗВАНИЯ БЕРЕЗЫ[1]

Мордовское название березы (мокш. *келу*, эрз. *килей*, *киленг*, *килев*, *килий*[2]) не имеет точных финно-угорских параллелей, хотя Б. Коллиндер без особых оговорок поместил его в следующий ряд уральских соответствий, обозначающих березу: фин. *koivu*, саам. *goai'vo*, эрз. *ki-lej*, *kileј́*, мокш. *ke-lu* (ср. *mar̋lu* 'яблоня', *mar̋* 'яблоко'), мар. *kue*, *kugi*, *kogi* (производное слово?), манс. *kaal'*, *haal'*; ненец. *hoo*, в лесном наречии *kojka* (уменьш.), нган. *küa*, *küje*, энец. *kua*, селькуп. *qä*, *qwə*, камас. *kojü*; сюда же он добавляет название бересты: эрз. *kiv-geŕ*, мокш. *kuj-gōr*, *giv-gār* (при *keŕ* 'кора'). В другом месте своего словаря Б. Коллиндер также сопоставил это уральское слово с соответствующими алтайскими названиями: фин. *koivu* || монг. *kusun* || тунг. *kivō*[3].

Не касаясь алтайских форм, Б. А. Серебренников дополнил обоснованно этот ряд также пермским материалом (коми-зыр. *кыдз*, удм. *кызь-пу*, где *пу* 'дерево'), предполагая общепермскую форму **ku-ʒ́i* с суффиксом собирательной множественности и первичным значением 'березняк' (ср. манс. *халяси* 'березняк' с тем же суффиксом)[4]. Раньше включал в данный ряд пермский материал Ф. П. Кеппен[5], который не дал этому специального обоснования: фин. *koivu*, вепс. *koiv*; эст. *köiv*, *kōo* (также *kask*); ливск. *köv*, *küu*; мар. *ku'e*, *kuge* мокш. *kelu*, эрз. *kilei*; удм. *kïs'*, *kïc'* (*кысь*, *кыць*); пермяц. *kïč'* (*кычь*); коми-зыр, *kïdz'* (*кыдзь*).

В этом расширенном ряду уральских названий березы вызывают возражение лишь мордовские названия, которые явно вто-

ричны и фонетически сюда не относятся. Их место должны занять лишь первые части мордовских названий бересты (верхнего слоя березовой коры), анализируя которые (эрз. *гигерь*, *гигирь*, *кивгерь*, *кирьгев*, *кирьгов*, мокш. *гугярь*, *гивгыр*, *куйгыр*, *гуйгыр*), А. И. Попов пришел к выводу, «что разновидности типа *кирьгев* и *кирьгов* получились путем перестановки, а большинство других форм имеет окончание *-герь*, *-гирь* (эрз.), *-гярь*, *-гыр* (мокш.), что значит попросту 'кора', 'лубок': эрз. *керь*, мокш. *кяр*. Совершенно ясно, что первая часть: *ги-*, *кив-*, *гу-*, *гив-*, *куй-*, *гуй-* должна обозначать березу. Между тем мы имеем эрзян. *килей*, мокш. *келу* 'береза'. По-видимому, *гив-*, *кив-* и т. д. соответствует какому-то иному слову, обозначавшему березу в мордовских языках и ныне отдельно неупотребительному. Это слово было сродни фин. *koivu* и другим близким финно-угорским данным. . .» [6] Такое отделение актуальных мордовских названий березы от старых их форм, сохранившихся в составе мордовских названий бересты и гораздо больше подходящих для внутриуральских (и финно-угорских) сопоставлений, имеет важное принципиальное значение для этимологических построений.

С учетом этого древнего мордовского названия березы даны построения В. И. Иллича-Свитыча, который с известной долей сомнения на основе уральских и алтайских данных восстанавливает предполагаемую ностратическую (фактически лишь урало-алтайскую) праформу:

«? *kojw|a|* 'береза': урал. *kojwʌ* 'береза' ~ альт. *kīb(a)* 'береза'.

урал. 'береза' || фин. *koivu* (> саам. Пите *koaivū*) морд. (мокш. Адашево) *kiu̯-gər*, (эрз.) *kiv-ger* 'береста' (сложение с *ker'* 'кора') || мар. (горн) *koɣi*, (вост.) *kue* (производное на *-*k*) || манс. (вост., зап.) *kę̄l'*, (сев.) *xāl'* (производное); обско-угор. > селькуп. (Таз) *koälj-pu*, (Карасина) *kāl-pu* || ненец. *xō*, (лесн.) *kujoku* (производное на *-k-*); эн. (Хантайка) *kūă*; нган. *ku̯a*; селькуп. (Таз) *koä*, (Кеть) *köe*; камас. *kojü*, койб. *kuju*, мотор. *ku*, тайги *kuo* [7].

алт. || тунг.: эвенк. (Урулга [8]) *kīwa* 'береста, береза'; (баргузин.) *kīwō* 'береста', (другие говоры) *kīwā* 'береза'; эвен. (омолон.) *kiwa*, (другие говоры) *kīwā* 'береста' [9]. Исходная форма, вероятно, **kība* с вокализмом заднего ряда. В остальных тунг. слово вытеснено новообразованием **čālba(n)* 'береза, береста' [10], ср. **čal-* 'белый' (удэйск. *čaliki*, эвенк. *čalka* и др.) [11]. К исходному **kīβ-sun* со стяжением, вероятно, восходит и монг. **ku-sun* 'береза' (монг.-письм. *qusun*, халха *xus*, бурят. *xuhaŋ*, калм. *xusm̥*) [12].

В алт. представлена монофтонгизация инлаутного сочетания **oj*. Смежность ареалов распространения слова в урал. и алт. заставляет отнестись к сближению осторожно (возможно древнее заимствование). С другой стороны, следует учесть, что индоевропейское название березы является явным новообразованием **bherH-ĝ-* 'береза' к **bherH-ĝ-* 'блестеть, белый' [13], а в современной области распространения семито-хамитских, картвельских и дравидийских языков береза не встречается» [14].

Это урало-алтайское соответствие было известно авторам «Ос-

нов финно-угорского языкознания» (М., 1974, с. 47 — автор раздела И. Эрдейи) по работе Б. Коллиндера: урал. *kojwε ~ монг. *ku- ~ тунг. *kive, однако в качестве уральского названия березы (Betula) дается совсем другое слово: *ń8rε > или *ń8rkε > ? мар. *нöргö* 'сук, ветвь', удм. *ньöр* 'ветка, прут', коми-зыр. *ньöр* то же, хант. *ńar* 'лиственный лесок', манс. *ńir* 'куст', венг. *nyír* 'береза', ненец. *ńerū* 'ива, Salix' (с. 403 — авторы раздела И. Эрдейи и Я. Гуя). Такая ошибочная реконструкция возникла в силу венгроцентризма последних двух авторов: ведь в приведенном ряду значение 'береза' имеет исключительно венгерское *nyír*. Мар. *нöргö* на самом деле имеет два значения 'хрящ; молодой', но в «Марийско-русском словаре» 1956 г. при этом слове приведена поговорка *нöргö воштыр лывырге* 'молодой побег гибок', на основе которой и была допущена путаница: слову *нöргö* 'молодой' было приписано значение слова *воштыр* 'побег'. Здесь обнаруживается явная зависимость от «Финно-угорского словаря» Б. Коллиндера, а также от «Венгерского историко-этимологического словаря», где русское многозначное слово *побег* было переведено соответственно: англ. *sprout* 'побег, росток', *twig* 'веточка, прутик', *young tree* (*one year old*) или венг. *sarj* 'побег', *hajtás* 'побег' [15]. В результате обратного перевода на русский язык появились загадочные 'сук, ветвь'.

Мордовское же название березы выглядит как явная мордовская инновация, в которой даже нет согласования между звучанием слова на мокшанской и эрзянской почве (мокш. *-е-* при эрз. *-и-*).

Даже если согласиться с делением мордовского наименования березы на две части, принятым у Б. Коллиндера (*ки-лей*, *ки-ленг*; *ке-лу*), то природа конечной части остается не вполне ясной, поскольку мордовский язык не знает подобного суффикса, а первая часть с отсутствием лабиализации гласного или лабиального согласного не очень хорошо вписывается в ряд его предполагаемых финно-угорских соответствий, зато в первой части названия бересты в большинстве случаев присутствует лабиальный согласный или лабиализованный гласный: *кив-*, *ги-*, *гу-*, *куй-*, *гуй-*. Правда, в последних случаях, возможно, имеет место народноэтимологическое сближение (паронимическая аттракция) со словом *куй*, *гуй* 'змея', что уже отмечал А. И. Попов.

Применительно к концу мокшанского *келу* следует отметить, что его сближение с суффиксальным элементом в слове *марьлю* 'яблоня' (при *марь* 'яблоко') у Б. Коллиндера основано на неточной латинской транскрипции, где не передается палатализованность согласного *л'* в *марлю* (*marl'u*) 'яблоня' и веляризованность *л* в слове *келу* (*kełu*) 'береза'.

Мордовское название березы сопоставимо с аналогичным названием в тюркских языках, где оно является общетюркским и представлено в следующих важнейших формах, которые даны лишь выборочно по части представления языков, но не по многообра-

зию форм: якут. *хатынг*, тувинск. *хадынг*, хакас. *хазынг*, казах. *кайынг*, чуваш. *хурăн* (из более старой формы **харынг*) [16]. Сравнение с тюркскими формами хорошо объясняет начальный *к-* и конечный *-нг* мордовского слова (эрз. диал. *киленг* считается архаизмом), но гласные и инлаутный согласный *-л-* (*-л'-*) невозможно объяснить без выбора исходной формы и построения ее эволюции, которая, скорее всего, связана с влиянием какого-то языка-посредника.

В качестве исходной можно принять древнюю чувашско-булгарскую форму типа **харынг* (или **ķарынг* с начальным велярным смычным *ķ-*, поскольку глухой заднеязычный на мордовской почве один *к*); конечный заднеязычный носовой согласный *-нг* хорошо объясняет древнейшую мордовскую форму на ауслаутный согласный *-нг*.

Что касается инлаута (вокализма и срединного согласного), то он преобразовался в условиях передаточной среды, которая знала в первом слоге опереднение краткого гласного *а* > *ä*, во втором слоге неразличение гласных *и* и *ы* и совпадение их в едином гласном *и*, перед которым согласный *-р-* изменялся в *-л-*. Такими звуковыми характеристиками обладала аланская ветвь иранских языков, как это мы видим на осетинской почве, где иранский старый краткий гласный *а* приобрел передний оттенок *ä*, где в дигорском (более архаичном) наречии до сих пор нет гласного *ы* (такой гласный имеется в более инновационном иронском наречии, соответствуя дигорским гласным *и* и *у*), где в положении перед *и* древний иранский вибрант *р* переходил в латеральный согласный *л* [17].

На территории Среднего Поволжья когда-то был распространен аланский язык буртасов, которые были хорошо описаны арабскими и персидскими авторами IX—X вв., но к концу XVII в. перестали существовать как особый этнос, ассимилировавшись разными народами Поволжья и вызвав длительные споры среди ученых, которые отождествляли буртасов почти со всеми народами Среднего Поволжья и оспаривали эти отожествления. Недавно сразу несколькими учеными на основании этимологических соображений об этнониме *буртас* была высказана гипотеза об аланско-иранской природе этого народа, позволившая объяснить целый ряд любопытных изоглосс в языках этого региона [18].

Предложенная здесь тюркско-аланская этимология для мордовских названий березы требует выяснить причину, почему на мордовской почве старое ураль(о-алтай)ское название березы было заменено заимствованным словом. Одной из таких причин могло быть табу в условиях культа деревьев [19]. Именно в силу табуирования названия березы у мордвы мы имеем также сближение начальной части у некоторых мордовских названий бересты, восходящей к старому наименованию березы, с названием змеи *куй*, *гуй*, что отмечал А. И. Попов, не связывая, впрочем, это явление с табу.

В предложенной здесь булгарско-аланской версии этимоло-

гии мордовского наименования березы весьма сложной является проблема хронологии фонетических процессов на тюркско-булгарской и на иранско-аланской почвах и хронология заимствования, что осложняется не только отсутствием памятников относящихся сюда языков, но и участием в этих процессах уже исчезнувших диалектов и языков, о которых мы можем судить лишь на основе сохранившихся родственных им диалектов — чувашского для булгарско-тюркского источника и осетинского для аланско-иранского посредника.

Для анлаута хронология звуковых изменений на тюркской почве несущественна, поскольку на мордовской почве как глубоко-заднеязычный глухой смычный *къ*, так и менее глубокий фрикативный *х* должны были отразиться одинаково как заднеязычный смычный глухой *к*.

Ауслаутный заднеязычный *нг*, отсутствующий сейчас в чувашском языке, тоже не вызывает затруднений, поскольку он сохранялся в булгарском языке довольно долго, как об этом свидетельствуют старые булгарско-чувашские заимствования марийского языка, в которых чувашскому новому *н* соответствует старое *нг* [20].

В случае с исчезновением заднеязычного *нг* на булгарско-чувашской почве и переходом этого звука в переднеязычное *н* мы даже имеем возможность вести речь не только об относительной хронологии данного явления, но и об абсолютной датировке с точностью до полустолетия.

Это можно сделать путем анализа отражения названия города *Казань* в разных языках народов Поволжья: чуваш. *Хусан*, татар. *Казан*, рус. *Казань*, удм. *Кузон*, мар.: горн. *Хазан*, *Азан*, *Озан*, луг. *Озан*, вост. *Озанг*, *Ожанг*. Как показал еще Х. Паасонен, все эти названия в конечном итоге являются отражением старинной чувашской (булгарской) формы **Хазанг*, причем большинство языков получило ее уже в несколько преобразованном виде — с переходом конечного *-нг* в *-н*, отраженном в современном чувашском языке (*Хусан* — фонетически *ХуЗан* с полузвонким согласным *З*, в диалектах *ХоЗан*). Но особый интерес представляют восточномарийские формы *Озанг*, *Ожанг* с опущением отсутствующего в этом языке начального фрикативного согласного *Х-* и сохранением конечного заднеязычного носового *-нг*, который на чувашской почве изменился уже в *-н*. *Казань* была основана во второй половине XIV в.[21], и ее название распространилось после возникновения города, когда в булгарско-чувашском языке уже проходил процесс перехода *нг* в *н*, причем, вероятно, дольше всего *нг* сохранялось на востоке булгарской области, где булгарско-чувашский язык в это же время вытеснялся кыпчакско-татарским, первый датированный эпиграфический памятник которого появился в 1310/1311 г. и полное господство надписей на котором получает с 1357 г.[22] Вероятно, в устном употреблении булгарско-чувашский язык сохранялся дольше, именно из него и распространилось название города *Казань* в языках Поволжья.

Гораздо сложнее обстоит дело со временем появления вибранта *р* на булгарской почве в системе внутритюркских соответствий *т—д—з—й—р*. Появление дрожащего *р* в этом ряду на чувашско-булгарской почве обычно относят к XIII или даже к XIV в., но есть основания датировать это явление уже IX в.[23] Последнее обстоятельство подходит для объяснения мордовского названия березы как тюркско-аланского проникновения во время существования буртасов в Поволжье.

В связи с этим следует рассматривать и вопрос о названиях наиболее распространенного в стране буртасов дерева خلنج *ХаЛаНДЖ*, а также дерева خدنگ *ХаДаНГ* — в стране (волжских) булгар, которые хорошо возводятся к тому же тюркскому источнику — тюркско-булгарскому названию березы, особенно если учесть условность принятых огласовок, для арабской и персидской передач этого слова. Впрочем, вопрос, уже породивший некоторую литературу [24] у востоковедов, заслуживает дополнительного изучения, причем отмечаемое иногда венгерское название березы *katang* (*kataŋ*) [25] во внимание приниматься не может, поскольку оно обязано какому-то недоразумению: венгерское название березы *nyír*, уже упомянутое ранее, не имеет синонимов.

В заключение необходимо отметить, что в силу некоторого сходства анлаута старое и новое название березы в мордовских языках испытывали взаимодействие, что привело, в частности, к появлению огласовки *-и-* (вместо ожидаемого *-е-*) в первом слоге эрзянского слова при сохранении аланской огласовки с некоторой субституцией в мокшанском слове. В связи с этим помещение Б. Коллиндером нового (булгарско-аланского по происхождению) мордовского названия березы в один ряд с мордовским названием бересты, где сохранилось старое (исконное) финно-угорское название березы, можно до какой-то степени оправдать.

К рассмотренному в этих заметках материалу также привлекали енисейское название березы, которое В. Н. Топоров восстановил в виде **Hut-* с ларингалом в анлауте на основании названий березы; кетск. *ūs*, *"ōs'*, мн. ч. *ūsəŋ*; имб. *úuse*, *uus'a*; кур. *ˀúos'e*; остяц. *úus'a*; ар. *kus*; асс. *úča*, *yča*, кот. *ūča*, *ūči*, *úča*; пумп. *úta*, а также бересты: кот. *hī*, эд. *kuj*, кетск. *qy*, *qə'j*, *kə'j* (? мн. число от названия березы). Но возможности сопоставлений оцениваются В. Н. Топоровым весьма сдержанно: «Указанные Боудой параллели из пермских языков (*kud'ź*, *kuź-pu* — K. Bouda. Die Sprache der Jenissejer. — Anthropos, 1957, 52, № 1—2, 75), как и самодийские (ненец. *xō*, нган. и селькуп. *kua*, камас. *kuiш*, *koiш*, мотор. *ku*, койб. *kuju*) и финно-угорские сопоставления (фин. *koivu*, мар. *kue*, *kugi*, *kogi* и т. д.), не могут быть исключены, хотя и остаются сомнительными, если говорить о жесткой этимологии» [26].

При изучении заимствованных слов очень важно обращать внимание на принцип «неединичности заимствующего языка», означающий, что заимствование не ограничивается каким-либо

одним языком, а обычно встречается сразу в нескольких языках, имевших контакты с языком-источником [27]. Это последнее обстоятельство и заставило для этимологизации мордовских названий березы привлекать материалы столь различных языков.

Примечания

1 Изложено в докладе на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре (июль 1985 г.).

2 *Евсевьев М. Е.* Эрзянь-рузонь валкс. Москов, 1931, 205.

3 *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala, 1955, 22, 145.

4 *Серебренников Б. А.* Этимологические заметки. — Этимология 1968. М., 1971, 209—210. В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев (см. их «Краткий этимологический словарь коми языка». М., 1970, 150) придерживаются отвергнутой Б. А. Серебренниковым версии: «кыдз [*киддз*] 'береза' | удм. *кызьпу*. — Общеперм. **kŭǯ'*- 'береза' || фин. *kaski* 'пожога' карел. *kaški* 'береза' | ? хант. (обдор.) *χus*' 'березовая часть лука' (Suomen kielen etimologinen sanakirja, 1. Helsinki, 1955) Лиимола склонен финское слово исключить из этого сопоставления (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, t. 125, 1962, 292) =Доперм. **kšč'e* (о конечном *-e* см.: Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki 23—28. VIII. 1965. P. 1. Helsinki, 1968, 327)».

5 *Кеппен Ф. П.* Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. СПб., 1886, 16 (Извлечено из Журнала Министерства народного просвещения за 1886 г.).

6 *Попов А. И.* Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, 80. Некоторые опечатки в мордовских словах исправлены по словарю М. Е. Евсевьева.

7 См. *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala, 1955, 25; Suomen kielen etimologinen sanakirja, 1. Helsinki, 1955, 208.

8 См. *Castrén M. A.* Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. SPb., 1856, 80.

9 Ср.: *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, 199.

10 См.: *Цинциус В. И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, 330.

11 См.: *Василевич Г. М.* Указ. соч., 525.

12 Ср.: *Räsänen M.* Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955, 27; *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala, 1955, 145; *Collinder B.* Hat das Uralische Verwandte? — Acta Societatis Linguisticae Uppsaliensis. Nova series, 1 : 4. Uppsala, 1965, 144.

13 См.: *Pokorny I*, 139. Ср. сейчас еще: *Оранский И. М.* Есть ли этимологическая связь между русск. *береза* и тадж. *burs* 'арча'? — Этимология 1975. М., 1977, 138—140.

14 *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, 300. В других трудах этого автора есть некоторые отклонения в деталях реконструкций. Г. А. Климов (Дополнения к «Этимологическому словарю картвельских языков». II. — Этимология 1983. М., 1985, 176) восстанавливает общекартвельское название березы **ʒaqwel-* на основе груз. *ʒaxwel-* 'калина', сванск. *žaqw-ra* 'береза'.

15 *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala, 1955, 43; A magyar nyelv történeti-etimologiai szótára, II. B., 1970, 1047.

16 Более полный обзор тюркских форм см.: *Дмитриева Л. В.* Названия растения в тюркских и других алтайских языках. — Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, 179.

17 *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, М.; Л., 1949, I. 202, 368, 369—370, 214.

18 *Lewicki T.* Ze studiów nad żródłami arabskimi, cz. III, 1. Siedziby i pochodzenie Burtasów. — Slavia antiqua. Warszawa; Poznań. 1965, t. XII, 1—14;

Pritsak O. 1) The Pečenegs. A Case of Social and Economic Transformation. — Archivum Eurasiae medii aevi. Lisse, 1975, t. 1, 229; 2) The Khazar Kingsdom's Conversion to Judaism. — Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass), 1978, vol. II, N 3, p. 264; *Добродомов И. Г.* Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка. — Советская тюркология (Баку), 1980, № 2, с. 26—27.

19 О культе деревьев у мордвы см.: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971, 119—120 со ссылкой на: *Harva U.* Die religiosen Vorstellungen der Mordwinen (Folklore Fellows' Communications, Bd. LX). Helsinki, 1951, 456.

20 *Грузов Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964, 204.

21 *В. Л. Егоров* (*Егоров В. Л.* О времени возникновения Казани. — Сов. археол., 1975, № 4, 86) считает, что основание города относится приблизительно к 1370 г. Высказанное одновременно ошибочное утверждение об основании Казани в 1177 г. (Иванов В. В., Халиков А. X. О времени возникновения города Казани. — История СССР, 1975, № 6, с. 147—156) базируется на некритическом отношении к поздним источникам.

22 *Róna-Tas A.*, *Fodor S.* Epigraphica bulgarica. A volgai bolgár török feliratok. Szeged, 1973, 174.

23 Подробнее см.: *Добродомов И. Г.* Отражение двух разновидностей ротацизма в булгарских заимствованиях славянских языков. — ВЯ 1974, № 4, 112—114.

24 *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе [т. I]. М., 1962, 110—112, 241—242.

25 *Дмитриева Л. В.* Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. — Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979, 145. Некритически перенесено в академическую «Сравнительно-историческую грамматику тюркских языков. Фонетика». М., 1984, 290.

26 *Топоров В. Н.* Из этимологии енисейских языков (К вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому *t*). — Этимология 1965. М., 1977, 313.

27 *Киш Л.* О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов. — Этимология 1967. М., 1969, 70.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Puhvel Jaan. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 1. Words beginning with A. Vol. 2. Words beginning with E and I (Trends in linguistics. Documentation 1. Ed. W. Winter), B. etc.: Mouton Publishers, 1984, XXII+504 с.

Рецензируемые первые два тома (посвященные словам с начальными а-, е-, i-) нового этимологического словаря хеттского языка Я. Пухвеля, изданные вместе в одной большой книге с общей нумерацией страниц, представляют собой заметное явление в индоевропейской этимологической литературе. Словарь построен как историко-этимологический словарь типа латинского Эрну—Мейе. В каждой статье дается значительное число контекстов употребления слова в хеттских памятниках разных жанров, причем использованы все основные их публикации, включая и новейшие (таблички, открытые недавно в Машате и т. п.). Обращено внимание и на грамматические особенности использования слов (такие, как, напр., партитивная оппозиция, quasi-эргативные конструкции и т. п.). В особенности детально Пухвель касается филологических и культурно-исторических аспектов, связанных с исследованием семантики хеттских слов. В словаре (и в предыдущих публикациях Пухвеля, в нем подытоженных) дан целый ряд новых этимологий.

Весьма интересны наблюдения относительно лексических изоглосс, объединяющих хеттский (и другие анатолийские) с отдельными индоевропейскими диалектами. Принимая вслед за Махком сближение хетт. *antara-* 'синий, голубой' с чеш. *modrý*, польск. *modry*, с.-хорв. *modar*, возводимыми к **m̥d(h)ró-* (с. 78), Пухвель видит аналогичный суффикс как в **rudh-ró-* > слав. *rъdrъ* ('красный'; к значению 'руда' в славянском добавим в качестве семантической параллели еще возможное сближение хетт. *miti-* 'красный': слав. *mědь* 'медь'), так и в хетт. *a/ešara-* 'белый, блестящий': ст.-слав. ꙗснъ, искра, слав. **(j)ьskra*, лит. *áiškus* 'ясный' (с. 207). К общим хетто-балто-славянским синтаксическим словам Пухвель относит. хетт. *a-* 'но': лит. *õ* 'но': ст.-слав. а (с. 10), но значение последнего элемента в ранних славянских текстах (в частности, древнерусских) в начале предложения отнюдь не только противительное, что возможно и по отношению к некоторым из цитированных в словаре древнехеттских текстов. Из хетто-балтийских лексических изоглосс, недавно ставших предметом особой работы Пухвеля [1], стоит особо отметить соотношение хетт. *alp-ant-* 'слабый, мягкий, в обмороке', *alpu-* 'гладкий': лит. *alpùs* 'слабый' (хеттский антоним *dampu-* 'острый' сравнивается со слав. **tǫpъ* 'тупой'), где соотношение суф. *-nt-*: *-u-* напоминает архаический гетероклитический тип. В связи с предложенным в словаре сближением хетт. *išpar-* 'расширять, распространять, расправлять (крылья), ст.-слав. паритъ (с. 447) отметим, что глаголы на *-i-* в славянском регулярно соответствуют хеттским типа *išpar-aḫḫi*. К сожалению, Пухвель не использовал новой литературы о лит. *arvas* 'свободный', вопреки всем сомнениям (с. 121) связанном с хетт. *arawa-*, лик. *arawa-* 'свободный, освобожденный', ср. также ст.-слав. равьнъ 'равный' [2]; для определения значения хетт. *arawa-* существенны приводимые в словаре (с. 254—255) контексты, из которых видно, что оно означало свободу или освобождение в широком смысле: не только от повинностей, но и от болезней. При рассмотрении *iyatar* 'рост', правильно связываемого с *iya-* 'идти', следовало бы учесть суф. **-dh-* в балтийских и славянских производных от родственного глагола; соответственно отсутствие ассимиляции в род. п. *iyatn-aš-* может объясняться не изоляцией от парадигмы (с. 352), а как закономерное продолжение **-dhn-* > хетт. *-tn-*. Заманчивым представляется возведение хетт. *auli-* 'селезенка,

внутренние органы' к тому же корню, что и индоевропейское название 'селезенки' (с. 232); в этом случае развитие $*w > *b$ напоминало бы то, которое предложено (в связи с хеттскими данными) для названия 'яблока'. Если реконструкция $*(H_2)w\underset{\circ}{l}\text{-}\hat{g}h\text{-}$ верна, то дальнейшие преобразования могут объясняться с помощью *s-подвижного и в таком случае можно было бы говорить о серьезном продвижении в исследовании этого этимологически трудного слова.

По поводу пары приставочных глаголов *ui-*: *pai-* недостаточно указать на параллелизм с рус. *уйти* : *пойти* (с. 330), но надо было бы отметить обратное распределение их значений ('приходить': 'идти'). Хетт. *istalak-* 'выравнять' лучше соотнести не со ст.-слав. стьлати (с. 452), а (при допущении *s*-подвижного) со ст.-слав. тлъкѫ 'толку', ср. контексты, где в хеттском говорится о разравнивании глины (с. 404, 451): purut šer isḫuwai nu *istalakzi* 'глину (она) разливает и выравнивает (=толчет)'. Предложенное Пухвелем выделение в *alk-ista-* 'ветвь' (через праформу $*H_2(e)l(o)\hat{g}\text{-} >$ греч. ὀλόγ-ινον 'ветвистый', сопоставленного со ст.-слав. лоза и, добавим, следовательно с родственными иранскими терминами: парф. *r(a)z* 'виноградник', ср.-перс. *raz* 'виноградная лоза') суф. *-ist-* (с. 36) позволяет предложить сравнение со славянскими производными на **-īst-* типа рус. *ветв-истый*, *развес-истый* и т. п. Кажется возможным соотнести хет. *addu* 'далее' (в начале или конце предложения, с. 288) со ст.-слав. отъ.

Обосновываемое автором вслед за Ларошем сближение хетт. *arkuw-ai-* 'просить, объясняться', *arkuwar* 'иск, прошение' с лат. *arguo* 'доказывать', *argumentum* 'доказательство' (с. 150) может быть интерпретировано и как след древнего гетероклитического имени на **-u/m-r/nt-* от $*\underset{\circ}{r}g^{w}\text{-}$ с возможным следом древнего чередования **-u-/-m-* (после **-u-*) в латинском. Пухвель не дает исчерпывающих библиографических справок, считая, что полезную работу в этом отношении делает параллельно выходящий словарь Тишлера. Словарь же Пухвеля отмечен печатью глубоко индивидуального (часто граничащего с субъективным) подхода к хеттской лексике. Пухвель предлагает много собственных этимологий, часть которых была им более подробно обоснована в большой серии хеттологических и индоевропеистических статей (его статьи, изданные до 1977 г., недавно собраны в отдельном томе [3]). Если словарь Тишлера Пухвель справедливо упрекает в библиографической компилятивности, то самому Пухвелю можно предъявить подчас обратный упрек в излишнем стремлении к оригинальности во что бы то ни стало. Это проявляется, в частности, в оспаривании им многих несомненных и уже общепринятых этимологий, например, таких слов, как *anašša-* (Пухвель отвергает значение 'anus', ссылаясь на хетт. *arra-*, означающее, однако, не 'anus', а 'зад, круп лошади'; оба слова имеют очевидные индоевропейские этимологии) и некоторых других названий частей тела (с. 140), *aku-* 'пить' (в отношении этого слова, но не других, как *ak-* 'умереть', Пухвель преувеличивает роль несдвоенного написания в неитеративных формах при сдвоенном в итеративных типа *akkušk-*, на чем и строилось отвергаемое им сближение с лат. *aqua* 'вода'), *ep-* 'хватать' (отрицание связей с соответствующими глаголами в других языках у Пухвеля произвольно), *ešḫa-* 'хозяин' (отвергается несомненная связь с лат. *erus* 'хозяин'). К сожалению, как подобные отрицательные суждения, так и некоторые собственные новые этимологии, подчас очень гипотетические, формулируются с редкой категоричностью.

К числу гиперкритических суждений можно отнести знамечание о невыясненности первоначальных форм сопоставленных еще Педерсеном хетт. *imma* 'напротив' и лат. *immo* при исключительном сходстве их употребления. Кроме указанных в словаре контекстов в классической латыни, напоминающих хеттские (с. 361), следует отметить и аналогичные конструкции у Плавта, напр. Pseud. 495 numquid, Simo, peccatumst? immo maxime.

Неудачна реконструкция праформы хетт. *išpant-* 'ночь'; отрицание наличия в этом слове суф. *-nt-*, находимого в хеттских названиях 'года' и трех времен года, основано лишь на отсутствии в хеттском, но не в других языках (ср. др.-инд. *kṣap-*) форм без этого суффикса (с. 435). Следует учесть

и такие точные семантические параллели с тем же суффиксом, как нем. *Abend*. Вместе с тем, для окончательной реконструкции фонетического облика слов и соотношения его с такими родственными словами, как ст.-слав. вечеръ, необходимо учесть гипотезу В. М. Иллич-Свитыча [4], на работы которого (как и на многие другие книги на русском языке) в словаре ссылок нет.

В некоторых случаях кажутся проблематичными суждения о чередованиях гласных в глаголе (с. 211, 243), и это связано с недостаточной ясностью исходной грамматической реконструкции, как и попытки восстановить парадигмы некоторых глаголов (с. 329, 335) без учета ряда новейших исследований (Бадер и других авторов), показывающих, в частности, древность тематического типа (вопреки сказанному на с. 365, 409).

К типу образования *ekuni-ima-* 'холод' кроме *ḫaḫl-imma-* 'желтизна' (с. 258) в качестве параллели стоило привести *lalukk-ima-* 'теплота, лучезарность'. Форма инфинитива *akuna* (с. 265), написанная один раз на краю таблички, может быть не собственно хеттской (в отличие от частого *akuwanna* 'пить'), ср. пал. *ahuna*. Форма на *-nt-* *išḫan-ant-š* 'кровопролитие' скорее всего не отложительный падеж (с. 309. 477), а древнее активное (*quasi*-эргативное) производное, родственное в конечном счете причастию на **-nt-*.

Ряд вопросов возникает при размышлении о самом жанре историко-этимологического словаря и способов его составления. Пухвель сознательно уклонился от ставшего в последнее время возможным разделения хеттских текстов на древние, среднехеттские и новохеттские. Прямых ошибок, с этим связанных, в словаре мало, хотя отнесение цитаты из среднехеттской молитвы Кантуцилия KUB XXX 10 к древнехеттскому на с. 218 (но не в других местах, где цитируется та же молитва) производит впечатление неряшливости. Но автор не делает подчас необходимых выводов из приводимых им же древнехеттских форм. Так, др.-хетт. дат. п. ед. ч. *eš-ḫe* 'хозяину' (с. 385) исключает гадания на тему, какой из двух возможных вариантов вокализма (*išḫa-*, *ešḫa-*) следует предпочесть: др.-хетт. *e* всегда первичнее, чем *i*. Пухвель не успел использовать результаты новых исследований, доказавших, что в древнехеттской орфографии Pleneschreibung был способом обозначения ударения (тона). Поэтому многие из его рассуждений, например, о происхождении написания **āra* (с. 121), по-видимому *=ára*, или *e-eš-ḫar* (не *ēšḫar* с. 306—313, а, вероятно, *éšḫar*) уже не соответствуют современному уровню знаний. По этой причине неверно все фонетическое рассуждение об этимологии хет. *iya-* 'идти, двигаться' (с. 334). Остается неясным, как и по какому принципу подобраны многочисленные примеры из разных текстов, составляющие основное содержание большинства словарных статей. В тех отдельных случаях, где Пухвель, опираясь на новейшие филологические работы по отдельным текстам, дает уточненное значение слова, в полезности такой работы (хотя иной раз при обилии начальных выпусков хеттских словарей не выходящей за пределы ученой компиляции) нельзя усомниться. Но как значения лексемы, выявляемые в текстах, помогают этимологизированию? В словаре не раз проскальзывает выражение «основное» значение, которое по Пухвелю важно и для этимологии (с. 418). Но как соотносятся архаические (пережиточные) значения и более новые? Не принимая сравнения хетт. *iwar* 'как' с др.-инд. *iva* 'как', Пухвель утверждает, что «постпозиционное употребление явно предшествует союзному» (с. 500), но это остается недоказанным. Диахроническая реконструкция особенно сомнительна в словарных статьях, посвященных относительным древнехеттским именам существительных типа *appan* 'тыльная сторона', которые в новохеттском языке на позднем этапе фигурируют как послелоги. Наличие архаических производных типа *appizzi*(*ya*)- 'задний, нижнего ранга' (с суф. **tio*, с. 92—94, в двух взаимосвязанных древних значениях — пространственном и социальном, на связи которых Пухвель не останавливается), *appai-* 'закончить(ся)' (с. 95) может быть объяснено только тем, что *appan* в древнехеттском еще функционировало не как наречие-послелог (как полагает Пухвель), а как имя существительное, что доказывается и синтаксически. Пухвель не поставил перед собой задачи последовательного отбора и иллюстрирования тех именно

значений и употреблений, у которых высокая вероятность быть унаследованными от более древнего состояния. Например, при множестве примеров на употребление хетт. *ešḫa-* 'господин' не приведены ключевые цитаты, определяющие использование слова по отношению к хозяину раба, а также богу (из молитв во время чумы); тогда сопоставление с *erus* в архаической латыни (скажем, у Плавта) стало бы очевидным (что явно не входило в круг интересов Пухвеля, вообще отвергающего это сближение на том странном основании, что это «тематическое корневое существительное, не сводимое к глагольному корню», с. 389; разве таких мало?) Для хетт. *natta ara* 'табу; не положено' (с. 118) не указано древнейшее употребление в связи с запретом инцеста в мифе о царице Канеса и городе Цальпа. Хеттские контексты, для которых явно можно было бы восстановить индоевропейские праформы, не всегда выделены и не отмечены. Так, на с. 399 приведена формула *numu-ššan. . .iukan išḫaišten* 'и вы на меня наложили. . . ярмо', которая вся допускает возведение к и.-е. **n(e)u-m(u)-som *i̯ugom *isH-*. Напротив, отрадное исключение представляют наблюдения Пухвеля о сходстве хеттских и индо-иранских конструкций с глаголом **r̥-sk-é-* > хетт. *ar(a)sk-* 'приходить' с обозначением места направления (с. 111), о сходстве хетт. ^{GIŠ}NÁ *išpar-* 'расстелить постель' с употреблением родственных глаголов в греч. λέχος στορέσαι и лат. lectum sternere (с. 445).

Индоевропейским могло быть сочетание *itar da-* 'взять путь', которое может и не объясняться калькой с аккадского (как думает Пухвель, с. 494). Никак логически нельзя объяснить, почему для хетт. *innara-want-* 'сильный, имеющий мужскую силу', сочетающегося с обозначением спермы (*muwa-*), Пухвель предполагает исходное «сексуально нейтральное значение» (с. 372, 373), что нужно и для обоснования недоказуемого тезиса о том, что значение греч. ἀνήρ, вед. *nar-*, арм. *ayr*, оскск. *ner-* является «диалектным» (обычно греко-арийско-италийские сходства указывают на общеиндоевропейский возраст явления, в них продолжаемого).

Удачным, напротив, представляется исследование семантических соотношений в пределах тесно связанной микрогруппы слов: *arr-* (родственно тох. *yär-*) является общим термином для мытья, тогда как *warp-* 'умываться, купаться' относится к одушевленным предметам; о богах (их изображениях) и в некоторых случаях о конях можно говорить посредством обоих глаголов (с. 115), противопоставление которых в этих случаях снимается.

Исключительно интересна форма *alalamniya-* 'громко звать', засвидетельствованная (всегда) с итеративным суф. *-šk-*; вероятно, это не гаплология (с. 27), а пережиток времени, когда с этим суффиксом были синонимичны редуплицированные основы, соответственно в данном слове удваивалась основа с начальным гласным, как в иерогл. лув. *atimai-* 'имя', греч. ὀνομαίνω 'звать по имени' и т. п.; эта древняя особенность пережиточно сохранена в данной хеттской форме.

К некоторым из рассмотренных в словаре слов приводятся параллели из других анатолийских языков древних (лувийских — клинописного и иероглифического — и палайского) и поздних — античного времени (ликийского, лидийского). Однако реконструкции, даже когда они даются как бы для общеанатолийского, почти исключительно основаны на хеттском материале. Например, принятая Пухвелем вслед за Ларошем и Бенвенистом древняя парадигма указательного местоимения **e/o-* > др.-хетт. *e-/a-*: вин. п. ед. ч. **-u-/-u-n*, мн. ч. *-u-š* (с. 5—7) ничем не подтверждается в других анатолийских языках, где в вин. п. везде выступает **-a-* < **e/o*, а не **-u-*. Разумеется, в хеттском этимологическом словаре и нет нужды всякий раз обсуждать возможности общеанатолийской реконструкции, но вероятно стоило бы в таких случаях оговорить отличие хеттского от других древних индоевропейских языков М. Азии. Иногда это в словаре делается, но не последовательно: верно указание (с. 9), что хетт. *-(y)a* 'и' (энклитический союз, родственный тох. А *-yo* 'и' < и.-е. **yo-*, местоимение и союзная частица) исторически отлично от лув. *-ḫa* (та же функция), но непонятно, для чего до этого в начале словарной статьи «южноанатолийские» формы приведены (с. 8) вместе с хеттской, им, по словам самого автора, неродственной.

Несомненной заслугой автора словаря является то, что тщательно выделены формы, достоверно или предположительно определяемые как лувийские, в изобилие включавшиеся в хеттские тексты времени Нового царства (14—13 вв. до н. э.), когда население хеттской империи в основном уже говорило на лувийских диалектах, но хеттский продолжали использовать как официальный язык.

Исключительный интерес представляет наблюдение о сходстве употребления хетт. *appa-* 'после, назад' по отношению к будущему с родственным лув. *apparanti-* 'будущее', др.-инд. вед. *aparám* 'в будущем', гот. *afar-* (с. 97, 98), что позволяет наметить тип связи пространственных и временных отношений, выражавшихся этой основой. В отдельных случаях стоило бы отметить и в других хеттских формах явные следы лувийского: так *ḫuḫadalla-* 'дедовский' не только сопоставимо с иерогл. лув. *huhatali-* (с. 54), но и написано без удвоения интервокального *-ḫ-*, что отличает его от написания хетт. *ḫuḫḫa-* 'дед' и сближает с лувийской графической передачей слова. В случае если *anninniyami-* 'двоюродная сестра или брат' содержит суффиксальное лув. *-m-* и лувийскую основу на *-i- anni-*, в этом слове можно предположить лувийское фонетическое развитие $*\acute{g}^h$- > *Ø* и тогда его, несмотря на возражения Пухвеля (с. 72), следует сравнить с хетт. *anna-neka-* 'родная сестра'.

Увлекательны выводы Пухвеля о словах, которые отчасти объясняются как ономатопоэтические, в частности, о парных сочетаниях со вторым словом, начинающимся с губного *w-*, типа *ayin* (*u*)*wayin* 'боль и горе' (с. 13, 14), *aštaš wastaš* 'горе и грех' (с. 219), *aḫuwaḫḫu* (*wamin*) (с. 266), в связи с чем по-новому выглядят и этимологии таких слов как *wantai* 'быть теплым' (:*ant-* 'теплый', с. 12), *wappuzzi* (:*appuzzi* 'жир, сало', с 103), а также лув. *wašḫa-*: хет. *ešḫa* 'господин'; лув., пал. *wašu-*: др.-инд. *vasu-*: хетт. *aššu-* 'хороший' (с. 204), а также возможно и много раз обсуждавшееся др.-инд. *Varuṇa-* 'Варуна, бог вод': хетт. *aruna-* 'море, бог Океана'. В общелингвистическом плане стоит соотнести парные сочетания типа лув. *aḫran waḫran* с аналогичными парами, где второе слово начинается с *m-*, что на материале многих языков мира исследовалось уже, в частности, в связи с хетт. *Šuḫili Muḫili* [5] (парные имена божеств, ср. ^{D}*Atammira* ^{D}*Watammira*, с. 14).

Из многократно обсуждавшихся коневодческих терминов детально рассматривается *aššuššanni* 'коневод', для которого предполагается семитский источник (с. 223), однако более вероятно непосредственное сближение с др.-инд. *aśva-sā*(*-rathya*) 'искусство коневодства (и колесничих)'.

Отмечены любопытные хетто-греческие изолексемы: хетт. *iškuna-*(*ḫḫ*)- 'запятнать, унизить': греч. αἰσχῦνω 'обесчещиваю'. Часть форм, общих для хеттского и древнегреческого, с основанием истолковывается как общие заимствования: хетт. *aitpa-* вес, тяжесть, греч. ἶπος 'тяжесть', ἰμφϑείς. βλαφϑείς у Гесихия (с. 15); ср. хетт. *iškiš* 'задняя сторона', греч. ἰσχίον 'бедра' (с. 425). Давнее предположение о том, что гом. ἰχώρ 'кровь богов' восходит к хет. *išḫar* 'кровь' (с. 313), можно было бы поддержать ссылкой на тексты, где речь идет о божествах крови (*išḫanaš*, с. 305). Из вероятных ономастических элементов в греческом, сопоставляемых с анатолийскими, особый интерес представляют имя бога дорог и путешествий Ἑρμῆς в сопоставлении с хетт. *armizzi* 'мост' при греч. ὅρμος 'гавань' (с. 161) и особенно сближение Ἀσκληπιός, имени Асклепия, божества, связанного с кротами, и хетт. *ašku* 'крот(?)' (с. 216); предполагаемые Пухвелем мифологические хтонические представления, связанные с землеройками, для Малой Азии свидетельствуются начиная с Чатал-Гююка. Интересны сопоставления с греч. Ιππα, указаные в связи с хетт. *ippi(y)a-* 'виноград, вино', но это слово является скорее всего не местным малоазийским (с. 378), а производным от и.-е. **po(H)i-* 'пить', ср. *išḫiya-* 'связывать': **sH(o)i-* и т. п.

Хетт. ^{NINDA}*labaššiš* едва ли объяснимо на собственно анатолийской почве (с. 39); скорее в нем надо видеть одно из отражений того миграционного термина, которое сохранилось в закавказских названиях лаваша, тогда как древняя его форма вероятно связана с хатт. *pulašne* 'хлеб';

с другим ю.-кавк. миграционным названием 'хлеба' сопоставимо *ampura-*, как верно замечает Пухвель (с. 51), оба слова связываются и с топонимами.

Хетт. *alta-nni-* 'источник' правильно связывается Пухвелем с хурритским, но в таком случае суф. *-nni-* следует считать не индоевропейским (с. 43), а хурритским постпозитивным артиклем (такое же объяснение нужно принять и для *arma-nni* 'украшение в форме полумесяца', с. 152). Напротив, если *apuzzi-* 'склад' связано с хурритским или аккад. *abūsu* (то же значение), то нуждается в разъяснении суф. *-uzzi*, для которого предполагается обычно, в том числе и в слове-омографе (с. 104, 61), собственно хеттское происхождение: позднейшее уподобление этому суффиксу нуждалось бы в изучении.

Проблематичным остается вопрос о том, в какой мере целесообразно по отношению к хеттскому языку с его явной архаичностью оставаться всегда только в пределах индоевропейских языков, не привлекая других ностратических. Так, загадочная форма хетт. *aiš* (в косвенных падежах *iš-*) 'рот' при лат. *ōs*, др.-инд. *ās-* (с. 17) несколько проясняется при сопоставлении с тюрк. *aγız*. Ностратические параллели могли бы помочь в разъяснении начального *išt-* при **s(t)-* в родственных индоевропейских языках (с. 471, 477).

Сравнение (генетическое или ареальное) с картвельским кажется необходимым при интерпретации хетт. *eḫurati* 'затычка' (с. 253), *ištamaḫura* 'серьга' (с. 451), ср. груз. *q'ur-i* 'ухо'. Хетт. *akkala* 'борозда', как и арм. *akaws* (с. 23), может быть древневосточным заимствованием, ср. аккад. *eḳlu* поле, st. constr. *eḳel*.

Гипотеза о туземном происхождении хетт. *aška* 'ворота' (с. 215) подтверждается сравнением с хаттским и северокавказским [6]. К хаттским заимствованиям надо отнести и *kaša* 'вот', ошибочно связываемое в словаре с *ka-* 'этот' (с. 217). Из слов, для которых Пухвель предполагает «туземное происхождение», возможны северокавказские этимологии для *enera-/inira-* 'бровь' (с. 272), ср. тинд. *inser* 'бровь' (с особым отражением начального латерального: авар. *ƛenser*), где в хеттском можно предположить след языка с исчезновением сибилянтов.

Для *ak-* 'умирать', не имеющего анатолийских соответствий, но все же возводимого и Пухвелем к индоевропейскому (с. 22), возможная северокавказская этимология (лакск. *iḳu*) предложена Вагнером в недавней книге[7], представляющей полезное противоядие против преувеличения роли собственно индоевропейских архаизмов в хеттском. Замечание Пухвеля о том, что *ateš(ša)-* 'молот, топор' несмотря на наличие древнеанглийской параллели может быть миграционным термином (с. 228), можно конкретизовать сравнением с багв. *āžit* 'топор', ахвах. *āžititē*, андийск. *anžidi* (в этом случае пришлось бы предположить метатезу того же типа, что в хетт. *apiši-* < **asipi*, с. 102). Из других хеттских слов, для которых Пухвель вслед за устоявшейся традицией ищет (не всегда удачно) индоевропейские этимологии, но объясняемых в последнее время из северокавказского, можно отметить *arḫa-* 'граница' (с. 135), сопоставляемое с авар. *ʕorq̄i* 'граница' и праандийским словом с тем же значением [8]. Напротив, для некоторых слов, которые по чисто семантическим основаниям определяются как заимствованные из туземных языков М. Азии, можно указать индоевропейские этимоны: так, во второй половине хетт. *illuy-anku-* 'змей', описываемого как «автохтонное» слово (с. 359), вероятно индоевропейское название 'змея'.

К числу досадных культурно-исторических неточностей относится утверждение, будто хетты в историческое время ничего не знали о северном побережье Анатолии (с. 181). Напротив, на нем был расположен город Цальпа, с которым связаны существенные эпизоды мифологической и реальной истории Древнехеттского царства (к не вполне ясной форме *Zalpa-r*, образованной от названия этого города в богазкёйском аккадском, ср. любопытную пропорцию на с. 297).

Часть сделанных замечаний сопряжена с быстрым темпом развития хеттологии, отчасти превосходящим скорость печатания. В целом же книга хорошо оформлена и число досадных погрешностей невелико.

Не вполне ясен перевод ^{D}UTU-*un* ^{D}IM-*anna-a āra ier*, означающего, очевидно, 'и они сделали то, что положено, по отношению к (архаичный вин. п. отношения) Богу Солнца и Богу Грозы' (у Пухвеля, с. 118: англ.

by перед обозначениями богов не проясняет смысла); ошибочен перевод бессоюзного сочетания глагола *pait* (буквально 'пошел', как и переводит Пухвель, с. 277) с последующим глаголом в цитате *nu-za pait* URUAlminan *wetummanzi IṢBAT* 'и он тогда начал укреплять город Альмину'; *waštul* по отношению к войску надо перевести 'потери', а не 'вред' ('harm', с. 338); неудачен перевод итератива *akkiškittari* по отношению ко множеству смертей (с. 20, нужно: 'все умирают и умирают'). *Kappuwantes* 'всего немного, несколько' (с. 80) означает 'считанные' (в том же идиоматическом смысле). Хетт.-хурр. *kišḫita* означает не 'кресла' (с. 296), а 'престолы' (заимствование). Ошибочны попытки устранить видовые оттенки в переводе (хеттских) частиц *-apa* (с. 85, 86), как и в подходе к семантике глагольных форм (с. 328).

Неточен перевод хатт. *alip* 'слово' (с. 151), нужно: 'язык', что подтверждает оспариваемое Пухвелем возможное объяснение хетт. *arlip-* как части тела.

Невероятным кажется предположение, обосновываемое и в отдельной статье Пухвеля, о том, что сочетание *eku-* 'пить' с именем бога и вообще с вин. п. им. сущ. нужно переводить 'выпить за, произнести тост'. Как показал еще Форрер, а за ним и другие хеттологи, речь идет о древнем обряде, сходном с причащением.

В тексте словаря содержится много ссылок на следующие части. Остается пожелать скорейшего выхода их в свет, что сделает словарь неотъемлемым пособием для всех компаративистов и хеттологов.

Примечания

1 *Puhvel J.* Baltic-Anatolic lexical isoglosses. — Investigationes Philologicae et Comparativae. Gedenkschrift fur H. Kronasser, hrsg. E. Neu, Wiesbaden, 1982, 179—185.

2 *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. A—D. M., 1975, 112.

3 *Puhvel J.* Analecta Indoeuropaea. Innsbruck, 1981.

4 *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М. 1963, 36, прим. 21, и 114.

5 *Friedrich J.* Zu den orientalischen Reimwort-bildungen mit *m*-Anlaut. — Archiv fur Orientsforschung, 20, 1963, 102; *Jakobson R.*, *Waugh L.* The sound shape of language. Bloomington : London, 1979, 197, 217. Ср.: *Мирдза Джафар.* Об искусственном образовании парных слов (Reimwörter). — В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, 311—313; *Кримський А. Е. Калач-малач, кішміш-мішміш.* — В кн.: Розвідки, статті та замітки. Київ, 1928; *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М. 1962, 133—152.

6 *Иванов Вяч. Вс.* Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским. — В кн.: Древняя Анатолия. М. 1985, 43 (№ 19).

7 *Wagner H.* Das Hethitische vom Standpunkte der typologischen Sprachgeographie. (=Testi linguistici 7). Pisa, Giardini Editori, 1985.

8 *Николаев С. Л.* Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. — В кн.: Древняя Анатолия. М. 1985, 60 (1-ое слово).

Вяч. Вс. Иванов

Huld M. E. Basic Albanian Etymologies. Columbus (Ohio), 1984, X+213 с.

В послевоенные десятилетия в албанской этимологии и сравнительно-исторической грамматике наметился определенный прогресс, связанный прежде всего с исследованиями албанского компаративиста Э. Чабея, в частности, с главным его трудом — «Studime etimologjike në fushë të shqipes» («Этимологические исследования в области албанского языка»). Значительный вклад в развитие албанской этимологии внесен и некоторыми другими

учеными, в том числе Э. П. Хэмпом, В. Пизани, Г. Эльбергом. Появление новых этимологических работ, бесспорно, дополняет ставшие классическими труды Г. Мейера, Х. Педерсена и Н. Йокля; однако весьма знаменательно, что, например, словарь Г. Мейера до настоящего времени нельзя считать устаревшим в содержательном отношении, что указывает не только на высокие достоинства этого труда, но и на некоторые признаки застоя в области исторической албанистики. Мысль о необходимости создания нового и отвечающего современным требованиям этимологического словаря албанского языка (а именно такую задачу ставит перед собой автор настоящей рецензии) стала вполне очевидной уже давно — об этом писал около шестидесяти лет назад Хирт в своей «Индогерманской грамматике». В наше время для этого имеются и все объективные условия, в частности, достаточно подробно изученная историческая фонетика, обширный диалектологический материал, лексикографическая база.

Рецензируемая книга, не будучи этимологическим словарем в собственном смысле слова, имеет, однако, первостепенное значение для создания такого словаря в будущем и принесет немалую пользу не только албанистам. Замысел автора, снабдившего свой труд небольшими очерками истории албанского языка, албанской исторической фонетики и связей албанского с другими индоевропейскими языками, заключался в том, чтобы представить читателю-индоевропеисту подборку лексем из основного лексического фонда албанского языка и дать их этимологическую разработку. Таким образом, перед нами как бы фрагменты не существующего пока словаря, ценные, кстати, и в том отношении, что в них намечено решение таких существенных вопросов, как структура словарной статьи.

Каждая статья открывается заглавным словом с указанием основных грамматических форм; далее то же слово дается в староалбанской форме по латино-албанскому словарю Барди. Заметим, что такой информации об истории слова совершенно недостаточно: цитата из Барди должна была бы приводиться с латинским переводом, а кроме нее желательно указывать то же слово, по крайней мере, по фон Харфу, Бузуку, Богдани и Буди. Недостаточны и сведения в толковательной части статьи, где находим английский перевод, экспликацию из толкового словаря албанского языка в оригинале и ее английскую версию. Тем самым остались неиспользованными данные словарей Кристофориди, Леотти и многих других. Далее приводятся диалектные данные, некоторые из которых представляются нам избыточными (так как автоматически получаются при «пересчете» с литературного языка), а другие — неполными.

За вводной частью статьи следует праалбанская реконструкция и основной текст. Реконструкция автора, в сущности, не является праалбанской — скорее, речь идет об общеалбанских архетипах, получаемых снятием специфически тоскских и гегских диалектных черт. Чтобы стало ясно, какая дистанция отделяет собственно праалбанский от общеалбанского («праалбанского» в терминологии автора), достаточно нескольких примеров: тоск. *gjarpēr*, гег. *gjarpën* 'змея' < общеалб. **ĝarpën* < праалб. **śerpena*; тоск., гег. *kohë* 'время' < общеалб. **kohë* < праалб. **kāxā*; тоск., гег. *sjell* 'приносить' < общеалб. **sieł* < праалб. **tšela*. Текст статьи завершается указанием индоевропейского этимона в двух вариантах — по автору и по словарю Покорного.

Собственно этимологическая часть словарных статей написана весьма лаконично, но учитывает, в целом, почти все существующие этимологические истолкования, хотя и с досадными пропусками (особенно в том, что касается советской албанистической литературы): так, s. v. *bijë*, *dhëmb* и *ditë* не учтены работы В. В. Иванова, s. v. *jam* — исследование А. П. Сытова об албанском глаголе, s. v. *mos* предложена этимология (из **mē* $k^{w}e$, ср. греч. μήτε), уже данная ранее мной. К сожалению, такого рода случаи отнюдь не единичны; вместе с тем, в своих обзорах существующих этимологий автор, в общем, весьма здраво оценивает их сравнительные достоинства и обычно останавливается на наиболее целесообразном решении.

В рецензируемой книге введен в оборот ряд новых интересных этимологий, большинство которых принадлежит автору, а небольшая часть — дру-

гим ученым, статьи которых публиковались в труднодоступных у нас изданиях. Отдавая должное автору, собравшему в своей работе имевшийся и ранее, но почти не известный индоевропеистам этимологический материал, мы хотели бы более подробно остановиться именно на новых толкованиях. Некоторые из них нельзя не признать весьма удачными. Так, автор, по-видимому, прав, отказываясь от сопоставления *grua* 'женщина' с и.-е. *g^wen- и разрабатывая этимологию Хэмпа, связавшего *grua* с греч. γραῦς 'старуха'. Интересна и мысль о близости *gjuaj* 'охотиться' не с и.-е. *g^when- (что фонетически маловероятно), а с др.-в.-нем. *jagen* то же. Не лишено вероятия сопоставление *ha* 'есть' с лат. *avere* 'здравствовать' (несмотря на известные семантические трудности), как и отождествление *lesh* с др.-англ. *wlōh* 'бахрома'. Вслед за автором мы теперь можем с полным основанием оставить старую этимологию *lis* 'дуб, дерево' (из слав. **lěsъ*, что делает необъяснимым вокализм) в пользу значительно более вероятного толкования, строящегося на пропорции *vend* 'место' : *vise* то же=*lëndë* 'строевой лес' : *lis*, откуда вытекает и фонетически корректная реконструкция *lis* < **lent-to-*. Среди других удачных решений назовем следующие: *plak* 'старик' (вероятно, из **peləkos*) — лит. *pìlkas* 'серый' (ср. в плане семантики относящееся сюда же др.-инд. *palita-* 'серый, седой'); *rri* 'сидеть' — др.-в.-нем. *rītan* 'ехать верхом'; *thua* 'ноготь' — гот. *handus* 'рука'; *vetull* 'бровь' < и.-е. *$\bar{o}k^wl\bar{a}$, к *ok^w- 'глаз'; *mbyt* 'топить' < и.-е. **ambhi-udtō*, к **ud-* 'вода'.

Особенный интерес вызывает этимология слова *zot* 'господин; Господь', излагая которую, автор ссылается на устное сообщение Хэмпа. В связи с этимологией лексем *qytet* 'город' > лат. *cīuitātem*, *grykë* 'горло' < и.-е. *$g^wr\bar{\imath}\underset{\frown}{u}ik\bar{a}$, *hyll* 'звезда' < **sk̑ei̯u̯ilo*, — доказывающих, что в албанском имело место развитие **-ĭu̯ĭ-* > *-y-*, нам уже приходилось в другом месте указывать на исключительное значение для албанской исторической фонетики и этимологии случаев, когда нетривиальные историко-фонетические закономерности устанавливаются на неизбежно скудном (в силу специфики албанского словарного состава) материале. Так, при объяснении одного только слова *zet* 'двадцать', несомненно, связанного с и.-е. **u̯ĭk̑m̥ti*, приходилось ранее допускать целую серию правдоподобных, но не имевших других подтверждений фонетических трансформаций **u̯īk̑m̥ti* > **wītśati* > **wtśati*, далее с метатезой и озвончением **dźwati* с последующим закономерным развитием в *zet*. После того как Хэмп связал *zot*, с тем же анлаутом, что и *zet*, с и.-е. **u̯ik̑-poti* с той же начальной группой, что и **uīk̑m̥ti*, статус предположения об изменении и.-е. **uĭk̑-* в алб. *z-* в принципе изменился: мы имеем основания признать этот процесс редким, но регулярным.

К сожалению, наряду с удачными этимологическими решениями рецензируемая книга содержит и большое количество явно ошибочных, а иногда и совершенно фантастических толкований, подробный разбор которых потребовал бы уже не краткой рецензии, а объемистой статьи. Здесь мы вынуждены ограничиться далеко не полным списком этого рода этимологий:

bathë 'боб: связь с бурушаски *bu : kak* 'бобы' представляется совершенно невероятной;

dhe 'земля': сохранение начального **dh-* в алб. *d-* исключает сопоставление с греч. τοῖχος 'стена', затруднительное и семантически;

e 'и': возведение к **i̯oi* фонетически недопустимо, так как начальное **i̯-* регулярно отражается в *gj*; очевидно, *e* отражает праалб. **ō* и родственно слав. **a*;

ftohët 'холодный': префикс *f-* не может быть отождествлен с лат. *abs-*, так как последовательность **-pst-* в слове развилась бы в алб. *-sht-*; кроме того, *f-* находится в морфонологическом чередовании с *v-*, откуда вытекает необходимость в качестве прототипа реконструировать и.-е. **ou̯o-*, *ftohët* является производным от *ftoh* 'охлаждать' < и.-е. **ou̯o-tēpsk̑ō*;

gjuhë 'язык': реконструкция **ĝhund-sk̑-*, якобы возникшего посредством метатезы из **dn̥ĝhu-*, не позволяет (несмотря на свою сложность) объяснить начальное *gj-* албанского слова, продолжающего, по всей видимости, праалб. **gluxā* из более раннего **gl̥̄sā* (о чем см. в другом месте);

hundë 'нос': здесь также предполагается невероятная метатеза *hun-* < *nuh-*, далее — к индоевропейскому названию носа (!), к тому же, с аномальным развитием вокализма; относимое сюда же *nuhas* 'нюхать' — прозрачное заимствование из славянского, а сама лексема *hundë* еще Мейером убедительно рассматривалась как производное от *hu* 'кол, penis';

mal 'гора': предлагаемое автором отождествление с авест. *merəδō* 'голова' фонетически некорректно *l̥ дало бы алб. *-lu-/-ul-*), следует вернуться к старому сопоставлению с лтш. *mala* 'берег';

një 'один': нельзя объяснять из **smiā*, так как **sm-* в албанском регулярно изменялось в *m-* (ср. *mjekër* 'подбородок, борода' < и.-е. **smek̑r-*); скорее всего *një* продолжает и.-е. **oini̯o-*;

tym 'дым': вопреки автору с *tym* никак не связано тоск. диал. *tyntyn* 'табак', явным образом связанное с другими названиями типа болг. *тютюн*;

valë 'волна': вслед за большинством других этимологов автор настаивает на родстве с и.-е. **u̯l̥̄nā*, что исключается по фонетическим причинам; *valë* сопоставимо лишь со слав. **valъ* и, кстати, указывает на вторичность долгого вокализма в славянском слове;

vëlla 'брат': достоверно происхождение этого слова не известно, однако и новая этимология, отождествляющая *vëlla* с лат. *avunculus* и возводящая *vëlla* к праалб. **avandlā*, не кажется убедительной по причинам прежде всего фонетического характера (ожидалось бы все-таки алб. *vëndull*).

Краткие очерки исторической фонетики и генетических связей албанского языка в целом написаны довольно удачно, но и здесь многое вызывает возражения, как, скажем, раздел о развитии индоевропейских дифтонгов в албанском. Серьезным методическим недостатком мы считаем полное отсутствие в фонетическом очерке промежуточной праалбанской реконструкции, без которой многие проблемы (например, судьба лабиовелярных) оказываются излишне сложными (автор, правда, вводит праалбанские реконструкции в фонетических таблицах, однако это почти не облегчает задач читателя). Принципиальным представляется нам и вопрос о том, какой вариант индоевропейской реконструкции следует принимать при описании албанской исторической фонетики. Автор решает этот вопрос в самом радикальном духе, принимая для индоевропейского шесть ларингалов, записывая долгие гласные как бифонемные сочетания (*ee* вместо *ē*) и отказываясь от различения сонантов в функции гласных и согласных на том основании, что это различение не имеет фонологического смысла. Однако такой подход во всех без исключения случаях не проходит безнаказанно. Ларингалистские реконструкции наглядно опровергают поддерживаемый в рецензируемой книге тезис Хэмпа об отражении некоторых ларингалов в алб. *-h-* (вместо ожидаемого *-h-* находим нуль звука или чередование нуля и *-h-*). Передача долгих гласных диграфами приводит к большим трудностям, как только требуется обозначить ударный долгий (автор выходит из положения, обозначая ударное долгое **ḗ* как *ée*, что вряд ли можно признать сколько-нибудь логичным решением). Что касается отказа от диакритики при сонантах из весьма серьезных фонологических соображений, то это оборачивается необходимостью всякий раз прибегать к пояснениям типа «согласный **i*» или «гласный **i*», поскольку вопреки всяким построениям теоретического характера праалбанцы, как мы убеждаемся, упорно проводили фонологическое разграничение **i̯* и **i*, имевших в албанском разную судьбу.

Как мы стремились показать выше, новая работа по албанской этимологии содержит не только много нового и ценного, но и немало сомнительного или просто неверного. Этимологи-индоевропеисты могут пользоваться собранными автором материалами и опираться на эти материалы в своих исследованиях, но только после тщательной перепроверки. Надежность приводимых данных несколько снижается также из-за обилия опечаток, проникших в довольно значительном количестве даже в английский авторский текст.

В. Э. Орел

В. П. Нерознак. Названия древнерусских городов. М., 1983. 208 с.

Рецензируемая книга задумана как «первый в восточнославянском сравнительном языкознании документированный историко-этимологический словарь названий древнерусских городов» (с. 9). Автор сделал попытку дать этимологическую интерпретацию для более чем трехсот древнерусских ойконимов. Словообразовательно-семантическая реконструкция древнерусских названий городов явилась для автора слишком трудной задачей и в отношении словообразования и в отношении лингвистического метода, что обусловило ряд ошибочных толкований и элементарнейших пропусков. Приведем здесь наиболее существенные из наших замечаний [1].

1. Автор не уяснил для себя фонетических процессов и особенностей склонения после падения редуцированных и часто не мог дифференцировать основу им. (вин.) п. от основы косвенных падежей. Так, в цитате из летописи: и затворися въ *Бужьскѣ* и оступи градъ *Бужескъ* (ЛИ ок. 1425, л. 91 об. (1097) [2] он усматривает разные варианты топонима *Бужьскъ* и *Бужескъ* (с. 30), хотя речь идёт о разных падежных формах одного и того же топонима: *Bužesk* — форма вин. п., *Bužskě* — предл. п. То, что это не случайная ошибка, показывает такой пример: и ту пристави к нему сна своего. Мьстислава до *Коречьска.* и тако проводивъ и за *Корческъ* (ЛИ ок. 1425, л. 144 (1150), где Нерознак также выделяет два варианта топонима *Корческъ* и *Коречьскъ* и делает вывод: «Исходной формой, по-видимому, следует считать вариант *Корческъ*, в основе которого лежит слово *корч* 'выкорчеванный пень'» (с. 95). Нет необходимости доказывать, что в данном примере представлен один топоним, который после вокализации редуцированного в сильном положении и падения в слабом, в вин. п. произносился как *Korčesk* < *Korьčьskъ*, а а в род. п. — как *Korečska* < *Korьčьska*. На основании примеров: и посла *Козельску* (ЛИ ок. 1425, л. 124 об. (1146); и ста не дошедъ *Козельска* (ЛЛ 1377, л. 114 (1154) автор реконструирует форму им. п. *Козельскъ* (с. 89). Между тем засвидетельствована форма вин. п. (совпадающая с формой им. п.), которая звучит иначе: Батыеви же, вземшю *Козлескъ* (ЛИ ок. 1425, л. 264 (1237). Здесь также речь идет о разных видах основы: в им. п. *Kozlesk* < *Kozьlьskъ*, в род. п. *Kozel'ska* < *Kozьlьska*.

2. В ряде случаев автор не смог на основе засвидетельствованных форм реконструировать форму им. п. и род топонима. Так, в состав древнерусских названий городов Нерознак включил топоним *Желань* (*Желянь*) (с. 72), сделав тем самым двойную ошибку. Во-первых, засвидетельствованная форма вин. п., которую приводит автор, несомненно показывает, что речь идет о существительном женского рода, форма им. п. которого *Želańa* (*Žel'ańa*): Стополкъ же выииде на *Желаню* (ЛЛ 1377, л. 73 об. (1093). Во-вторых, контекст показывает, что речь идёт не о названии города, а скорее всего о названии реки: сътвориша миръ на *Желяни* (Надп 1104); и пришедъ ста на *Желяни* (ЛЛ 1377, л. 104 (1146); Торци же постигоша возы ихъ. на *Желяни* (ЛИ ок. 1425, л. 185 (1162); настигоша Берендичи. Володимира на *Желяни.* у Дорогобужа (Там же, л. 190 об. (1169).

3. Автор не всегда смог отграничить притяжательные прилагательные с суф. *-evъ* (в субстантивной функции) от существительных с формой в дат. п. на *-evi*. На основе цитаты: и к *Выреви* бяху пришли (ЛЛ 1377, л. 82 об. (1096) Нерознак делает вывод: «Название отмечено первоначально. . . в форме *Вырезъ* (с. 52), хотя на самом деле здесь представлен топоним *Vyŕь*, оканчивающийся в дат. п. на *-evi*. И, наоборот, на основе цитаты: идеть мимо Мунаревъ к *Володареву* (ЛИ ок. 1425, л. 145 (1150) автор ошибочно восстанавливает топоним *Володарь* (с. 44), в то время как тут зафиксирован топоним *Volodaŕevъ*, оканчивающийся в дат. п. на *-u*.

4. Автор не разобрался в формальных изменениях, которым подвергались собственные названия в различных списках древнерусских летописей и для одного и того же топонима дает три разных объяснения: «В основе топонима *Воинъ* лежит др.-русск. *воинъ*. . . Название др.-русск. города *Воино* образовано с помощью топоформанта *-но* от основы *вои*(*н*)-. . . Вариант названия, *Воинь*, следует рассматривать как притяжательное прилагательное

на *-jь*» (с. 42—43). Первоначальная форма топонима — *Vojiňь*, это притяжательное прилагательное на *-jь* от личного имени *Vojinъ*: идоша веснѣ на Половцѣ. . . и дошедше *Воиня* и воротишася (ЛЛ 1377, л. 95 об. (1110); в результате депалатализации конечного согласного основы получилась форма с *н*: приде Романъ с Половци къ *Воину* (Там же, л. 68 об. (1079). Пример: иде Всеволодъ на Торкы. зимѣ *воиною* [вариант Х. П.: къ *воиню*] и побѣди Торкы (ЛИ ок. 1425, л. 60 об. (1054) не подтверждает «вариант топонима» *Воино*, как то ошибочно считает Нерознак, а является очевидным случаем, когда переписчик не понял древнерусский текст, в котором был приведен топоним, и переосмыслил его по-своему, как синтагму *идти войною* (как *идти ратью*), — вместо топонима употреблено нарицательное существительное *война*.

5. Словообразовательные проблемы древнерусской топонимии чужды автору. Относительный суффикс *-ьskъ* чаще всего дается неправильно, в различных вариантах: *-(е)скъ* (с. 19), *-ескъ* (с. 25), *-скъ* (с. 30), *-jь(е)скъ* (с. 139), *-j(е)скъ* (с. 140). Автор не отличает посессивный суффикс *-jь* от относительно-притяжательного *-ьjь* и пишет, что *Лукомье* — «форма, предшествующая названию *Лукомль* < *Лукомjь*» (с. 104) и что «название *Гомии* образовано в результате перехода *-ьjь* > *-ль*: *Гомий* > *Гомель*, ср. *Ярославъjь* > *Ярославль*» (с. 61). Нерознак объединяет именной суффикс и суффикс прилагательного и говорит о «суф. притяжательности *-ечь* (*-ичь*)» (с. 180), допускает контаминацию при объяснении топонима *Житомиръ*, считая, что он образован с помощью суф. *-jь* от имени **Житомъ* в значении 'город Житома' (с. 73). Автор пользуется термином «топооснова» и объясняет форму *Оргощь* как «топоним с частотной на восточнославянской территории топоосновой *-гощ*, *-гость*» (с. 129), не догадываясь, что топонимы со вторым компонентом *-goščь* на самом деле — посессивные производные на *-jь* от личных имен на *-gostь*. В ойкониме *Волковыескъ* автор видит «топооснову *-выйскъ*, происхождение которой неясно» (с. 44), однако приведенная «топооснова» имеет два четко различимых словообразовательных элемента: основу *vyj-* — (современный глагол *выть*, *вою*) и суф. *-ьskъ*. Следовательно, ойконим *Vъlkovyjьskъ* образован с помощью суф.*-ьskъ* от некоего другого топонима **Vъlkovyja*, первоначальная мотивация которого вполне ясна: место, где завывают волки. Данная словообразовательная основа засвидетельствована во второй половине XV в. в названии села: *у Волковыяхъ* [3]. К данному словообразовательному типу принадлежит и ойконим *Черторыескъ*, производный от гидронима *Черторыя* (с. 187, автор неоправданно оспаривает мнение О. Н. Трубачева, согласно которому первый компонент гидронима связан с сущ. *черт*).

6. Многие этимологии, которые предлагает Нерознак, неприемлемы по словообразовательно-семантическим причинам. Так, топоним *Лучинъ* (городъ) не является производным с посессивным суффиксом *-инъ* от географического термина *лука* 'изгиб реки, излучина' (с. 105), так как с помощью посессивных суффиксов от географических терминов прилагательные не образовывались. Этот ойконим — результат субстантивации посессивного прилагательного на *-инъ* от личного имени *Лука*. Топоним *Кучково* — производное не от личного имени *Кучка* и не от патронима *Кучковичи* (с. 115), а от личного имени *Кучко*. Топоним *Глуховъ* не «посессивное образование на *-овъ* от др.-русск. *глухыи*» (с. 59), а производное от личного имени (прозвища) *Глухъ*. Топоним *Гуричевъ* автор объясняет так: «Название образовано от варианта др.-русск. имени *Гюргевъ*, *Гюргии*, от которого через промежуточный патронимикон *Гюргичъ* развилась форма *Гюргичевъ* с позднейшим развитием в *Гюричевъ* и позднее *Гуричевъ*» (с. 65). Это толкование нельзя принять, во-первых, потому что притяжательное прилагательное от личного имени *Гюрги*, *Гюргии* в древнерусском было *Гюргевъ*, а патроним — *Гюргевичь* (производное от основы прилагательного на *-евъ*), и, во-вторых, потому что от патронимов на *-ičь* в древнерусском языке образовывались притяжательные прилагательные, форма мужского рода которых была омонимична форме патронима, с помощью же суф. *-evъ* притяжательные прилагательные от патронимов на *-ičь* не образовывались[4]. Вопреки двум лингвистическим концепциям относительно происхождения топонима *Киевъ*, которые в последнее время выдвинуты Трубачевым и Роспондом, Нерознак предлагает гибридную ин-

терпретацию, которая лингвистически неубедительна: «Название города *Киевъ*, по всей вероятности, происходит от топоосновы *Кūj-*, обладавшей семантикой физико-географического термина, и посессивного суф. *-евъ*» (с. 86). Посессивный суффикс *-evъ* не использовался при образовании прилагательных от существительных, обозначавших географические термины. В соответствии с этим или ойконим был образован от личного имени или входящий в его состав *-evъ* не является по происхождению посессивным суффиксом.

7. Некоторые этимологии, которые предлагает Нерознак, неприемлемы по фонетическим причинам, например та, согласно которой название *Девягорск* могло произойти от топонимической синтагмы *Девья гора*, а первая часть этого топонима, — вероятно, от древнерусского *дѣва* (с. 66). Нет никаких серьезных препятствий к тому, чтобы принять реконструкцию *Devätьgorьskъ* 'город на девяти горах' с фонетическими изменениями после падения редуцированных *tьg* > *tg* > *dg* > *g*, тем более что топоним впервые засвидетельствован в летописи XV в.: иде *Девягорьску* (ЛИ ок. 1425, л. 126 (1147); приде. . . *Девягорьску* (Там же).

8. Некоторые этимологии не выдерживают ни словообразовательной, ни фонетической проверки. Нерознак вслед за Роспондом толкует ойконим *Kъsńatińь* (приводя его в форме *Къснятинъ*) как посессивное производное на *-инъ* от древнерусского уменьшительного *Коснята*. Это объяснение нельзя принять, потому что в древнерусских памятниках нигде не засвидетельствовано личное имя **Kъsńata*, *Kosńata*, и, во-вторых, форму с палатальной основой *Kъsńatińь* трудно объяснить вторичной палатализацией *n*, так как посессивный суффикс *-inъ* был в живом употреблении в течение всего периода существования древнерусского языка и позднее, вплоть до наших дней. В качестве доказательства существования посессива от деминутива *Коснята* Нерознак использует отрывок из записи, сделанной на бересте: «*къснятина* грамата» (с. 100—101), который он цитирует неточно. В действительности же здесь засвидетельствовано посессивное прилагательное на *-jь* от личного имени *Kъsńatinъ* : *Къснятиня* грамата (ГрБ 1/2 XIII, № 397), а сам топоним *Kъsńatińь* — это субстантивированное посессивное прилагательное на *-jь* от личного имени *Kъsńatinъ*, которое было широко распространено в древнерусском языке.

9. Некоторые ойконимы автор приводит в связи с апеллативной лексикой, хотя их этимологическое сближение противоречит элементарной логике словообразовательно-семантического анализа. Так, топоним *Спашь* он объясняет как производное с посессивным суффиксом *-jь* от апеллатива **спашъ*, ссылаясь на диалектное *спаш* 'потрава, порча скотом' (с. 161). Согласно нашему толкованию, этот топоним является посессивным производным на *-jь* от существительного *sъpasъ*, первоначально обозначавшего монастырь, откуда и происходит название селения. Топоним *Шеполь* Нерознак приводит в связи с топонимами *Шепля*, *Шпола*, *Шполка* (с. 189). Однако нет никаких серьезных препятствий к тому, чтобы принять реконструкцию *Šestьpol'ь* 'город, который имеет шесть полей' с фонетическими изменениями после падения редуцированных: *Šestьpol'ь* > *Šestpol'* > *Šepol'*, тем более что данный топоним засвидетельствован в летописи во второй половине XIV в.: то вдам ти которой ти городъ любъ. любо Всеволожь. любо *Шеполь*. любо Перемиль (ЛЛ 1377, л. 89 об. (1097)).

10. Для некоторых топонимов, получивших благодаря предшествующим исследователям вполне удовлетворительную словообразовательно-семантическую реконструцию, Нерознак тем не менее дает свое собственное толкование, которое часто граничит с народной этимологией. Так Роспонд предложил убедительную этимологию топонима *Чернобыль* как посессивного названия с суф. *-jь*, вторая часть которого *-byl* связывается им с чешскими именами *Radobyl*, *Drahobyl* [5]. Нерознак не считает нужным привести это объяснение, связывая данный топоним со словом *чернобыль* 'один из видов полыни' (с. 187). Автор не объясняет, каким образом название одного из видов травы стало употребляться в качестве названия города. Согласно Нерознаку не оправдана «коньектура С. Роспонда *Красьнъ* вм. *Краснъ*», потому что «все летописные варианты указывают на топооснову *Краснъ*» (с. 97—98). Однако все эти летописные свидетельства относятся ко времени после падения редуцированных.

Примечания

[1] Подробные замечания и наше объяснение словообразовательной структуры древнерусских топонимов даются в наших работах: О једном тумачењу староруских назива градова. — Onomastica jugoslavica, knj. 12. Zagreb (в печати); Прилози творбено-семантичкој реконструкцији староруских топонима. — Ономатолошки прилози. Београд, књ. 6, 1986, 21—59.

[2] Древнерусский топонимический материал взят нами из Картотеки СДР XI—XIV вв. Примеры приведены в упрощенной графике. Сведения об источниках и их сокращениях см.: Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Введение, инструкции, список источников, пробные статьи. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1966, 90—169.

[3] Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Київ, 1977, 1, 189.

[4] См.: *Мароевич Р.* Праславянские adiectiva possessiva типа *Tvorimiřičь* (от патронимов типа *Tvorimiřičь*), их судьба и следы в славянских языках. — В кн.: Резюме докладов и письменных сообщений. IX международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. М., 1983, 104—105 (на сербохорватском яз. см.: ЈФ 1982, књ. XXXVIII, 89—109).

[5] *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. Пер. В. Н. Нерознак. — В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, 65.

Р. Мароевич

Авторизованный перевод с сербохорватского И. П. Петлевой

Примечание от редакции: см. другие рецензии на книгу В. П. Нерознака «Названия древнерусских городов»:

1. *Мартынов В. В.* В. П. Нерознак. Названия древнерусских городов. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1984, № 2.
2. *Мурзаев Э. М.* Древнерусская топонимия городов. — Изв. АН СССР. Сер. географ., 1984, № 3, 133—136.
3. *Улуханов И. С.* Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. — РЯШ, 1984, № 4, 113—116.
4. *Поспелов Е. М.* Имена городов русских. — География в школе, 1984, № 5, 79—80.
5. *Белоконь И.* Города говорят. — Москва, 1985, № 3, 197—198.

М. А. Хабичев. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982.

Северный Кавказ издавна является местом обитания многочисленных племен, говорящих на разных языках. Естественно, номенклатура топонимических названий этого региона является чрезвычайно пестрой.

М. А. Хабичев собрал необходимый материал и в рецензируемой книге сделал попытку исследовать вопросы гидронимики тюркского происхождения. Однако, к сожалению, автор отступил от требований научной методологии и допустил ряд досадных ошибок. Не имея четкого представления о времени миграции тюркоязычных племен, их роли и контактах с другими народами Северного Кавказа, М. А. Хабичев стремился все и вся объяснить из тюркских языков.

Автор начинает свою книгу с того, что объявляет . . . тюрками и те народы, которые обитали здесь задолго до прихода тюркоязычных племен. Например, М. А. Хабичев утверждает, что этноним *алан*, наряду с *таулу*, является самоназванием балкарцев и карачаевцев (с. 9). Впрочем, эту мысль он настойчиво внушает своим читателям уже в течение многих лет. В одной работе автор недоумевает, что «ни один из исследователей не задумался над тем, почему карачаевцы и балкарцы называли и называют себя этнонимом *алан*» [1].

Заметим, что автор напрасно недоумевает. Слово *алан* в карачаевском и балкарском является не самоназванием, а формой обращения: *алан*! 'друг!' В приведенном примере мы должны видеть отражение характера взаимоотношений между аланами и тюркоязычными племенами Северного Кавказа.

Здесь уместно напомнить общеизвестный факт: в этногенезе балкарцев и карачаевцев большое участие приняли ираноязычные аланы.

Не вижу особой надобности вступать в полемику (да и рамки рецензии ограничивают), однако позволю себе напомнить, что этноним алан, известный в европейской литературе с начала нашей эры как название одного из скифо-сарматских племен, предельно четко и убедительно разъяснен В. И. Абаевым из *āryana* (ср. авест. *airyana*, др.-инд. *ārya-*) 'иранец'; переход *r* в *l* перед *y* является устойчивой закономерностью в осетинском; ср. *бæллын* 'стремиться, мечтать', *мæлын* 'умирать' и т. п. (Абаев I, 47). Слово *алан* > *аллон* сохранилось в осетинском фольклорном выражении *аллон-биллоны смаг цæуы* 'пахнет аллон-биллоном' и указывает на племенную принадлежность героя; ср. «здесь русским духом пахнет» в русских сказках. Любопытно, что *аллон-биллон* встречается только в речи врагов героя.

Автор считает, что многие древние обитатели Восточной Европы были тюркоязычными. Сто́ит послушать самого автора книги: «Идею «воды», «реки» могли содержать и такие этнонимы, как кимери, куман (команг), къумукъ, кхуманды, сакъ, саха, сагъай, балкар, шор, татар, уйгур, савромат и т. д.» (с. 12). Понятно, что идею «воды», «реки» указанные этнонимы могли выражать на тюркских языках.

Показательно, что М. А. Хабичев не полемизирует с учеными, показавшими ираноязычность скифо-сарматских (аланских) племен. Он лишь обвиняет их в том, что они, оказывается, выдают «желаемое за действительное» (с. 13). Приведенная цитата свидетельствует о том, что М. А. Хабичев произвольно включает в один ряд названия, которые никакого отношения не имеют ни к тюркским языкам, ни к идее «воды», «реки». Например, предложено несколько этимологий названия *савромат*, но самой убедительной представляется разъяснение Ж. Дюмезиля: *Sauromatai* из *sau-* 'noir'+*roma* (ср. санскр. *roma* 'poil en général, fourrure', перс. *rum(a)* 'poil du pubis') и суф. мн. ч. *-tai* [2]. Значению названия племени *савромат* отвечает греч. *Melanchlaenoi*, т. е. 'черноризцы'. Указанную этимологию Ж. Дюмезиля (как и прочие) М. А. Хабичев даже не упоминает.

М. А. Хабичев счел нужным обратиться и к известным скифским именам *Таргитай*, *Табити*, *Папай*, *Апи* и др. И опять автор предлагает свои «разъяснения» этих имен, не упоминая существующих этимологий. Вот что говорится об имени *Папай*: «Зевс по-скифски назывался Папей (!). Ср. кбалк. собственное имя *Папай*, междометие страха *папай* (*пай-пай-пай*, *пай-папай*) 'о боже'. Ср. чув. *папай* 'дед'; о.-тюрк. *баба* 'дед', 'отец', 'предок'; рус. *папа* 'отец' и т. д.» (с. 14). Вот, оказывается, как следует решать вопросы скифской антропонимии!

Теория (не гипотеза!) ираноязычности скифо-сарматских (аланских) племен выросла на основе различных данных — археологических, языковых, фольклорных, историко-этнографических и прочих. Можно ли в этих условиях отмахнуться от научной теории только потому, что какое-то название или имя имеет сходство со словом или именем в каком-то языке? Конечно, нет.

Приведенные экскурсы в скифо-сарматскую ономастику с темой книги не увязываются. Но для чего, в таком случае, автор вторгается в область, далекую от его научных интересов? Видимо, для того, чтобы представить скифо-сарматские (аланские) племена как тюркоязычные народы.

Много спорного и в решении вопросов происхождения гидронимов Северного Кавказа. Нет никакой возможности останавливаться на всех спорных положениях в книге М. А. Хабичева, но одна из предлагаемых им этимологий заслуживает внимания, поскольку в концепции автора она занимает едва ли не главное место. Имеется в виду этимология слова *дан* // *дон*. М. А. Хабичев не возражает против сопоставления современного осетинского *дон* 'река; вода' с более ранним *дāн-*. «Мы не отрицаем возможность этих сопоставлений, — пишет М. А. Хабичев. — Но отсутствие в других индоевропейских языках *дан*, *дон* с семантикой 'вода', 'река' и обилие вариантов этих слов в урало-алтайских языках с значением 'река', 'речка', 'озеро', 'море', 'океан', безусловно связывает *тан*, *дан* с последними» (с. 40). Но как можно говорить об отсутствии данного древнего слова в других индоевропейских языках, когда оно именно присутствует чуть ли не во всех группах этой семьи язы-

ков? Упомянутый выше аргумент оказался достаточным основанием, чтобы объявить *дан // дон*, а заодно и все гидронимические названия с этим элементом, исконно тюркским наследием.

Одна ошибка порождает другую. Позволю себе привести пространный отрывок из книги М. А. Хабичева, который характеризует исследовательский почерк автора. Рассматривая происхождение названия реки *Урштан*, которое получило, кажется, убедительное объяснение из иранского (аланского) **Орсдан* 'Белая река' (автор эту этимологию считает «маловероятной»), М. А. Хабичев пишет: «Развитие и становление гетерогенного потамонима *Урштан* следующее: первоначально река была названа *ур* 'вода', затем местность была заселена родственным первому племенем, в языке которого вода называлась *ус*. Вследствие этого *ур* превратилось в собственное название реки *Ур ус* 'река Ур'. Позже, но еще в древности, территорией владеет племя, которое реку именовало *тан*. Нарицательное слово *ус* исчезает, а в потамониме сливается с *Ур*. Реку стали именовать *Уруш тан* 'река Уруш'. По истечении длительного времени выветривается значение *тан*, оно сливается с *Уруш*, а вместо него используется синонимическое слово *суу* 'вода; река'. Так создается *Урштан суу* 'река Урштан'» (с. 68—69). Если приведенное высказывание М. А. Хабичева перевести на обычный язык, то получается более чем странное название реки: 'Вода-вода-вода-вода'. При этом нет ни одной ссылки на исторический или иной материал, который бы хоть в малейшей степени оправдывал предлагаемое «разъяснение».

Но почему М. А. Хабичев считает иранскую этимологию *Урштан* < **Орсдан* 'Белая река' «маловероятной»? Известно, во-первых, что до прихода сюда тюркоязычных племен в этих местах обитали ираноязычные скифо-сарматские (аланские) племена в течение почти двух тысячелетий. Мы знаем также, что слово *дан // дон* 'река; вода' является яркой восточноиранской формой, хорошо известной с незапамятных времен [3].

К сожалению, М. А. Хабичев старается вообще не учитывать известные исторически засвидетельствованные формы языков народов, которые обитали на территории нынешних Карачая и Балкарии. Этим и объясняются ошибки автора книги в освещении сложных (а иногда и простых) вопросов ономастики.

Отступление от требований научной объективности и привнесение локальнопатриотических акцентов в науку не находят оправдания и вызывают чувство досады.

Т. А. Гуриев

Примечания

[1] *Хабичев М. А.* О рунах и тамгах. — Филологические этюды. Языкознание. Изд. Ростовского университета, 1972, 132.
[2] *Dumézil G.* Romans de Scythie et d'alentour. P., 1978, 7.
[3] Ср.: *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, 733—734.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958—1979—. Т. I—III—.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.

Анненков — *Анненков Н. И.* Ботанический словарь, или собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. Изд. 2. М., 1878.

БД — Българска диалектология. С., 1962—1981—. Кн. I—X—.

БЕР — Български етимологичен речник / Съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. С., 1962—1986—. Св. I—XXVIII—.

Бірыла — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.

БРС — Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.

БТР — *Андрейчин Л.*, *Георгиев Л.*, *Илчев Ст.* и др. Български тълковен речник. С., 1955.

Варшавский словарь — *Karłowicz I.*, *Kryński A.*, *Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa etc., 1904—1927 (1952—1953). T. I—VIII.

Вологод. словарь — Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1983—. А—Г—.

Геров — *Геровъ Н.* Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. Пловдивъ, 1895—1904 (С., 1975—1978), ч. I—V; Пловдивъ, 1908 (С., 1978), ч. VI (=*Панчевъ Т.* Допълнение на блъгарские рѣчникъ от Н. Геровъ).

Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1907—1909. Т. I—IV.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1875. Т. 1—12.

Даль[2] — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880—1882 (1955). Т. I—IV.

Даль[3] — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903—1909. Т. I—IV.

Дзендзелівский. Атлас — *Дзендзелівський Й. О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика). Ужгород, 1958—1960. Ч. I—II (=Ужгородський держ. університет. Наукові записки, т. XXXIV—XLII).

Добровольский — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Доп. к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1868.

Егоров — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О. С. Мельничук (головн. ред.), І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко. Київ, 1982—1985—. Т. 1—2—.

Иркут. словарь — Иркутский областной словарь / Ред.-сост. Н. А. Бобряков. Иркутск, 1973—1979. Вып. I—III.

Історія укр. мови — *Винник В. О.*, *Горобець В. Й.*, *Карпова В. Л.* и др. Історія української мови: Лексика і фразеологія. Київ, 1983.

Калининск. словарь — *Кириллова Т. В.*, *Бондарчук Н. С.*, *Куликова В. П.*, *Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.

Караџић — *Караџић Вук Стеф.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.

Картотека ДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (ИРЯ АН СССР, М.).
Картотека СДР — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (ИРЯ АН СССР, М.).
Конески — *Конески Б.* Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1961, 1965, 1966. Кн. I—III.
Куликовский — *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лисенко — *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ., 1974.
Матеріали до словн. буковин. говірок — Матеріали до словника буковинських говірок. Чернівці, 1971—1979—. Вып. 1—6—.
Младенов — *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. С., 1941.
Мордов. словарь — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР / Сост. Э. С. Большакова, Н. П. Кудряшова, Т. В. Михалева и др. Саранск, 1978 (А—Г); 1980 (Д—И); 1982 (К—Л).
Никончук — *Никончук М. В.* Матеріали до Лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979.
Новосиб. словарь — Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Полесск. этно-лингв. сб. — Полесский этно-лингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983.
Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. Т. I—II. Окончание в кн.: Труды ИРЯ, М., 1949. Т. I.
Приамур. словарь — Словарь русских говоров Приамурья / Сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. М., 1983.
Псков. словарь — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глускина и др. Л., 1967—1984—. Вып. 1—6—.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. 1—15. М., 1962—1965.
Радлов — *Радлов В. О.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1883—1911. Т. I—IV.
Скарына — Слоўнік мовы Скарыны / Сост. В. В. Аниченко. Мінск, 1977—1984. Т. 1—2.
Слоўн. паўночн.-заход Беларусі — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пограніччa. Мінск, 1979—1986. Т. 1—5.
Словн. ст.-укр. мови — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. / Редколлегія: Д. Г. Гринчишин, Л. Л. Гумецька, І. М. Керницький. Київ, 1977—1978. Т. I—II.
Словн. укр. мови — Словник української мови. Київ, 1970—1978—. Т. I—IX—.
СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред.: С. Г. Бархударов (вып. 1—6), Ф. П. Филин (вып. 7—10), Д. Н. Шмелев (вып. 11). М., 1975—1986—. Вып. 1—11—.
СлРЯ XVIII в. — *Алексеев А. А., Биржакова Е. Э., Войнова Л. А.* и др. Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1984—1985—. Вып. 1—2—.
Сл. Сред. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1984—. Т. I—V—.
Соликам. словарь — *Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1903. Т. I—III.
Сцяшковіч. Слоўн. — *Сцяшковіч Т. Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці Мінск, 1983.
Топоров. Прус. яз. — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. М., 1975, А—Д; 1979, Е—Н, 1980, J—К; 1984, К—L.
Тупиков — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Тураўскі слоўнік — *Крывіцкі А. А., Цыхун Г. А., Яшкін І. Я.* Мінск, 1982—1985—. Т. 1—4—.
Укр.-рос. словник — Українсько-російський словник / Головн. ред. І. М. Кириченко. Київ, 1953—1963. Т. 1—6.
Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973. Т. I—IV.
Филин — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Л., 1966—1985—. Вып. 1—20—.
ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1978—1985—. Т. 1—3—.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1984—1986—. Вып. 1—12—.
Ярослав. словарь — Ярославский областной словарь / Ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981, 1982. Аа — бобинка, Бобовка — вертушок.
Яшкін — *Яшкін І. Я.* Беларускія геаграфічныя назвы: Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.

Bartoš — *Bartoš Fr.* Dialektologický slovník moravský (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6). Pr., 1906.
Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, A — morъ.
Bezlaj — *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976—1982—. Kn. I—II—.
Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kr., 1927 (1970).
Chantraine — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. P., 1968. T. 1—2.
Ernout—Meillet[3] — *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3 éd. P., 1951. T. I—II.
Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955—1965.
Frisk — *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954—1972. B. I—III.
Gebauer — *Gebauer J.* Slovník staročeský. Pr., 1903—1916. D. I—II.
Holub—Kopečný — *Holub. J., Kopečný F.* Etimologický slovník jazyka českého. Pr., 1952.
Hraste—Šimunović — Čakavisch-deutsches Lexikon. Von. M. Hraste und P. Šimunović/ Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. Köln; Wien, 1979. Teil 1—2.
Iveković—Broz — *Iveković F., Broz I.* Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901. Sv. I—II.
Jakubaš — *Jakubaš F.* Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
Jungmann — *Jungmann J.* Slowník česko-německý. Pr., 1835—1839. D. I—V.
Kálal — *Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.
Kluge—Götze — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / 15 neubearb. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951.
Kott — *Kott F. Št.* Česko-německý slovník. Pr., 1878—1893. D. I—VIII.
Machek[2] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Pr., 1968 (1971).
Mayrhofer — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches. Heidelberg, 1953—1980—. L. 1—31—.
Meyer — *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanischen Sprache. Straßburg, 1891.
Meyer-Lübke[3] — *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, 1935.
Miklosich — *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Muka — *Muka E.* Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. M., 1921. I; Pr., 1928. II.

Onions — The Oxford dictionary of English etymology / Ed. by C. T. Onions. With the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. Oxford, 1966.
Pfuhl — *Pfuhl Dr*. Łužiski-serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik — *Pleteršnik M*. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894—1895 (1974). Kn. I—II.
Pokorny — *Pokorny J*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959. B. I—II.
Ripka — *Ripka J*. Vecný slovník dolnotrenčianskych nárečí. Br., 1981.
Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. — *Sadnik L*., *Aitzetmüller. R*. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963—1973. Lief. 1—6—.
Schuster-Šewc — *Schuster-Šewc H*. Historisch etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1978—1982. H. 1—10—.
Skok — *Skok P*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971—1974. Kn. I—IV.
Sławski — *Sławski F*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kr., 1953—1982—. T. I—V—.
Slovník jaz. stsl. — Slovník jazyka staroslověnského. Pr., 1958—1982—. Sešit 1—35—.
Słownik prasłowiański — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974—1980—. T. I—IV—.
Sł. stpol. — Słownik staropolski. W-wa., 1953—1980—. T. 1—8.
SSJ — Slovník slovenského jazyka / Ved. red. dr. Št. Peciar. Br., 1959—1968. D. I—VI.
Sychta. Słown. kociewskie — *Sychta B*. Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. Wr. etc., 1980—1982—. T. I—II—.
Sychta — *Sychta B*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wr. etc., 1967—1976—. T. I—VII—.
Trautmann — Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Walde—Hofmann — *Walde A*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. / 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938.

Веснік БДУ	— Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка.
ВЯ	— Вопросы языкознания
Изв. ОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ЈФ	— Јужнословенски филолог
РФВ	— Русский Филологический Вестник
ЭО	— Этнографическое обозрение
FUF	— Finnisch-ugrische Forschungen
IF	— Indogermanische Forschungen
KZ	— Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LF	— Listy filologické
SOc	— Slavia Occidentalis
ZfslPh	— Zeitschrift für slavische Philologie.

Языки и диалекты

авар.	аварский	алт.	алтайский
авест.	авестийский	англ.	английский
агул.	агульский	англо-сакс.	англосаксонский
азерб.	азербайджанский	андийск.	андийский
айн.	айнский	араб.	арабский
аккад.	аккадский	ар.	аринский
алб.	албанский	арм.	армянский

арханг.	архангельский
арх.-мез.	архангельско-мезенский
асс.	ассанский
атин.	атинский
ахвах.	ахвахский
багв.	багвалинский
балт.	балтийский
баргузин.	баргузинский
бацб.	бацбийский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
брет.	бретонский
бурят.	бурятский
валл.	валлийский
в.-бал.	верхнебальский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
вепс.	вепсский
верхоян.	верхоянский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
врач.	врачанский
вят.	вятский
гег.	гегский
герм.	германский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
гурийск.	гурийский
дак.	дакийский
даргин.	даргинский
джавах.	джавахский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-евр.	древнееврейский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-лит.	древнелитовский
др.-прус.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-фрейбург.	древнефрейбургский
др.-швед.	древнешведский
забайкал.	забайкальский
занск.	занский
зап.-герм.	западногерманский
и.-е.	индоевропейский
иллир.	иллирийский
имб.	имбатский
имерет.	имеретинский
иран.	иранский
иркут.	иркутский
ирл.	ирландский
итал.	итальянский
ительм.	ительменский
калм.	калмыцкий
калуж.	калужский
камас.	камасинский
камч.	камчатский
кбалк.	кабардино-балкарский
карел.	карельский
кашуб.	кашубский
кашуб.-словин.	кашубско-словинский
кетск.	кетский
койб.	койбальский
колым.	колымский
коми-зыр.	коми-зырянский
корс.	корсиканский
коряк.	корякский
костр.	костромской
кот.	коттский
кочев.	кочевский
крыз.	крызский
крым.-тат.	крымско-татарский
кур.	курейский
лазск.	лазский
лакск.	лакский
лат.	латинский
лезг.	лезгинский
лемк.	лемковский
ленингр.	ленинградский
ливск.	ливский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
макед.	македонский
мальфетт.	мальфеттский
ман.	мансийский
мар.	марийский
мегр.	мегрельский
месх.	месхский
мокш.	мокшанский
молд.	молдавский
монг.	монгольский
морав.	моравский
моск.	московский
мотор.	моторский
мохев.	мохевский
мтиул.	мтиульский
нан.	нанайский
нган.	нганасанский
ненец.	ненецкий
н.-греч.	новогреческий
негидал.	негидальский
нем.	немецкий
нивх.	нивхский
нижегор.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
нов.-в.-нем.	нововерхненемецкий
новгор.	новгородский
новосиб.	новосибирский
норв.	норвежский
обдор.	обдорский
окриб.	окрибский
олон.	олонецкий
омолон.	омолонский
ороч.	орочский
оск.	оскский

ост.	остяцкий
осташ.	осташковский
о.-тюрк.	общетюркский
пал.	палайский
парф.	парфянский
перм.	пермский
пермяц.	пермяцкий
перс.	персидский
печор.	печорский
п.-монг.	прамонгольский
полаб.	полабский
полесск.	полесский
польск.	польский
праалб.	праалбанский
праслав.	праславянский
прачук.	прачукотский
прованс.	провансальский
псков.	псковский
пумп.	пумпокольский
рум.	румынский
рус.	русский
рутул.	рутульский
саам.	саамский
санскр.	санскритский
сван.	сванский
селькуп.	селькупский
сиб.	сибирский
сицил.	сицилийский
скиф.	скифский
слав.	славянский
словац.	словацкий
словен.	словенский
смол.	смоленский
ср.-греч.	среднегреческий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-перс.	среднеперсидский
ст.-блр.	старобелорусский
ст.-польск.	старопольский
ст.-прован.	старопровансальский
ст.-рус.	старорусский
ст.-слав.	старославянский
ст.-франц.	старофранцузский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
сым.	сымский
табас.	табасаранский
тарент.	тарентинский
твер.	тверской
тиан.	тианецкий
тинд.	тиндинский
тоск.	тосканский
тох.	тохарский
тульск.	тульский
тунг.	тунгусский
тур.	турецкий
туров.	туровский
тюрк.	тюркский
угор.	угорский
удм.	удмуртский
удэгейск.	удэгейский
удэйск.	удэйский
удин.	удинский
укр.	украинский
ульч.	ульчский
ульян.	ульяновский
урал.	уральский
фин.	финский
франц.	французский
хант.	хантыйский
хатт.	хаттский
хевсур.	хевсурский
хетт.	хеттский
хиналуг.	хиналугский
хорв.	хорватский
хурр.	хурритский
цахур.	цахурский
ц.-слав.	церковнославянский
чакав.	чакавский
череп.	череповецкий
черкас.	черкасский
чечен.	чеченский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
чук.	чукотский
швед.	шведский
эвен.	эвенкский
эвенк.	эвенкийский
эед.	эедтшешский
энец.	энецкий
эрз.	эрзянский
эст.	эстонский
ю.-слав.	южнославянский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Научное издание

Этимология
1985

СБОРНИК СТАТЕЙ

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художественный редактор *И. Бочаров*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*

ИБ № 37911

Сдано в набор 5.01.88.
Подписано к печати 30.11.88.
Формат 60×90 1/16
Бумага кн.-журнальная. Импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 12,5. Усл. кр. отт. 12,75. Уч.-изд. л. 15,1
Тираж 1950 экз. Тип. зак. 2359
Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12